М-14

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXVII
Полка 11
№ 13

БМ P.5a.5.т.2

М-14 БМ P.5a.5

БИБЛИОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

258
902

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ

ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

ВЪ 1868—1870 ГОДАХЪ

БАРОНА **ГЕРГАРДА МАЙДЕЛЯ.**

ТОМЪ ВТОРОЙ

СЪ АТЛАСОМЪ, СОДЕРЖАЩИМЪ 4 КАРТЫ И СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ РѢКЪ.

4430

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПО ПОРУЧЕНІЮ АКАДЕМІИ НАУКЪ

В. Л. Біанки,

СТАРШІЙ ЗООЛОГЪ ЗООЛОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ.

Представлено въ засѣданіи Физико-Математическаго Отдѣленія 27-го марта 1891 г.

Лен. I ос. т
НАУЧНАЯ
им. Горьк

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и **К. Л. Риккера** въ С.-Петербургѣ,
П. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ,
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, **М. В. Клюкина** въ Москвѣ,
Н. Киммеля въ Ригѣ, **Фоссъ (Г. Гэссель)** въ Лейпцигѣ.

Цѣна съ атласомъ: 5 руб. 40 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1896.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин. № 12.

Настоящія двѣ статьи составляютъ томъ второй вышедшаго въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ" за 1894 годъ (т. LXXIV) „Путешествія по сѣверо-восточной части Якутской Области въ 1868—1870 гг." барона **Гергарда Майделя.**

Въ видѣ приложеній къ этому тому слѣдуютъ:

1) Систематическій списокъ рѣкъ Якутской области. (См. стр. 135—137).

2) Общая карта Якутской области на двухъ листахъ.

3) Карта астрономическихъ пунктовъ.

4) Карта тарыновъ по рѣкамъ Кыра и Ньехаранъ и

5) Сравненіе маршрутовъ топографа Аѳонасьева и И. Д. Черскаго.

Изъ нѣмецкаго оригинала пропущена глава II. Der Eisboden. и III глав. Geschichtliche Nachrichten über das Jakutskische Gebiet.

Содержаніе.

I. О тарынахъ Якутской области . . . . . Стр. 1—30.

Тарынъ и происхожденіе этого названія стр. 3. — Тарынъ не есть глетчеръ въ зародышѣ, какъ полагаетъ Миддендорфъ, и выясненіе различій между ними стр. 3—4. — Дитмаръ и Миддендорфъ — первые изслѣдователи тарыновъ стр. 4. — Миддендорфъ отождествляетъ тарыны съ наледями южныхъ странъ и опроверженіе этого взгляда стр. 4—6. — Время появленія (конецъ зимы) и участіе воды самой рѣки, какъ отличительные признаки наледей южныхъ странъ отъ тарыновъ стр. 6. — Ангара, какъ исключеніе изъ южно-сибирскихъ рѣкъ въ отношеніи времени вспучиванія и образованія наледей стр. 6—7. — Наледи Лены, образуемыя въ началѣ зимы и со стороны берега стр. 7—8. — Наледи южно-сибирскихъ рѣкъ, появляющіяся къ концу зимы и образуемыя водою самой рѣки стр. 8—9. — Малый Анюй и Догдо прямо доказываютъ безучастіе воды самой рѣки въ образованіи наледей стр. 9—11. — Опроверженіе мнѣнія Дитмара и Миддендорфа, что тарынъ можетъ образоваться исключительно на рѣкѣ, примѣрами тарыновъ вдали отъ водоемовъ стр. 11—12. — Большой тарынъ Кыры и Ньехарана, троекратно посѣщенный авторомъ стр. 13—16. — Начало процесса образованія тарына вдали отъ водоема и открытіе возвышеній, проводящихъ подземную воду стр. 16—18. — Та же стадія процесса на рѣчномъ тарынѣ (Кыры) стр. 18—20. — Выводы изъ сравненія ихъ и описаніе всего процесса образованія тарына подъ вліяніемъ подземнаго тока воды стр. 20—22. — Тотъ же процессъ лежитъ въ основаніи образованія тарыновъ другихъ рѣкъ Якутской области и несущественное отличіе стр. 22—23. — Отложеніе мелкаго ила на льду тарына, какъ доказательство просачиванія подземной воды

стр. 23—24. — Тарынообразныя образованія въ Забайкальѣ стр. 24—25. — Образованіе тарыновъ можетъ быть объяснено исключительно существованіемъ вѣчно-мерзлой почвы стр. 25—26. — Критика взглядовъ Миддендорфа стр. 26—30.

II. Объяснительная записка къ картѣ Якутской области, составленной барономъ Г. Л. Майделемъ. Стр. 31—281.

Мотивировка изданія предлагаемой карты . . . . . Стр. 33—37.

Историческій обзоръ источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для составленія карты Якутской области . . . . Стр. 37—70.

Карта Познякова 1825 г. и имѣвшіеся въ его распоряженіи матеріалы стр. 37—40. — Карта Врангеля 1841 г. стр. 40. — Изслѣдованія Эрмана и Козмина 1828—29 гг. и ихъ карты 1829 и 1835 гг. стр. 40—41. — Сибирское путешествіе Миддендорфа, и его карта 1859 г.; ихъ значеніе вообще и по установкѣ границы между Россіей и Китаемъ въ частности стр. 41—43.

Экспедиція полковника главнаго штаба Ахте 1849—52 гг. для изслѣдованія Яблонаго хребта и матеріалы ею собранные стр. 43—46.

Маршруты членовъ ея: Крутикова 1850 г. стр. 44, Меглицкаго 1850 г. стр. 44, Крутикова 1851 г. стр. 45, Карликова, Аргунова и Шварца 1851 г. стр. 45, Аргунова 1852 г. стр. 45, Карликова 1852 г. стр. 45, Шварца 1852 г. стр. 46, Крутикова 1852 г. стр. 46. — Сводка матеріаловъ экспедиціи Ахте, сдѣланная Крутиковымъ стр. 46—47.

Экспедиція Русскаго Географическаго Общества 1855—58 гг. подъ начальствомъ Шварца стр. 48—51.

Маршруты: Рашкова 1856 г. стр. 48, Шварца 1857 г. стр. 48, Усольцева 1857 г. стр. 49, разспросныя карты Усольцева стр. 49—50 и Шварца стр. 50—51.

Экспедиція Маака 1853—1854 гг. и маршруты топографа ея Зондгагена, изданные только въ 1886 г. стр. 51—52.

Карта Восточной Сибири Иркутскаго Штаба въ изданіяхъ 1855 и 1861 гг. стр. 52—54.

Карта Шварца стр. 54.

Олекминско-Витимская экспедиція и ея труды стр. 54—58.

Карта Кропоткина и ея источники: маршруты Шарова стр. 56—57, Машинскаго 1866 г. стр. 57 и карта Маркелова стр. 57.

Матеріалы для сѣверной части (къ сѣверу отъ параллели Олекминска) Якутской области стр. 58—70.

Дневники автора стр. 58. Экспедиція Майделя въ Чукотскую Землю 1869—70 гг. и ея маршрутъ стр. 58—59. Маршруты Аоонасьева и Майделя стр. 59—62. Разспросныя свѣдѣнія, собранныя той же экспедиціей и авторомъ лично стр. 62—63.

Экспедиція Чекановскаго и Миллера 1874 г., карта рѣки Оленека и съемки Чекановскаго 1875 г. стр. 64. Экспедиція Юргенса и д-ра фонъ-Бунге въ дельту Лены 1882—84 гг.; экспедиція д-ра фонъ-Бунге и барона Толя на Яну и Ново-Сибирскіе о-ва 1884—86 гг. и путешествіе барона Толя и лейтенанта Шилейко съ Ново-Сибирскихъ о-вовъ черезъ Анабару на Хатангу 1893 г. стр. 64.

Экспедиція „Веги“ подъ начальствомъ Норденшельда, ея значеніе въ дѣлѣ познанія Якутской области и вопросъ о сказочной Землѣ Андреева стр. 64—70.

Поясненія къ картѣ Якутской области . . . . . Стр. 71—250.

Орографическій очеркъ Якутской области . . . . . Стр. 71—122.

Методы орографическаго изображенія на предлагаемой картѣ и на картѣ Генеральнаго Штаба и причина неудовлетворительности послѣдняго стр. 71—73. Сводка пунктовъ высотъ Восточной Сибири, сдѣланная княземъ Кропоткинымъ и критическая ея оцѣнка стр. 74—77.

Подъемы земной коры въ восточной (къ В. отъ Лены) части Якутской области стр. 77—116.

Яблоный и Становой хребты стр. 77—89.

Яблоный хребетъ и его характеръ стр. 77—78. Путаница въ названіяхъ Яблоный и Становой хребетъ и выясненіе ихъ номенклатуры стр. 78—80. Различіе ихъ орографическаго характера стр. 80—81. Отроги западной части Яблонаго хребта стр. 81—84. Страна террасъ къ сѣверу и сѣверо-западу отъ гребня Яблонаго и Становаго хребтовъ стр. 85—88. Юго-восточный склонъ Становаго хребта стр. 88—89. Условія рельефа юго-восточнаго склона у рѣки Охоты стр. 89.

Оймеконская плоская возвышенность стр. 89—99.

Путь вверхъ по долинѣ Охоты и свѣдѣнія объ области

истоковъ рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море и рѣку Колыму по отчету Чихачева и разспроснымъ даннымъ автора стр. 89—92. Характеръ рельефа къ С. и къ Ю отъ 61° с. ш. и водораздѣлъ между системами водъ Ледовитаго океана (Юдомой, сист. Лены) и Охотскаго моря (Кетандой, прит. Охоты) стр. 92—93. Склонъ Оймеконскаго нагорья по направленію къ Алдану и описаніе пути вверхъ по Хандыгѣ, сдѣланное Сарычевымъ стр. 93—95. Большое Оймеконское поле по разспроснымъ свѣдѣніямъ стр. 95—97. Дальнѣйшій путь къ Колымѣ и окрайный хребетъ нагорья стр. 97—98. Оймеконская плоская возвышенность и resumé всего, о ней извѣстнаго стр. 98—99.

Оймеконское плато какъ орографическій центръ страны и грядовые подъемы отъ него отходящіе стр. 99—109.

Къ юго-западу: Становой хребетъ и его продолженіе — Яблоный хребетъ стр. 99. — Къ ONO: Колымскій хребетъ и отроги его восточной окраины: хребты Шестаковскій, Ушканій съ Ычыгемскимъ и Русскій съ Налгимскимъ стр. 100. Парапольскій долъ — низина, отдѣляющая горный массивъ Камчатки отъ грядовыхъ подъемовъ Оймеконскаго нагорья стр. 100—101. Характеръ западной окраины Колымскаго хребта стр. 101. Горный узелъ на сѣверо-восточномъ концѣ Колымскаго хребта и его отроги: Анадырскій хребетъ и горная страна въ области двухъ Анюевъ стр. 101—102. — Горный комплексъ на западной окраинѣ Оймеконскаго плоскогорія и его разчлененіе: Кэхъ-тасъ, Тасъ-хаяхтахъ, Полоусный хребетъ, Сылги-ытаръ, Сохо-хая и Сылгыгытъ-таха стр. 102—104. Горная страна въ области истоковъ Адычи и вопросъ о западномъ окончаніи Оймеконскаго плато стр. 104—105. Сордогинскій хребетъ и его продолженіе, — хребты Верхоянскій, Орулганскій, Тарабыкинскій и Хара-улахскій и ихъ характеръ стр. 105—106. Историческая справка по поводу названія Тарабыкинскій хребетъ стр. 106—107. Сѣверо-восточные отроги Орулганскаго хребта: Куларскій, Куваласъ, Идомпутъ и Кыря (выпущенные на картѣ) стр. 107. Сравнительный обзоръ западныхъ отроговъ Оймеконскаго плато стр. 107—108. — Томусъ-хая и Алазейскій хребетъ стр. 108—109.

Изолированные подъемы восточной части Якутской области стр. 109—116.

Кыгеляхъ-тасъ и Ыгнахъ-хая стр. 109—110. — Подъемъ у мыса Святой Носъ стр. 110. Грядовой подъемъ вдоль праваго берега нижняго теченія Индигирки и Алазеи: Пелевой хребетъ и его отроги, — Чайдахскій хребетъ, Пунга-таха и Кигеляхъ-тасъ стр. 111—114. — Хребты въ области р. Анадыра и его притока Маина: Палъ-полъ и Чекаевскій стр. 114—115. — Горный массивъ къ В. отъ Чаунской губы стр. 116.

Орографическія условія западной (къ З. отъ Лены) части Якутской области стр. 116—122.

Обзоръ низменностей, равнинъ, плоскихъ возвышенностей и озерныхъ бассейновъ Якутской области . . . . Стр. 123—132.

Низменности побережья Ледовитаго океана стр. 123—124. Плоская возвышенность къ западу отъ Лены стр. 124—125. Страна между Орулганскимъ и Колымскимъ хребтами и сравнительный обзоръ двухъ частей ея, расположенныхъ къ западу и къ востоку отъ Тасъ-хаяхтаха и Кэхъ-таса стр. 125—127. Страна озеръ между Тасъ-хаяхтахомъ и Колымой стр. 227—130. Низменности вдоль нижняго теченія Вилюя стр. 130—131. Низменная терраса у мѣста сліянія Алдана съ Леною стр. 131. Равнины въ области Лены, Алдана и Вилюя стр. 131—132. Плоскогорія въ настоящемъ смыслѣ слова: Оймеконское плато и Кёскёмда стр. 123.

Недостатки предлагаемой карты относительно изображенія низменностей, равнинъ и плоскихъ возвышенностей стр. 132—133. Способъ изображенія очертаній морей и рѣкъ стр. 133—134. Нанесеніе астрономическихъ пунктовъ и маршрутовъ стр. 134—135. „Систематическій списокъ рѣкъ Якутской области“ какъ дополненіе къ картѣ и указанія къ пользованію имъ стр. 135—137. Транскрипція названій рѣкъ и фонетическія несогласія стр. 137—143. Разница въ очертаніи острововъ на предлагаемой картѣ и на картѣ Генеральнаго Штаба и ея причины стр. 143—148.

Обзоръ рѣчныхъ системъ Якутской области . . . . . Стр. 148—225.

Тунгузка стр. 149—151. — Хатанга стр. 151. — Анабара какъ оффиціальная граница между Якутской областью и Енисейской губерніей, ея населеніе, рыбное богатство и оленій промыселъ стр. 151—153. Станы и урочища стр. 153—154. — Оленекъ стр. 154—155.

Лена стр. 156—185.

Отсутствіе надежной съемки рѣки и неудовлетворительность изображенія ея на картѣ Генеральнаго Штаба стр. 156—157. Происхожденіе названія ея и общій обзоръ стр. 157—159. Лѣвый берегъ Лены до Вилюя стр. 159—163. Вилюй — единственный значительный лѣвый притокъ Лены стр. 163—167. Вилюйскій проказный округъ и мѣры правительства въ борьбѣ съ проказою стр. 167—170. Лѣвые притоки Лены, впадающіе въ нее ниже Вилюя стр. 170. Си-

стемы правыхъ притоковъ Лены стр. 171—180. Витимъ и его притоки стр. 171—174. Олекма и слѣдующія за нею незначительныя рѣки стр. 174—176. Алданъ стр. 176—180. Дельта Лены и мотивировка несогласія ея изображенія на предлагаемой картѣ съ картою Генеральнаго Штаба стр. 180—184. Вода рукавовъ дельты Лены и главное устье Лены стр. 185.

Побережье и острова Ледовитаго океана стр. 185—191.

Астрономическіе пункты, опредѣленные Анжу и Врангелемъ стр. 185—186. Отступленіе отъ нихъ карты Генеральнаго Штаба и карты Гидрографическаго Департамента стр. 186—187. Возстановленіе ихъ на предлагаемой картѣ и мотивировка его стр. 187—190. Сравнительная малолюдность побережья Ледовитаго океана, причина ея по Норденшельду и мнѣніе автора стр. 190—191.

Рѣки, впадающія въ Ледовитый океанъ между Леною и Яною и источники, на основаніи которыхъ онѣ чертились стр. 191—192.

Яна и система ея притоковъ стр. 192—200.

Точность нашего познанія главной рѣки и недостаточность свѣдѣній о притокахъ стр. 192—193. Изображеніе системы Яны на картахъ Иркутскаго Штаба и происхожденіе данныхъ послѣдняго стр. 193—195. Совмѣстная выработка карты бассейна Яны Гороховымъ и авторомъ стр. 195—197. Кёсъ — Якутская мѣра пути и его оцѣнка стр. 196—197. — Область верховьевъ Тостаха, Адычи и Береляха стр. 197—198. Главная рѣка системы есть, собственно говоря, Адыча и происхожденіе названія Яна стр. 198—199. Болѣе значительные лѣвые притоки Яны — Дулгулахъ и Бутантай и мѣсто рожденія серебра на Эндыбалѣ стр. 199. Расположеніе бассейна Яны стр. 199—200.

Рѣки, текущія въ Ледовитый океанъ между Яною и Индигиркою стр. 200.

Индигирка и ея бассейнъ стр. 200—209.

Область истоковъ и верхняго теченія стр. 200—201. Болото Кута-Селянъ стр. 201—202. Правые притоки Индигирки и озерная область стр. 203—204. Лѣвые притоки вообще и Селегняхъ и Уяндина въ частности стр. 204—206. Кыра и Пьехаранъ стр. 206—207. Озерная область лѣваго берега Индигирки стр. 207—209. Дельта Индигирки стр. 209.

Рѣки, текущія въ Ледовитый океанъ между Индигиркою и Колымою стр. 209.

Алазея и озерная область ея бассейна стр. 209—211.

Колыма и ея бассейнъ стр. 211—217.

Опредѣленіе направленія ея теченія стр. 211—212. Истоки и верхнее теченіе главнымъ образомъ по даннымъ Чихачева стр. 212—213. Вопросъ о мѣстечкѣ «Плотбище» стр. 213—215. Область средней части теченія Колымы и

праваго ея притока Омолона стр. 215—216. Нижнее теченіе Колымы и два Анюя стр. 216—217.

Рѣки, впадающія въ Ледовитый океанъ къ востоку отъ Колымы стр. 217—218.

Анадыръ и его бассейнъ стр. 218—224.

Вопросъ объ озерѣ Иванъ или Иванко, дающемъ начало Анадыру стр. 218—220. Притоки Анадыра, несогласіе въ ихъ изображеніи Аѳанасьевымъ и авторомъ и причина его стр. 220—224. Озеро Красное, рѣка Онеменъ и островъ Маинъ стр. 222—223.

Страна между Анадыремъ и Охотскимъ моремъ стр. 224—225.

Resumé нашихъ свѣдѣній по физической географіи Якутской области и виды на изслѣдованіе Оймеконской плоской возвышенности стр. 225.

Административныя границы Якутской области и ея пяти округовъ . . . . . Стр. 226—240.

Неопредѣленность границъ и причина ея стр. 226—228. Граница Якутской области стр. 228—230. Ея округа и ихъ границы стр. 230—234: Якутскій округъ стр. 230—232, Олекминскій Вилюйскій и Верхоянскій стр. 232—233, Среднеколымскій стр. 233—234. Густота населенія Якутской области и цифровыя данныя, ее выражающія стр. 234—236. Пять городовъ Якутской области и перечень населенныхъ пунктовъ стр. 236—238. Несуществующій Усть-Вилюйскъ стр. 239—240.

Граница лѣсной растительности . . . . . Стр. 240—250.

Критическая оцѣнка границы лѣсной растительности, проведенной на картѣ Норденшельда стр. 240—242. По поводу взгляда о распространеніи лѣса на сѣверъ, высказаннаго въ „Памятной книжкѣ Якутской Области на 1891 тодъ“ стр. 242—243. Данныя автора стр. 243—250. Восточная граница хвойнаго лѣса стр. 243—245. Крайняя восточная граница въ области Анадыра и рѣкъ, текущихъ въ Охотское море, образуется лиственными породами, а не лиственницей стр. 245—248. Сѣверная граница лѣса стр. 245—250. Граница сосны и ели стр. 250.

Пояснительная замѣтка по поводу Приложеній къ картѣ . . . . . Стр. 251—252.

Прибавленіе къ объяснительной запискѣ къ картѣ: критическая оцѣнка предварительныхъ отчетовъ и съемокъ И. Д. Черскаго . . . . . Стр. 252—268.

Приложеніе первое: Списокъ астрономическихъ пунктовъ (опредѣленныхъ частью по двумъ координатамъ, частью же лишь по широтѣ), на основаніи которыхъ составлены два листа главной „Карты Якутской области“ . . . . . Стр. 268—277.

Приложеніе второе: Списокъ нѣкоторыхъ высотъ Стр. 278—281.

Примѣчаніе Ф. Ш. . . . . . Стр. 281.

Содержаніе примѣчаній.

1. (къ стр. 3) Литературныя ссылки относительно сообщеній Миддендорфа о тарынахъ стр. 283.

2. (къ стр. 4) Литературныя ссылки относительно изслѣдованій тарыновъ Дитмара и возраженія на его объясненіе явленій тарыновъ стр. 283—288.

3. (къ стр. 4) Цитатъ изъ «Zusatz» Миддендорфа къ статьѣ Дитмара стр. 288.

4. (къ стр. 7) Болѣе подробное объясненіе причины вспучиванія и разлитія Ангары зимою, въ противоположность другимъ рѣкамъ Сибири выходящимъ изъ береговъ весною стр. 289—291.

5. (къ стр. 16) Объяснительная замѣтка къ „Картѣ тарыновъ по рѣкамъ Кыра и Ньехаранъ“ и верховьевъ рѣки Догдо, въ маасштабѣ десяти верстъ въ англійскомъ дюймѣ стр. 291—298.

6. (къ стр. 28) Замѣтка объ упоминаемомъ Миддендорфомъ ледяномъ конусѣ въ 20 футовъ высотою и дальнѣйшія возраженія на объясненія Миддендорфа явленій тарыновъ стр. 298—300.

7. (къ стр. 124) Разъясненіе понятій тайга, урочище, степь и тундра стр. 300—304.

8. (къ стр. 129) По поводу изображенія Ожогинскаго и другихъ озеръ на картѣ стр. 304.

9. (къ стр. 130) Поясненіе различія между рѣкою и вискою и подробности о послѣдней стр. 304—308.

I.

О ТАРЫПАХЪ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

(съ картой).

Часто уже въ теплое время года, даже въ іюлѣ мѣсяцѣ, подъ палящими лучами сибирскаго солнца, среди пышно распустившейся растительности и рядомъ съ пестрымъ разнообразіемъ цвѣтовъ, встрѣчаешь въ Якутской области болѣе или менѣе обширныя скопленія льда. Иногда послѣднія простираются всего на нѣсколько сотъ квадратныхъ саженей, но не рѣдко занимаютъ цѣлыя версты въ длину и ширину, смотря по тому, благопріятныя или неблагопріятныя условія представляютъ для ихъ образованія рельефъ почвы и большее или меньшее количество воды. Подобные, при благопріятныхъ условіяхъ сохраняющіеся даже въ теченіе всего лѣта, слѣды зимняго времени якутъ называетъ тарыномъ. По общепринятому мнѣнію названіе это произошло отъ слова таръ, т. е. творогъ, составляющій главную пищу этого народа; и дѣйствительно, нельзя отрицать, чтобы такое блестящебѣлое ледяное поле среди ярко-зеленаго растительнаго покрова не имѣло издали сходства съ блюдомъ творога, поставленнымъ на зеленый коверъ.

Вполнѣ понятно, что путешественнику, сталкивающемуся съ подобнымъ ледянымъ полемъ, приходитъ мысль, что онъ имѣетъ дѣло съ маленькимъ глетчеромъ, съ глетчеромъ въ зародышѣ, какъ выражается Миддендорфъ (1). Но уже самое поверхностное изслѣдованіе, какъ самого тарына, такъ и окружающихъ его условій, заставляетъ отказаться отъ подобнаго предположенія. Тотчасъ же убѣждаешься, что имѣешь передъ собою слоистый

ледъ, совершенно правильное горизонтальное напластованіе котораго указываетъ на то, что происхожденіе его зависитъ только отъ замерзанія воды, а не явилось результатомъ осѣданія снѣга. Далѣе, нельзя не замѣтить, что тарынъ есть образованіе, свойственное равнинѣ, что онъ не имѣетъ никакого питающаго его источника въ расположенной надъ нимъ области и что онъ прежде всего не ползетъ, почему и не можетъ быть глетчеромъ. На самомъ дѣлѣ онъ крѣпко лежитъ на своемъ основаніи, которымъ большею частію является плоское, почти горизонтальное дно долины, да притомъ такъ плотно, что можетъ растаять только на мѣстѣ своего происхожденія. Это послѣднее обстоятельство и является главной причиной того, что ледъ тарына сохраняется такъ долго: весь онъ до послѣдняго куска долженъ растаять на мѣстѣ и ни одна его частица не уносится прочь. Такимъ образомъ солнце, вѣтеръ и дождь должны сами справиться со всею работою, тогда какъ въ другихъ случаяхъ большую часть послѣдней они могутъ предоставить волнамъ и теченію, которыя разбиваютъ или уносятъ въ море ледъ озеръ и рѣкъ, часто имѣющій до семи футовъ толщины.

Теперь спрашивается, откуда происходитъ ледъ, который такими толстыми слоями покрываетъ почву въ области тайги и отчего онъ встрѣчается только въ Якутской области и совершенно отсутствуетъ въ Забайкальѣ, въ Иркутской губерніи и на Амурѣ (2).

Миддендорфъ и Дитмаръ (2) изслѣдовали тарыны въ Становомъ хребтѣ и оба смотрятъ на нихъ какъ на производное рѣкъ, хотя не вполнѣ согласны между собою во всемъ, что ихъ касается. Миддендорфъ высказываетъ даже мнѣніе, что тарыны представляютъ такія же наледи, какія мы каждую зиму можемъ наблюдать на рѣкахъ и ручьяхъ нашихъ Прибалтійскихъ губерній (3).

Нельзя отрицать, что легко придти къ такому взгляду, если наблюдать тарыны только въ теплое время года и только тѣ, которые образуются на рѣкахъ, а именно при такихъ условіяхъ и

приходилось ихъ наблюдать двумъ упоминаемымъ тутъ естествоиспытателямъ. Они находили плоское, довольно горизонтальное дно долины, по которому бѣжала рѣка, развѣтвляясь на многочисленные неглубокіе протоки и рукава. Отъ зимней стужи вода много разъ замерзала, вновь прибывавшая не находила уже достаточно мѣста въ плоскихъ руслахъ, почему, выступивъ изъ береговъ, снова замерзала. Такимъ образомъ рѣка, если она имѣла достаточный притокъ воды и не промерзала до дна, должна была мало по малу выполнять плоскую долину льдомъ, который ложился тонкими слоями и образовывалъ постепенно наростающее напластованіе. Могло пройти много времени прежде, чѣмъ подобное, часто тянущееся на нѣсколько верстъ въ длину, нерѣдко болѣе, чѣмъ на версту въ ширину и отъ десяти до пятнадцати футовъ въ толщину накопленіе льда, плотно сидящее на почвѣ, растаивало на мѣстѣ; этимъ и объяснялась въ достаточной степени стойкость тарыновъ. Такому толкованію этого явленія помогало кромѣ того и то, что даже въ Якутской области существуютъ въ достаточномъ количествѣ наледныя образованія, которыя пропадаютъ одновременно съ исчезновеніемъ зимы. Это наледи, ежегодно образуемыя болѣе значительными рѣками и ручьями и часто обусловливающія необыкновенно сильное развитіе въ толщину ледянаго ихъ покрова, но регулярно исчезающія съ весеннимъ ледоходомъ: такимъ образомъ кажется, что только маловодію мелкихъ рѣчекъ, на которыхъ обыкновенно и образуются тарыны, слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что ледъ ихъ не уносится. Всѣ эти соображенія, повидимому, очень убѣдительны, но тѣмъ не менѣе не могутъ быть согласованы съ фактами и, по всей вѣроятности, они вовсе не были бы высказаны выше названными изслѣдователями, если бы имъ приходилось наблюдать наледи рѣкъ и рѣчекъ Сибири впродолженіи цѣлой зимы столь же часто, какъ это случалось мнѣ въ моихъ многочисленныхъ поѣздкахъ по той же странѣ. Отъ ихъ вниманія, по всей вѣроятности, не ускользнуло бы тогда, что наледь въ Якутской области начинаетъ показываться съ первыми сильными холодами, тогда

какъ въ болѣе южныхъ губерніяхъ она появляется только къ концу зимы, совершенно такъ же, какъ это мы наблюдаемъ у насъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Нельзя отрицать, что появленіе воды поверхъ льда въ нашихъ широтахъ указываетъ на первое проявленіе борьбы начинающейся весны съ исчезающей зимой. Время отъ времени наступающія оттепели и вліяніе уже болѣе сильно нагрѣвающихъ солнечныхъ лучей дѣйствуютъ на снѣжный покровъ и доставляютъ новый притокъ водоемамъ въ то время, когда еще плотно ихъ сковывающій ледъ препятствуетъ имъ расти и вздуваться. Вслѣдствіе этого ледяной покровъ на рѣкѣ трескается, вода выступаетъ поверхъ льда, часто вновь замерзаетъ, и въ свою очередь покрывается новымъ слоемъ воды. То-же самое наблюдается и на южно-сибирскихъ рѣкахъ, каковы напр. Селенга, Ингода, Шилка и другія; но только бо́льшая продолжительность зимней стужи крайне усиливаетъ тутъ эти явленія, такъ что, благодаря массѣ выступающей, замерзающей и вновь появляющейся воды, которая разливается отъ берега до берега, ѣзда по этимъ рѣкамъ въ февралѣ и мартѣ превращается въ страшную пытку. Въ южной Сибири мнѣ извѣстна только одна Ангара, составляющая исключеніе изъ правила и начинающая взбучиваться и образовывать наледи одновременно съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ. Но эта рѣка и находится подъ вліяніемъ анормальныхъ условій. Какъ извѣстно, она вытекаетъ изъ Байкала и представляетъ единственный стокъ этого озера, которое имѣетъ до двухъ сотъ притоковъ, большею частію, правда, незначительныхъ, но между прочимъ и такіе могучіе, какъ Селенга, Баргузинъ, Верхняя Ангара, не говоря уже о рѣкахъ въ родѣ Снѣжной и другихъ. Въ теплое время года количество воды, теряемой путемъ испаренія тянущимся на протяженіи болѣе шести сотъ верстъ Байкаломъ настолько велико, что Нижняя Ангара вполнѣ справляется со своею задачею и не даетъ подниматься уровню воды въ озерѣ; но къ зимѣ, особенно же ко времени покрытія Байкала льдомъ, первый факторъ совершенно выпадаетъ и результатомъ является очень сильное вспучиваніе Ангары къ де-

кабрю и январю; высокій уровень воды въ ней держится до тѣхъ поръ, пока убыль воды въ рѣкахъ не уравновѣситъ притокъ съ оттокомъ. Наивысшее поднятіе обыкновенно бываетъ около Рождества или Новаго Года, и въ это время Ангара такъ сильно выступаетъ изъ береговъ, что заливаетъ водою поверхъ льда все пространство между Боковской, послѣдней станціей на большомъ трактѣ изъ Москвы, и Иркутскомъ; тогда приходится тутъ ѣхать по самой рѣкѣ или по крайней мѣрѣ по ея льду (4).

Если, слѣдовательно, съ одной стороны Ангара и отличается отъ другихъ южно-сибирскихъ рѣкъ по времени выступанія ея водъ поверхъ льда, то съ другой — причина этого явленія у нея совершенно та же, какъ и у послѣднихъ. Но если рѣки Якутской области начинаютъ образовывать свои наледи уже въ самомъ началѣ зимы, то дѣло на нихъ должно обстоять, повидимому, совершенно иначе. Мнѣ приходилось, какъ было сказано, часто наблюдать процессъ образованія наледей на очень различныхъ рѣкахъ, и я постараюсь прежде всего представить, какъ онъ происходитъ. Въ наисильнѣйшей степени это явленіе наблюдается на могучей Ленѣ. Съ началомъ сильныхъ холодовъ названная рѣка изливаетъ поверхъ своего льда большое количество воды, чѣмъ не только крайне затрудняетъ ѣзду по ней, но иногда дѣлаетъ путешествіе въ высшей степени опаснымъ для неопытныхъ. Въ этомъ явленіи обращаютъ на себя вниманіе два обстоятельства: съ одной стороны то, что вода выступаетъ поверхъ льда, и слѣдовательно образуетъ наледь, всегда на совершенно опредѣленныхъ мѣстахъ, а съ другой — то, что она появляется первоначально всегда со стороны берега. Объ эти особенности при образованіи рѣками наледей очень хорошо извѣстны прибрежнымъ жителямъ, особенно тѣмъ, которые живутъ по Ленѣ: на обязанности послѣднихъ лежитъ содержаніе въ исправности пути, зимою пролегающаго, конечно, исключительно по льду рѣки. Лена имѣетъ нѣсколько верстъ въ ширину и покрывается на главномъ своемъ фарватерѣ очень неровнымъ, бугристымъ льдомъ, проѣхать по которому можно только тогда, когда его энергично обработаютъ топоромъ и кир-

кою. Вслѣдствіе этого люди прокладываютъ дорогу возможно ближе къ берегу, гдѣ ледъ большею частью всегда гладокъ. Но на нѣкоторыхъ, совершенно опредѣленныхъ участкахъ пути прибрежные обитатели съ самаго уже начала ведутъ дорогу ближе къ серединѣ рѣки и при этомъ наталкиваются часто на такія трудности, что правительство обязало помогать имъ и жителей сосѣднихъ деревень. Отодвиганіе пути къ серединѣ на такихъ мѣстахъ обусловливается тѣмъ, что тутъ съ берега изливается большое количество воды, не дающее возможности ни проложить дороги, ни поддерживать ее. Къ участкамъ завѣдомо ежегодно невыгоднымъ для этой цѣли присоединяются временами другіе, гдѣ въ нормальныя, не очень холодныя и не особенно малоснѣжныя зимы вода обыкновенно вовсе не выступаетъ. Но если холода изъ ряду вонъ выходящіе, очень сильные, продолжительные, да при этомъ нѣтъ достаточно защищающаго снѣжнаго покрова, то и на этихъ мѣстахъ появляется вода. Такимъ образомъ послѣдняя попадаетъ на ледъ всегда со стороны берега и постоянно съ одного и того же мѣста его, средина же рѣки, если она только достаточно широка, остается обыкновенно сухою. На могущественной Ленѣ вода эта, по всей вѣроятности, никогда не достигаетъ самой середины; но болѣе узкія рѣки могутъ быть совершенно заняты ею, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вода выступаетъ съ обоихъ береговъ одновременно. Причиной этихъ наводненій, однако, всегда является берегъ, а не сама рѣка.

Если же наблюдать подобныя явленія на южно-сибирскихъ рѣкахъ, то, какъ и на водоемахъ нашихъ Прибалтійскихъ губерній, находишь нѣчто совершенно иное. Вода выступаетъ къ концу зимы, когда стужа слабѣетъ, когда солнце днемъ достаточно уже нагрѣваетъ. Тутъ это явленіе находится, далѣе, въ прямой зависимости отъ снѣжнаго богатства даннаго года: много снѣгу на поляхъ и въ лѣсахъ — вода появляется раньше и выступаетъ ея больше, чѣмъ въ холодныя, малоснѣжныя зимы. Наконецъ не подлежитъ никакому сомнѣнію то обстоятельство, что вода въ данныхъ случаяхъ происходитъ изъ самой рѣки и, такъ

сказать, выдавливается изъ-подо льда. Впрочемъ мы и здѣсь находимъ часто середину рѣки сухою, а воду, и при томъ не рѣдко очень глубокую, только по берегамъ. Перебираясь весною напр. черезъ большія рѣки Сибири, каковы Обь и Енисей, приходится сначала переѣзжать нѣкоторое пространство водою на лодкѣ, затѣмъ долго идешь пѣшкомъ, а потомъ снова садишься въ лодку, которая уже и доставляетъ путешественника черезъ каналъ, часто въ сажень и болѣе глубиною, на противоположный берегъ. Но при этомъ не трудно замѣтить, что ледъ на рѣкѣ не представляетъ ровной плоскости, а образуетъ сильную выпуклость. Въ это время вода въ рѣкѣ уже сильно поднялась, а ледяной покровъ еще крѣпко примерзъ къ берегу, но, вспучившись по серединѣ, онъ заливается по болѣе низкимъ бокамъ водою, выходящею изъ трещинъ и размытыхъ мѣстъ берега и стремящеюся принять одинъ горизонтальный уровень со льдомъ по серединѣ рѣки. Точно такъ же замѣчаешь, что появленіе воды не связано непремѣнно съ опредѣленными мѣстами; въ одинъ годъ она выступаетъ тутъ, въ другой тамъ и въ концѣ концовъ разливается по всей рѣкѣ, пока ледъ не треснетъ отъ давленія снизу.

Такимъ образомъ причиною, обусловливающею выступаніе воды и образованіе наледей въ южной Сибири, является вспучиваніе рѣки въ связи съ препятствіемъ, представляемымъ ему ледянымъ ея покровомъ. Но на Ленѣ мы не могли наблюдать ничего подобнаго, а на другихъ рѣкахъ сѣвера можно прямо доказать, что такого рода причины никакъ не могутъ вліять. Такъ напр. Малый Анюй, берущій свое начало на востокѣ, въ землѣ Чукчей, и впадающій въ Колыму у Нижнеколымска, пользуется, благодаря своимъ наледямъ, крайне дурною репутаціею, и, по всей вѣроятности, немного есть людей, которые могли бы похвастаться, что проѣхали по нему сухими. Вода на немъ выступаетъ то у лѣваго, то у праваго берега, такъ что приходится лавировать, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она разливается отъ берега до берега и ставитъ путешественника въ высшей степени непріятное положеніе, потому что почти всегда высокіе берега не допускаютъ спа-

сительнаго обхода. Въ придачу ко всему этому рѣка отличается тою особенностію, что часто образуетъ въ своемъ ледяномъ покровѣ трещины, которыя всегда остаются открытыми въ теченіи всей зимы, и только изрѣдка затыкаются инеемъ, образующимся изъ выходящихъ оттуда водяныхъ паровъ. Въ высшей степени вѣроятно, что эти трещины есть результатъ болѣе теплыхъ источниковъ, впадающихъ въ рѣку; онѣ встрѣчаются постоянно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и хорошо знакомы туземцамъ, пользующимся ими для того, чтобы обновлять слой льда, такъ называемый войдъ, на полозьяхъ своихъ саней. Деревянныя полозья нартъ скользятъ много легче по плотному снѣгу, если они покрыты тонкимъ слоемъ льда; поэтому, пускаясь въ путь, нарту кладутъ на бокъ и мокрой тряпкой нѣсколько разъ проводятъ по полозьямъ; въ сильный холодъ образуется при этомъ очень скоро слой льда въ двѣ или три линіи толщиною. Послѣдній выдерживаетъ часто очень долго, но иногда быстро портится; тогда раскладываютъ огонь, топятъ снѣгъ и снова наводятъ на нарту войдъ. Но подобная процедура всегда хлопотлива и обременительна, а потому люди никогда не упускаютъ случая воспользоваться трещиной во льду, доставляющей необходимую имъ воду безо всякихъ хлопотъ. Мнѣ не рѣдко случалось съ большимъ трудомъ пробираться по участку рѣки, покрытому поверхъ льда водою, затѣмъ проѣзжать мимо естественной, не окруженной водой трещины, а потомъ скоро снова попадать въ воду слоемъ до одного фута. Я приказывалъ въ этихъ случаяхъ останавливаться, шелъ къ трещинѣ, чтобы убѣдиться какъ высоко стоитъ въ ней вода, и находилъ, что ледъ былъ очень толстъ и достичь текущей воды удавалось только при помощи палки, да и то лишь съ большимъ трудомъ. Такимъ образомъ не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что вода, стоявшая поверхъ льда, не находилась ни въ какомъ сообщеніи съ водою рѣки, текшею подо льдомъ.

Другой, столь же убѣдительный примѣръ могу я привести съ рѣки Догдо, спускающагося съ Тасъ-Хаяхтаха, текущаго съ востока на западъ и впадающаго въ Тостахъ, большой правый при-

токъ Адычи. Я поднимался вверхъ по рѣкѣ въ концѣ декабря мѣсяца и мнѣ приходилось проѣзжать по льду, покрытому на большомъ пространствѣ водою, такъ что я пріѣхалъ на ночлегъ сильно промокшимъ. Слѣдующій день я ѣхалъ сначала по сухому льду, но скоро добрался до мѣста, гдѣ рѣка текла непокрытая льдомъ; тутъ, на протяженіи многихъ верстъ, она вообще не замерзаетъ въ теченіи всей зимы, или покрывается льдомъ въ очень холодныя зимы на самое короткое время лишь къ концу февраля. Если бы причиною появленія воды на льду день передъ тѣмъ было вздутіе рѣки, то послѣдняя затопила бы въ открытомъ мѣстѣ какъ ледяную кайму вдоль своихъ береговъ, такъ и край льда въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи. Но этого не было: края льда повсюду возвышались на нѣсколько дюймовъ надъ уровнемъ воды, а снѣгъ, лежащій на нихъ, не носилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ смачиванія водою.

И такъ, если наледи рѣкъ Якутской области не идентичны съ соотвѣтственнымъ явленіемъ на южно-сибирскихъ рѣкахъ, то Дитмаръ и Миддендорфъ ошиблись также и въ своемъ предположеніи, что тарынъ можетъ образоваться вообще лишь исключительно на рѣкѣ. Конечно, тарыны, которые они наблюдали, были несомнѣнными производными рѣкъ, да и громадное большинство такого рода накопленій льда дѣйствительно обязано своимъ происхожденіемъ именно мелкимъ рѣкамъ; можно даже сказать, что почти всѣ истоки рѣкъ, кромѣ выходящихъ изъ узкихъ ущелій, образуютъ тарыны. Да и самое названіе тарынъ-ыряхъ, т. е. тарынная рѣчка, является у якутовъ почти синонимомъ бага-ыряху, что значитъ истокъ рѣки; я самъ въ теченіи многихъ лѣтъ придерживался мнѣнія, что существованіе тарына безъ рѣки немыслимо. Но однажды, когда я проѣзжалъ лѣвымъ берегомъ Лены по дорогѣ отъ Якутска на Олекминскъ черезъ густой лиственничный лѣсъ, мнѣ показалось, что я наткнулся на тарынъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ по близости не было видно рѣки, да и лѣтомъ я не могъ припомнить никакихъ слѣдовъ существованія тутъ воды. На слѣдующее лѣто мнѣ вновь пришлось проѣзжать верхомъ по

этому пути и, приблизившись къ мѣсту, я старался разглядѣть, гдѣ находился тарынъ. Но несмотря на все вниманіе, я проѣхалъ это мѣсто и, чтобы найти его, долженъ былъ обратиться къ проводнику. Лиственичный лѣсъ былъ здѣсь, правда, нѣсколько рѣже обыкновеннаго насажденія этой породы, а именно, тутъ вовсе отсутствовалъ невѣроятно густой подсѣдъ, большею частію не дающій никакой возможности проѣзжать по лиственичному лѣсу иначе, какъ по проложеннымъ тропамъ; зелень, покрывавшая лѣсную почву, была также нѣсколько свѣтлѣе, но помимо этого не было никакого намека на бо́льшее богатство мѣста водою. Не было тутъ ни рѣчки, ни мочеженки, а просто заурядная лѣсная почва, какую находишь во всякомъ лиственичномъ насажденіи, и тѣмъ не менѣе зимою былъ здѣсь тарынъ, если и не обширный, то во всякомъ случаѣ такой, который — по разсказамъ проводниковъ — состоялъ каждую зиму изо льда въ два или три фута толщиною.

Этого явленія я никакъ не могъ себѣ объяснить; точно такъ же я не былъ въ состояніи согласовать съ фактами ни котловинную теорію Дитмара, ни теорію наледей Миддендорфа, которая допускала постоянное появленіе трещинъ въ плотно прилегающихъ къ почвѣ и непрерывно наростающихъ слояхъ льда. Но прежде всего такого рода допущеніями никакъ нельзя было объяснить появленіе тарына среди частаго лѣса и вдали отъ всякаго водоема. Съ другой стороны я былъ вполнѣ убѣжденъ, что посѣщеніе тарына лѣтомъ, когда разрушеніе его находится въ полномъ ходу, не поведетъ къ разъясненію явленія и что для этого безусловно необходимо наблюдать его возникновеніе въ холодное время года. Подобные случаи, однако, представляются довольно рѣдко: вблизи населенныхъ мѣстъ напрасно станешь искать наледей, зимой же тщательно избѣгаютъ пролагать дороги по этимъ непріятнымъ мѣстностямъ; потому-то такъ рѣдко и удается наблюдать развитіе тарына во всей его силѣ. Болѣе мелкіе тарыны мнѣ случалось видѣть много разъ, но только зимою 1868 года пришлось имѣть дѣло съ однимъ изъ самыхъ большихъ, какіе только

извѣстны въ Якутской области. Я говорю о большомъ тарынѣ рѣки Кыры, берущей начало съ Тасъ-Хаяхтаха, текущей на востокъ и впадающей въ Селегняхъ. Его приходится волей не волей переѣзжать на пути изъ Верхоянска въ Колымскъ, потому что его никакъ нельзя обойти. Я познакомился съ нимъ уже ранѣе, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1866 года, во время моего путешествія изъ Колымска въ Верхоянскъ, и тогда еще могъ замѣтить его громадные размѣры, несмотря на то, что онъ уже находился въ сильномъ таяніи. Собственно говоря, онъ состоитъ изъ накопленія ледяныхъ массъ двухъ рѣкъ — Кыры и Нехарана, впадающаго въ Селегняхъ ниже Кыры; но образованіе наледей столь обширно, что Кыра съ нѣсколькими изъ ея притоковъ и Нехаранъ образуютъ зимою одно непрерывное ледяное поле. Я не могу привести полныхъ размѣровъ этого поля, потому что проводники не знали насколько оно распространяется въ обѣ стороны, обнять же его глазомъ не было возможности; но намъ приходилось идти черезъ него на протяженіи двадцати верстъ. Лѣтомъ отъ него оставалось не много; берега Нехарана были уже свободны ото льда и онъ былъ отдѣленъ отъ Кыры полосою земли въ нѣсколько верстъ длины. Послѣдняя, протекая по плоской долинѣ и образуя настоящій лабиринтъ протоковъ и низменныхъ острововъ, также уже въ значительной степени освободилась ото льда, но его оставалось еще достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о толщинѣ отлагавшихся тутъ наслоеній. Кое-гдѣ рѣка текла уже въ своемъ настоящемъ руслѣ, но во многихъ мѣстахъ еще пѣнилась въ желобахъ, промытыхъ ею во льду. Многіе острова были скрыты подо льдомъ, но тѣ, которые освободились и содержали хотя бы тонкій слой гумуса на своей гальковой подпочвѣ, были покрыты роскошнѣйшими цвѣтами; лиственницы же, возвышавшіяся на болѣе высокихъ островахъ, щеголяли своей прекрасной зеленью, несмотря на то, что ихъ стволы сидѣли еще во льду. То была своеобразная картина: сочетаніе зимы, весны и лѣта подъ раскаленными солнечными лучами, которые день и ночь распространяли свѣтъ и теплоту.

Въ декабрѣ 1868 года все это имѣло совершенно другой видъ. Лишь только вышли мы изъ неширокаго ущелья Тасъ-Хаяхтаха, какъ нашимъ взорамъ представилось безконечное ледяное поле, непрерывно тянувшееся до Нехарана и даже еще нѣсколько далѣе. Долина Кыры совершенно ровная и только справа и слѣва тянутся къ рѣкѣ нѣсколько низкихъ уваловъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга тоже плоскими долинками, по которымъ стремятся въ Кыру ея притоки. Тарынъ распространялся и въ эти боковыя долинки, но какъ далеко — я не могу сказать: на сколько же можно было видѣть, разстилалось безпредѣльное ледяное поле, изъ котораго поднимались отдѣльными группами только стволы лиственницъ. По оцѣнкѣ проводниковъ намъ предстояло пройти по льду около двадцати верстъ и этотъ переходъ былъ однимъ изъ труднѣйшихъ и утомительнѣйшихъ, какіе мнѣ только приходилось преодолѣвать въ Якутской области. Человѣкъ въ состояніи еще кое-какъ помочь себѣ: ему легче, чѣмъ животному, выбрать сухое или по крайней мѣрѣ менѣе мокрое мѣсто, онъ можетъ прикрѣпить къ подошвамъ острые шипы, въ достаточной степени защищающіе его отъ паденія на зеркально-гладкой поверхности. Но для животныхъ, какъ для оленей, такъ и для лошадей, переходъ этотъ крайне тягостенъ и опасенъ. Оленя не куютъ, но онъ и не несетъ вьюка; онъ тянетъ только не очень тяжелую нарту, почему и находится въ сравнительно болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ тяжело нагруженная вьючная лошадь, для которой каждое паденіе можетъ быть роковымъ. Въ сильную зимнюю стужу лошадей тоже нельзя подковывать, потому что копыта въ это время легко трескаются; онѣ должны идти безъ подковъ и при этомъ не рѣдко убиваются до смерти или по крайней мѣрѣ терпятъ такія поврежденія, что ихъ все равно приходится убивать. Однимъ словомъ, это тяжелый, продолжительный и поэтому пользующійся крайне плохою репутаціею переходъ, обойти который однако нѣтъ, къ сожалѣнію, никакой возможности. Если теперь угрюмо бредешь по этой дорогѣ, то рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что разстилающееся впереди пространство не представляетъ со-

бою однообразной зеркально-гладкой ледяной поверхности, но что оно все прорѣзано массою плоскихъ возвышеній, поднятыхъ на два, на три фута надо льдомъ, покрытыхъ сверху снѣгомъ и, слѣдовательно, сухихъ, тогда какъ самый ледъ почти повсюду залитъ слоемъ воды толщиною отъ одной линіи до одного дюйма. Конечно, выискиваешь мѣста, гдѣ вода уже подмерзла, но такихъ не много, потому что замерзшій слой скоро вновь заливается и въ свою очередь становится мокрымъ и скользкимъ. Новичку, незнакомому съ тарыномъ, непремѣнно должна придти мысль, что много раціональнѣе направиться по вышеуказаннымъ возвышеніямъ: если они другъ отъ друга и отдѣлены и на нѣкоторыя изъ нихъ не легко взобраться животному, то человѣку, кажется, не трудно перебраться съ одного на другое и онъ можетъ избавиться благодаря имъ отъ многихъ непріятностей. Но проводникъ этого не допускаетъ и предостерегаетъ каждаго отъ такой попытки, заявляя, что подъ снѣгомъ находится вода. Какъ ни странно звучатъ эти слова, но въ справедливости ихъ легко убѣдиться,— стоитъ только тронуть любое, покрытое совершенно рыхлымъ снѣгомъ возвышеніе: оказывается, что сухой снѣгъ занимаетъ не болѣе двухъ-трехъ дюймовъ, подъ нимъ же лежитъ кашицеобразная масса, состоящая изъ смѣси снѣга съ водою.

Такъ оно въ дѣйствительности и есть: мокрый и покрытъ водою гладкій ледъ тарына и изъ пропитаннаго водою снѣга состоятъ разсѣянные на немъ пригорки. Среди послѣднихъ встрѣчаются, правда, и такіе, которые имѣютъ нѣсколько другой видъ: на нихъ не замѣчаешь рыхлаго снѣга, послѣдній какъ бы тоже пропитанъ водою; но въ этомъ случаѣ снѣгъ плотно замерзъ и по такимъ возвышеньицамъ можно спокойно идти, — они вполнѣ надежны. Число ихъ зимою, однако, очень незначительно и увеличивается только къ концу ея, но къ тому-же времени прекращается и дѣятельность тарына вообще: вода на поверхность льда уже болѣе не изливается, послѣдняя скоро покрывается слоемъ снѣга, а потому ею можно пользоваться безъ затрудненія.

Въ третій разъ я посѣтилъ этотъ тарынъ 20 октября 1870

года, слѣдовательно въ началѣ зимы и именно въ то время, когда тарынъ только начиналъ возникать (5). Я ѣхалъ тогда изъ Колымска и прежде, чѣмъ добрался до Кыры, имѣлъ случай наблюдать другой, представлявшій много интереснаго, тарынъ тоже въ періодъ его первоначальнаго образованія. Путь пролегалъ по правому берегу Селегняха и велъ по кочковатому болоту, по такъ называемому калтусу. Болото это было изъ тѣхъ, которыя высыхаютъ, вѣроятно, осенью еще до наступленія морозовъ, потому что подъ снѣгомъ нельзя было замѣтить никакихъ слѣдовъ льда. Кочки стояли то близко, то далеко другъ отъ друга, и на всѣхъ ихъ были довольно высокіе снѣжные колпаки; на самомъ болотѣ лежалъ тоже снѣжный покровъ слоемъ до полуфута. Въ одномъ мѣстѣ, невдалекѣ отъ нашего пути, я замѣтилъ, что снѣгъ былъ покрытъ водою, а потому подъѣхалъ ближе, чтобы лучше понаблюдать это явленіе. Сначала я добрался до воды, которая проникла подъ снѣгъ, остававшійся сверху еще совершенно ею не тронутымъ: вода, по всей вѣроятности, проникла туда очень недавно, потому что она не успѣла ни замерзнуть, ни пропитать снѣжный покровъ. Далѣе слѣдовалъ снѣгъ, смоченный водою до самаго верха, и наконецъ въ самой серединѣ находился совершенно гладкій ледъ тарына. Такимъ образомъ можно было вполнѣ уяснить себѣ, откуда шло образованіе тарына, какъ оно распространялось и расширялось. Тутъ не было ни рѣчки, ни другого какого либо водоема, это былъ тарынъ безъ видимаго притока, точь въ точь такой, какъ вышеописанный и находившійся въ лѣсу лѣваго берега Лены.

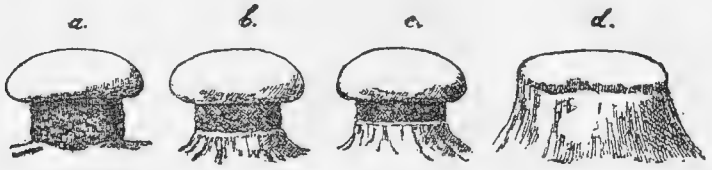
Въ виду того, что весь процессъ находился тутъ въ самомъ началѣ своего развитія — вся смоченная площадь была немного болѣе нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ саженей — можно было разсчитывать уяснить себѣ причину появленія воды и образованія льда. Боковыя части тарына не давали ничего въ этомъ отношеніи; можно было лишь установить, что здѣсь подъ снѣгомъ находился тонкій слой только-что образовавшейся снѣжной кашицы, постепенно переходившій въ совершенно нетронутый еще водою

снѣгъ окрестностей. Но нѣкоторыя изъ кочекъ обнаруживали очень интересныя измѣненія. Наблюдая почву вокругъ тарына, я замѣтилъ, что земля подъ снѣгомъ была мерзлая; точно также мелкія кочки были промерзши подъ покрывавшими ихъ снѣжными колпачками; но не то замѣчалось на кочкахъ бо̀льшаго объема. На этихъ послѣднихъ непосредственно подъ снѣжнымъ колпакомъ видна была тоже замерзшая на протяженіи нѣсколькихъ дюймовъ земля, но глубже морозъ не могъ еще оказать своего дѣйствія: внутренность защищалась какъ густой моховой покрышкой, такъ и снѣгомъ, закрывавшимъ кочку не только сверху, но и образовавшимъ еще широкую складку вокругъ кочки. Затѣмъ я перешелъ къ кочкамъ, расположеннымъ среди тарына и почти на всѣхъ болѣе крупныхъ изъ нихъ нашелъ у основанія возвышенную закраину изъ обледенѣлаго снѣга; черезъ этотъ край сочилась очень тонкими струйками вода и изливалась со всѣхъ сторонъ на ледъ тарына. У кочекъ, расположенныхъ ближе къ границѣ тарына и не окруженныхъ еще плотнымъ ледянымъ покровомъ, закраинка эта была очень низка, такъ что почти вся кочка была свободна; у другихъ, стоявшихъ ближе къ серединѣ тарына, закраинка поднялась на кочку уже выше, но выдавалась изо льда тарына не сильнѣе, чѣмъ болѣе низкіе края сначала упомянутыхъ кочекъ; было, слѣдовательно, очевидно, что ледъ тарына нарòсталъ одновременно съ закраинами на кочкахъ. Въ самомъ центрѣ тарына, откуда онъ, по всей вѣроятности, начался, обледенѣлый край занялъ уже всю высоту нѣкоторыхъ изъ широкихъ, но низкихъ кочекъ; на этихъ снѣжные колпачки уже исчезли и замѣнились покрышкой изъ рыхлаго снѣга, такою же, какую наблюдаютъ на возвышеньицахъ, разсѣянныхъ зимою на тарынныхъ поляхъ. Изслѣдуя этотъ рыхлый снѣгъ, я находилъ хорошо извѣстную всѣмъ знакомымъ съ тарынами снѣговую кашицу, а такъ какъ процессъ тутъ только возникалъ, то черезъ пропитанный водою снѣгъ можно было прощупать на кочкѣ покрывавшіе ее мохъ и траву.

Для лучшаго уразумѣнія хода процесса прилагаю тутъ схе-

Лен. Гос. Ун т

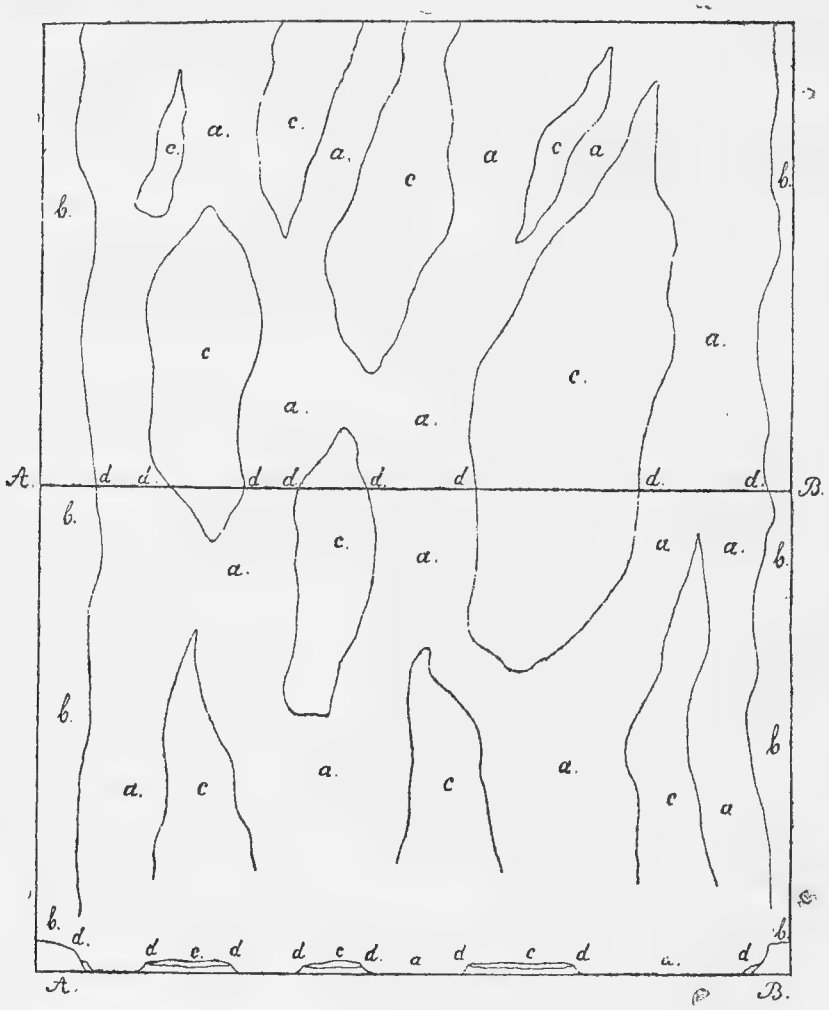
матическіе рисунки постепеннаго наростанія закраинки на кочкахъ.



Фигура *a* представляетъ кочку, не начавшую еще своей дѣятельности; снѣгъ вокругъ нея еще совершенно свѣжъ и на ней нѣтъ еще обледенѣлой закраинки. Кочка *b* начала уже выпускать воду у своего основанія и на ней образовалась закраинка изъ обледенѣлаго снѣга, черезъ которую и изливается вода. На рисункѣ *c* процессъ этотъ пошелъ далѣе впередъ и между закраинкой изъ обледенѣлаго снѣга и снѣжною верхушкою остался лишь узкій промежутокъ; тутъ же видно насколько сильно наросла и окружающая кочку ледяная поверхность тарына. Наконецъ на фигурѣ *d* закраина соединилась уже съ верхушкой, возвышеніе закончило свое образованіе, просуществуетъ въ такомъ видѣ въ теченіе всей зимы и станетъ непрерывно снабжать тарынъ водою. Не могло оставаться въ данномъ случаѣ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ тарынъ возникъ изъ одной срединной точки или, вѣрнѣе, линіи и отсюда уже распространился въ разныя стороны. Болото было совершенно плоское, линія высотъ кочекъ тянулась въ среднемъ тоже параллельно поверхности болота, а ледяное поле между тѣмъ имѣло наклонъ отъ средней линіи къ бокамъ, что и было явственно замѣтно на кочкахъ.

Вскорѣ послѣ осмотра этого тарына пришли мы на Кыру. Тутъ образованіе тарына тоже началось, но шло впередъ, повидимому, уже очень энергично. Долина представляла опять совершенно другую картину. Рѣзко вырисованной разстилалась передо мною Кыра съ ея безчисленными протоками и низменными галькovыми островами. Ледъ рѣки едва успѣлъ подняться до береговъ, такъ что самая долина была покрыта еще совершенно свѣжимъ

снѣгомъ, одѣвавшимъ также и гальковые острова; ледъ же протоковъ былъ лишенъ снѣжнаго покрова, а потому они рѣзко выдѣлялись на фонѣ суши.



На прилагаемомъ рисункѣ я пытался дать схему части рѣчной долины. Литерой *b* обозначенъ возвышенный берегъ, на который не успѣлъ еще взобраться ледъ; буквою *a* помѣчены протоки рѣки, — *c* низменные острова изъ крупнаго песку или гальки. Внизу на разрѣзѣ по линіи *A* — *B* видно, что края ледянаго по-

крова *d* уже достигли поверхности песчаныхъ острововъ, но не взобрались еще на берегъ.

Дѣйствительно, я нашелъ большую часть гальковыхъ острововъ покрытой уже знакомымъ рыхлымъ снѣгомъ, который легко отличить отъ обыкновеннаго, находящагося на сушѣ, своею рыхлостью и своими красиво построенными кристаллами. Подъ нимъ лежалъ пропитанный водою кашицеобразный снѣгъ слоемъ до четырехъ дюймовъ толщиною, а проникая черезъ послѣдній, можно было добраться до гальки, которая вовсе не успѣла еще замерзнуть, и легко давала себя взрыть. Ледъ рѣки былъ чистъ и прозраченъ, но я не могъ его пробить; онъ былъ мѣстами толщиною отъ одного до двухъ футовъ и, повидимому, плотно примерзъ ко дну рѣки.

Если теперь сравнить явленія, наблюдавшіяся на обоихъ тарынахъ, то легко убѣдиться, что и тутъ, и тамъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же самымъ процессомъ; только на Кырѣ онъ идетъ много энергичнѣе съ одной стороны потому, что притокъ воды тутъ много значительнѣе, а съ другой и оттого, что тутъ играетъ роль рѣка. Обоимъ тарынамъ обще прежде всего то, что образованіе льда обусловливается подземною водою, потому что и Кыра работаетъ водою, выдавленною изъ земли, несмотря на то, что лишь на небольшомъ разстояніи кверху отъ тарына она течетъ не покрытая льдомъ и остается въ такомъ видѣ обыкновенно всю зиму. Но тамъ, подкрѣпленная, какъ увидимъ далѣе, значительнымъ подземнымъ притокомъ, она стремится по сильно наклонному руслу и имѣетъ значительную силу паденія, благодаря чему, вѣроятно, и не образуетъ ледянаго покрова. Тотчасъ-же по выходѣ изъ горной области, Кыра вступаетъ въ широкую плоскую долину, гдѣ сила ея теченія распредѣляется по безчисленнымъ рукавамъ, а потому рѣка прокладываетъ свой дальнѣйшій путь много медленнѣе и уровень воды въ ней колеблется отъ нѣсколькихъ дюймовъ до одного фута. Такимъ образомъ она подвергается здѣсь полному вліянію холода, а потому скоро и промерзаетъ до самаго дна. Притекающая сверху вода находитъ,

слѣдовательно, свой путь закрытымъ, должна искать другаго и выступаетъ черезъ еще не замерзшую подпочву дна въ гальковыя отмели, которыя, будучи защищены лежащимъ на нихъ снѣгомъ, тоже не успѣли еще замерзнуть. Сначала смачивается самый низшій слой снѣжнаго покрова отмелей, а по краямъ послѣднихъ выступаетъ на ледяной покровъ рѣки излишняя вода послѣ того, какъ уровень ея подъ снѣгомъ настолько поднялся, что она можетъ стекать. Изливаясь при этомъ крайне тонкимъ слоемъ, вода тѣмъ легче замерзаетъ при очень низкой температурѣ воздуха и обусловливаетъ непрерывное наростаніе обледенѣлыхъ краевъ отмелей, вслѣдствіе чего уровень воды въ гальковыхъ отмеляхъ соотвѣтственно возвышается, пока наконецъ не пропитаетъ весь лежащій на ней снѣгъ. Разъ это случилось, дальнѣйшій ходъ процесса будетъ зависѣть отъ количества притекающей воды и отъ температуры воздуха. Если притокъ слабъ, то слой воды не можетъ долго противиться дѣйствію холода и тогда такая отмель совершенно замерзаетъ и приходитъ въ спокойное состояніе. Если же притокъ воды непрерывенъ и силенъ, то вода не замерзаетъ, а образуетъ на поверхности отмели толстый слой инея, который ставитъ предѣлъ дальнѣйшему проникновенію холода, и гальковая отмель въ состояніи продолжать свою работу. Дальнѣйшій процессъ идетъ тогда уже въ высшей степени правильно: края отмелей непрерывно изливаютъ воду тонкими слоями на ледъ тарына, чѣмъ и обусловливаютъ какъ свое собственное наростаніе, такъ и поднятіе тарына. Въ образованной такимъ способомъ ваннѣ уровень воды непрестанно поднимается, постоянно пропитываетъ лежащій сверху, обыкновенно отъ двухъ до трехъ дюймовъ толщиною, рыхлый слой кристалловъ инея и въ то же время непрерывно образуетъ новые кристаллы изъ пара, поднимающагося въ холодный воздухъ. Потому-то тарынъ, находящійся въ полной дѣятельности, почти безъ исключенія всегда мокрый на своей поверхности, а его возвышенія всѣ испускаютъ воду. Но сравнительно немногіе, очень мощные, имѣющіе въ своемъ распоряженіи большое количество воды, тарыны, какъ напр. на

рѣкѣ Кырѣ, дѣятельны въ теченіи всей зимы и на всемъ своемъ протяженіи. Большинство же сильно съуживаетъ свою дѣятельность къ серединѣ или къ концу зимы: многія изъ возвышеній, благодаря недостатку воды, замерзаютъ и, въ концѣ концовъ, лишь нѣкоторыя продолжаютъ испускать воду до наступленія весны. По первымъ изъ нихъ можно идти безъ затрудненій; по тонкому снѣжному покрову, ложащемуся поверхъ ихъ льда, тотчасъ же узнаешь, что тамъ сухо и избѣгаешь тогда сырыхъ и гладкихъ мѣстъ.

На тарынѣ, образовавшемся на кочковатомъ болотѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что причиною его является подземный токъ воды. Въ теплое время года вода просачивалась подъ дерновой покрышкой въ Селегняхъ, потому что количество ея было недостаточно, чтобы образовать открытый ручеекъ. Когда же холодъ настолько усилился, что могъ проникнуть глубже въ землю и преградилъ тѣмъ самымъ дорогу водѣ, послѣдняя должна была избрать себѣ иной путь и стала сочиться черезъ дернъ. Но пробраться она имѣла возможность лишь черезъ кочки, потому что только онѣ оставались еще не замерзшими въ серединѣ, такъ какъ были защищены снѣжной верхушкой. Вслѣдствіе этого вода проникала въ кочку, образовывала вокругъ нея сначала возвышенную закраину для стока на ледъ тарына, а въ концѣ концовъ и вышеуказанныя проводящія воду возвышенія, которыя встрѣчаешь почти на всѣхъ тарынахъ.

Совершенно такой же процессъ лежитъ въ основаніи образованія наледей на рѣкахъ Якутской области, потому что эти послѣднія отличаются отъ только что разсмотрѣннаго тарына лишь однимъ обстоятельствомъ. Именно, вода на нихъ течетъ не на землю и не на лежащій на сушѣ ледъ, а на ледяной покровъ рѣки, вслѣдствіе чего наледь и уносится весною вмѣстѣ съ послѣднимъ. Но рѣка въ своемъ теченіи получаетъ, вѣдь, не только поверхностный притокъ посредствомъ побочныхъ рѣчекъ и ручьевъ, а въ нее впадаетъ также очень много ключей и подземныхъ водяныхъ протоковъ. Когда рѣка осенью замерзаетъ, то вначалѣ многія, даже

большинство изъ этихъ подземныхъ жилокъ, продолжаютъ свою дѣятельность подъ водою до тѣхъ поръ, пока ее допускаетъ незначительная толщина ледянаго покрова на берегу. При крутыхъ берегахъ моментъ этотъ наступаетъ позже, на пологихъ же раньше. Это потому, что вода въ медленнѣе текущихъ боковыхъ рукавахъ обыкновенно быстро облекается въ мощный ледяной покровъ, примерзающій къ низменному берегу. Тогда подпочвенныя воды должны подняться, прорвать въ какомъ-нибудь мѣстѣ береговой откосъ и такимъ образомъ излиться на рѣчной ледъ. Такъ оно и бываетъ, при томъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, потому что вода необыкновенно упорно придерживается разъ ею проложеннаго пути, какъ это въ достаточной мѣрѣ доказано изслѣдованіями надъ ключами. То обстоятельство, что въ снѣжныя и болѣе теплыя зимы образуется много менѣе наледей, чѣмъ въ холодныя и особенно малоснѣжныя, имѣетъ свое основаніе, очевидно, въ томъ, что въ первомъ случаѣ рѣчной ледъ не такъ толстъ, рѣки же вообще богаче водою, а потому ледъ менѣе прилегаетъ къ берегу. Такимъ образомъ очень многимъ ключамъ дана возможность сообщаться съ рѣкою подо льдомъ. Если же, вслѣдствіе низкаго уровня воды, рѣчной ледъ приляжетъ плотнѣе къ берегу, то онъ примерзаетъ къ послѣднему; благодаря этому примерзанію, берегъ становится на значительномъ протяженіи не способнымъ пропускать воду и заставляетъ ключи прорываться надо льдомъ. Вполнѣ естественно, что такимъ образомъ просачивающаяся вода не находится ни въ какомъ сообщеніи съ водою въ рѣкѣ, и что послѣдняя, получая значительное количество воды поверхъ льда, тѣмъ не менѣе не въ состояніи выпустить таковую изъ своихъ открытыхъ трещинъ. Точно также вполнѣ понятно, что эта изливающаяся поверхъ льда вода можетъ занять всю ширину лишь маленькихъ рѣчекъ, на такихъ же могучихъ, какъ Лена, замѣчается только у береговъ.

Просачиваніемъ воды, наблюдаемымъ на тарынахъ и наледяхъ болѣе крупныхъ рѣкъ, объясняется и появленіе мелкаго ила, который находишь на большинствѣ тарыновъ и который Мид-

дендорфъ сравнивалъ съ ледниковымъ иломъ. Зимою, во время полной дѣятельности тарыновъ его замѣчаешь рѣдко и только на такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ собирается въ большомъ количествѣ. Весною же и лѣтомъ, когда разрушеніе наледей подвинулось уже сильно впередъ, его наблюдаешь очень часто въ видѣ неправильныхъ, но образующихъ почти всегда замкнутыя фигуры, линій, расположенныхъ на льду. Эти фигуры изображаютъ тогда съ большою точностію форму существовавшихъ зимою и проводившихъ воду возвышеній; поэтому онѣ окружаютъ гальковыя отмели, острова и другія мѣста, гдѣ эти возвышенія возникали зимою. Фигуры эти образуются изъ тѣхъ мелкихъ частичекъ ила, которыя вода выносила съ собою изъ земли и отложила по краямъ мѣстъ, изъ которыхъ она просачивалась.

Теперь возникаетъ вопросъ, отчего въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ Сибири, въ которыхъ зимняя стужа тоже, вѣдь, ежегодно доходитъ до тридцати градусовъ мороза, не встрѣчается тарыновъ и не наблюдалось наледей изъ рѣчнаго снѣга. На это можно отвѣтить, что подобныя тарынамъ образованія несомнѣнно встрѣчаются въ богатомъ ключами Забайкальѣ; можно сказать, что почти каждый ключъ образуетъ вокругъ себя тарынъ, благодаря бьющей изъ него въ холодное время года водѣ, но такія скопленія льда занимаютъ лишь незначительное пространство и очень быстро исчезаютъ теплою и сухою весною, свойственною этой области. Въ болѣе высокихъ поясахъ горъ находятъ, далѣе, накопленія льда, доставляющія часто путешественникамъ много хлопотъ и имѣющія подобное же происхожденіе. Они встрѣчаются на источникахъ, пробивающихся въ крутыхъ или по крайней мѣрѣ сильно покатыхъ склонахъ горъ. Источники этизимою обыкновенно не изсякаютъ, но образуютъ въ это время мощныя ледяныя скопленія, которыя, покуда держатся холода, не причиняютъ никакого другаго вреда кромѣ того, что съуживаютъ проходящую мимо нихъ дорогу. Весною же они могутъ причинить большія непріятности. Въ виду того, что горный склонъ, особенно въ томъ случаѣ, если онъ обращенъ на югъ, быстро нагрѣвается, колоссаль-

ная масса льду отдѣляется часто отъ него подъ вліяніемъ этой теплоты и постоянно просачивающейся ключевой воды и начинаетъ скользить. Она развиваетъ при этомъ громадную силу и можетъ погубить какъ разъ проходящій мимо обозъ. Это единственныя, если угодно, тарыно-образныя явленія, извѣстныя мнѣ въ Забайкальской области; но въ южныхъ частяхъ Енисейской губерніи и въ Иркутской губерніи я не могъ узнать ни о чемъ подобномъ и такія образованія тутъ вовсе неизвѣстны. По моему убѣжденію тарыны имѣютъ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Якутская область относится къ области вѣчно-мерзлой почвы: послѣдняя, если она остается только сухою, находится на извѣстной глубинѣ въ постоянно замерзшемъ состояніи. Какъ извѣстно, во время своего Сибирскаго путешествія Миддендорфъ удѣлялъ особенное вниманіе этому состоянію почвы Якутской области и первый доказалъ мерзлое ея состояніе на такомъ громадномъ пространствѣ.

Дѣйствительно, существованіе тарыновъ, какими мы ихъ наблюдаемъ въ Якутской области, и встрѣчающихся тоже только тутъ, возникающихъ вышеуказаннымъ своеобразнымъ путемъ наледей можетъ быть объяснено исключительно допущеніемъ постоянно мерзлой на извѣстной глубинѣ, сухой почвы. Если исключить послѣднее обстоятельство, то и всякое возникновеніе тарына и наледей со стороны берега становится невозможнымъ. Миддендорфъ, правда, утверждалъ, что подъ вліяніемъ морозовъ рѣки превращаются въ рядъ озеръ и что даже многія незначительныя рѣки промерзаютъ до дна, не образуя въ этомъ случаѣ наледей, но онъ не далъ вполнѣ убѣдительныхъ тому доказательствъ. Онъ приводитъ, конечно, случаи, въ которыхъ, будто-бы, на небольшихъ рѣчкахъ нельзя было часто получить воды изъ проруби благодаря тому, что ледъ доходилъ до дна и рѣки такимъ образомъ переставали течь. Но позволительно усумниться, чтобы первое обстоятельство непремѣнно обусловливало послѣднее. Имѣя въ виду это выяснить, при остановкакъ въ тѣхъ якутскихъ юртахъ, гдѣ уже топили ледъ, я заставлялъ показывать себѣ прорубь и при изслѣ-

дованіи дѣйствительно находилъ, что ледъ достигалъ значительной толщины. Приказавъ, однако, разбить ледъ, которымъ затянулась прорубь у своего основанія послѣ того, какъ изъ нея перестали брать воду, я нашелъ, въ одномъ случаѣ, что текущей воды подъ нимъ не было, но что песокъ дна вовсе не замерзъ и былъ насквозь пропитанъ водою. Въ другомъ случаѣ подо льдомъ былъ еще даже слой воды отъ одного до двухъ дюймовъ глубиною, но, конечно, далеко недостаточный для того, чтобы наполнить опущенное ведро, а потому и приходилось прибѣгать къ растапливанію льда. То же самое можно сказать и относительно превращенія рѣкъ въ цѣпь озеръ. Тутъ, какъ и тамъ, ледъ разросся до дна, но не примерзъ къ послѣднему, вода же, количество которой въ Якутской области зимою обыкновенно очень незначительно, проложила себѣ дальнѣйшую дорогу въ почвѣ. Только въ томъ случаѣ, если ей закрытъ и этотъ послѣдній путь, образуется тарынъ, но тогда обязательно, потому что водѣ необходимо же имѣть какой либо стокъ. Въ мѣстахъ, гдѣ земля не замерзла, подобный стокъ всегда открытъ ей въ глубинѣ почвы, а потому въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ подпочвенной мерзлоты, не могутъ возникать ни истинные тарыны, ни образующіяся со стороны берега наледи на рѣкахъ.

Характерной чертой трудовъ господина Миддендорфа является то обстоятельство, что выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ своихъ наблюденій, не всюду согласуются съ этими самыми наблюденіями, а потому могутъ легко ввести въ заблужденіе. Послѣднія, т. е. сами наблюденія, произведены всѣ безъ исключенія съ такою тщательностью, съ такимъ хладнокровнымъ обсужденіемъ обстоятельствъ, при которыхъ они дѣлались, что ихъ постоянно приходится принимать за неискаженное свидѣтельство дѣйствительно видѣннаго и пережитаго; по нимъ оцѣниваешь и критикуешь свои личныя впечатлѣнія. Такое же неприложное значеніе незамѣтнымъ образомъ передается и сдѣланнымъ изъ нихъ выводамъ. Не всегда представляется случай добраться до основныхъ посылокъ научнаго вывода, который дѣлаетъ изъ своихъ наблю-

деній этотъ естествоиспытатель: принимаешь, что выводъ надеженъ потому, что наблюденія оказывались всегда вѣрными; но тутъ-то и попадаешь часто въ крайне неловкое положеніе. Послѣднее заключается именно въ томъ, что данныя Миддендорфа часто не согласуются съ тѣмъ, что наблюдаешь самъ; подчиняясь такому надежному авторитету, сбиваешься съ толку, снова дѣлаешь наблюденіе, а въ концѣ концовъ, не имѣя все же возможности согласить полученные результаты, становишься склоннымъ безо всякаго основанія отказываться отъ своихъ собственныхъ изслѣдованій, какъ сдѣланныхъ почему либо неправильно. Если же снова возмешься за труды Миддендорфа, то очень часто имѣешь возможность убѣдиться, что тѣ-же самыя возраженія, какія приходится дѣлать его выводамъ на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій, давнымъ давно приходили на мысль и самому автору; но, несмотря на то, послѣдній не считалъ себя принужденнымъ перемѣнить свой первоначальный взглядъ, а напротивъ, онъ еще упорнѣе придерживается его и признаетъ противорѣчащія данныя лишь за ничего въ сущности не значащія исключенія, нисколько не измѣняющія цѣлаго.

Такимъ именно образомъ поступилъ онъ относительно наледей и тѣмъ несомнѣнно далъ широкое распространеніе совершенно ложному понятію объ этихъ образованіяхъ. Изъ доступныхъ мнѣ сочиненій этого ученаго я вижу, что впервые онъ высказалъ свой взглядъ на наледи въ послѣсловіи къ напечатанному въ Bulletin der Akademie der Wissenschaften, 3 (15) Dec. 1852, сообщенію г-на Фонъ-Дитмара о ледяныхъ котловинахъ. Въ этомъ «Zusatz» (стр. 492) совершенно ясно говорится слѣдующее: «Основную причину возникновенія этихъ ледяныхъ массъ мы должны несомнѣнно искать въ томъ, что температура поверхности земли дна долины, на которомъ вода превращается въ ледъ, держится ниже точки замерзанія въ теченіи цѣлаго года или по крайней мѣрѣ въ теченіи большей его части. Отъ этого зависитъ тѣсное, полирующее приставаніе самыхъ нижнихъ слоевъ льда къ землѣ, которому способствуетъ осеннее маловодіе рѣкъ тѣхъ мѣстностей

(493 стр.). Такія наледи, въ какой-бы формѣ онѣ ни встрѣчались, въ дѣйствительности обязаны своимъ происхожденіемъ всегда водѣ, находящейся поверхъ льда. Послѣдняя можетъ имѣть либо достаточное паденіе и умѣренный притокъ, либо незначительное паденіе и сравнительно очень большой притокъ. Въ первомъ случаѣ она разливается тонкими слоями по равнинѣ, и въ очень скоромъ времени замерзаетъ во всю толщину своего слоя, такъ что вновь притекающая вода принуждена струиться по постоянно наростающему слоями ледяному руслу. Во второмъ случаѣ — даны условія для образованія глубокаго водоёма, особенно, если въ почвѣ встрѣчаются углубленія; тогда на поверхности воды образуется обыкновенный ледяной покровъ, который трескается и покрывается, черезъ разщелины, водой. Это выступаніе воды изъ трещинъ можетъ зависѣть или отъ сильнаго притока воды подо льдомъ, или оттого, что оттокъ послѣдней слишкомъ затрудненъ образованіемъ грунтоваго льда на болѣе мелкихъ мѣстахъ; какъ та, такъ и другая причина не позволяютъ водѣ умѣщаться подо льдомъ, особенно когда ледъ слишкомъ тѣсно примкнулъ и примерзъ ко дну, и, благодаря этому обстоятельству, не можетъ быть равномѣрно поднятъ водой. Только что упомянутая, выступившая на ледъ вода можетъ или снова запрудиться и подернуться льдомъ, или она примерзаетъ вышеуказаннымъ способомъ тонкими слоями и превращается въ наледь. Нерѣдко вытекающая вода пробивается черезъ болѣе узкое отверстіе тонкой струей, замерзающей при своемъ истеченіи вокругъ отверстія въ видѣ ледянаго кольца, которое наростаетъ слоями все выше и выше и напоминаетъ собою очертаніе вулканическаго кратера. Мнѣ однажды случилось въ видѣ исключенія встрѣтить подобный ледяной конусъ, кратеро-образное отверстіе котораго возвышалось надъ окружающей его ледяной поверхностью футовъ на двадцать (6).

«Если я коснулся этого предмета болѣе подробно, то только съ цѣлью доказать, что наледи обледенѣлыхъ долинъ Сибири представляютъ собою совершенно тѣ же явленія (если не считать ихъ

несравненно большее развитіе) которыя у насъ въ Лифляндіи зимою встрѣчаются повседневно.

«Толщина наледей въ обледенѣлыхъ долинахъ сибирскихъ горъ значительно разростается благодаря господствующимъ тамъ сильнымъ снѣгамъ».

Это писалъ Миддендорфъ въ 1852 году. Въ 1861 году появилась первая часть четвертаго тома «Путешествія» и на страницѣ 447 авторъ высказываетъ слѣдующее.

«Изъ предстоящаго описанія двухъ сильно отличающихся другъ отъ друга типовъ обледенѣлыхъ долинъ, которые я имѣлъ случай наблюдать, читатель убѣдится, что я до сихъ поръ остаюсь при совершенно томъ-же мнѣніи, которое высказалъ восемь лѣтъ тому назадъ въ моемъ «Zusatz» къ прекраснымъ наблюденіямъ Дитмара «Ueber die Eismulden im östlichen Sibirien».

Изъ приведенныхъ выше цитатъ становится яснымъ, что Миддендорфъ считаетъ обледенѣніе долинъ Сибири и наледи, образующіяся на нашихъ рѣкахъ, за одно и то-же явленіе и допускаетъ между ними лишь количественную разницу. Но въ такомъ случаѣ непонятно, почему наледи Сибири безусловно необходимо связывать съ вѣчно-мерзлою почвою, какъ того вполнѣ опредѣленно требуетъ Миддендорфъ въ другомъ мѣстѣ своего труда. Если землѣ достаточно замерзнуть только поверхностно, чтобы привязать къ себѣ просочившійся и замерзшій слой воды настолько плотно, чтобы онъ не могъ быть уже поднятъ вновь притекающей водой, то это условіе могло бы быть дано и нашею почвою, такъ какъ она ежегодно промерзаетъ на два или на три фута. Но у насъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ подобныя наледи никогда не встрѣчаются. У насъ нигдѣ нѣтъ плотно прилежащихъ къ землѣ накопленій льда, мы знаемъ только наледи на рѣкахъ, которыя образуются мѣстами къ концу зимы и всегда являются признакомъ того, что подъ вліяніемъ лучей весенняго солнца въ рѣкѣ появляется свѣжій притокъ воды.

Въ другомъ мѣстѣ у Миддендорфа (Томъ IV, часть 1, стр. 448) читаемъ: «Такимъ образомъ мы дошли до предположенія,

что наледи достигаютъ своего наивысшаго развитія близъ границъ области вѣчно-мерзлой почвы, гдѣ температура почвы держится у точки замерзанія; дѣйствительно, внѣ этой границы почва и особенно вода ключей слишкомъ тепла, а при углубленіи внутрь отъ той-же границы существованіе ключей, благодаря сильному холоду въ почвѣ, становится невозможнымъ или они встрѣчаются очень рѣдко».

Миддендорфъ наблюдалъ упоминаемыя имъ двѣ обледенѣлыя долины на Аимѣ, впадающемъ въ Маю, и на Селендѣ, текущей въ Учуръ, подъ 58 и 57 градусами с. шир. Въ виду того, что онъ, вполнѣ согласуясь съ фактами, принимаетъ распространеніе вѣчно-мерзлой почвы до истоковъ Амура, то становится не вполнѣ яснымъ, какимъ образомъ можетъ онъ пріурочить 58 и 57 градусы широты къ границѣ области вѣчно-мерзлой почвы, которая опускается по крайней мѣрѣ до 53, а въ дѣйствительности замѣчается и еще южнѣе. Помимо того ему очень хорошо было извѣстно, что обледенѣлыя долины встрѣчаются по всей Якутской области вплоть до побережья Ледовитаго океана, и что, слѣдовательно, 58 и 57 градусы никакъ нельзя считать за границу распространенія вѣчно-мерзлой почвы.

И такъ, въ его толкованіяхъ встрѣчается противорѣчіе, которое нельзя понять и которое не согласуется также и съ фактами; впрочемъ, сказанное находится въ связи съ его взглядами на вѣчно-мерзлую почву вообще.

II.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

КЪ

КАРТѢ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ,

СОСТАВЛЕННОЙ

БАРОНОМЪ **Г. Л. Майделемъ.**

Въ 1884 году появилась карта азіатскихъ владѣній Россіи, изданная Генеральнымъ Штабомъ въ Петербургѣ. Эта работа, потребовавшая для своего исполненія много лѣтъ, представляется самой лучшей и самой новой изо всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ по картографіи сѣверной Азіи. Поэтому можетъ показаться совершенно излишнимъ теперь же выступать съ новой картой Якутской области, которая къ тому же цѣликомъ нанесена на упомянутую выше, и тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время не было предпринимаемо въ тѣхъ областяхъ значительныхъ путешествій и изслѣдованій, которыя существеннымъ образомъ обогатили бы наши познанія относительно географіи этой части Азіи. Если же мы, тѣмъ не менѣе, не оставляемъ нашего намѣренія, то должны сказать по этому поводу нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что картою Генеральнаго Штаба намѣревались дать возможно полную картину теперешнихъ нашихъ географическихъ познаній Азіатской Россіи. Но послѣдняя настолько обширна, а матеріалы для ея описанія такъ мало приведены въ порядокъ и такъ разбросаны, что не было никакой возможности воспользоваться всѣмъ, что до нея касается, въ желаемой полнотѣ и совершенствѣ. Такимъ образомъ, къ осуществленію карты положено было только начало, которое, правда, разчистило путь и исправило много изстари укоренившихся ошибокъ, но которое все же является только опытомъ. Поэтому мы полагаемъ, что всякая попытка, направленная къ пополненію

пробѣловъ, неизбѣжныхъ въ такой обширной и многосложной работѣ, путемъ составленія детальныхъ картъ, можетъ считаться лишь желательнымъ продолженіемъ и разработкой упоминаемой обширной карты. Но не одно только послѣднее обстоятельство руководитъ нами. Мы считаемъ безусловно необходимымъ не только дать новую карту Якутской области, но и представить къ ней объяснительную записку, изъ которой были бы видны, съ одной стороны, источники, на которыхъ эта карта основана, а съ другой — приводились бы данныя, позволяющія судить насколько ей можно довѣрять.

Каждому, кто занимался этимъ предметомъ хотя бы поверхностно, хорошо извѣстно, что не ко всѣмъ картамъ какого-либо географическаго атласа можно относиться съ одинаковой степенью довѣрія; карты Европы напр. точнѣе, чѣмъ карты другихъ частей свѣта, и карты отдѣльныхъ государствъ Европы, въ свою очередь, не одинаковы по своему совершенству. Въ общемъ, конечно, если не производить спеціальныхъ изслѣдованій, можно и ими удовольствоваться, но дѣло принимаетъ другой оборотъ, если нужно добыть возможно точныя свѣдѣнія о какой либо части земной поверхности. Въ этомъ случаѣ очень важно точно знать насколько можно довѣрять извѣстной картѣ, и попадаешь въ большое затрудненіе, если имѣешь предъ собою двѣ противорѣчащія одна другой карты и не въ состояніи разобраться, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе.

Такія дилеммы чаще всего представляются, если имѣешь дѣло съ картами русскихъ владѣній въ Азіи; это происходитъ оттого, что источники, ихъ касающіеся, въ общемъ мало доступны. Поэтому намъ кажется крайне желательнымъ сдѣлать сводку, если и не всего относящагося сюда матеріала,—что оказалось невозможнымъ,—то по крайней мѣрѣ того, который былъ доставленъ путешествіями послѣдняго времени и на которомъ основана предлагаемая карта Якутской области.

Въ виду того, что въ настоящее время мы располагаемъ относительно небольшимъ числомъ астрономическихъ пунктовъ, со-

единенныхъ лишь рѣдкими, сравнительно съ громаднымъ протяженіемъ области, маршрутами, всѣ же остальные промежутки этой крупноячеистой сѣти выполнены на основаніи разспросныхъ свѣдѣній, не мудрено, если впослѣдствіи намъ предстоитъ придти къ крайне неутѣшительному выводу и убѣдиться, что настоящія наши свѣдѣнія о Якутской области до такой степени скудны и такъ неполны, что мы врядъ-ли въ правѣ теперь же наносить ихъ на бумагу въ видѣ детальной картины. Но всякій, кто возьметъ въ руки нашу карту, будетъ по крайней мѣрѣ знать при чемъ онъ находится и не попадетъ въ непріятное положеніе, принимая за вѣрно-установленное то, что въ дѣйствительности весьма проблемматично.

Лица, составлявшія съ большой затратой времени и труда карту Генеральнаго Штаба, обращали главное свое вниманіе, очевидно, на ея западную и южную части, потому что для этихъ мѣстъ имѣли въ своемъ распоряженіи большее число недурно исполненныхъ спеціальныхъ картъ. Крайній сѣверо-востокъ представлялъ самъ по себѣ меньше интереса, а потому могъ быть обработанъ тѣмъ болѣе поверхностно, что недостатокъ матеріала былъ хорошо извѣстенъ; время и силы были направлены туда, гдѣ ихъ можно было употребить съ большей пользой. Въ тѣхъ случаяхъ, если всѣ источники не точны и противорѣчатъ другъ другу, мало-заинтересованный человѣкъ не имѣетъ особенныхъ причинъ разсматривать ихъ очень подробно и тщательно взвѣшивать, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе, — всѣ они одинаково болѣе или менѣе сомнительны. Поэтому вполнѣ понятно, что при внимательномъ изученіи карты Генеральнаго Штаба мы съ одной стороны замѣчаемъ, что она составлена по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, а съ другой стороны находимъ, какъ не полно воспользовались этими новыми источниками: данныя, почерпнутыя изъ нихъ, часто даже нанесены неправильно. Эти ошибки и пробѣлы главнымъ образомъ и должны быть исправлены и отмѣчены на нашей картѣ, и если наши данныя не могутъ претендовать на абсолютную достовѣрность, то онѣ имѣютъ по крайней мѣрѣ то пре-

имущество, что воспроизводятся такъ, какъ ихъ помѣтили на мѣстѣ тѣ лица, которыя ихъ собирали. Только при этихъ условіяхъ карта, даже если она неправильна, можетъ быть полезна будущимъ путешественникамъ, потому что она послужитъ имъ основой въ ихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ. Каждому путешествовавшему хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что отъ туземцевъ можно собрать часто поразительно точныя свѣдѣнія о мѣстности, но что эти свѣдѣнія оказываются вѣрными только относительно очень небольшаго района; если же дашь своему любопытству слишкомъ широкій просторъ, то почти всегда будешь введенъ въ заблужденіе. Имѣя однако при себѣ уже готовую, хотя и съ большими пробѣлами карту, на основаніи которой можно начертить туземцамъ приблизительную картину дальнѣйшихъ окрестностей, легко заставить ихъ оріентироваться и добиться большей точности въ ихъ отвѣтахъ; въ этомъ не трудно убѣдиться впослѣдствіи, провѣряя полученныя свѣдѣнія путемъ контрольныхъ разспросовъ. Изъ сказаннаго явствуютъ цѣль и намѣреніе, которыя руководили мною при составленіи предлагаемой карты. На нее нельзя поэтому смотрѣть какъ на новую карту Якутской области: она представляетъ собою лишь усовершенствованіе листовъ III и IV карты Генеральнаго Штаба, на основаніи которой она и набросана. При этомъ можетъ показаться страннымъ, что я не удержалъ сѣтку карты Генеральнаго Штаба, а считалъ долготу отъ Ферро. Такое отступленіе имѣло свое основаніе въ томъ, что всѣ астрономическіе пункты пришлось наносить вновь: большинство изъ нихъ было нанесено неправильно, и потому казалось цѣлесообразнѣе избрать ту сѣть, которая соотвѣтствуетъ значительному большинству астрономическихъ пунктовъ.

Какъ въ «Table des positions géographiques» *), такъ и въ «Указателѣ долготы и широты» **) долгота считается отъ Ферро;

*) Schubert: Exposé des travaux astronomiques et géodésiques exécutés en Russie. St. Pétersbourg. 1858.

**) Шварцъ: Труды Сибирской Экспедиціи Императорскаго Географическаго Общества. Математическій отдѣлъ. С.-Петербургъ. 1864.

въ виду того, что всѣ пункты должны были наноситься вновь, было удобнѣе придержаться оригинальныхъ указаній и воспользоваться при этомъ старой сѣткой. Разница между Ферро и Пулковымъ, отъ котораго долгота считается на картѣ Генеральнаго Штаба точно составляетъ 47° 59′ 30,7″. Но въ виду того, что мы имѣемъ дѣло съ градусами широты къ сѣверу отъ 54°, а карта рисована въ маасштабѣ 100 верстъ въ англійскомъ дюймѣ, мы, не задумываясь, можемъ принять эту разницу въ 48°, такъ какъ при данномъ маасштабѣ 29,3″ лежатъ въ предѣлахъ неминуемой неточности.

Важнымъ недостаткомъ нашей карты является то обстоятельство, что указанный выше маасштабъ оказался слишкомъ недостаточнымъ, когда на нее были нанесены всѣ детали, игнорированныя на картѣ Генеральнаго Штаба. Поэтому было бы болѣе желательнымъ взять 40-верстный маасштабъ, который принятъ и на картѣ Шварца. Увеличеніе карты сопряжено однако съ большими издержками, а потому мысль эта была оставлена тѣмъ болѣе легко, что въ этомъ отношеніи неудовлетворительна только часть карты, — для крайняго сѣвера, гдѣ подробности изслѣдованы очень недостаточно, маасштабъ карты Генеральнаго Штаба вполнѣ пригоденъ. Но чтобы изъ за большаго количества названій, особенно въ области Витима, Мап и др. рѣкъ, карта не проиграла въ ясности я старался помочь дѣлу тѣмъ, что далъ точный списокъ всѣхъ названій рѣкъ, расположивъ ихъ по системамъ. Конечно это только палліативъ, но при указанныхъ обстоятельствахъ ничего другаго нельзя было придумать.

До появленія карты Генеральнаго Штаба наши географическія познанія Якутской области были въ довольно плачевномъ состояніи. Основаніемъ всѣхъ прежнихъ картъ этой области болѣе или менѣе служила старинная карта Познякова 1825 года. Эта послѣдняя несомнѣнно представляла большой шагъ впередъ, сравнительно съ предшествовавшей ей картой Сарычова, кото-

рая въ свое время давала почти всю сумму свѣдѣній, имѣвшихся о той странѣ. Но нельзя сказать, чтобы Позняковъ въ достаточной мѣрѣ воспользовался всѣмъ пригоднымъ матеріаломъ, находившимся въ его распоряженіи. Ему были доступны результаты путешествій Анжу и Врангеля, и онъ нанесъ даже маршруты нѣкоторыхъ поѣздокъ, совершенныхъ первымъ изъ путешественниковъ по льду Ледовитаго океана; тѣмъ не менѣе, какъ побережье Ледовитаго океана такъ и острова изображены Позняковымъ крайне ошибочно.

Анжу не оставилъ послѣ себя никакого сочиненія, карта же, приложенная къ труду Врангеля, была исполнена въ его отсутствіи, а потому изслѣдованія этихъ двухъ путешественниковъ и ихъ спутниковъ въ теченіи долгаго времени оставались недостаточно утилизированными и были изданы впервые, много лѣтъ спустя, Восточно-Сибирскимъ Генеральнымъ Штабомъ въ Иркутскѣ.

Трудамъ Анжу и Врангеля мы обязаны теперешними нашими познаніями побережья Ледовитаго океана отъ устья Лены до Колючинской губы. Для побережья къ востоку отъ послѣдняго пункта, приблизительно до устья Анадыра, мы имѣемъ матеріалъ въ видѣ съемокъ, сдѣланныхъ экспедиціей Биллингса, и астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ адмираломъ Литке. Оригиналы работъ этихъ двухъ изслѣдователей и ихъ спутниковъ—Матюшкина, Бережныхъ и Козмина произведены съ большой точностью при посредствѣ многихъ астрономическихъ пунктовъ, но до сихъ поръ лежатъ еще въ архивѣ Гидрографическаго Департамента въ С.-Петербургѣ. Такимъ образомъ въ распоряженіи Познякова находился наилучшій матеріалъ, оставалось только желать, чтобы онъ полнѣе его утилизировалъ. Помимо перечисленнаго, при составленіи своей карты онъ могъ воспользоваться еще цѣлымъ рядомъ астрономическихъ пунктовъ на Ленѣ, Янѣ, Колымѣ, двухъ Анюяхъ и на побережьи Охотскаго моря. Но приведеннымъ и исчерпывается весь достовѣрный матеріалъ. Великая Сибирская экспедиція, точно такъ же, какъ и экспедиція подъ начальствомъ

Биллингса, не оставили особенно замѣтныхъ слѣдовъ въ области картографіи, поскольку она касается Якутской области; на карту же Сарычова можно смотрѣть только какъ на результатъ разспросныхъ свѣдѣній и крайне примитивно составленныхъ маршрутовъ. Не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что въ Сибири уже давно старались составлять различныя мѣстныя карты, потому что многія изъ нихъ дошли и до насъ; но столь же достовѣрно и то, что эти произведенія крайне несовершенны и являются невообразимою смѣсью истины съ измышленіемъ, разобрать которую часто нѣтъ никакой возможности. Они представляютъ собою преимущественно опыты маршрутовъ по давно извѣстнымъ путямъ на востокъ и сѣверо-востокъ; исходнымъ пунктомъ ихъ служитъ большою частію Алданъ или Амга, дальнѣйшее направленіе принимается на Охотскъ, или черезъ систему истоковъ Индигирки на Верхнеколымскъ. Только впослѣдствіи, со временъ Врангеля и Анжу изслѣдователи избирали путь на сѣверо-востокъ черезъ Верхоянскъ. Оригиналовъ маршрутовъ всѣхъ этихъ путешествій мы вовсе не имѣемъ, да по всей вѣроятности ихъ никогда и не было, какъ то вполнѣ доказано относительно путешествій Биллингса по Чукотской землѣ; повидимому, они были составлены впослѣдствіи по даннымъ, найденнымъ въ дневникахъ путешественниковъ. Такимъ образомъ матеріаломъ для картъ Сарычова, а впослѣдствіи и Позпякова служили, собственно говоря, подобные дневники, а можетъ быть и нѣсколько мѣстныхъ картъ, исполненныхъ въ Якутскѣ.

Если принять это въ соображеніе, и сравнить карту Позпякова съ картою Генеральнаго Штаба, то приходится удивляться, съ какою тщательностью умѣли прежніе изслѣдователи разузнавать отъ туземцевъ различныя свѣдѣнія и какимъ обширнымъ знаніемъ мѣстности обладаютъ эти послѣдніе. У Позпякова несомнѣнно много грубыхъ ошибокъ, но въ общемъ системы рѣкъ набросаны поразительно вѣрно, да къ тому же въ такой обширной области, гдѣ врядъ-ли была какая либо надежная точка опоры. Сравнительно вѣрно нанесены не только рѣки, лежащія

на пути къ Охотскому морю, но также и тѣ, которыхъ сами ученые изслѣдователи вовсе не касались (какъ напр. Олекма, Учуръ и другія) и о которыхъ они могли почерпнуть свѣдѣнія только изъ разспросовъ туземцевъ или изъ разсказовъ казаковъ, посѣщавшихъ эти дороги по порученію правительства.

Позже, чѣмъ карта Познякова появилась карта Врангеля, только въ 1841 году. Нѣтъ, однако, никакаго сомнѣнія въ томъ, что Познякову были доступны не только труды этой экспедиціи, но и весь тотъ матеріалъ, на основаніи котораго впослѣдствіи составили карту Врангеля. Это слѣдуетъ какъ изъ того, что онъ включилъ въ свою карту данныя Анжу о Янѣ, такъ и изъ того, что эта рѣка нанесена у него много правильнѣе, чѣмъ у Врангеля, который касался ея только зимою на своемъ пути туда и обратно, тогда какъ Анжу имѣлъ на ней свою главную квартиру. На картѣ Врангеля изображены только сѣверная и сѣверо-восточная части Якутской области; но она имѣетъ большое значеніе въ томъ отношеніи, что является до новѣйшаго времени послѣдней, которая составлена для этой части области на мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ лицомъ, бывшимъ на мѣстѣ. Мы должны придавать этой картѣ тѣмъ большее значеніе, что все впослѣдствіи сдѣланное для тѣхъ мѣстностей, за исключеніемъ карты С.-Петербургскаго Генеральнаго Штаба, послужило, какъ это скоро будетъ показано, только къ тому, чтобы заставить позабыть уже добытое и заглушить старую истину новыми ошибками и заблужденіями.

Послѣ Анжу, Врангеля и ихъ спутниковъ, обогащеніемъ нашихъ познаній относительно Якутской области мы обязаны Эрману и спутнику Врангеля — Козмину, путешествовавшимъ въ 1828—29 годахъ. Эрманъ проѣхалъ отъ Якутска въ Охотскъ, а оттуда въ Камчатку, а Козминъ отправился изъ Якутска на рѣку Удъ, а затѣмъ сдѣлалъ съемку побережья Охотскаго моря отъ устья этой рѣки до Охотска.

Карта Козмина появилась въ 1829 году, карта же Эрмана только въ 1835 году. Оба эти путешествія имѣли большое

значеніе въ дѣлѣ географическаго познанія областей, въ которыхъ онѣ были совершены. Благодаря имъ, мы впервые получили два маршрута по возвышающейся террасами высокой горной области къ востоку отъ Лены, сдѣланные въ двухъ различныхъ направленіяхъ научно-образованными людьми и давшіе намъ возможность ознакомиться съ этой обширной горной страной. Въ особенности работа Эрмана, съ ея многочисленными и тщательными опредѣленіями высотъ еще и до сихъ поръ важна для уразумѣнія построенія Становаго хребра. Маршруты, конечно, были продолжены и далѣе на основаніи разспросовъ туземцевъ и разсказовъ проводниковъ, а въ картахъ, составленныхъ путешественниками, исправляется нѣсколько старыхъ ошибокъ; но мы находимъ въ нихъ и кое-какія неправильности, которыхъ впрочемъ при такихъ быстрыхъ поѣздкахъ трудно избѣжать.

Если карта Козмина въ той своей части, которая касается внутренности страны, и оставляла кое-чего желать, то этотъ пробѣлъ въ очень скоромъ времени, въ 1842 году, былъ пополненъ Миддендорфомъ, шедшимъ по той же дорогѣ и опубликовавшимъ прекрасный, составленный топографомъ Вагановымъ маршрутъ. Большое значеніе для топографическаго познанія Якутской области имѣетъ не только приложенный къ этому путешествію атласъ, но и въ самомъ трудѣ находится масса новыхъ изслѣдованій относительно Становаго хребта и берущихъ съ него начало притоковъ Алдана, такъ что названное путешествіе положило, можно сказать, начало научному изслѣдованію этого громаднаго хребта.

Карта Миддендорфа появилась только въ 1859 году, т. е. въ то время, когда было окончено предпріятіе, которое придало совершенно новый видъ южной и юго-восточной частямъ карты Якутской области; я говорю о Забайкальской экспедиціи.

Сибирское путешествіе Миддендорфа принесло громадную пользу картографіи Якутской области не только работами этого изслѣдователя, но и тѣмъ, что онъ далъ толчокъ дальнѣйшему изслѣдованію страны. Вмѣсто того, чтобы вернуться, какъ прежде

предполагалось, съ рѣки Уда въ Якутскъ, онъ избралъ путь вдоль южнаго склона Яблонаго хребта и прорѣзалъ страну по линіи отъ океана до соединенія Шилки съ Аргунью. Это отважное путешествіе имѣло важное значеніе въ томъ отношеніи, что внесло много свѣта въ старинный, но все еще темный и сомнительный вопросъ о границѣ между русскими и китайскими владѣніями къ востоку отъ Нерчинска.

Въ семнадцатомъ столѣтіи русскіе завоеватели проникли до Амура, ѣздили по этой рѣкѣ и, построивъ тамъ крѣпость Албазинъ, въ теченіе продолжительнаго времени необыкновенно геройски защищались противъ значительно превосходившаго ихъ по численности непріятеля. Но, въ концѣ концовъ, Албазинъ перешелъ-таки въ руки китайцевъ, а злосчастный нерчинскій трактатъ 1689 года возвратилъ Амуръ Китаю. Ведшій переговоры со стороны Россіи, Головинъ, спасовалъ передъ китайскими дипломатами и державшими ихъ сторону іезуитами и уступилъ слишкомъ много. Въ этомъ трактатѣ, между прочимъ, сказано, что китайско-русская граница должна направиться отъ истоковъ рѣки Горбицы, впадающей въ Шилку слѣва верстахъ въ двухстахъ отъ Нерчинска, вдоль хребта на востокъ, такъ что рѣки, текущія въ Амуръ къ югу отъ горной цѣпи, должны принадлежать Китаю, а текущія въ другихъ направленіяхъ — Россіи.

На картахъ такъ оно и принималось; но вмѣстѣ съ тѣмъ было извѣстно, что китайцы, знавшіе мѣстность эту не лучше русскихъ, должны были имѣть иное представленіе о пограничной линіи, которая, никогда не будучи въ дѣйствительности отмѣчена, допускала двусмысленное толкованіе. Буквальный смыслъ соотвѣтственнаго пункта въ названномъ трактатѣ слѣдующій:

«Рѣка Горбица, которая впадаетъ съ лѣвой стороны въ Шилку вблизи рѣки Черной, устанавливается границей; послѣдняя должна идти отъ истоковъ этой рѣки вдоль водораздѣла скалистыхъ горъ до моря, такъ что рѣки и рѣчки, которыя впадаютъ въ Амуръ по южную сторону, принадлежатъ Китаю, рѣки же, впадающія въ другихъ направленіяхъ — къ Россіи. Всѣ же

остальныя рѣки и мѣста, находящіяся между рѣкою Удомъ и китайской пограничной линіей, должны оставаться не разграниченными до наступленія удобнаго времени въ виду того, что въ настоящій моментъ Его Императорскимъ Величествомъ не дано на то полномочій».

Такая странная формулировка объяснима только тогда, если примешь, что обѣ стороны не имѣли яснаго представленія о географическихъ условіяхъ страны, въ которой имъ приходилось предпринимать разграниченіе. Въ западной части, считая отъ Горбицы, кое-гдѣ нашлись еще китайскіе пограничные столбы, въ восточной же ихъ не было; да и китайскіе пограничные комиссары, каждый годъ правильно посѣщавшіе Аргунь и наблюдавшіе за пограничными знаками, никогда не показывались, какъ было извѣстно по даннымъ отъ охотниковъ за пушнымъ звѣремъ, въ Яблономъ хребтѣ.

Вслѣдствіе этого въ Иркутскѣ уже давно подозрѣвали, что китайцы считаютъ границу много южнѣе, чѣмъ принималось на русскихъ картахъ, но точныхъ свѣдѣній все же не было, такъ какъ ни одинъ образованный человѣкъ не проникалъ въ тѣ непроходимыя захолустья.

Когда же Миддендорфъ во время своего путешествія выяснилъ, что встрѣченныя имъ племена гиляковъ и другихъ народовъ не считаютъ себя данниками Китая и что самые сѣверные пограничные столбы, которые могли ему показать, находились у впаденія Нюмана въ Бурею и Гилюя въ Зею, то явилась возможность смотрѣть на страну къ сѣверу отъ вышеупомянутыхъ пограничныхъ знаковъ, какъ на русскія владѣнія.

Желая привести послѣднее обстоятельство въ извѣстность, снарядили экспедицію, находившуюся подъ начальствомъ полковника главнаго штаба Ахте и считавшую среди своихъ членовъ астронома Шварца, двухъ горныхъ инженеровъ — Кованько и Меглицкаго и двухъ топографовъ — Крутикова и Карликова. Эта, выступившая въ 1849 году экспедиція имѣла цѣлью возможно точное изслѣдованіе Яблонаго хребта, къ востоку

отъ рѣки Нерчи до моря, и рѣчныхъ системъ, спускавшихся къ сѣверу и къ югу съ этой горной цѣпи. Въ теченіе четырехъ или, точнѣе, въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ, съ іюня 1849 до конца 1852 года, переименованныя выше лица выполнили громадную работу: было опредѣлено большое количество астрономическихъ пунктовъ въ подкрѣпленіе многочисленныхъ, снятыхъ, правда, только при помощи компаса маршрутовъ, и въ эту сѣть включена невѣроятная масса разспроснаго матеріала, который могъ быть провѣренъ контрольными разспросами благодаря тому, что по одной и той же дорогѣ проходили нѣсколько разъ. Здѣсь не мѣсто давать перечень всѣхъ работъ экспедиціи и достаточно привести лишь тѣ, которыя касаются Якутской области или по крайней мѣрѣ имѣютъ къ ней отношеніе. Астрономическіе пункты читатель можетъ найти въ прибавленіи и перечислять ихъ тутъ нѣтъ надобности; маршруты же, имѣющіе для насъ значеніе, слѣдующіе:

1) Маршрутъ Крутикова отъ рѣки Горбицы до впаденія Чокчоя въ Олекму и отсюда до впаденія послѣдней рѣки въ Лену. 1850 г.

Крутиковъ поднялся на Яблоный хребетъ у истоковъ Бухты, которая впадаетъ справа въ Олекму близъ начала послѣдней; затѣмъ путь его велъ черезъ рѣки Черемную, Гулю, Окую къ Пенюгѣ и Лапчѣ, вдоль послѣдней рѣки къ Нюгшѣ, которая была прослѣжена до устья Лярбы. Отъ Лярбы путь шелъ къ Каряраку, въ долинѣ котораго Крутиковъ перешелъ водораздѣлъ между Олекмой и Алданомъ и спустился къ послѣдней рѣкѣ по долинѣ Чокчоя. Далѣе онъ слѣдовалъ сначала по Алдану, а затѣмъ шелъ по гребню водораздѣльнаго хребта и снова достигъ Олекмы у праваго притока Чокчоя, откуда направился вдоль этой рѣки. Впослѣдствіи ему пришлось перейти на лѣвый берегъ Чокчоя, такъ какъ путешествію помѣшалъ ледоходъ.

2) Маршрутъ Меглицкаго отъ Лены ниже впаденія Алдана къ рѣкѣ Эндыбалу, лѣвому притоку Эйчи, впадающей въ Дулгалахъ системы Яны. 1850.

3) Маршрутъ Крутикова отъ Усть-Майска до Нелкана на Маѣ и отъ Нелкана до Удскаго Острога. 1851.

Послѣдній маршрутъ ведетъ сначала по торной почтовой дорогѣ отъ Якутска черезъ Амгинскъ въ Усть-Майскъ, затѣмъ слѣдуетъ по Маѣ до поста Нелканъ, а отсюда поворачиваетъ къ югу черезъ Ингиканъ, западные притоки Ватома, Маймаканъ, Джану, и Половинную или Маю къ Уду.

4) Маршруты Карликова, Аргунова и Шварца въ долинахъ Уда и его притоковъ, именно Шевели и Чогора. 1851.

Это длинные маршруты, ведущіе съ Уда въ область Амура и имѣющіе для насъ интересъ лишь настолько, насколько они касаются рѣки Уда и его притоковъ.

5) Маршрутъ Аргунова съ рѣки Уда ко впаденію Учура въ Алданъ. 1852.

Этотъ маршрутъ даетъ намъ богатыя данныя относительно системы Алдана, особенно о его правомъ притокѣ Учурѣ. Онъ начинается отъ Удскаго Острога и слѣдуетъ по пути въ Якутскъ до истоковъ Кёкана; тутъ онъ его покидаетъ и направляется черезъ истоки Тыркана, Юдыма и Юдымкана къ озеру Токо, на нѣкоторомъ протяженіи ведетъ по вытекающему изъ Токо Мылану, съ послѣдняго переходитъ на Алгому и слѣдуетъ по правому притоку этой рѣки — Туксандѣ до Яблонаго хребта. Вдоль этого хребта онъ направляется на западъ черезъ истоки Алгомы къ истокамъ Нуяма, отсюда идетъ къ Утаму и вдоль послѣдняго къ Конаму. Конамъ онъ прослѣживаетъ лишь на незначительномъ протяженіи, чтобы по Конкую выйти къ Гиному. Отсюда путешествіе все время шло водою по рѣкамъ Гиному и Учуру до мѣста впаденія послѣдняго въ Алданъ.

6) Маршрутъ Карликова отъ озеръ Токариканъ до устья Учура. 1852.

Этотъ маршрутъ распадается на двѣ части, а исходнымъ пунктомъ ему служитъ рѣка Горбица. Вторая и вмѣстѣ съ тѣмъ единственная, имѣющая для насъ интересъ, часть его начинается у Токарикана, представляющаго рядъ связанныхъ рѣ-

ками озеръ, изъ которыхъ берутъ начало двѣ рѣки Тымтенъ и Конамъ. Отъ этихъ озеръ путь ведетъ прямо на сѣверъ по водораздѣлу между Тымтенемъ съ одной стороны и Конамомъ и Гипымомъ съ другой и достигаетъ Алдана ниже впаденія рѣчки Макынгрикана. Далѣе онъ слѣдуетъ по долинѣ Алдана до впаденія въ него Учура.

7) Маршрутъ по р. Учуру отъ мѣста, гдѣ ежегодно бываетъ ярмарка собольихъ шкуръ у устья Селенды, до впаденія его въ Алданъ. 1852.

8) Маршрутъ Шварца съ Уда и Удюгуна ко впаденію Учура въ Алданъ. 1852.

Маршрутъ этотъ распадается тоже на двѣ части, изъ которыхъ занимать насъ можетъ только вторая, начинающаяся у истоковъ Конама и ведущая къ Учуру. Онъ шелъ сначала вдоль Конама до мѣста, расположеннаго нѣсколько ниже впаденія Утама, затѣмъ чрезъ посредство Ламама и Конкуя къ Гиныму, слѣдовалъ на нѣкоторомъ протяженіи по этому послѣднему и, прорѣзывая поперекъ горы, наконецъ велъ черезъ лѣвые притоки Гиныма и Учура къ устью этого послѣдняго.

9) Маршрутъ Крутикова по теченію Уда отъ Удскаго Острога къ устью рѣки. 1852.

10) Маршрутъ Крутикова отъ скалы Тайкана до Аяна. 1852.

Эта короткая, но важная съемка начинается выше впаденія Джаны въ Удъ и главнымъ образомъ тянется по юго-восточному склону Становаго хребта до Аяна. Сначала путь ведетъ прямо къ берегу моря, слѣдуетъ вдоль него до устья Кырана, поднимается по этой послѣдней рѣкѣ и, перебираясь черезъ различныя рѣки, все время придерживается склона хребта и доходитъ до недавно еще возникшаго въ то время Аянскаго порта.

Названными работами въ Иркутскѣ не ограничились и тотчасъ же перешли къ обработкѣ съ большимъ трудомъ и осмотрительностію собраннаго матеріала. Крутикову было поручено составить карту посѣщенной экспедиціею области и онъ при-

нялся за дѣло уже въ 1853 году. Въ своемъ сочиненіи Шварцъ говоритъ, что Крутиковъ начертилъ большую карту въ маасштабѣ 20 верстъ въ англійскомъ дюймѣ на девяти листахъ, съ которой самъ онъ получилъ копію. Эта копія была любезно предоставлена въ мое распоряженіе г. Шварцемъ; она имѣетъ границы, указанныя въ трудѣ Шварца, но состоитъ всего изъ восьми листовъ, такъ что я принимаю вышеуказанное число листовъ, т. е. девять,—за опечатку. Эта карта, исполненная Крутиковымъ тотчасъ послѣ поѣздки, когда весь собранный матеріалъ былъ еще вмѣстѣ, а впечатлѣнія свѣжи, имѣетъ неоцѣнимое значеніе, но страдаетъ однимъ недостаткомъ — она рисована безъ сѣтки, такъ что переносить ее частями на другія карты необыкновенно трудно.

Къ сожалѣнію, оригиналъ этой цѣнной работы, повидимому затерянъ, по крайней мѣрѣ мнѣ не удалось разыскать его въ Иркутскѣ. Впрочемъ, въ высшей степени вѣроятно, что копія съ нея, полученная Генеральнымъ Штабомъ въ Иркутскѣ, заложена гдѣ-либо въ архивѣ и когда-нибудь будетъ найдена. Для насъ интересно знать, что эта карта обнимаетъ Якутскую область на западѣ до Чары и Лену до Якутска; на сѣверѣ она ограничена параллелью Якутска, побережье же Охотскаго моря нанесено до Охотска.

На разбираемую карту Крутиковъ нанесъ помимо маршрутовъ также и весь разспросный матеріалъ, добытый Забайкальской экспедиціей, такъ что она служитъ основной картой большей части Якутской области.

Но этой экспедиціей дѣло не кончилось: всѣ вдругъ заинтересовались юго-восточною частью Сибири, особенно же тогда, когда перестали уже довольствоваться установленіемъ точной границы между Китаемъ и Россіей и стали подумывать о присоединеніи къ Имперіи всего теченія Амура.

Въ 1853 году Географическое Общество въ С.-Петербургѣ, которое вскорѣ послѣ того учредило свое отдѣленіе въ Иркутскѣ, постановило послать экспедицію для изслѣдованія Во-

стока. Послѣдняя должна была распасться на двѣ части — на географическую или математическую и на геогностическую или физическую. Сначала приступили къ выполненію математической части, которая состояла изъ астронома Шварца и трехъ его помощниковъ, тоже знакомыхъ съ астрономіей: Рашкова, Усольцева и Смирягина. Сначала имѣлось въ виду изслѣдовать только Забайкалье и область Амура, но впослѣдствіи кругъ дѣятельности значительно расширился къ западу, такъ что эта экспедиція, начавшаяся въ 1855 и кончившаяся въ 1858 году, обняла собою въ дѣйствительности большую часть Сибири. Для Якутской области она могла сдѣлать немного, такъ какъ эта страна лежала внѣ сферы прямой ея дѣятельности; впрочемъ она также не осталась незатронутою и особенно работы Усольцева доставили много новыхъ данныхъ о совершенно неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ мѣстностяхъ области.

Вотъ перечень маршрутовъ и изслѣдованій, имѣющихъ для насъ значеніе:

1) Маршрутъ Рашкова, затронувшій рѣки Черную, Олдой, Тунгиръ и Нюгшу. 1856.

Отъ истоковъ Олдоя путь Рашкова велъ черезъ Яблоный хребетъ въ область рѣки Нюгши, представляющей собою, собственно говоря, второй истокъ Олекмы. Система этой рѣки затрогивается маршрутомъ сначала на Джелтулѣ, лѣвомъ притокѣ верхняго теченія Лярбы, впадающей въ Нюгшу справа. Отъ устья Лярбы путь поворачиваетъ къ югу и слѣдуетъ по Нюгшѣ до ея истоковъ, откуда черезъ Акую, Гулю и Черёмную ведетъ къ Бухтѣ и вдоль послѣдней къ Тунгиру, который былъ прослѣженъ до впаденія въ него Корсуги. Далѣе Рашковъ пошелъ вверхъ по Корсугѣ до ея истоковъ, а отсюда черезъ горную цѣпь къ истокамъ Тунгира, на который онъ вышелъ выше Джиктенды и который прослѣдилъ до самаго конца. Черезъ притокъ Тунгира Дзаркачай путь велъ черезъ Яблоный хребетъ обратно въ долину Черной.

2) Маршрутъ Шварца отъ Качуги на Ленѣ, внизъ по по-

слѣдней рѣкѣ и вверхъ по Витиму до порога Делюнъ-Орона. 1857.

Для нашей карты этотъ маршрутъ важенъ относительно верховьевъ Лены и нижняго теченія Витима.

3) Маршрутъ Усольцева отъ Горбицы на Шилкѣ до Качуги на Ленѣ. 1857.

Въ этой, сдѣланной на разстояніи 1980 верстъ съемкѣ важна для карты Якутской области только первая часть. На Яблоный хребетъ Усольцевъ поднялся изъ Амазара, далѣе онъ шелъ черезъ истокъ Бугарикты къ истокамъ Болгикты, вдоль этой рѣки къ Тунгиру, затѣмъ черезъ хребетъ на лѣвомъ берегу послѣдняго до его лѣваго притока Сивилукты, вверхъ по Сивилуктѣ къ Амнундактѣ, вдоль по этой рѣкѣ и по Багранмакиту къ Олекмѣ; перейдя черезъ Олекму путь шелъ на нѣкоторомъ протяженіи вверхъ по Моклѣ, а затѣмъ чрезъ посредство лѣваго притока послѣдней вышелъ къ Калакану; далѣе черезъ эту рѣку къ Катугинету черезъ Каларъ. Отъ Калара черезъ восточный и западный Нёвенъ и черезъ Юхту къ Чарѣ, внизъ по ней до большаго порога. Затѣмъ маршрутъ поворачиваетъ обратно, идетъ вверхъ по Чарѣ до двойнаго озера Лепрянгды, изъ котораго течетъ Чара, черезъ хребетъ и выходитъ на Сылбю. По послѣдней путь идетъ до ея нижняго теченія, переходитъ на Пактыраынъ и слѣдуетъ по нему до впаденія въ Витимъ. Внизъ по Витиму маршрутъ идетъ до устья Парамы (лѣваго притока ниже Муи) и тутъ покидаетъ Якутскую область.

Кромѣ этихъ маршрутовъ для познанія Якутской области важенъ цѣлый рядъ картъ, которыя составлены Шварцемъ и главнымъ образомъ неутомимымъ Усольцевымъ на основаніи разспросныхъ свѣдѣній. Онѣ слѣдующія.

А. Собранныя Усольцевымъ:

1) Карта лѣвыхъ притоковъ Амура отъ мѣста сліянія Шилки съ Аргунью до впаденія Олдоя и притоковъ Нюгши.

Эта карта обращаетъ особенное вниманіе на мѣста сборищъ (сугланы или болджары) тунгузовъ и на дороги, ведущія къ нимъ

черезъ Яблоный хребетъ. Значеніе карты заключается въ томъ, что мѣста такихъ сугланов остаются одни и тѣ же въ теченіе столѣтій; къ нимъ со всѣхъ сторонъ стекаются для мѣны и торга охотники за пушнымъ звѣремъ и купцы.

2) Очень полная карта рѣкъ Амазара, Олекмы, Тунгира и Нюгши, а также нижняго теченія Олекмы и Чары.

3) Карта средней части системы Калара и области истоковъ Калакана.

4) Очень полная карта системы рѣкъ Калара и Калакана, набросанная однимъ тунгузомъ-начальникомъ.

Всѣ озера и рѣки начерчены очень точно и всѣ носятъ названія; карта имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что область была до той поры совершенно неизвѣстна.

5) Карта части теченія Витима отъ устья Парамы, впадающей въ Витимъ слѣва, до устья Тахтыги (носящей также названіе Таптыры).

6) Карта Чары и Токо съ обозначеніемъ Лены и Олекмы, а также пути, ведущаго отъ Олекмы по теченію Капи и Куруныряха къ Чарѣ.

7) Точная карта мѣстности между Витимомъ, Леной и Олекмой до впаденія Чары.

Это такъ называемая область золотыхъ пріисковъ олекминской системы; на ней нанесены дороги, ведущія къ золотомойнямъ.

8) Карта той же области съ указаніемъ лишь наиболѣе важныхъ рѣкъ.

9) Карта окрестностей Оронскаго озера по направленію къ среднему теченію Чары.

10) Карта части теченія Олекмы между Багранмакитомъ и Моклой со включеніемъ озера Углу.

11) Карта озера Углу и рѣкъ въ него впадающихъ.

В. Шварцемъ составлены:

1) Карта мѣстности между Витимомъ и верхнимъ теченіемъ Большаго Пáтома съ рѣками Мысовой, Зимовейной, Казаковкой, Верхней и Нижней Езовой.

2) Карта Верхняго теченія Быстрой и Большаго Патома.

3) Карта долины рѣки Уда.

4) Подробная карта системы Уда по свѣдѣніямъ, собраннымъ у охотящихся тамъ тунгузовъ.

5) Карта притоковъ Витима начиная отъ его устья до Оронскаго озера по свѣдѣніямъ, собраннымъ у одного живущаго въ Витимскѣ якута.

Въ то время какъ южная и юго-восточная части Якутской области, такимъ образомъ, съ большимъ успѣхомъ изслѣдовались научно въ пятидесятыхъ годахъ, для остальной части той же области мы можемъ пока привести только незначительный маршрутъ, ведущій отъ Лены къ истокамъ Дулгулаха. Сюда же относится рядъ съемокъ, которыя всѣ касаются Вилюя и которыя были сдѣланы въ 1853—1854 годахъ топографомъ Зондгагеномъ, принадлежавшимъ къ экспедиціи Маака. Изданы онѣ были однако, и то частью, только въ 1886 г., при трудѣ Маака «Вилюйскій Округъ Якутской Области. С.Петербургъ. 1886.» Мнѣ неизвѣстно, сохранились ли оригиналы этихъ съемокъ или погибли во время большаго пожара 1879 года.

Зондгагенъ сдѣлалъ съемку слѣдующихъ семи маршрутовъ:

1) Отъ деревни Анкулы на Нижней Тунгузкѣ черезъ водораздѣлъ на Чону, внизъ по ней къ Вилюю и по послѣднему до его впаденія въ Лену.

2) Отъ деревни Суптаръ къ соляным источникамъ Кемпендея.

3) Отъ города Вилюйска по почтовой дорогѣ въ Якутскъ.

4) Отъ Якутска до нижняго теченія Лынхи, внизъ по ней и по Ленѣ до впаденія Вилюя, затѣмъ вверхъ по послѣднему, придерживаясь праваго берега, до Вилюйска.

5) Отъ Вилюйска на правомъ берегу рѣки до деревни Нюрбы.

6) Отъ Верхневилюйской Управы (на Вилюѣ) вдоль рѣкъ: Тюканъ, Чилля, Хаингуя, къ Оленеку; отсюда къ озеру Сурунгна, а затѣмъ къ Вилюю, котораго маршрутъ достигаетъ нѣсколько выше впаденія Ахтаранды у рѣчки Дзянгайки.

7) Отъ деревни Сунтаръ къ городу Олекминску.

Этотъ необыкновенно богатый матеріалъ потерялъ частью свое значеніе оттого, что Зондгагенъ рано умеръ и не могъ приступить къ его сводкѣ; послѣдняя была сдѣлана много позднѣе. Во всякомъ случаѣ, какъ опредѣленіе направленія самаго теченія рѣки, такъ и сухопутные маршруты, особенно №№ 4, 6 и 7, дали намъ возможность ознакомиться съ вовсе неизслѣдованной до той поры областью. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи не было оригиналовъ указанныхъ маршрутовъ; я знакомъ только съ приложенными къ сочиненію копіями и съ картою, составленною на основаніи ихъ. Но самые маршруты переданы крайне недостаточно, такъ что по нимъ трудно ориентироваться на картѣ.

Въ перечисленные годы для Якутской области не было ничего болѣе сдѣлано: весь интересъ привлекъ къ себѣ — Амуръ.

Такимъ образомъ собрался обширный и богатый матеріалъ и немедленно же было приступлено къ его обработкѣ. Въ данномъ случаѣ счастливымъ нужно почесть то обстоятельство, что обработка его была поручена дѣйствительно дѣльному лицу, именно астроному экспедиціи Шварцу. Работа, правда, заняла довольно много времени, но за то и дала крайне совершенную карту, рѣчь о которой будетъ еще впереди.

Въ то время какъ Шварцъ работалъ надъ своей картой, Генеральный Штабъ въ Иркутскѣ рѣшилъ сдѣлать кое что и со своей стороны: онъ издалъ въ 1855 году карту Восточной Сибири, а въ 1861 послѣдовало второе, исправленное, ея изданіе.

Если принять въ разсчетъ необыкновенно богатый матеріалъ, который былъ собранъ двумя обширными экспедиціями на юго-востокѣ и экспедиціей Маака, значительную часть котораго Крутиковъ уже обработалъ и свелъ въ карту, то приходится удивляться, что тѣмъ не менѣе могли появиться такія несовершенныя произведенія, каковы упоминаемыя два изданія карты. Кое что на нихъ, особенно въ юго-восточной части, изображено вѣрнѣе, чѣмъ на старой картѣ Познякова, но вмѣстѣ съ тѣмъ

сдѣлано много новыхъ ошибокъ, а многое прямо-таки хуже, чѣмъ прежде. Такъ напримѣръ, истоки Амги огибаютъ на югѣ истоки Алдана и только затѣмъ рѣка направляется на сѣверо-востокъ; истоковъ Вилюя совсѣмъ нѣтъ, — онъ начинается прямо Чоной. Такая ошибка является результатомъ крайне невнимательнаго пользованія маршрутами Зондгагена: рисовавшій карту не обратилъ вниманія на то, что Чона представляетъ лишь правый притокъ Вилюя, который при ея впаденіи величаво течетъ уже въ широкомъ руслѣ; онъ нанесъ главную рѣку просто въ видѣ продолженія ея притока. Вообще трудно подыскать другой примѣръ такого поверхностнаго отношенія къ научнымъ матеріаламъ, какимъ отличаются разбираемыя карты 1855 и 1861 гг. Но еще бо́льшія странности встрѣчаешь, если просматриваешь сѣверную часть Якутской области. Со временъ Врангеля и Анжу тамъ не производилось, какъ извѣстно, никакихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ можно было ограничиться новымъ просмотромъ работъ этихъ путешественниковъ, внести ихъ данныя и выкинуть то, что являлось ошибочнымъ на картѣ Познякова. Но этимъ не удовольствовались, а внесли цѣлый рядъ своихъ собственныхъ измѣненій, чѣмъ испортили несомнѣнно-годное у Познякова и дали абсолютно-плохую карту. Впрочемъ, въ одномъ отношеніи карта 1861 года представляетъ значительное улучшеніе: острова и побережье Ледовитаго океана нанесены на ней правильнѣе, чѣмъ на картѣ Познякова, но все остальное положительно невѣрно. Такъ напр., у Познякова большой правый притокъ Яны, Адыча, изображена довольно правильно и въ нее даже впадаетъ справа Тостахъ, какъ оно въ дѣйствительности и есть. Карта 1855 г. изображаетъ еще Адычу въ видѣ большаго притока, но Тостахъ впадаетъ въ нее слѣва. Карта же 1861 г. идетъ еще далѣе и открываетъ большой правый притокъ Яны въ видѣ Табалаха, который принимаетъ въ себя справа небольшую рѣчку — Адычу; Тостахъ же совершенно исчезаетъ. Можно было бы указать много такихъ неточностей, но и приведенныхъ вполнѣ достаточно, чтобы показать, насколько эти карты

заслуживаютъ довѣрія. Изъ всего сказаннаго явствуетъ насколько счастливымъ обстоятельствомъ было то, что окончательную обработку всего матеріала поручили не Генеральному Штабу въ Иркутскѣ, а возложили на Шварца.

Мнѣ неизвѣстно, въ которомъ году появилась карта Шварца. Математическая часть труда Сибирской экспедиціи была опубликована въ 1864 году, а потому можно принять, что карта была готова нѣсколько раньше; по крайней мѣрѣ въ работѣ говорится о вышедшей уже картѣ. Она состоитъ изъ семи листовъ, изъ которыхъ шесть представляютъ южную часть Сибири до 60° на западномъ и среднемъ листахъ, и до 58° на восточномъ. Седьмой листъ служитъ дополнительнымъ. На западѣ карта оканчивается верхней и средней частью теченія Енисея. Она черчена въ маасштабѣ 40 верстъ въ англійскомъ дюймѣ и имѣетъ сборный листъ въ маасштабѣ 160 верстъ въ англійскомъ дюймѣ.

Въ эту карту съ исчерпывающей полнотой включенъ весь матеріалъ, который былъ собранъ двумя большими экспедиціями. Насколько она точна, я имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться: благодаря любезности профессора Шварца я получилъ почти всѣ, относящіеся къ Якутской области оригинальные маршруты, но мнѣ вовсе не приходилось ими пользоваться, такъ какъ они вполнѣ согласовались съ картой. Такимъ образомъ все то, что нужно было для моей карты, я могъ взять съ карты Шварца и внесъ только на мѣстахъ прикосновенія отдѣльныхъ листовъ, незначительныя поправки неточностей, происшедшихъ по винѣ гравера, рѣзавшаго таблицы. Появленіемъ этой карты была почти совершенно заглажена потеря, въ противномъ бы случаѣ невознаградимая, карты Крутикова и вполнѣ обезпечены результаты двухъ экспедицій.

Послѣ этихъ двухъ обширныхъ экспедицій на географической аренѣ наступило спокойствіе. Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества продолжалъ, правда, работать и далѣе, но со своими незначительными средствами не могъ предпринять ничего обширнаго, а помимо этого вниманіе стало все болѣе и болѣе сосредо-

точиваться на другихъ областяхъ. Но въ 1866 г. побудительная причина чисто практическаго свойства снова вызвала предпріятіе, которое принесло пользу географическому познанію Якутской области. Владѣтели золотыхъ пріисковъ Олекминской системы до той поры получали необходимое имъ въ большомъ количествѣ свѣжее мясо съ Вилюя, такъ какъ принималось за доказанное, что изъ области Большаго Пáтома и Чары нѣтъ въ другія части Сибири дороги, мало-мальски пригодной для прогона значительныхъ гуртовъ скота. Но съ одной стороны полученіе скота съ Вилюя было во многихъ отношеніяхъ крайне затруднительно, а съ другой—работы вышеперечисленныхъ экспедицій пролили столько свѣта въ дотолѣ совершенно неизвѣстную область, расположенную между городомъ Читой и рѣкой Чарой, что пришла мысль попробовать найти во чтобы то ни стало прямой путь отъ названнаго города къ золотымъ пріискамъ; въ этомъ случаѣ являлась возможность вступить въ прямыя сношенія съ богатыми владѣльцами стадъ въ Забайкальѣ. Владѣльцы золотыхъ пріисковъ, бывшіе частью членами Географическаго Общества въ Иркутскѣ, пожелали связать съ этимъ предпріятіемъ и научныя задачи, а потому къ участію въ путешествіи былъ приглашенъ геологъ князь Кропоткинъ, занимавшій въ то время служебное положеніе въ Иркутскѣ. Этому счастливому обстоятельству мы обязаны значительнымъ обогащеніемъ нашихъ географическихъ познаній; результаты своихъ изслѣдованій Кропоткинъ изложилъ въ своемъ отчетѣ объ Олекминско-Витимской экспедиціи [1]).

Къ названному отчету, помимо многаго другаго, приложена также и карта пройденной области, которая примыкаетъ къ картѣ Шварца и во многихъ отношеніяхъ обогащаетъ и исправляетъ послѣднюю.

Какъ мы уже видѣли, ни одна изъ большихъ экспедицій не

---

1) Отчетъ объ Олекминско-Витимской экспедиціи. П. Кропоткина, С.-Петербургъ. 1873.

касалась собственно области золотыхъ пріисковъ, которая расположена между Витимомъ, Леной и Чарой; только Усольцевъ побывалъ на верхнемъ теченіи Чары. Свѣдѣнія, которыя мы находимъ относительно этой мѣстности на картѣ Шварца, взяты изъ данныхъ одной карты золотыхъ пріисковъ, основанной исключительно на разспросныхъ свѣдѣніяхъ. Вслѣдствіе этого карта Кропоткина является несомнѣннымъ обогащеніемъ: она основана не только на маршрутѣ своего путешествія, но и на значительномъ количествѣ другаго матеріала, который былъ уже недоступенъ Шварцу; въ предѣлахъ Якутской области путь этой экспедиціи шелъ отъ Тихоно-Задонскаго пріиска на Ныгрѣ (въ области Жуи, лѣваго притока Чары) къ мѣсту впаденія Янгадымо и Тзиники въ Витимъ.

Вотъ главнѣйшіе источники, на которыхъ основана карта Кропоткина, поскольку они касаются Якутской области:

1) Четыре маршрута чертежника Шарова, которому владѣльцы золотыхъ пріисковъ поручили пройти область золотомоенъ по четыремъ различнымъ направленіямъ, нѣкоторые изъ этихъ маршрутовъ, т. е. два первыхъ, онъ продѣлалъ зимою. Какъ мало образованный человѣкъ онъ не заслуживаетъ безусловнаго довѣрія; тѣмъ не менѣе его работа все-же цѣннѣе, чѣмъ карта, основанная исключительно на разспросныхъ свѣдѣніяхъ; къ тому-же, какъ говорятъ, онъ исполнилъ свое дѣло крайне добросовѣстно. Во всякомъ случаѣ важно уже и то, что мѣстность была пройдена въ четырехъ дотолѣ вовсе неизвѣстныхъ направленіяхъ. Маршруты эти идутъ такъ:

a) Отъ Ныгры на сѣверъ черезъ истоки Большаго Пáтома къ Тонóдѣ, внизъ по послѣдней до впаденія Пурычи, затѣмъ вверхъ по этой рѣкѣ на Кевакту; спустившись по Кевактѣ и по Хайваркѣ, возвратился опять къ Большому Пáтому; перейдя Большой Пáтомъ у впаденія Тугукана, путь подымается вверхъ по послѣднему и идетъ на Пилку, а съ этой по Крестовкѣ къ одноименной станціи на Ленѣ.

b) Отъ Ныгры внизъ по ней къ Вачѣ, вверхъ по послѣдней

рѣкѣ до впаденія въ нее Ухагана, вверхъ по Ухагану на Маруканъ и спускается по послѣднему на Большой Пáтомъ, который прослѣживается до впаденія Хайварки.

c) Отъ Ныгры внизъ по ней къ Вачѣ, далѣе поднимается по этой рѣкѣ до Огунмукита, восходитъ послѣдній и идетъ на истоки Бодойбо, который прослѣживается до впаденія въ Витимъ.

d) Съ Ныгры на Вачу до ея впаденія, а отсюда внизъ по Жуѣ, Чарѣ и Олекмѣ водою до Лены.

2) Маршрутъ топографа Машинскаго въ 1866 году. Это маршрутъ, приведенный мною для экспедиціи, въ которой принималъ участіе Кропоткинъ. Онъ доведенъ крайне тщательно до Читы, но для насъ интересна только часть его, — до Витима.

3) Карта Олекминскаго Золотомойнаго округа, составленная Маркеловымъ въ маасштабѣ 20 верстъ въ англійскомъ дюймѣ и та же карта, но въ маасштабѣ 10 верстъ въ англійскомъ дюймѣ.

Маркеловъ въ теченіе продолжительнаго времени управлялъ однимъ изъ значительнѣйшихъ золотыхъ пріисковъ и въ высшей степени интересовался географическими работами. Онъ долго работалъ надъ указанной картой съ большой тщательностью и прилежаніемъ и привлекъ къ этому дѣлу многихъ хорошо знавшихъ мѣстность тунгузовъ и другихъ лицъ, знакомыхъ съ путями. Онъ поставилъ себѣ спеціальной задачей обозначить на ней всѣ, какіе могъ только раздобыть, маршруты золотоискателей и всегда старался согласовать вновь полученный матеріалъ съ уже имѣвшимся. Въ виду того, что онъ обращалъ большое вниманіе на пройденныя разстоянія и ихъ оцѣнку, и относился къ нимъ крайне критически, можно сказать, что сѣть, которая въ концѣ концовъ получилась отъ постоянно перекрещивавшихся путей этихъ, ежегодно отправлявшихся различными обществами, золотоискателей, настолько вѣрна, насколько это вообще только возможно безъ примѣненія научныхъ средствъ.

Помимо этого самимъ Кропоткинымъ и управляющими золотыхъ пріисковъ собрана была масса разспросныхъ свѣдѣній,

которыя тоже были утилизированы для карты. Въ настоящее время по Олекминскому округу мы располагаемъ, такимъ образомъ, бо́льшимъ количествомъ наилучшаго картографическаго матеріала, чѣмъ по другимъ мѣстностямъ Якутской области.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что со времени появленія карты Познякова для южной части Якутской области сдѣлано сравнительно много, и что добытыми результатами можно быть вполнѣ довольнымъ, если принять въ соображеніе, насколько до сихъ поръ еще дика та страна и какъ мало доступна она для научныхъ изысканій.

Но какою же представлялась область къ сѣверу отъ параллели Олекминска? Для нея мы могли привести маршруты Меглицкаго и Зондгагена, но больше ровно ничего. Для оріентировки въ этой обширной странѣ все еще приходилось прибѣгать къ старой картѣ Познякова, потому что карты Генеральнаго Штаба въ Иркутскѣ, изданныя въ 1855 и 1861 г.г., оказались, какъ мы выше уже видѣли, совершенно негодными. Оставалось только одно, — вновь пересмотрѣть старинные источники, на которые опирался Позняковъ. Но послѣднихъ было не особенно много, потому что число научно-образованныхъ лицъ, проходившихъ по этой странѣ, было не велико.

Въ теченіе многихъ лѣтъ занимая служебное положеніе въ Якутскѣ и именно благодаря ему, я имѣлъ случай часто дѣлать далекія поѣздки по различнымъ направленіямъ и, за рѣдкою возможностью вести правильные маршруты, старался по крайней мѣрѣ заносить въ свой дневникъ путевыя замѣтки съ возможно точнымъ обозначеніемъ направленія и длины пройденнаго пути. Такимъ образомъ у меня собрался кое-какой матеріалъ, который, будучи самъ по себѣ довольно несовершененъ, все же могъ кое въ чемъ помочь при полномъ отсутствіи всякихъ свѣдѣній.

Въ 1868 году я получилъ порученіе отъ генералъ-губернатора Восточной Сибири предпринять путешествіе въ Землю Чукчей; этимъ обстоятельствомъ воспользовался Сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества и принялъ участіе въ экспедиціи,

пославъ со мною астронома Неймана и топографа Аѳонасьева.

Мы выступили въ ноябрѣ 1869 года изъ Якутска и пошли черезъ Верхоянскъ, Средне- и Нижнеколымскъ и черезъ истоки Анадыра; затѣмъ мы направились вдоль южнаго склона хребта, отдѣляющаго притоки Анадыра отъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, на востокъ и дошли до устья Анадыра. Отсюда путь нашъ лежалъ вверхъ по лѣвому берегу рѣки до селенія Маркова. Тутъ экспедиція наша раздѣлилась: Нейманъ и Аѳонасьевъ вернулись обратно въ Нижнеколымскъ, я же отправился въ Гижигинскъ на берегу Охотскаго моря. Весною 1870 года я выступилъ съ Малаго Анюя къ Ледовитому океану и прошелъ вдоль берега послѣдняго до Якана, откуда былъ принужденъ возвратиться. Аѳонасьевъ въ свою очередь съ Анюя пошелъ черезъ хребетъ къ Омолону, котораго достигъ у впаденія рѣки Кигали, а затѣмъ спустился по нему на лодкѣ до устья. Лѣтомъ 1870 года мы снова разошлись. Нейманъ съ Аѳонасьевымъ направились вверхъ по Колымѣ до Верхнеколымска, а затѣмъ пошли черезъ область истоковъ Индигирки къ Хандыгѣ, далѣе внизъ по ней къ Алдану и, наконецъ, въ Якутскъ. Въ то же время я выступилъ на нижнее теченіе Алазеи и Индигирки, затѣмъ потянулъ вверхъ по лѣвому берегу послѣдней рѣки и черезъ Верхоянскъ вернулся обратно въ Якутскъ.

Это путешествіе принесло немного пользы дѣлу географическаго познанія Сибири потому, что длинные маршруты лишились возможности опереться на астрономическіе пункты, такъ какъ наблюденія Неймана оказались, въ концѣ концовъ, недостаточно надежными. Топографъ, на оборотъ, исполнялъ свою работу прилежно; отдѣлячсь отъ своихъ товарищей, я тоже велъ маршруты. Такимъ образомъ мы собрали слѣдующій матеріалъ.

1) Маршрутъ Аѳонасьева отъ Алдана къ устью Тукулана, вверхъ по этой рѣкѣ къ Янѣ, внизъ по послѣдней, а затѣмъ, на востокъ, черезъ Догдо на Селегняхъ и черезъ Индигирку въ Среднеколымскъ.

2) Отъ Среднеколымска до устья Колымы.

3) Отъ Нижнеколымска черезъ Малый и Большой Анюи до устья Анадыра, отсюда до церкви въ Марковѣ на послѣдней рѣкѣ, а затѣмъ до Нижнеколымска.

4) Отъ мѣста чукотской ярмарки на Маломъ Анюѣ на верхнее теченіе Омолона и внизъ по этой рѣкѣ до ея устья.

5) Отъ Среднеколымска черезъ Верхнеколымскъ до истоковъ Зырянки.

Всѣ эти маршруты были исполнены Аѳонасьевымъ.

6) Маршрутъ отъ мѣста чукотской ярмарки на Маломъ Анюѣ къ Ледовитому океану и по его побережью на востокъ до Якана.

7) Маршрутъ отъ Маркова на Анадырѣ черезъ Пенжину въ Гижигинскъ.

8) Маршрутъ отъ Среднеколымска на нижнее теченіе Алазеи и Индигирки, затѣмъ вдоль лѣваго берега этой послѣдней до озера Абый; далѣе на западъ черезъ область озеръ между рѣками Селегняхомъ и Уяндиной и черезъ хребетъ до Верхоянска.

Три послѣдніе маршрута были ведены мною лично.

Тутъ же важно отмѣтить, что не всѣ восемь перечисленныхъ маршрутовъ отличаются одинаковымъ достоинствомъ. Лучше всего сдѣлана съемка пути отъ Алдана до истоковъ Анадыра, т. е. первый и второй маршруты и первая часть третьяго. Несмотря на то, что работать приходилось зимою, топографъ аккуратно наносилъ на бумагу каждый вечеръ то, что было пройдено въ теченіе дня и при этомъ находился подъ контролемъ Неймана и моимъ. Такимъ же способомъ велась, конечно, работа и по всему третьему маршруту. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ приходилось преодолѣвать много затрудненій, особенно усилившихся на пространствѣ между истоками Анадыра и его устьемъ. Провожавшіе насъ чукчи всѣ продѣлывали этотъ путь впервые и, такимъ образомъ, вовсе не знали страны; встрѣчавшіеся же намъ время отъ времени въ глуши люди были чукчи-стадоводы, тоже мало знакомые съ окружавшею ихъ мѣстностью. Благодаря этому

разспросы ничего не давали. Мы шли почти по самому водораздѣлу, по его южному склону, и безъ указаній опытныхъ проводниковъ часто абсолютно невозможно было опредѣлить, куда текли безчисленныя рѣки, верховья которыхъ намъ приходилось переходить. При такихъ условіяхъ Аѳонасьеву случалось просматривать водораздѣлы между отдѣльными рѣками и смѣшивать одну съ другою. Мы часто совѣтовались по такимъ поводамъ другъ съ другомъ на мѣстѣ, спрашивали мнѣніе чукчей, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣмъ не менѣе не могли выяснить себѣ дѣло. Путь вверхъ по лѣвому берегу Анадыра наносить было просто; но и тутъ представляло большое затрудненіе добиться, къ какимъ изъ крупныхъ притоковъ, которые мы теперь переходили, относятся истоки, съ которыми мы имѣли дѣло раньше.

Четвертый маршрутъ, къ Омолону и внизъ по этой рѣкѣ, тоже веденъ добросовѣстно и хорошо, да и проводники въ этой поѣздкѣ были вполнѣ надежны. За то пятый маршрутъ, начиная съ Верхнеколымска, оставляетъ многаго желать. Во первыхъ, онъ не былъ доведенъ до конца, т. е. до Алдана, что было крайне важно, такъ какъ въ этомъ случаѣ исходный и конечный пунктъ путешествія соприкоснулись бы; онъ оканчивается рѣкою Зырянкой, т. е. заключаетъ лишь малую часть всего пути, да и на этомъ короткомъ протяженіи веденъ крайне неряшливо. Это большое упущеніе, потому что пройденный путь описанъ только Сарычевымъ, шедшимъ по этой дорогѣ въ качествѣ члена экспедиціи Биллингса.

Изъ трехъ мною лично веденныхъ маршрутовъ первый, въ Гижигинскъ, собственно говоря, не маршрутъ, а карта, которую я составилъ во время поѣздки на основаніи компасныхъ данныхъ и при помощи разспросовъ моихъ проводниковъ и жителей Пенжинска и Гижигинска. Въ этомъ мнѣ много помогла карта, набросанная тоже по разспроснымъ свѣдѣніямъ американцемъ Кеннаномъ, проживавшимъ тутъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени. На моей картѣ нанесены рѣки Пенжина, Парень, Гижига

и Маинъ, а также путь черезъ Становой хребетъ изъ Гижигинска и Парени.

Второй маршрутъ я велъ отъ мѣста чукотской ярмарки вплоть до Ледовитаго океана, потому что я путешествовалъ въ этомъ случаѣ по неизслѣдованной еще мѣстности. Во время же поѣздки вдоль побережья до Якана я пользовался трудами Врангеля и Козмина и велъ свой маршрутъ только съ цѣлью констатировать, сходятся ли старыя съемки съ тѣмъ, что я наблюдалъ или нѣтъ. Почти безъ исключенія имѣло мѣсто первое и мнѣ вновь пришлось убѣдиться, насколько добросовѣстно и хорошо работали руководители той экспедиціи.

Третій маршрутъ веденъ на всемъ протяженіи, начиная отъ Среднеколымска и кончая почти Верхоянскомъ; онъ идетъ по области, бывшей до той поры совершенно неизвѣстной; если я и не дѣлалъ опредѣленія долготъ, то съемка моя все же правдоподобна благодаря тому, что мнѣ удалось сдѣлать опредѣленіе широты кое-какихъ пунктовъ. Отъ Абыя до Тостаха она идетъ въ направленіи перваго маршрута Аѳонасьева, но съ нимъ тѣмъ не менѣе не совпадаетъ: время отъ времени она отклоняется отъ него въ сторону, такъ что свѣдѣнія, которыя даютъ наши работы объ области озеръ между Уяндиной и Селегняхомъ, крайне интересны.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ маршрутовъ нами были собраны еще кое-какія разспросныя свѣдѣнія, хотя въ этомъ отношеніи обстоятельства намъ не особенно благопріятствовали: какъ уже выше сказано, чукчи знали область по Анадыру такъ-же мало, какъ и мы сами. Да и проводники, ведшіе насъ отъ Алдана къ чукотской ярмаркѣ, были знакомы хорошо только съ самымъ путемъ, такъ какъ въ этомъ заключался источникъ ихъ заработка. Но будучи постоянными жителями Якутска, якуты эти помимо дороги почти ровно ничего не знали, а потому, какъ мы увидимъ ниже, изрѣдка сбивали съ толку Аѳонасьева, конечно, безо всякаго съ ихъ стороны намѣренія. На Индигиркѣ я нашелъ людей прекрасно ознакомленныхъ съ этой рѣкой отъ устья до исто-

ковъ Момы и неоднократно дававшихъ мнѣ указанія. На Селегняхѣ я тоже встрѣтилъ нѣсколькихъ тунгузовъ, которые тамъ охотились и ходили до Яны и до истоковъ Уяндины. Частью путемъ разспросовъ, частью же заставляя ихъ самихъ чертить, я могъ при посредствѣ этихъ людей составить довольно подробную карту рѣки Индигирки. Въ Верхоянскѣ я совѣтовался съ купцемъ Семеномъ Гороховымъ, который въ теченіе всей своей жизни разъѣзжалъ среди якутовъ и былъ хорошо знакомъ съ Яной отъ ея истоковъ почти до самаго устья. Съ нимъ вмѣстѣ мы начертили карту названной рѣки и всей ея системы, которая кажется мнѣ очень вѣрной.

Вотъ результаты, добытые нашей экспедиціей въ Чукотскую Землю. Къ нимъ я могу прибавить еще замѣтки, сдѣланныя во время прежнихъ моихъ путешествій, какъ въ Землю Чукчей, такъ и въ другія мѣстности. Среди послѣднихъ заслуживаютъ, между прочимъ, упоминанія поѣздки между Вилюемъ и Леной, затѣмъ съ Вилюя въ Булунъ на Ленѣ, а отсюда поперекъ страны къ устью Колымы. Далѣе у меня есть маршрутъ, составленный мною самимъ въ 1866 году по порученію губернатора Якутска. Онъ начинается отъ станціи Березовской на Ленѣ, ведетъ по лѣвому берегу Чары, пересѣкая всѣ ея лѣвые притоки, и мимо двойнаго озера Ничатки выходитъ къ истокамъ Абзада. Внизъ по Абзаду онъ спускается до мѣста селенія живущихъ тамъ Якутовъ. Отсюда онъ поднимается по Чарѣ до ея истоковъ, переходитъ съ нихъ на Сылбу, внизъ по которой идетъ до Витима, затѣмъ возвращается по старой дорогѣ къ вышеназванному селенію, а потомъ на лодкѣ внизъ по Чарѣ до мѣста, расположеннаго недалеко отъ мѣста впаденія ея въ Олекму.

Ко всему этому матеріалу можно прибавить еще нѣсколько мелкихъ, рисованныхъ землемѣрами въ Якутскѣ, спеціальныхъ картъ, которыя относятся къ системамъ лѣвыхъ притоковъ Лены, расположенныхъ между послѣднею и Витимомъ. Тутъ имѣются въ виду преимущественно рѣка Бири, впадающая выше города Олекминска, и рѣка Намана, текущая въ Лену ниже его,

а также часть дороги между Якутскомъ и городомъ Вилюйскомъ.

Послѣ нашей экспедиціи въ Чукотскую Землю Чекановскимъ и Миллеромъ было предпринято въ 1874 году путешествіе, которое подарило насъ цѣнной картой рѣки Оленека; до тѣхъ поръ направленіе послѣдней изображалось на всѣхъ картахъ ошибочно. Съемка начинается у Киренска на Ленѣ; путь сначала ведетъ внизъ по Нижней Тунгузкѣ, прикасается къ области истоковъ Вилюя, затѣмъ къ области истоковъ Анáбары и наконецъ внизъ по Оленеку до его устья. Помимо этого путешествіе даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ нижнемъ теченіи Лены и о мѣстности между Леною и городомъ Верхоянскомъ. Карта эта опирается на опредѣленіе широтъ многихъ мѣстъ, но долготы до сихъ поръ еще не вычислены.

Сюда же относятся съемки Чекановскаго 1875 года на нижнемъ теченіи Лены отъ Якутска до Булуна и Аякита. Астрономическихъ опредѣленій въ эту поѣздку не дѣлали.

Наконецъ нужно упомянуть о двухъ экспедиціяхъ, доставившихъ новыя географическія свѣдѣнія по Якутской области. Я говорю объ экспедиціи Юргенса и д-ра фонъ-Бунге въ дельту Лены въ 1882—1884 годахъ и объ экспедиціи д-ра фонъ-Бунге и барона Толя въ 1884—1886 годахъ на Яну и на острова Ближній, Котельный и Ново-Сибирскіе. Этимъ экспедиціямъ мы обязаны исправленіемъ карты дельты Лены, устья Оленека, совершенно новыми свѣдѣніями объ островахъ Котельномъ и Фадѣева, а таже нѣкоторыми поправками въ области рѣки Дулгулаха.

Результаты прекрасно выполненнаго новѣйшаго путешествія барона Толя и лейтенанта Шилейко съ Ново-Сибирскихъ острововъ черезъ Анабару на Хатангу въ 1893 году пока еще не опубликованы, а потому не могутъ быть разсмотрѣны здѣсь подробнѣе.

Въ полномъ перечисленіи работъ и путешествій относящихся къ дѣлу нашего теперешняго познанія Якутской области, нельзя пройти молчаніемъ экспедицію «Веги» подъ началь-

ствомъ барона Фонъ-Норденшельда. Это важно не столько изъ за пользы, которую принесла она въ географическомъ отношеніи Якутской области, сколько изъ за вреда, который она навѣрно причинила бы, если бы за ней не слѣдовала по пятамъ и не внесла бы въ ея работы крайне необходимыя поправки экспедиція потерпѣвшей крушеніе «Жанетты».

Въ самомъ дѣлѣ, Якутская область, или спеціально побережье Ледовитаго океана, ровно ничего не выиграло отъ составившей эпоху экспедиціи «Веги» въ отношеніи географическаго опредѣленія мѣстъ. Оба пункта, которые она опредѣлила,—одинъ близъ Рыр-Кайпія, а другой на мѣстѣ зимней стоянки «Веги» во время ея недобровольнаго пребыванія на побережьи Чукотской Земли—ничего новаго не принесли, а только подтвердили прекрасныя съемки Врангеля.

За то экспедиція Норденшельда сдѣлала все, что было въ ея силахъ, чтобы воскресить старинную сказку, которую можно было считать, наконецъ, окончательно забытою. Я разумѣю тутъ древнее сказаніе о землѣ на сѣверѣ, обитаемой всевозможными дикими бородатыми племенами и т. д., т. е. всѣ старыя выдумки, выясненію которыхъ Врангель пожертвовалъ четыре года полныхъ опасностей поѣздокъ по льду Ледовитаго океана.

Въ виду того, что въ общемъ эти древнія росказни не всѣмъ извѣстны, баронъ же Норденшельдъ во всемъ, гдѣ онъ касается Сибири и сибирскихъ дѣлъ, былъ по меньшей мѣрѣ недостаточно освѣдомленъ, я считаю не безполезнымъ нѣсколько вернуться къ давно прошедшему.

Общеизвѣстнымъ фактомъ является то обстоятельство, что въ инструкціи, полученной Биллингсомъ во время его путешествія, находится пунктъ, приглашавшій его поискать землю, обитаемую бородатыми людьми; эту землю будто-бы видѣлъ сержантъ Андреевъ, но не посѣтилъ потому, что вернулся, испугавшись слѣдовъ громаднаго количества оленьихъ санокъ. И такъ, самый фактъ такого порученія Биллингсу общеизвѣстенъ, но не всѣмъ, можетъ быть, ясно, какъ могли дать ему подобное предписаніе:

для этого необходимо знаніе мѣстной сибирской исторіи, не представляющей общаго достоянія.

Прежде всего необходимо указать на то, что хотя въ инструкціи Биллингса и сказано, чтобы онъ поискалъ обитаемую *бородатыми* людьми землю, но что въ древне-сибирскихъ лѣтописяхъ подъ словомъ *бородатый* человѣкъ всегда подразумѣвается русскій въ видѣ противоположенія постоянно лишеннымъ бороды азіатскимъ племенамъ. Но почему же подозрѣвали на крайнемъ сѣверѣ существованіе русскихъ, если хорошо было извѣстно, что туда никогда не отправлялись ни козаки, ни промышленники?

И это имѣетъ свое основаніе въ циркулирующей съ 1660 года легендѣ о пресловутой поѣздкѣ отправившагося изъ Колымска козака Дежнева, перваго мореплавателя, который обогнулъ мысъ Пээкъ, прошелъ проливъ, впослѣдствіи названный Беринговымъ, и достигъ Великаго океана. Этотъ человѣкъ вышелъ изъ Колымы на шести судахъ, а присталъ къ берегу въ Камчаткѣ, много южнѣе устья Анадыра, только на одномъ изъ нихъ; въ концѣ концовъ онъ достигъ верхняго теченія названной рѣки послѣ того, какъ перенесъ много несчастій и преодолѣлъ всевозможныя затрудненія. Онъ оставилъ крайне неясный отчетъ, изъ котораго, собственно говоря, явствуетъ лишь то, что въ области мыса Пээкъ была битва съ чукчами; при этомъ онъ попутно упоминаетъ уже только о трехъ судахъ; но и эти были разбросаны бурею, такъ что въ концѣ концовъ Дежневъ, какъ уже сказано, сообщаетъ о судьбѣ экипажа только одного изъ нихъ.

Но гдѣ же остались люди, плывшіе на другихъ кочахъ? Что съ ними случилось? Куда они отправились и гдѣ поселились? Вотъ вопросы, которые связываются съ этимъ, какъ и со всякимъ другимъ исчезновеніемъ, и которыми долгое время живо интересовались жители сѣверо-востока. Однажды возникъ слухъ, что въ южной Камчаткѣ нашли бородатыхъ людей, которые, повидимому, были потомками тѣхъ промышленниковъ; затѣмъ говорилось, что ихъ видали въ Америкѣ; наконецъ прошла молва, что ихъ встрѣтили къ сѣверу отъ Колымска, молва, которая въ свою

очередь была связана съ господствовавшимъ въ старинныя времена предположеніемъ, будто на сѣверѣ американскій континентъ далеко заходитъ къ западу за азіатскій.

Подъ впечатлѣніемъ подобныхъ, жившихъ среди обитателей крайняго сѣвера легендъ, сержантъ Андреевъ увидалъ съ мыса Крестовскаго, къ сѣверу отъ устья рѣки Большой Чукочьей, на горизонтѣ землю и отправился туда по льду. Этимъ путемъ онъ открылъ, конечно, первый изъ Медвѣжьихъ острововъ, потому что каждый, кто взглянетъ на карту, легко убѣдится, что на всемъ побережьи Ледовитаго океана нѣтъ другой земли, которую можно было бы видѣть съ континента невооруженнымъ глазомъ. Да и для этого нужно имѣть очень хорошее зрѣніе: я, по крайней мѣрѣ, какъ ни напрягалъ глазъ, ничего не могъ разсмотрѣть съ мыса, но для моихъ проводниковъ, русскихъ изъ Русскаго Устья, это оказалось вполнѣ возможнымъ. Съ перваго острова онъ открылъ и другіе той же группы, а затѣмъ вернулся обратно. Въ своемъ отчетѣ онъ разсказываетъ длинную исторію, всецѣло относящуюся къ области выдумокъ, но имѣвшую тѣмъ не менѣе интересныя послѣдствія. Съ послѣдняго, т. е. самаго восточнаго изъ острововъ, видитъ Андреевъ землю и рѣшаетъ изслѣдовать ее; онъ отправляется въ томъ направленіи, но скоро наталкивается на массу слѣдовъ отъ оленьихъ санокъ, получаетъ убѣжденіе, что земля сильно заселена и, въ виду небольшаго числа своихъ спутниковъ, начинаетъ трусить и возвращается обратно. Пока разсказывается, такимъ образомъ, только о какой то землѣ и о слѣдахъ нартъ, а о людяхъ, именно о бородатыхъ, т. е. о русскихъ еще и помину нѣтъ.

На основаніи этого отчета трое геодезистовъ получаютъ порученіе сдѣлать съемку открытой Андреевымъ земли, а съ нея отправиться на розыски предполагаемой. Исполнивъ первое порученіе такъ хорошо, что Врангель впослѣдствіи могъ опереться на ихъ съемку, люди эти пускаются по указанному Андреевымъ направленію съ цѣлью розыскать намѣченную землю, которой сами они, однако, разсмотрѣть не могли. Вѣрные своему долгу

ѣхали они все дальше и дальше, пока не наткнулись на льдину, черезъ которую никакъ не могли найти перехода; не видя передъ собою на горизонтѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ суши, они вернулись обратно и, пріѣхавъ домой, донесли, что тамъ земли не оказалось.

Все, что тутъ разсказано, со временемъ дошло и до Петербурга, но, конечно, въ прикрашенномъ видѣ и съ легендой о бородатыхъ людяхъ, потомкахъ тѣхъ несчастныхъ, которые отправились съ цѣлью открытій въ плаваніе подъ начальствомъ Дежнева. Только одно извѣстіе не дошло до столицы и осталось въ Иркутскѣ, именно крайне важный документъ, впослѣдствіи открытый и опубликованный господиномъ Луи фонъ-Гельмерсеномъ. Впрочемъ возможно, что и онъ былъ туда отосланъ, но гдѣ либо затерялся.

Дѣло въ томъ, что полковникъ Пленизнеръ не удовольствовался донесеніемъ геодезистовъ и хотѣлъ допытаться солгали они или нѣтъ. Въ виду того, что эти спокойные и разсудительные люди оставались при своемъ и повторяли ими уже заявленное, стали допрашивать, конечно не сержанта Андреева, а его спутниковъ и проводниковъ. При этомъ очень скоро выяснилось, что и послѣдніе ничего не знали о далекой землѣ, будто бы видимой на горизонтѣ, а также и о слѣдахъ оленьихъ нартъ на льду. Они могли сообщить только о поѣздкѣ па теперешніе Медвѣжьи острова и прибавить, что остальные разсказы Андреева являются чистымъ вымысломъ. При этомъ они и остались. Достигъ ли этотъ документъ Петербурга и былъ тамъ, во время составленія инструкціи Биллингсу, гдѣ нибудь заложенъ или о немъ болѣе никто не зналъ, но какъ бы то ни было—мы находимъ упомянутый выше пунктъ въ инструкціи путешественника. Такъ какъ Биллингсъ не могъ исполнить этого порученія, то оно было возложено въ 1820 году на Врангеля. И дѣйствительно, послѣдній старался выполнить свою инструкцію такъ добросовѣстно, что въ настоящее время намъ становится едва понятнымъ, какъ можно было тратить столько силъ и самопожертвованія на такую очевидную безсмысленницу.

Чтобы правильно оцѣнить поступки Врангеля, не мѣшаетъ принять въ соображеніе, что обо всемъ сказанномъ онъ зналъ только то, что было въ его инструкціи. Старые архивы были въ то время совершенно неизслѣдованы, а потому Врангель долженъ былъ допускать существованіе на сѣверѣ земли, до которой возможно было добраться съ континента на нартахъ. Только при такомъ предположеніи становится понятнымъ, что человѣкъ въ теченіе четырехъ зимъ подрядъ рѣшается предпринимать поѣздки по льду, которыя не только крайне изнуряли людей и животныхъ, но и являлись прямо-таки поѣздками на погибель, такъ какъ путешественники постоянно добирались до самой границы болѣе или менѣе сплошнаго льда. При этихъ обстоятельствахъ случалось, что время отъ времени ледъ съ находящимися какъ разъ на немъ нартами и людьми разламывался бурею и уносился прочь; только благодаря счастливой случайности волна выкидывала такую льдину опять на край сплошнаго льда, а не будь этого—всѣ изслѣдованія могли бы очутиться на днѣ морскомъ. Когда я въ 1866 году посѣтилъ тѣ мѣста, жило еще много людей, хорошо помнившихъ Врангеля; они считали его какъ-бы помѣшаннымъ на идеи во что бы то ни стало розыскать на сѣверѣ землю, гдѣ и по ихъ мнѣнію, очевидно, никакой суши не было. Какъ тутъ, такъ и въ Иркутскѣ и въ Якутскѣ, либо вовсе забыли о древнемъ преданіи или считали его тѣмъ, чѣмъ оно являлось въ дѣйствительности,—прекраснымъ способомъ скоротать долгіе зимніе вечера, но и только. Врангель же добросовѣстно дѣлалъ со своей стороны все, чтобы выполнить инструкцію и имѣлъ на то сравнительно очень большія средства, но въ концѣ концовъ и онъ долженъ былъ сознаться, что если на сѣверѣ есть суша, то съ одной стороны ее нельзя видѣть съ Медвѣжьихъ острововъ, а съ другой — нѣтъ возможности добраться до нея съ континента на нартахъ; только какая нибудь исключительная зима могла создать для этого необыкновенно счастливыя условія и придти на помощь изслѣдователю.

Всѣ мы, посѣщавшіе тѣ мѣста, могли только вполнѣ согла-

шаться съ такимъ взглядомъ, но намъ приходилось сожалѣть, что совершенно даромъ потрачено столько труда на такіе пустяки. Врангель, однако, не виноватъ въ томъ: онъ обязанъ былъ исполнять возложенныя на него порученія.

Несмотря на все сказанное, профессоръ А. фонъ-Норденшельдъ не пожелалъ вѣрить этому; ему захотѣлось выставить стараго лгуна и хвастуна Андреева за непризнаннаго изслѣдователя и отдать преимущество единичной, обставленной сомнительными средствами поѣздкѣ совершенно неизвѣстнаго человѣка передъ неустанными, прекрасно обставленными и длившимися четыре года изслѣдованіями Врангеля.

Впрочемъ, академикъ Θ. Шмидтъ высказался уже подробно на эту тему въ своихъ «Einige Bemerkungen zu Prof. A. v. Nordenskjöld's Reisewerk: «Die Umsegelung Asien's und Europa's auf Vega 1878—1880» *). Шмидтъ, между прочимъ, указываетъ, что Норденшельдъ, получивши отъ него замѣтку Л. фонъ-Гельмерсена, отвѣтилъ автору статьи въ «Beiträge», что въ настоящее время *открытіе большой земли Андреевымъ къ сѣверу отъ Медвѣжьихъ острововъ онъ считаетъ уже неправдоподобнымъ*.

Такимъ образомъ, мы можемъ отказаться отъ дальнѣйшаго разсужденія по поводу занимающаго насъ вопроса, но должны все же указать на то, что Норденшельдъ, отвѣчая на статью Шмидта, въ журналѣ «Ymer» за 1885 годъ **), вовсе не упоминаетъ о главномъ пунктѣ возраженія — о сказочной Землѣ Андреева; между тѣмъ, это было необходимо потому, что Земля Андреева фигурируетъ на картѣ, приложенной къ «Путешествію Веги», не говоря уже о томъ, что можно было бы ожидать и печатнаго подтвержденія высказаннаго Шмидту въ письмѣ взгляда.

---

*) Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs, II Folge, Band VI, pp. 317—367.

**) Въ статьѣ «Bemötande af anmärkningar som riktats mot min skildring af Vega's färd kring Asien och Europa».

Предлагаемая мною карта Якутской области составлена, какъ уже сказано въ началѣ этой записки, на основаніи карты Генеральнаго Штаба, изданной въ 1884 году; при этомъ былъ критически пересмотрѣнъ весь вышеприведенный матеріалъ и мнѣ предстоитъ теперь объяснить, отчего моя карта во многомъ отличается отъ своего оригинала.

Прежде всего я долженъ указать на то, что орографію Якутской области я старался представить совершенно иначе, чѣмъ это сдѣлано на картѣ Генеральнаго Штаба. Само собою разумѣется, что правильное представленіе о горныхъ цѣпяхъ и о плоскогорьяхъ получить много труднѣе, чѣмъ о системахъ рѣкъ; отъ проводниковъ въ первомъ случаѣ почти не получаешь поддержки, а хорошо выяснить себѣ орографическую картину страны необыкновенно трудно безъ значительной затраты на то времени; послѣднее доступно только изслѣдователю, задавшемуся спеціальной цѣлью. Ясное представленіе объ орографіи мѣстности пріобрѣтаешь лишь послѣ сравненія и разбора различныхъ маршрутовъ.

Поэтому составители карты Генеральнаго Штаба нашли для себя болѣе удобнымъ нанести сначала сѣть рѣчныхъ системъ, а затѣмъ уже просто-напросто врисовать въ нее горы. Такой методъ основанъ, конечно, на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что вода течетъ съ горъ, а потому истоки рѣчныхъ системъ должны лежать выше, чѣмъ нижнія ихъ теченія и устья. Для столь мало изслѣдованной области, какъ Якутская, онъ былъ бы пригоденъ, если бы этимъ совершенно не сглаживался преобладающій въ странѣ характеръ высокихъ плато. Мы имѣемъ въ настоящее время уже слишкомъ много данныхъ, доказывающихъ широкое распространеніе тутъ уступообразно расположенныхъ плоскогорій, чтобы могли игнорировать это обстоятельство и отказаться отъ болѣе точнаго обозначенія орографіи, какъ преждевременнаго. Такъ, на прим., намъ извѣстно, что къ западу отъ Лены нѣтъ хребта, соотвѣтствующаго Верхоянскому, который доходитъ до Лены, начинаясь отъ Оймеконскаго нагорья; водораз-

дѣлъ же тутъ, между Вилюемъ и Оленекомъ, образуется обширнымъ плато, которое далеко распространяется на сѣверъ по нижнему, почти параллельно Вилюю идущему, теченію Оленека и еще въ области тайги достигаетъ абсолютной высоты 900—1000 футовъ. Мы знаемъ, что Верхоянскій хребетъ круто обрывается къ югу, но очень постепенно спускается къ сѣверу, переходя въ плоскогорье только на широтѣ, приблизительно соотвѣтствующей Верхоянску. Такихъ примѣровъ можно было бы привести массу, и всѣ они доказываютъ, что въ Якутской области мы часто имѣемъ дѣло не съ рѣзко выраженными и быстро спадающими въ низменности хребтами, а съ плато-образными поднятіями земной коры. Вслѣдствіе этого, по моему убѣжденію, нельзя при составленіи карты этой области ограничить всю научную работу исключительно провѣркой сѣти рѣчныхъ системъ по имѣющемуся въ наличности матеріалу, а затѣмъ передать карту «художнику», который выполнилъ бы ее горами, имѣя въ виду главнымъ образомъ одну цѣль—придать ей, въ общемъ, приличную наружность. На моей картѣ, во избѣжаніе сказаннаго я по возможности старался представить орографію въ такомъ видѣ, который соотвѣтствовалъ бы нашимъ теперешнимъ познаніямъ. Да и картографическое заведеніе Ильина прилагало, повидимому, со своей стороны всѣ усилія къ точному выполненію моего оригинала, а если, тѣмъ не менѣе, это удалось не вполнѣ, то причиною послѣдняго былъ опять-таки денежный вопросъ, играющій въ данномъ случаѣ первенствующую роль. Дѣло въ томъ, что къ задачамъ Императорской Академіи Наукъ не относится изданіе крупныхъ картографическихъ произведеній и она допускаетъ въ своихъ трудахъ только пояснительныя къ тексту карты. Если же мнѣ, не смотря на сказанное, и въ виду сравнительно малаго нашего знакомства съ этой частью Сибири, было разрѣшено выработать подробную карту Якутской области, то на мнѣ лежала обязанность по возможности сократить расходы по ея изданію. Это и было достигнуто путемъ значительнаго сокращенія числа шатировокъ. Для показанія высотъ я принялъ въ своемъ оригп-

налѣ восемь различныхъ красокъ, но въ виду заявленія господина Ильина, что такое число тоновъ сильно удорожитъ изданіе, рѣшилъ ограничиться всего четырьмя. Благодаря этому, въ общемъ удалось сохранить на картѣ присущій странѣ характеръ высокихъ плоскогорій, но относительная высота различныхъ мѣстностей выразилась не вполнѣ удовлетворительно. Такъ, напр., явственно выступаетъ, что мѣстность между Вилюемъ и верхнимъ теченіемъ Оленека носитъ несомнѣнно характеръ высокаго плоскогорія, но вмѣстѣ съ тѣмъ кажется, что мѣстность отъ широты истоковъ Тюна приблизительно до Вилюя имѣетъ одну и ту же высоту; между тѣмъ въ дѣйствительности это не такъ: истоки тѣ лежатъ на высотѣ болѣе чѣмъ 1500 футовъ надъ поверхностью моря, долина же Вилюя имѣетъ всего около нѣсколькихъ сотъ футовъ абсолютной высоты. Точно также нельзя было изобразить, что мѣстность между Леною и Вилюемъ поката отъ первой рѣки къ послѣдней и что, слѣдовательно, крутые берега по лѣвую сторону Лены должны быть значительно выше, чѣмъ возвышенности на правомъ берегу Вилюя; что долины мѣстности между Леною, Витимомъ и Чарой — т. е. собственно золотомойный округъ — лежитъ очень высоко надъ поверхностью моря. Однимъ словомъ, при всемъ стараніи, многаго не было возможности выразить съ достаточной точностью.

Несмотря на всѣ очевидные недостатки моей карты, нужно впрочемъ замѣтить, что вредъ отъ нихъ происходящій сильно уменьшается недостаточностью нашихъ, въ этомъ отношеніи, познаній, т. е. что неточному изображенію соотвѣтствуетъ и незначительное число данныхъ. Ни одинъ мало-мальски опытный въ наблюденіяхъ надъ окружающей природой человѣкъ не усумнится въ томъ, что, проходя отъ Вилюя къ Оленеку, онъ идетъ по высокому нагорью, но какъ оно высоко—никто не скажетъ, потому что постепенно возвышающаяся мѣстность не даетъ непосредственнаго впечатлѣнія наростанія своей абсолютной высоты. Въ данномъ случаѣ могутъ помочь только измѣренія, а такого матеріала въ настоящее время у насъ еще очень и очень немного.

При подобныхъ обстоятельствахъ мы должны считать большою заслугою князя Кропоткина то, что въ своемъ сочиненіи онъ сдѣлалъ опытъ сводки всѣхъ пунктовъ Восточной Сибири, высота которыхъ опредѣлена. Въ этихъ гипсометрическихъ таблицахъ приведены, повидимому, всѣ извѣстныя въ то время данныя относительно возвышенія поверхности Якутской области. Если посмотрѣть на эти длинные столбцы цифръ, то можно, пожалуй, съ перваго взгляда подумать, что мы владѣемъ вполнѣ достаточнымъ матеріаломъ. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ: всѣ эти цифры основаны на простыхъ барометрическихъ измѣреніяхъ путешественниковъ, которые къ тому же часто дѣлались по одному разу; иными словами, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простыми метеорологическими наблюденіями во время путешествій, которыя тутъ только вычислены гипсометрически. Если подобныхъ наблюденій много и сдѣланы они въ самыхъ различныхъ пунктахъ, то, конечно, ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы искоренить, наконецъ, встрѣчающееся еще въ кое какихъ сочиненіяхъ ученіе объ обще-сибирской низменности и установить, что въ Западной Сибири преобладаютъ дѣйствительно низменныя пространства, но что Восточная, наоборотъ, является горною страною, лежащею на значительной абсолютной высотѣ. Все это, какъ уже сказано, можно съ достаточной точностью вывести изъ наблюдавшихся въ самыхъ разнообразныхъ пунктахъ, хотя бы даже единичныхъ, показаній барометра, но не болѣе. Взглядъ же Кропоткина, что подобныя наблюденія, въ виду будто бы крайне незначительныхъ ошибокъ при вычисленіи въ зависимости отъ колебаній барометра, даютъ право дѣлать заключенія объ абсолютной высотѣ мѣста, не выдерживаетъ, по моему мнѣнію, никакой критики. Что колебанія ртутнаго столба могутъ быть очень значительны и поняты только путемъ повторныхъ и корреспондирующихъ наблюденій, видно уже изъ тѣхъ немногихъ наблюденій, которыя я сдѣлалъ во время моего путешествія. Изъ нихъ слѣдуетъ, что я наблюдалъ барометръ у озера Абый только съ 26 сентября по 14 октября, и что въ теченіе этого, сравнительно

короткаго, промежутка времени было констатировано колебаніе, которое выразилось паденіемъ съ 603,8 англійскихъ полулиній 30 IX 1870 г. (стараго стиля) на 587,3 англійскихъ полулиній 4 X, и затѣмъ барометръ уже вовсе не достигалъ первоначальной высоты, а только приблизился къ ней 12 X, показывая 603,05 англійскихъ полулиній. Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ тутъ въ самое короткое время измѣненіе въ давленіи воздуха, соотвѣтствующее амплитудѣ колебанія барометра въ 16,5 англійскихъ полулиній, да къ тому же еще въ общемъ при почти одинаковой погодѣ съ очень слабымъ вѣтромъ, при слабо облачномъ небѣ и только съ кое-когда падавшимъ незначительнымъ снѣгомъ. Какое же значеніе имѣютъ послѣ того разрозненныя наблюденія во время путешествія, часто допускающаго всего единичное считываніе съ инструмента, да помимо того еще въ странѣ, поверхность которой носитъ преимущественно характеръ плоскогорія? Впрочемъ, уже въ самихъ таблицахъ мы находимъ прямыя доказательства до чего можно дойти, пользуясь подобнымъ матеріаломъ. Такъ, на прим., на стр. 657 приведена абсолютная высота уровня рѣки Шилки, которая имѣетъ отъ Нерчинска до Стрѣтенска довольно сильное теченіе; тѣмъ не менѣе высота ея надъ поверхностью моря у станціи Бянкино, т. е. 30 верстъ ниже города Нерчинска, показана въ 1449 футовъ, а у Стрѣтенска, лежащаго около 60 верстъ *ниже* Бянкино, равна по той же таблицѣ 1450 футамъ. Еще большій абсурдъ мы находимъ, если сравнимъ абсолютную высоту Алдана у впаденія Долгуки, на дорогѣ отъ Якутска къ Удскому Острогу, опредѣленную на стр. 666 въ 316 англійскихъ футовъ, съ возвышеніемъ той же рѣки надъ уровнемъ моря, но только много ниже — у Усть-Майска; послѣдняя, судя по стр. 673, будто-бы равна 490 футамъ, т. е. оказывается, что рѣка текла положительно въ гору. Въ таблицѣ, правда, приведенъ не уровень рѣки, а деревня Усть-Майскъ, но дѣло въ томъ, что деревня эта лежитъ у самаго берега и возвышается лишь на нѣсколько футовъ надъ поверхностью воды въ рѣкѣ. Мы располагаемъ еще однимъ опредѣленіемъ высоты Ал-

дана: у Алданскаго Перевоза, ниже Усть-Майска, Эрманъ вычислилъ ее въ 422 фута; эта цифра очень близка къ цифрѣ, приведенной для Усть-Майска, но именно потому она противорѣчитъ высотѣ, данной въ таблицѣ Кропоткина для мѣста переправы на дорогѣ въ Удской Острогъ.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ относиться съ крайней осторожностью къ полученнымъ подобнымъ путемъ опредѣленіямъ высотъ, и тѣмъ болѣе, что не всегда имѣешь возможность составить себѣ ясное представленіе объ ихъ неточности по даннымъ относительно теченія рѣкъ. Тѣмъ не менѣе такой трудъ всегда нужно считать за очень благодарный, потому что и по этимъ опредѣленіямъ есть возможность съ приблизительной точностью оріентироваться относительно преобладанія въ странѣ плоскогорій. Если во время путешествія постоянно отмѣчать высоту барометра на всякомъ привалѣ, то, несомнѣнно, можно получить представленіе объ относительномъ повышеніи и пониженіи поверхности, хотя абсолютная высота пунктовъ этимъ еще не опредѣляется. Для только что указанной цѣли я не задумывался пользоваться таблицею Кропоткина и не думаю, чтобы черезъ это я пришелъ къ неправильнымъ выводамъ.

Изъ этихъ таблицъ можно видѣть, что уровень воды въ Ленѣ у станціи Шубинской,— т. е. тамъ, гдѣ рѣка вступаетъ въ предѣлы Якутской области, — находится на высотѣ 486 англійскихъ футовъ надъ поверхностью моря, что этотъ уровень лежитъ еще на высотѣ 296 футовъ у Якутска, т. е. послѣ того, какъ рѣка протекла 1000 верстъ, и что только послѣ 2000 верстъ дальнѣйшаго теченія достигаетъ она моря. Но эти данныя относятся исключительно до уровня воды, да еще до очень узкой, большею частью, береговой полосы, или долины рѣки собственно. Но ѣдущій по названной рѣкѣ путешественникъ повсюду убѣждается, что по обѣ стороны этой долины поднимаются высокія горы, провожающія его до самой дельты. Тоже самое встрѣчаешь, когда путешествуешь и по Вилюю: тутъ тоже тянутся то приближающіяся къ берегу, то удаляющіяся отъ него горы, которыя по-

всюду оставляютъ сравнительно лишь узкую береговую полосу. Между Олекминскомъ и Якутскомъ, на лѣвомъ берегу Лены нужно подняться на двѣсти или триста футовъ прежде, чѣмъ взберешься на провожающее берегъ нагорье и, только сдѣлавъ это, видишь передъ собою ровную мѣстность. Тоже самое наблюдаешь на лѣвомъ берегу выше Олекминска и ниже Якутска — до самой дельты, гдѣ суша спускается къ образуемымъ рѣкою островамъ крутыми обрывами. Не такою высокою стѣною подходитъ плоскогоріе къ самой рѣкѣ выше устья Алдана, а ниже Якутска и вокругъ него замѣчается вдоль рѣки даже очень обширная низменность. До лѣваго берега Татты мѣстность поднята едва на сотню футовъ надъ поверхностью воды въ рѣкѣ, и только на правой сторонѣ Татты высота надъ уровнемъ моря достигаетъ 600 футовъ. За то повышеніе поверхности по эту сторону великой рѣки тянется непрерывно и достигаетъ высшей своей точки только на гребнѣ Становаго хребта, чтобы затѣмъ спуститься довольно круто къ морю. Заимствованныя у Кропоткина и приведенныя тутъ данныя о высотахъ, какъ по дорогѣ отъ Якутска въ Охотскъ, такъ и на пути отъ Якутска въ Удской острогъ, очень наглядно рисуютъ это повышеніе и пониженіе поверхности.

Если теперь внимательно разсмотрѣть лежащую къ югу отъ Верхоянскаго хребта часть области и начать съ южной ея границы, то можно замѣтить, что восточный конецъ этой границы образованъ хребтомъ, средняя высота гребня котораго едва превосходитъ 3000 футовъ, и который такъ постепенно спускается какъ къ сѣверу, такъ и къ югу, что страна дѣлаетъ впечатлѣніе плоскогорія. Это — Яблоный хребетъ, который начинается на югѣ Забайкалья подымающимся до высоты 8000 футовъ Сохондо, идетъ въ WSW — ONO направленіи и оканчивается у истоковъ рѣки Уда, впадающаго въ Охотское море. Южная часть этого горнаго подъема положительно выше, чѣмъ сѣверная, которая, начинаясь 3770 футами отъ мѣста, гдѣ его пересѣкаетъ трактъ отъ Байкала къ Амуру, врядъ ли становится выше въ восточной части своего простиранія. Тотъ же характеръ плоско-

горія, который Яблоный хребетъ сообщаетъ южному Забайкалью, сохраняетъ онъ и въ сѣверо-восточной своей части; дѣйствительно, отъ всѣхъ переходившихъ его гребень путешественниковъ мы узнаемъ, что послѣдній совершенно плоскій и притомъ до такой степени, что часто совершенно забываешь о водораздѣлѣ и замѣчаешь послѣдній только благодаря измѣненію въ паденіи рѣкъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правда, изъ гребня выдаются болѣе значительныя вершины, которыя въ этихъ случаяхъ носятъ особыя мѣстныя названія. Такъ, на прим., въ области истоковъ рѣки Конама довольно значительный хребетъ называется Джукджуромъ или Улу-сисомъ, а отдѣльныя его вершины Туптýромъ, Атычáномъ, Эвáтой и Урпáлой. Но и тутъ страна не теряетъ характера плоскогорія, потому что къ сѣверу отъ Урпáлы находится обширная, окруженная съ сѣверо-востока и съ юга горными вершинами область озеръ, такъ называемыя озера Токариканъ, которыя питаютъ текущіе въ совершенно противоположныхъ направленіяхъ притоки Алдана — Конáмъ и Темтьенъ.

Но подобные выступы гребня Яблонаго хребта составляютъ не правило, а исключеніе, въ общемъ же онъ носитъ характеръ плоскаго гребня и въ этомъ отношеніи сильно отличается отъ Становаго хребта, который, начинаясь отъ истоковъ рѣки Уда и Половинной, простирается до Оймеконскаго нагорья и имѣетъ очень рѣзко выраженный гребень.

Для предупрежденія недоразумѣній, необходимо тутъ же точно пояснить, что я подразумѣваю подъ именемъ Становаго, и что подъ названіемъ Яблонаго хребтовъ; въ употребленіи этихъ именъ нѣтъ еще единогласія, на картахъ же, наоборотъ, существуетъ въ этомъ отношеніи большая путанница.

На картѣ С.-Петербургскаго Генеральнаго Штаба водораздѣлъ между притоками Амура и Алдана названъ Джукджуромъ, а для хребта, начинающагося отъ истоковъ Уда и Половинной, и идущаго до мыса Пээкъ у Берингова пролива, принято названіе Становаго или Яблоноваго хребта. Это не имѣетъ никакого смысла, потому что якутское или тунгузское слово «джукджуръ»

обозначаетъ просто крутой горный гребень. Поэтому туземныя племена прилагаютъ это названіе съ одной стороны къ Яблоному хребту у истоковъ Конама, гдѣ, какъ уже сказано выше, главный гребень хребта образуетъ отдѣльныя крутыя горныя вершины, а съ другой — къ тѣмъ частямъ Становаго хребта, гдѣ его гребень особенно рѣзко выдается, какъ на прим. у перевалов къ Аяну и къ Удскому острогу. Такимъ образомъ, это названіе не примѣнимо въ качествѣ отличительнаго, а для всего Становаго хребта оно тоже никогда не употреблялось. Шварцъ называетъ на своей картѣ Становымъ хребтомъ ту-же горную цѣпь, которую и я обозначаю этимъ именемъ; но для южнаго водораздѣла на его картѣ вовсе нѣтъ названія. Подробнѣе занялся вопросомъ о наименованіи этихъ хребтовъ Миддендорфъ въ своемъ «Сибирскомъ путешествіи» и предложилъ разбить Становой хребетъ на рядъ отдѣльныхъ горныхъ системъ и пріурочить къ послѣднимъ названія главныхъ рѣкъ, берущихъ съ нихъ свое начало. Такъ, для западной части Яблонаго хребта онъ предлагаетъ названіе Олекминскаго хребта, для восточной—Зейскаго, а для Становаго хребта — Алданскаго. Конечно, это предложеніе не встрѣтило бы никакого возраженія, если бы дѣло касалось еще неназванныхъ горныхъ хребтовъ; но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о такихъ, которые у мѣстныхъ жителей носятъ повсюду постоянныя и вполнѣ опредѣленныя названія. При такихъ обстоятельствахъ, новыя наименованія вносятъ только недоразумѣнія, а потому гораздо лучше ихъ избѣгать. Во всемъ Забайкальѣ хребетъ, начинающійся отъ Сохондо и оканчивающійся у истоковъ Уда и Половинной, называютъ Яблонымъ (а не Яблоновымъ), имя же Становой хребетъ тамъ вовсе неизвѣстно. Точно также во всей Якутской области горный подъемъ, идущій отъ истоковъ рѣки Уда приблизительно до верховьевъ Колымы, обозначаютъ Становымъ хребтомъ, и лишь въ видѣ исключенія перевалы къ Аяну или Удскому Острогу именуются Джукджуромъ. Такимъ образомъ, у мѣстныхъ жителей существуютъ для каждаго изъ двухъ хребтовъ строго опредѣленныя названія, а потому трудно понять, для

чего тутъ вводить новыя наименованія даже въ томъ случаѣ, если уже имѣющіяся относятся къ очень длиннымъ горнымъ подъемамъ. Помимо того, названія — Олекминскій хребетъ и Зейскій хребетъ были бы вовсе не понятны въ Забайкальѣ, такъ какъ большинство тамошнихъ жителей вовсе не знаетъ о существованіи такихъ рѣкъ. Имена эти удержались бы только у читающей публики, а она столь же успѣшно можетъ обходиться названіями — западный и восточный Яблоный хребетъ, и тѣмъ болѣе, что они столь же инструктивны, какъ и предложенныя Миддендорфомъ. Дѣло обстояло бы, конечно, иначе, если бы номенклатура Миддендорфа получила уже право гражданства, но что этого нѣтъ, доказываетъ карта Шварца, а еще болѣе карта С.-Петербургскаго Генеральнаго Штаба, который далъ ввести себя въ заблужденіе, перепечатавъ безсмысленницу карты Иркутскаго Штаба 1861 года, гдѣ названія перемѣшаны какъ попало.

Если мы удержимъ самыя употребительныя на мѣстѣ имена, то будемъ имѣть еще ту выгоду, что различимъ два, хотя и тѣсно связанные, но рѣзко отличающіеся по своему характеру хребта. Дѣйствительно, Яблоный хребетъ представляетъ изъ себя ни что иное, какъ наивысшее поднятіе далеко распространяющагося къ сѣверу и къ югу нагорья, а Становой—является очень круто спадающимъ къ морю окрайнымъ хребтомъ.

Съ цѣлью рельефнѣе выразить постепенное возвышеніе Яблонаго хребта, я привожу тутъ нѣсколько опредѣленій высотъ (изъ отчета Кропоткина), сдѣланныхъ Усольцевымъ и Шварцемъ. Первый шелъ отъ Горбицы на Шилкѣ къ Чарѣ (притокъ Олекмы, впадающей въ Лену), а послѣдній изъ области рѣки Зеи въ таковую же Конама (притокъ Алдана).

Горбица (долина Шилки)	1230	футовъ.
Амазарканъ (Амазаръ, Амуръ)	2020	»
Истокъ Амазаркана	2870	»
Золотой пріискъ на Бугарихтѣ (Бухта, Тунгиръ, Олекма)	3090	»

Мѣсто впаденія Бухты въ Тунгиръ... 1810 футовъ.
Олекма у озера Углу..... 1840 »

Опредѣленій высоты самаго водораздѣла тутъ, къ сожалѣнію, не дѣлалось, но его и трудно установить, такъ какъ водораздѣлъ плоскій, болотистый и положительно походитъ на обширную равнину. Цифры еще лучше выразили бы почти одинаковое возвышеніе мѣстности надъ поверхностью моря по обѣ стороны водораздѣла, если бы пункты находились на равномъ разстояніи отъ гребня. Золотомойня на Бухтѣ удалена отъ высшей линіи поднятія поверхности приблизительно настолько же, насколько и истоки Амазаркана, но долина Амазаркана ближе къ ней, чѣмъ мѣсто впаденія Бухты въ Тунгиръ. Съ другой стороны крайне характерно, что долина большаго, параллельно текущаго притока Олекмы, Тунгира, расположена почти на той же абсолютной высотѣ, какъ и сама главная рѣка.

Мѣсто впаденія Кудули въ Гилюй (Зея). 1930 футовъ.
Водораздѣлъ..... 3230 »
Истоки Конама (Учуръ, Алданъ)..... 2450 »

Тутъ тоже, — устье Кудули значительно дальше отъ водораздѣла, чѣмъ истоки Конама; но тѣмъ не менѣе плоскій характеръ водораздѣла выступаетъ явственно.

Отъ западной части Яблонаго хребта, поскольку онъ образуетъ границу Якутской области, отходятъ пять второстепенныхъ хребтовъ: четыре въ меридіональномъ направленіи, прямо на сѣверъ, а пятый въ сѣверо-западномъ. Первые четыре, подобно главному, представляютъ плоскіе кряжи, раздѣляющіе собою долины Гиныма, Темптеня, верхняго теченія Алдана, Олекмы и Чары другъ отъ друга. Пятый же отрогъ, имѣющій сѣверо-западное простираніе и идущій по правому берегу Витима, во многихъ отношеніяхъ отличается какъ отъ остальныхъ, такъ и отъ главнаго хребта. Онъ не только значительно выше и не только

имѣетъ болѣе рѣзкія очертанія, но и образуетъ, развѣтвляясь между Витимомъ, Леною и Чарою, довольно обширную горную страну.

То обстоятельство, что три первые изъ указанныхъ хребтовъ имѣютъ плоскій гребень, удостовѣряется не только часто бродящими тамъ тунгузами, но и подтверждается маршрутами Карликова и Крутикова. Первый изъ нихъ шелъ по восточную сторону Темптеня до Алдана и, подвигаясь по водораздѣлу, часто и поперемѣнно касался областей, сначала Темптеня, а затѣмъ Конама и Гиныма. Крутиковъ же пришелъ изъ области верхняго теченія Олекмы въ таковую же верхняго Алдана, а отсюда снова вернулся на Олекму и пошелъ вдоль лѣваго берега этой рѣки до ея устья. Но въ общемъ хребты эти мало извѣстны, потому что страны тѣ посѣщаются только тунгузами. Самый западный изъ хребтовъ изслѣдованъ въ своей начальной части только Усольцевымъ, который, какъ уже сказано, прошелъ отъ Горбицы до верхняго теченія Чары. Въ области рѣкъ Калакана и Калара, притоковъ Витима, онъ встрѣтилъ очень дикую горную страну, какъ и слѣдуетъ изъ сдѣланныхъ имъ и приводимыхъ нами тутъ опредѣленій высотъ.

Долина Олекмы у озера Углу	1840	футовъ.
Долина Моклы (Олекма) у впаденія Безымянной	2160	»
Южная подошва водораздѣла между Моклой и Калаканомъ	2370	»
Самъ водораздѣлъ	4430	»
Сѣверная подошва водораздѣла между Моклой и Калаканомъ	3810	»
Долина Калакана у впаденія Одонгро́	3750	»
Долина Калакана у впаденія Катугинета	3180	»
Среднее теченіе Катугинета	3470	»
Истокъ Катугинета	4910	»

Водораздѣлъ между Каларомъ и Невёномъ (Чара)	5580	футовъ.
Озеро Омунъ-дачи близъ водораздѣла	4490	»
Озеро Андылахъ въ долинѣ верхней Чары	2340	»

Эти измѣренія въ достаточной мѣрѣ подтверждаются какъ маршрутами Усольцева, такъ и разспросными свѣдѣніями, собранными мною о горной странѣ Калара у живущихъ на Чарѣ якутовъ. Чара, дѣлающая въ окрестностяхъ озера Андылаха рѣзкій поворотъ на сѣверъ, въ своемъ верхнемъ теченіи глубоко врѣзывается въ хребетъ, идущій отъ Яблонаго до Лены. Въ сѣверо-западномъ направленіи страна снова поднимается и образуетъ указанную уже нами выше горную страну между Витимомъ, Леною и Чарою. Наибольшая высота сильно вѣтвящихся тутъ горныхъ хребтовъ проходитъ близъ Витима, а потому къ западу отъ Сыльби въ послѣдній впадаютъ только незначительные горные ручьи, Чара же принимаетъ въ себя широко раскинувшуюся рѣчную систему. Наивысшею изъ до сихъ поръ измѣренныхъ въ этой горной странѣ точекъ является гора Тепторго, имѣющая 5700 футовъ; ее дугообразно окружаетъ Большой Патомъ, и трудно предположить, чтобы другія горныя вершины были выше ея. Изъ этого можно заключить, что горная страна Калара представляетъ собою наивысшую часть западнаго хребта: горный перевалъ между Чарой и Каларомъ почти достигаетъ высоты горы Тепторго, высочайшія же вершины этой мѣстности, сильно, какъ говорятъ, превосходящія высоту гребня, пока еще неизвѣстны.

Если же Тепторго есть наивысшая вершина горной страны между Витимомъ, Леною и Чарою, то многія другія, несомнѣнно, къ ней приближаются, потому что вся мѣстность производитъ сильное впечатлѣніе многовершинной альпійской страны. Когда я взбирался по лѣвому берегу Чары и проходилъ мимо озера Ничатки, то съ правой стороны на горизонтѣ видѣлъ рядъ вы-

сокихъ, покрытыхъ снѣгомъ вершинъ; по словамъ моихъ проводниковъ, онѣ начинаютъ чернѣть во второй половинѣ іюля мѣсяца, но уже въ августѣ опять покрыты свѣжимъ снѣгомъ. Какъ водораздѣлы впадающихъ слѣва въ Чару рѣчекъ, такъ и горы, окружающія Ничатку, были доверху покрыты лѣсомъ, но далѣе, когда мы перешли съ Бурхая, впадающаго въ Ничатку, на лѣвый притокъ верхняго теченія Чары — Абзадъ, картина измѣнилась. Водораздѣлъ представлялъ широкую сѣдловину, въ которой лежали рядомъ два малыхъ озера; изъ нихъ въ одну сторону текъ Бурхай, а въ другую — Абзадъ. Въ концѣ іюня тутъ все еще было покрыто слоемъ снѣга въ $3^1/_2$ фута толщиною и высоты, со всѣхъ сторонъ окружавшія эту сѣдловину, щеголяли своимъ совершенно нетронутымъ снѣжнымъ покровомъ. Лѣса не было видно; на нѣкоторыхъ же болѣе возвышенныхъ и лишенныхъ снѣга мѣстахъ виднѣлись лишь корявые экземпляры *Betula nana* и *Pinus cembra pumila*, да цвѣлъ *Trollius*. Но *Rhododendron* я не могъ найти, хотя и не могу утверждать, что онъ отсутствовалъ подъ очень толстымъ слоемъ снѣга. Одинъ якутъ, проходившій тутъ около 10 іюля, нашелъ сѣдловину, конечно, уже очистившеюся отъ снѣга, но горы все еще были сильно имъ засыпаны. Дны долинъ бо́льшей части рѣкъ имѣютъ тоже довольно значительную абсолютную высоту; они расположены надъ уровнемъ моря много выше, чѣмъ можно предположить по тону карты; къ тому же они очень узки, да и вся страна производитъ довольно сильное впечатлѣніе дикости и негостепріимности. Въ виду того, что тутъ расположенъ Олекмо-Витимскій золотомойный округъ, мѣстность эта довольно сильно заселена, но все же она въ высшей степени сурова и непригодна ни для земледѣлія, ни для скотоводства, такъ какъ въ узкихъ долинахъ нѣтъ мѣста для покосовъ и полей. Единственное исключеніе составляетъ верхнее теченіе Чары. Здѣсь рѣка течетъ въ усѣянной многочисленными озерами и имѣющей до двадцати и болѣе верстъ ширины долинѣ, въ которой съ пятидесятыхъ годовъ поселились нѣсколько якутовъ Олекминскаго округа.

Пока мы говорили о западной части Яблонаго хребта и его отрогахъ и нашли, что она лучеобразно распространяется на сѣверъ и сѣверо-западъ. Совершенно иную картину представляетъ собою сѣверный склонъ восточной части этого хребта. Онъ носитъ совершенно тотъ же характеръ, какъ сѣверный склонъ Становаго хребта, такъ что, приближаясь къ нему со стороны Якутска, нельзя замѣтить разницы между обоими хребтами; за то съ южной стороны она рѣзко бросается въ глаза. Дѣло въ томъ, что отъ истоковъ Конама и Гиныма до истоковъ Охоты высокій гребень обоихъ хребтовъ по направленію къ сѣверу и сѣверо-западу спадаетъ къ долинѣ не просто, а въ видѣ цѣлаго ряда уступовъ или террасъ, которыя, становясь все ниже и ниже, въ концѣ концовъ граничатъ съ теченіемъ Лены и нижняго Алдана. Число этихъ террасъ пять, а въ юго-западной части даже шесть; ихъ легко отличить по рѣкамъ, которыя по нимъ протекаютъ. Первый уступъ образуется долинами Конама, средняго теченія Учура, Чугликана (въ Маймаканъ, въ Маю) и верхняго теченія Маи. Второй—долинами Гиныма, Большаго и Малаго Апма, частью средняго теченія Маи и Юдомы. На третьей террасѣ течетъ Средній Алданъ и Аллахъ-юна; на четвертой—Амга, на пятой Ботома; за шестой же уступъ нужно принять долину Лены.

Весь этотъ участокъ отъ Лены и самаго нижняго теченія Алдана вплоть до гребня Становаго хребта представляетъ собою страну террасъ, и главное, такого правильнаго образованія, какое врядъ-ли еще гдѣ либо встрѣчается, по крайней мѣрѣ, въ подобномъ же обширномъ маасштабѣ. Каждая изъ террасъ имѣетъ по одной или нѣсколько ей принадлежащихъ рѣкъ, и воды всѣхъ ихъ сносятся чрезъ посредство нижняго теченія Учура, Средней и Нижней Маи и нижняго Алдана съ террасы на террасу и наконецъ въ главный резервуаръ—въ Лену (выносящую ихъ въ море) съ такою правильностію, будто дренажъ этотъ проложилъ самъ человѣкъ. Указаннымъ уступамъ соотвѣтствуетъ такое же число параллельныхъ хребтовъ, сѣверо-западный склонъ кото-

рыхъ всегда выше, чѣмъ юго-восточный, и которые придаютъ всей странѣ дикій и неприступный характеръ. Между Леной и Амгой хребты эти еще очень плоски и гребень ихъ широкъ, такъ что они почти еще не производятъ впечатлѣнія горъ. Уже круче становится Амгинскій хребетъ, проходящій между Амгой и Маей, но ближе къ первой. Съ праваго же берега Мап вступаешь въ настоящую горную область, и несмотря на то, что всѣ возвышенности еще покрыты лѣсомъ, число большихъ и малыхъ горныхъ цѣпей уже очень значительно и оправдываетъ мнѣніе якутовъ, будто послѣ сотворенія и окончательнаго устройства земли у Творца Вселенной остался громадный мѣшокъ съ камнями, которымъ Онъ не могъ найти примѣненія въ другомъ мѣстѣ. Якуты убѣждены, что Онъ высыпалъ ихъ на Становомъ хребтѣ, почему тутъ и произошелъ безконечный лабиринтъ горъ. Но стоитъ только бросить взглядъ на карту, чтобы тотчасъ понять, что выше переименованныя пять террасъ представляютъ собою лишь главнѣйшія подраздѣленія страны. На самомъ же дѣлѣ въ промежуткахъ между этими главными уступами нѣтъ недостатка въ болѣе мелкихъ соединительныхъ звѣньяхъ; но послѣднія локализированы въ своемъ развитіи и строго подчинены главному направленію склона всей мѣстности. Такъ напримѣръ, между верхнимъ теченіемъ Конама и гребнемъ хребта лежитъ еще одна терраса, по которой протекаютъ Утамъ, Алгома и Юдымъ. Точно также академикъ фонъ-Миддендорфъ встрѣтилъ на пути отъ Якутска въ Удской Острогъ между Алданомъ и Учуромъ не двѣ, а шесть террасъ, раздѣленныхъ пятью почти параллельными, но, конечно, большою частью болѣе низкими хребтами. Считая съ NW къ SO хребтики эти носятъ слѣдующія названія: Ыттъ-отýкъ, Олегá-ытабытъ, Дыкды-хая, Аппатынъ-хая и Кётъ-катъ. Но карта доказываетъ намъ, что эти возвышенія поверхности суть ничто иное, какъ мѣстные водораздѣлы, за исключеніемъ, впрочемъ, Олегá-ытабыта и высокаго крутаго Кётъ-ката. Что эти два послѣдніе хребта соотвѣтствуютъ первой и второй изъ главныхъ террасъ, поясняютъ рѣки, теченіе которыхъ хребты сопровождаютъ.

Къ сожалѣнію, мы знакомы пока еще нѣсколько точнѣе только съ теченіемъ рѣкъ этой обширной страны террасъ, хребты же и возвышеніе ихъ надъ уровнемъ моря вовсе еще неизслѣдованы. До настоящаго времени лишь два научно образованныхъ человѣка дѣлали тутъ опредѣленія высотъ и нѣсколько ознакомили насъ съ этимъ горнымъ міромъ. Я говорю объ Эрманѣ и Миддендорфѣ; оба они вышли изъ Якутска и перешли Становой хребетъ,—одинъ по дорогѣ въ Охотскъ, а другой—въ Удской Острогъ на рѣкѣ Удѣ. При всей ошибочности и несовершенствѣ барометрическихъ измѣреній высотъ во время путешествій, они все-же съ извѣстной степенью вѣроятности указываютъ намъ на относительное поднятіе и опусканіе поверхности на пройденномъ пути, а потому я считаю необходимымъ включить данныя этихъ изслѣдователей въ приложеніе. Изъ приведенныхъ тамъ наблюденій, какъ Эрмана для сѣвернаго конца Станового хребта, такъ и Миддендорфа для южной, переходящей въ Яблоный хребетъ, оконечности его, ясно видно, какъ постепенно и уступообразно поднимается поверхность страны отъ долины Лены къ гребню хребта. До Амги, даже до Алдана, рѣзко преобладаетъ тутъ высота сопровождающихъ долину Лены прибрежныхъ обрывовъ. На картѣ эта часть горной страны представлена, къ сожалѣнію, очень плохо, и чтобы получить мало-мальски ясное представленіе о господствующихъ здѣсь условіяхъ, необходимо постоянно прибѣгать къ указаннымъ гипсометрическимъ даннымъ. Отъ долины Лены до Татты замѣтно лишь весьма слабое поднятіе, и только по ту сторону послѣдней долины поверхность поднимается къ Алдану сильнѣе, несмотря на то, что это поднятіе многократно прерывается глубокой долиной Амги. Здѣсь нужно замѣтить, что абсолютная высота въ 633 фута, данная для Амгинска, означаетъ возвышеніе надъ поверхностью моря не уровня воды въ рѣкѣ, а высоту береговаго обрыва. Если уже тутъ оттѣнокъ цвѣта на картѣ недостаточно выражаетъ условія поверхности, то на двухъ послѣднихъ уступахъ дѣло становится еще серьезнѣе. Кажется, какъ будто послѣдніе не только не выше, но скорѣе

ниже, чѣмъ мѣстность по правую сторону Алдана, расположенная между этой рѣкой и Маей. Особенно сбиваетъ то обстоятельство, что всѣ долины кажутся здѣсь врѣзанными глубже, чѣмъ въ дѣйствительности; изъ измѣреній же, сдѣланныхъ Миддендорфомъ, мы видимъ, что онѣ лежатъ на высотѣ тысячи и двухъ тысячъ футовъ, т. е. несомнѣнно принадлежатъ къ высоко-расположеннымъ долинамъ. Начиная отъ истоковъ Уда до Охотска водораздѣлъ Становаго хребта всюду образуется, повидимому, рѣзко выраженнымъ гребнемъ, который вездѣ, гдѣ онъ утесистъ, крутъ и, слѣдовательно, трудно проходимъ, якуты называютъ Джукджуромъ; во всѣхъ другихъ мѣстахъ водораздѣлъ носитъ у нихъ наименованіе Джангы, которое прилагается ко всякой безлѣсной горной вершинѣ. Общаго для всего хребта названія у нихъ вовсе нѣтъ, а Становой хребетъ — слово русское.

Юго-восточный склонъ хребта, совершенно обратно сѣверо-западному, круто спадаетъ къ низменности, т. е. къ морю, въ непосредственной близости котораго онъ тянется. Маршрутъ Эрмана съ необыкновенной ясностью представляетъ намъ это быстрое пониженіе: разстояніе по прямой линіи отъ самаго высокаго изъ переваловъ съ Хоинги (или иначе Анчакана) на Юдому, имѣющаго 4029 футовъ абсолютной высоты, до Кетанды, находящейся на 2750 футахъ надъ уровнемъ моря, всего сорокъ съ небольшимъ верстъ, а отъ послѣдняго пункта до устья Охоты приблизительно 150 верстъ. Такимъ образомъ въ этомъ мѣстѣ юго-восточный склонъ спускается къ морю *одной* очень крутой террасой; но это не повсюду такъ: часто терраса раздѣляется въ свою очередь на два или на три болѣе низкихъ уступа, которые тутъ, конечно, могутъ быть лишь очень узкими. Сильнѣе всего развиты указанные уступы на южномъ концѣ хребта, гдѣ Столовой, по даннымъ Миддендорфа, лежитъ еще на 2626 футахъ, а слѣдующій затѣмъ обрывъ къ Чавырхану уже очень значителенъ, такъ какъ между Солурнаемъ и Чавырханомъ расположенъ лишь незначительный хребтикъ. Точно также Половинная отъ Чогара и послѣдній отъ Уда отдѣляется, собственно го-

воря, лишь рядами холмовъ, сама же главная рѣка течетъ по низменности. Такому утесистому и крутому спаданію Становаго хребта отъ устья Уда до устья Охоты соотвѣтствуетъ и скалистая, трудно-проходимая береговая полоса, которая развита часто такъ слабо, что скалы подступаютъ къ самому морю и образуютъ крутой берегъ. Вдоль побережья тутъ нѣтъ даже дороги,—мѣстность слишкомъ дика и непригодна для ея проведенія.

Съ другой стороны, отправляясь изъ Охотска вдоль по берегу въ направленіи Гижигинска, скоро замѣчаешь, что характеръ мѣстности начинаетъ сильно мѣняться. Передъ хребтомъ раскидывается довольно обширная волнистая равнина, да и самый хребетъ принимаетъ здѣсь иной видъ. Уступовъ въ этой части хребта уже болѣе нѣтъ,—онъ склоняется къ морю покато; пониженіе его становится значительно постепеннѣе и верхняя граница его обыкновенно отсутствуетъ, т. е. не замѣчаешь, гдѣ попадаешь на самый гребень. Путешественникъ примѣчаетъ иной характеръ образованія юго-восточнаго склона уже у рѣки Охоты. Если подымаешься вверхъ по долинѣ послѣдней, то сначала по обѣ стороны рѣки видишь ровную мѣстность, далѣе слѣдуютъ холмы, а затѣмъ появляются крутые склоны горъ, которые становятся все утесистѣе и круче, чѣмъ ближе приближаешься къ гребню. Но вдругъ скалистыя стѣны, окаймляющія съ обѣихъ сторонъ дорогу, исчезаютъ и находишься наверху точно также, какъ, взойдя на берегъ Лены, попадаешь на край безконечнаго плоскогорья. Въ виду того, что передъ наблюдателемъ разстилается покрытая лѣсомъ и болотомъ равнина, онъ полагаетъ, что и въ долинѣ Охоты достигъ водораздѣла, а между тѣмъ имѣющая тутъ еще значительное верховье рѣка сама указываетъ, что на дѣлѣ это не такъ. Условія рельефа, съ которыми встрѣчаешься въ долинѣ Охоты, представляютъ общеизвѣстный фактъ и объ нихъ говорятъ уже участники экспедиціи Биллингса, часто ходившіе по этому пути. Всѣ они удивляются тому обстоятельству, что, помимо крутаго подъема, имъ не приходилось преодолѣвать настоящаго гребня: они вдругъ видѣли передъ собою ровную мѣстность,

а проѣхавши еще нѣкоторое время по долинѣ Охоты, покидали послѣднюю и вплоть до самой Индигирки шли уже по равнинѣ. То же самое разсказываютъ и племена, обитающія область самаго верхняго теченія Колымы и Омолона и ежегодно спускающіяся къ Охотскому морю, чтобы заготовлять тамъ зимніе запасы рыбы и тюленей. Всѣ они согласны въ томъ, что съ одной стороны восхожденіе по любой изъ долинъ многочисленныхъ, впадающихъ въ Охотское море рѣкъ очень легко и удобно, а съ другой—что преодолѣвать приходится только этотъ подъемъ, далѣе же по дорогѣ уже не встрѣчаешь хребтовъ; они утверждаютъ даже, что съ истоковъ Колымы легко попасть на таковые Индигирки, такъ какъ тѣ и другіе берутъ свое начало изъ одного и того же обширнаго болота. Помимо этого мы имѣемъ и болѣе точныя данныя, собранныя у охотящихся тамъ тунгузовъ и сообщенныя Чихачевымъ въ Запискахъ Иркутскаго Отдѣла Географическаго Общества *). По этимъ свѣдѣніямъ, источники рѣкъ, направляющихся въ Охотское море, расположены вблизи водоемовъ, относящихся къ системѣ верхняго теченія Колымы; при томъ между тѣми и другими нѣтъ вовсе возвышенности, которую можно было бы отличить глазомъ. Къ своему отчету Чихачевъ приложилъ и пояснительную карту, но къ Запискамъ она не приложена. Эта карточка есть грубый набросокъ, очевидно составленный по разсказамъ тунгузовъ и дающій только указаніе на взаимное отношеніе рѣчныхъ системъ, какъ его представляли себѣ эти люди; географическая широта и долгота мѣстности въ разсчетъ тутъ не принималась. Судя по ней, замѣтнаго на глазъ водораздѣла въ описываемой мѣстности вовсе не существуетъ, и тунгузы заявляли, что съ берущей начало изъ одного безымяннаго озера Ини безо всякихъ затрудненій можно достичь Колымы въ томъ почти мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ Детранъ. Это мнѣніе

*) Н. Чихачевъ. Описаніе сходящихся вершинами рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море и рѣку Колыму. Записки Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка I. С.-Петербургъ. 1856.

я, со своей стороны, тоже слыхалъ отъ туземныхъ охотниковъ. Другой большой притокъ Колымы, Бахабча, по картѣ Чихачева беретъ свое начало въ непосредственной близости озера Учища, или, по указаніямъ другихъ, изъ самаго озера; изъ того же водоема беретъ свое начало и Арманъ, текущій въ Охотское море. Озеро же Молокысъ, лежащее, какъ говорятъ, среди болотистой лѣсистой равнины, даетъ стокъ даже къ двумъ океанамъ, посылая къ Колымѣ Детранъ, а къ Охотскому морю Янъ. Какъ ни плоха карта, но по ней можно ясно видѣть, что удобными путями сообщенія могутъ служить не только перечисленныя уже рѣки, но также и Ола, Яма, Тахтаянъ, нѣкоторыя другія, и особенно Кава. Всѣми этими долинами ежегодно пользуются отправляющіяся къ морю и возвращающіяся восвояси съ зимними запасами племена, а потому онѣ должны быть легко проходимы и для вьючныхъ животныхъ. Всѣ онѣ, по словамъ туземцевъ, имѣютъ то неоцѣнимое преимущество, что не загромождаютъ пути труднопроходимыми горами. Сибирскій же охотникъ называетъ горою только такое возвышеніе, преодолѣть которое доставляетъ ему трудъ; на всякое другое, не причиняющее ему хлопотъ, онъ не обращаетъ вниманія. Поэтому-то въ разговорѣ съ ними никогда не слѣдуетъ забывать, что слова «высокій» и «крутой» они употребляютъ безразлично и что по ихъ понятіямъ, на прим., истоки Индигирки и Колымы лежатъ на равнинѣ, Охота же, наоборотъ, поднимается на крутую гору. Тутъ нужно обратить вниманіе на часто причиняющую недоразумѣніе особенность туземцевъ, особенно якутовъ, и состоящую въ томъ, что они считаютъ направленіе рѣки отъ устья къ истокамъ, а не наоборотъ, какъ привыкли мы.

Какъ легко попасть съ рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море, на притоки верхняго теченія Колымы, такъ, въ равной степени, легко проходимъ и путь, ведущій съ остальныхъ водъ южнаго моря на широко развѣтвленную систему Омолона, въ концѣ концовъ тоже несущаго свои воды въ Колыму. Хотя упоминать объ этомъ тутъ еще и не мѣсто, но все же не мѣшаетъ обратить

вниманіе на то обстоятельство, что съ Гижиги, Парени и Оклана легко добраться до города Среднеколымска. Какъ я часто имѣлъ случай слышать на мѣстѣ, собачьимъ нартамъ приходится, собственно говоря, преодолѣвать большею частью не очень крутой подъемъ, который только мѣстами снабженъ болѣе или менѣе высокимъ гребнемъ; затѣмъ попадаешь уже на равнину, приводящую безъ серьезныхъ затрудненій къ указанному выше пункту на Колымѣ; такимъ образомъ, между послѣднею рѣкою и Омолономъ, находятся лишь холмистыя возвышенія, настоящихъ же горъ здѣсь нѣтъ.

Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что направленный на югъ и юго-востокъ склонъ Становаго хребта, начиная съ рѣки Охоты, принимаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ тотъ, который онъ носитъ отъ устья Уда до Охоты. Но мы имѣемъ явныя доказательства того, что подобное измѣненіе условій не ограничивается только этою стороною, но что намъ открывается совершенно новый горный міръ, если мы, принявъ 61° сѣв. шир. за границу, станемъ разсматривать карту къ югу и къ сѣверу отъ этой линіи. Прежде всего мы замѣчаемъ тутъ еще очень постепенное поднятіе сѣверо-западнаго склона хребта, что, впрочемъ, съ достаточною ясностью вытекаетъ изъ приведенныхъ гипсометрическихъ таблицъ. Дѣйствительно, путь Эрмана лежалъ почти исключительно на 60-мъ градусѣ сѣв. шир., а между тѣмъ рѣзко выраженной системы террасъ нельзя уже болѣе замѣтить съ такою ясностью; наоборотъ, главное направленіе подъема страны лежитъ уже не на оси маршрута, а отклоняется къ сѣверу; и въ самомъ дѣлѣ, истоки или, по крайней мѣрѣ, верховые притоки Бѣлой, Аллахъ-юны, Юдомы и особенно Охоты съ Аркой и Кетандой текутъ съ сѣвера. Если же мы внимательнѣе просмотримъ измѣренія профессора Эрмана, то тоже найдемъ, что главный водораздѣлъ принадлежитъ уже не тому хребту, который до сихъ поръ носилъ названіе Становаго. Эта грань между системами водъ восточнаго и западнаго склоновъ лежитъ между Юдомой и Кетандой, изъ которыхъ пер-

вая принадлежитъ системѣ Лены, а послѣдняя есть притокъ Охоты; кромѣ того этотъ водораздѣлъ между морями имѣетъ всего 3000 футовъ абсолютной высоты, а тотъ который поднимается между Юдомой и Хоингой (то же, что Анчаканъ) лежитъ выше 4000 футовъ надъ поверхностью моря и раздѣляетъ только долины рѣкъ Аллахъ-юны отъ Юдомы, принадлежащихъ къ системѣ Маи. Такимъ образомъ, направленіе наивысшаго поднятія страны не идетъ болѣе на сѣверо-востокъ, вдоль морскаго побережья, а тянется съ востока на западъ и доходитъ приблизительно до истоковъ Хандыги, притока нижняго теченія Алдана. Это несомнѣнно слѣдуетъ, съ одной стороны, изъ положенія истоковъ обширныхъ рѣчныхъ системъ Колымы и Индигирки, а съ другой—изъ положенія водоемовъ, принадлежащихъ къ системѣ Алдана. Впрочемъ, въ настоящее время мы располагаемъ только этими косвенными доказательствами вѣроятнаго направленія главнаго водораздѣла въ разсматриваемой части горной страны; прямыхъ же измѣреній для этого участка, или даже разспросныхъ свѣдѣній и указаній со стороны мѣстныхъ жителей въ нашемъ распоряженіи не имѣется. Несмотря на всѣ старанія, мнѣ никогда не удавалось найти людей, которые были бы хорошо освѣдомлены объ области истоковъ рѣкъ Бѣлой, Аллахъ-юны и т. д.; точно также я не могъ собрать никакихъ точныхъ данныхъ и о горномъ узлѣ Ураканчѣ, а потому просто взялъ это названіе съ карты Генеральнаго Штаба. На всѣ мои разспросы мнѣ отвѣчали, что тамъ нѣтъ подходящихъ для охоты мѣстъ, а потому ни у кого нѣтъ причинъ спускаться съ Оймекона на тѣ рѣки; тому же, кто желалъ направиться съ Индигирки и Колымы къ морю, всегда совѣтовалось избирать путь на Охотскъ или идти по какой нибудь изъ рѣкъ, впадающихъ въ море къ сѣверу отъ него.

Наиболѣе извѣстенъ только одинъ путь, но онъ ведетъ по долинѣ Хандыги, т. е. поднимается у западнаго конца великаго водораздѣла и проходитъ черезъ него. Эта издревле извѣстная дорога, которою пользовались въ то время, когда снабжали Ана-

дырскій острогъ провіантомъ и амуниціей изъ Якутска. Путь этотъ идетъ вверхъ по Хандыгѣ, отсюда ведетъ черезъ систему верхней Индигирки, затѣмъ съ нея сворачиваетъ въ долину Зырянки и, наконецъ, достигаетъ самой Колымы у теперешней Верхнеколымской церкви. Къ сожалѣнію, въ нашемъ роспоряженіи вовсе не имѣется маршрутовъ по этой крайне важной и интересной дорогѣ, такъ какъ мои спутники по экспедиціи въ Землю Чукчей, шедшіе по ней отъ Верхнеколымска въ Якутскъ, ничего не сдѣлали, несмотря на то, что на нихъ, особенно на топографа Аѳонасьева, было возложено порученіе вести точную съемку и довести ее до урочища Джели на Алданѣ, съ котораго началось въ ноябрѣ 1868 года наше путешествіе. Существуютъ только отрывки такой работы въ видѣ трехъ участковъ маршрута, начавшагося отъ Колымска и прекратившагося нѣсколько далѣе истоковъ Зырянки; т. е. маршрутъ этотъ едва доходитъ до системы Индигирки, да кромѣ того страдаетъ еще тѣмъ недостаткомъ, что второй и третій участки его не хорошо подходятъ къ картѣ, исполненной въ пятиверстномъ маасштабѣ. Остальную часть пути эти господа не потрудились снять, а то, что я могъ узнать отъ нихъ, было крайне скудно и, собственно говоря, ограничивалось главнымъ образомъ указаніемъ на то, что этой дорогой, по которой между прочимъ проходилъ спутникъ Биллингса—Сарычевъ, пользовались уже въ древности. Итакъ, относительно разсматриваемаго пути намъ не остается ничего болѣе, какъ воспользоваться данными, собранными названнымъ путешественникомъ и, частью, англійскимъ врачемъ той же экспедиціи Зауеромъ. Но Сарычевъ маршрута тоже не велъ, такъ какъ карта, которую онъ приложилъ къ своему труду, исполнена, во первыхъ, въ слишкомъ маломъ маасштабѣ, а во вторыхъ, изъ внимательнаго ея разсмотрѣнія слѣдуетъ, что она основана не на маршрутѣ или иныхъ какихъ либо научныхъ наблюденіяхъ, а главнымъ образомъ на старыхъ картахъ, которыя старались исправить и дополнить по лично вынесеннымъ изъ путешествія впечатлѣніямъ. Съ другой стороны, описаніе путешествія, сдѣланное Сарычевымъ, крайне

поучительно. Послѣдующія данныя взяты преимущественно изъ него и лишь нѣсколько дополнены разспросными свѣдѣніями, собранными у мѣстныхъ жителей, инородцевъ и лицъ посѣщавшихъ тѣ мѣстности.

Прежде всего мы узнаемъ, что, отправляясь изъ Якутска въ Верхнеколымскъ и поднимаясь вверхъ по долинѣ Хандыги, послѣ незначительнаго перехода по равнинѣ, попадаешь въ обставленное справа и слѣва высокими горами ущелье. Дорога довольно крута, но не особенно затруднительна; горы прекращаются, по разсказамъ, какъ только достигнешь верхняго теченія рѣки и приблизишься къ ея истокамъ. Тогда передъ путешественникомъ разстилается равнина и, перейдя невысокій водораздѣлъ, онъ попадаетъ на рѣку Амугъ-амогъ-гагу, которая принадлежитъ уже къ системѣ Индигирки. По этой рѣкѣ и по Кункую спускаешься внизъ, затѣмъ, перейдя черезъ Большую Контю, перебираешься черезъ очень крутой хребетъ Атбасъ. Далѣе слѣдуетъ преимущественно ровная мѣтность, по которой разбросано нѣсколько не представляющихъ затрудненій хребтиковъ, перейдя которые попадаешь на обширное плото, или, по мѣстному выраженію, на Большое Оймеконское поле. Это плоскогоріе должно, въ самомъ дѣлѣ, занимать громадное пространство, потому что оно совершенно порабощаетъ своею необъятностью умы мѣстныхъ жителей, а также видѣвшихъ его якутовъ и тунгузовъ, которыхъ я разспрашивалъ о той мѣстности. Впечатлѣніе, оставленное у нихъ плоскогоріемъ, или полемъ, до такой степени было неизгладимо, что мнѣ стоило не малыхъ трудовъ навести ихъ на рѣку, потому что по моимъ даннымъ Индигирка должна течь оттуда, и по всей вѣроятности, прорѣзываетъ своимъ теченіемъ это «поле». На мои разспросы, я получилъ сначала отвѣтъ, что рѣка тамъ никакого значенія не имѣетъ, поелику тамъ повсюду существуютъ хорошія пастбища и превосходные покосы. Дѣло въ томъ, что при всякихъ разспросахъ крайне мѣшаетъ, если дающій свѣдѣнія смотритъ на окружающую природу исключительно съ точки зрѣнія выгоды или неудобствъ, ею доставляемыхъ. Такъ и въ

данномъ случаѣ; рыбу тамъ ловятъ преимущественно въ озерахъ, да самыя верхнія теченія рѣкъ Сибири вообще не особенно-то богаты ею; въ качествѣ пути сообщенія рѣка въ той части тоже, вѣроятно, недостаточно удобна, а такъ какъ луга имѣются здѣсь повсюду, то и изъ за нихъ людямъ нѣтъ нужды розыскивать ее. У Абыя и въ Похвальномъ на нижнемъ теченіи Индигирки я нашелъ большое число лицъ, знавшихъ Оймеконъ, но потребовалось вмѣшательство осмысленнаго человѣка, Лазаря Струкова, чтобы отвлечь вниманіе остальныхъ отъ поля и заставить подумать о рѣкѣ. Тогда всѣ они согласились безъ дальнѣйшихъ околичностей, что Индигирка, вытекающая, по ихъ словамъ, изъ того же самаго озера, откуда беретъ свое начало и Колыма, прорѣзываетъ это поле своимъ теченіемъ, но заявили, что ее зовутъ тамъ не этимъ именемъ, а просто Оймеконской рѣкой. Вотъ какъ мало вниманія обращается тамъ на впослѣдствіи столь могущественную Индигирку, а между тѣмъ вблизи ея лежитъ единственный астрономически опредѣленный пунктъ той мѣстности. Я говорю о мѣстечкѣ Оймеконскомъ, положеніе котораго спутникъ Врангеля, Матюшкинъ, опредѣлилъ 160° 27′ восточной долготы отъ Ферро и 63° 15′ сѣверной широты. Но въ настоящее время трудно сказать съ точностью, что подразумѣвается подъ этимъ именемъ и тождественно ли съ нимъ теперешнее Оймеконское, мѣсто жительства старосты и мѣстнаго правленія, такъ называемаго Роднаго правленія. Тамошніе якуты не образуютъ особаго улуса, а потому у нихъ нѣтъ и улуснаго правленія, т. е. Инородной управы, всегда имѣющей недвижимую собственность въ видѣ строенія (въ которомъ живетъ писецъ) и никогда не мѣняющей своего мѣстопребыванія. Всѣ эти якуты приписаны къ Якутскому округу, отчего и управляются старостой; Родное же правленіе связано съ мѣстомъ жительства послѣдняго и можетъ находиться въ очень различныхъ мѣстахъ, смотря потому, на кого изъ членовъ рода палъ послѣ смерти старосты выборъ общины, такъ какъ званіе его пожизненно. Если же, какъ это нерѣдко бываетъ, на мѣсто отца избирается сынъ, то правленіе остается

постоянно въ одномъ и томъ же пунктѣ. Какъ было дѣло на Оймеконѣ, я сказать не берусь, но, повидимому, во всѣхъ моихъ разговорахъ о той странѣ, когда рѣчь заходила объ Оймконескомъ, подразумѣвалось одно и то же, недалеко отъ рѣки лежащее урочище; пунктъ же, опредѣленный Матюшкинымъ, находился тоже вблизи рѣки.

Вернемся же къ разсматриваемому нами пути. Подвигаясь далѣе по направленію къ Колымѣ, переходишь Индигирку у рѣчки Сарбалаха, по которой идешь до истоковъ, а затѣмъ, переваливъ черезъ незначительный водораздѣлъ, направляешься внизъ по рѣчкѣ Курдату. Вслѣдъ затѣмъ попадаешь на Малую Тарынную рѣку (Ачыги-тарынъ-ыряхъ) и у впаденія ея въ Большую Тарынную рѣку (Улаханъ-тарынъ-ыряхъ) переходишь черезъ эту послѣднюю, причемъ находишься уже въ области Нелкана, въ который впадаютъ двѣ послѣднія рѣки. Отсюда дорога снова ведетъ вверхъ по крутой долинѣ рѣки Джулкана на громадный хребетъ, сѣверный склонъ котораго развитъ несравненно сильнѣе, чѣмъ южный. Но, спустившись съ этого хребта, попадаешь на низменность и скоро достигаешь Зыранки, отъ которой вплоть до Верхнеколымской церкви разстилается болотистая, усѣянная большимъ количествомъ озеръ равнина. Все это описаніе пути, сдѣланное Сарычевымъ, очень ясно и просто, и вполнѣ согласуется съ разспросными свѣдѣніями, собранными мною отъ различныхъ лицъ. Только относительно одного пункта мнѣ, несмотря на всѣ старанія, не удалось добиться полной истины. Несомнѣннымъ является то обстоятельство, что тому, кто ѣдетъ отъ Якутска, послѣдній хребетъ представляется очень высокимъ, собственно говоря, только со стороны сѣвернаго своего склона. Это подтвердилъ также и топографъ Аоопасьевъ, взбиравшійся на него со стороны Колымы и говорившій намъ, что онъ напомнилъ ему о Верхоянскомъ хребтѣ: до такой степени трудно было на него подниматься, спускъ же по южному склону, наоборотъ, не представлялъ никакихъ затрудненій. Итакъ, въ этомъ отношеніи свидѣтельства всѣхъ сходятся; но расходятся

мнѣнія о мѣстоположеніи разсматриваемаго хребта. Одни утверждаютъ, что они попадали на него тотчасъ же по переходѣ черезъ Нелканъ; другіе же заявляютъ, что онъ лежитъ только за Нерею, — считая отъ Якутска. Иными словами, для меня остается невыясненнымъ, лежитъ ли Неря на нагорьѣ или въ низменности. Изъ всѣхъ собранныхъ мною данныхъ не остается никакого сомнѣнія, что Мома уже совершенно принадлежитъ низинѣ и насчетъ ея существуетъ полное единогласіе показаній; Нерю же на моей картѣ, какъ видно изъ тона шатировки, я тоже не отношу къ нагорью, потому что мнѣ кажется болѣе правильнымъ, придерживаясь мнѣнія Сарычева и другихъ, провести окрайный хребетъ по правому берегу Нелкана или, вѣрнѣе, по таковому Улаханъ-тарынъ-ыряха. Если же принять въ соображеніе какъ неточно выражается большинство людей и кинуть взглядъ на самую карту, то очень легко можетъ показаться, что Нерю нужно отнести къ нагорью.

Какъ бы тамъ ни было, а вполнѣ достовѣрнымъ является предположеніе, что на всемъ описанномъ пространствѣ мы имѣемъ дѣло не съ простыми горными цѣпями, а съ обширнымъ плоскогоріемъ. Съ Хандыги круто подымаешься въ гору и попадаешь на сравнительно ровную мѣстность; изъ словъ же спутниковъ экспедиціи Биллингса явствуетъ, что, вплоть до спуска къ морю по долинѣ Охоты, находишься почти все время на равнинѣ, кое гдѣ только прерываемой хребтиками. То же самое наблюдается и въ направленіи съ юга на сѣверъ. И безъ того уже высоко лежащія на широтѣ торной дороги рѣки Аллахъ-юна, Юдома и Охота текутъ съ сѣвера изъ еще болѣе высокой мѣстности и это нагорье (къ которому относится также и дающее, по словамъ очевидцевъ, начало Колымѣ и Индигиркѣ озеро, расположенное среди покрытой кочковатыми болотами равнинѣ) опускается только по ту сторону Нелкана, а можетъ быть даже лишь за Нерей и переходитъ тамъ въ низменность, по которой бѣжитъ Мома. Намъ извѣстны, конечно, болѣе точно только три вышеупомянутыхъ подъема на это плато, которое я называю по главной

составной его части — Оймеконской плоской возвышенностью. Но подъемы эти являются въ тоже время и единственными путями, по которымъ на него можно проникнуть. Ими пользовались уже съ древнѣйшихъ временъ и одинъ тотъ фактъ, что туземныя племена всегда избирали исключительно эти пути, несомнѣнно доказываетъ отсутствіе какихъ бы то ни было другихъ дорогъ; въ противномъ случаѣ онѣ навѣрное не ускользнули бы отъ зоркихъ глазъ тунгузовъ и ламутовъ.

Если теперь сопоставить все, что намъ извѣстно о разсматриваемомъ плоскогорьи, то наивысшее абсолютное его поднятіе мы должны будемъ искать на южной его границѣ, лежащей приблизительно у 62° сѣверной широты. Начиная отсюда страна нѣсколько склоняется къ сѣверу, такъ что окрайный хребетъ, проходящій между системами Индигирки и Колымы, не достигаетъ, по всей вѣроятности, высоты нагроможденной на южную часть нагорья Ураканчи, которая, повидимому, много выше, чѣмъ гребни и вершины Становаго хребта. Отъ этого обширнаго плато идутъ въ разныя стороны горныя цѣпи и хребты, прорѣзывающіе страну между Леной и Великимъ океаномъ по различнымъ направленіямъ, такъ что Оймеконское плато или плоскогорье является господствующимъ надъ остальной страной мѣстомъ, исходя изъ котораго мы и должны разбирать орографію страны.

Къ юго-западу плоскогорье отсылаетъ знакомый намъ уже Становой хребетъ, доходящій до истоковъ рѣки Уда и дѣлящійся здѣсь на двѣ части, изъ которыхъ одна простирается до Витима въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка поворачиваетъ близъ Оронскаго озера къ западу. Эта часть хребта, постепенно спадающая къ югу, по направленію къ плоскогорью бурятской степи, отсылаетъ, какъ указывалось нами уже выше, къ сѣверу нѣсколько лучеобразно расходящихся отроговъ, изъ которыхъ три восточные отличаются особенно сильнымъ развитіемъ высокаго гребня. Другая часть Становаго хребта идетъ далѣе въ юго-западномъ направленіи подъ именемъ Яблонаго хребта и оканчивается по ту сторону границы Имперіи высокимъ Сохондо.

Нельзя сказать, чтобы плоскогоріе отсылало отъ себя настоящій хребетъ и въ направленіи ONO, потому что начинающійся отсюда такъ называемый Колымскій хребетъ, простирающійся отъ Охоты приблизительно до истоковъ Яблона или Карулевэма и Большаго Анюя, есть, собственно говоря, не хребетъ, а скорѣе продолженіе самаго плоскогорія и отличается отъ послѣдняго главнымъ образомъ тѣмъ, что значительно ниже его. Восточная окраина этого плотообразнаго возвышенія спадаетъ, какъ выше сказано, по направленію къ Охотскому морю, оставляя между своею подошвою и моремъ то разширяющуюся, то съуживающуюся полоску ровнаго прибрежнаго пространства. Начиная отъ Гижигинской губы приблизительно до истоковъ Яблона возвышенность носитъ тотъ же характеръ; она непосредственно переходитъ въ лежащую между моремъ и Анадыремъ низменную равнину, но при этомъ отсылаетъ въ юго-восточномъ направленіи три горныя цѣпи, а возможно даже, что отъ нея отдѣляется и четвертая — между Ереполемъ и Анадыремъ; впрочемъ о послѣдней у меня нѣтъ свѣдѣній. Эти горныя цѣпи, ограниченныя на востокѣ теченіями рѣкъ Пенжины и Майна, не отличаются ни высотою, ни сильнымъ развитіемъ своей подошвы въ ширину. Благодаря этому онѣ ни въ какомъ случаѣ не отнимаютъ у мѣстности между моремъ и Анадыремъ ея рѣзко выраженнаго характера низменности. Названія ихъ, считая съ юга на сѣверъ, слѣдующія:

1) Шестаковскій хребетъ — между Окланомъ и Пенжиной.

2) Ушканій хребетъ — между Окланомъ и Пенжиной — отсылающій отъ себя Ычыгемскій (на картѣ неправильно названный Ычигинскимъ) хребетъ, тянущійся между Ушканчихой и Кондеревой и наконецъ

3) Русскій хребетъ, расположенный между Пенжиной и Ереполемъ съ одной стороны и Анадыремъ съ другой; отъ него отдѣляется еще низкій Налгимскій хребетъ, доходящій до верхняго теченія Майна.

Поэтому было бы крайне желательно, чтобы съ картъ Во-

сточной Азіи изчезли, наконецъ, отроги Становаго хребта, которые продолжаютъ обыкновенно отъ главнаго хребта на полуостровъ Камчатку въ видѣ возвышенности, несущей въ южной своей части громадные вулканы, изъ которыхъ Ключевская сопка является, по всей вѣроятности, высочайшей огнедышащей горой земнаго шара, поднимающейся гигантскимъ конусомъ прямо изъ долины до высоты 11.000 футовъ. Этотъ громадный горный массивъ не имѣетъ ровно ничего общаго съ возвышенностями, отходящими отъ Оймеконскаго нагорья и представляетъ совершенно изолированное поднятіе, быстро ниспадающее къ сѣверу и въ концѣ концовъ переходящее въ сѣверокамчатскую ровную моховую тундру — въ Парапольскій долъ. Этотъ послѣдній такъ незначительно возвышается надъ уровнемъ моря, что легко предположить, что полуостровъ Камчатка сначала былъ островомъ, который соединился съ азіатскимъ материкомъ лишь въ позднѣйшее время благодаря поднятію Парапольскаго дола.

Если теперь мы обратимся къ западной сторонѣ отходящей отъ Оймеконскаго плато на ONO возвышенности, то здѣсь мы почти вовсе не найдемъ склона хребта. Восточный склонъ имѣетъ, конечно, мѣстами настоящій гребень, съ котораго нужно спускаться (хотя этотъ спускъ всегда очень незначителенъ), на большей же части своего протяженія онъ совершенно лишенъ такого гребня: поднявшись, прямо попадаешь на плоскогоріе, которое затѣмъ очень постепенно спадаетъ по направленію къ западу, такъ что впечатлѣнія хребта вовсе не получаешь. Становясь все ниже и ниже, возвышенность доходитъ наконецъ до Колымы, къ которой она спускается обрывомъ, имѣющимъ высоту отъ 200—300 футовъ; правый берегъ этой рѣки, слѣдовательно, гористъ, какъ на Ленѣ. Горы продолжаются и по ту сторону впаденія двухъ Анюевъ, вплоть до устьевъ Колымы, а затѣмъ простираются вдоль побережья Ледовитаго океана и идутъ на востокъ до обоихъ Барановыхъ Камней.

На сѣверо-востокѣ Колымскій хребетъ оканчивается громаднымъ горнымъ узломъ, посылающимъ съ себя истоки трехъ раз-

личныхъ рѣчныхъ системъ: къ западу двухъ Анюевъ, на сѣверъ рѣки Чаупа, а на OSO — Анадыра. Отъ этого горнаго узла прямо въ восточномъ направленіи отходитъ Анадырскій хребетъ, который сначала широкъ и высокъ, затѣмъ становится постепенно ниже, гребень его дѣлается все шире и шире и наконецъ оканчивается на восточномъ концѣ материка, у мыса Пээкъ, въ видѣ песчанаго обрыва, ниспадающаго къ Берингову проливу. Къ западу же и сѣверо-западу отъ того же горнаго узла, у истоковъ Анадыра, отдѣляются два хребта: одинъ изъ нихъ проходитъ между двумя Анюями, а другой тянется по правому берегу Малаго Анюя. Оба они сильно вѣтвятся и образуютъ альпійскую горную страну, похожую на ту, которая находится въ мѣстѣ схожденія Витима, Лены и Олекмы, но только значительно меньшей абсолютной высоты. Гребни хребтовъ, какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ Малаго Анюя, лишены лѣса; но причина этого заключается не въ абсолютной ихъ высотѣ, а скорѣе зависитъ отъ сѣвернаго ихъ положенія. По всей вѣроятности даже самыя значительныя вершины не выше 3000 футовъ надъ поверхностью моря, дно же долинъ расположено очень низко. Это дикая, негостепріимная страна, прорѣзанная очень узкими, оставляющими мѣсто только водѣ, долинами, обставленными крутыми утесами; благодаря тому, что дно долинъ очень сильно наклонено, а рѣки очень бѣдны водою, послѣдними тутъ вовсе нельзя пользоваться для передвиженія. Между самой нижней частью теченія Колымы и Ледовитымъ океаномъ хребетъ этотъ носитъ нѣсколько мѣстныхъ названій, такъ наприм., на правомъ берегу Малаго Анюя его зовутъ Бѣлыми горами; къ сѣверу отъ этой рѣки — Сахарнымъ, при чемъ восточное продолженіе послѣдняго называется Шороховатымъ хребтомъ; къ востоку отъ Нижнеколымской церкви на правомъ берегу Колымы поднимается отдѣльная гора, достигающая высоты 1500 футовъ и извѣстная подъ именемъ Пантилеевской сопки.

Переходя отъ восточнаго склона Оймеконскаго плоскогорія къ его западному концу, мы найдемъ, къ западу отъ Индигирки

и къ сѣверу отъ истоковъ Хандыги, обширный горный комплексъ, отъ котораго отходятъ хребты какъ къ сѣверу, такъ и къ WNW. Въ указанномъ сначала направленіи тянется дикій Кэхъ-тасъ, который принимаетъ далѣе названіе Тасъ-Хаяхтаха, идетъ подъ этимъ именемъ до рѣчки Жанкы, впадающей въ нижнюю Яну, а затѣмъ, измѣняя прежнее свое направленіе въ экваторіальное, круто поворачиваетъ на востокъ и достигаетъ Индигирки подъ именемъ Полоуснаго хребта. Эта, лежащая приблизительно подъ 70° сѣверной широты часть хребта извѣстна и названа, собственно говоря, только въ самомъ восточномъ своемъ концѣ. Во время пребыванія на Индигиркѣ, я могъ только узнать, что Полоусный хребетъ начинается отъ Жанкы, гдѣ онъ сходится съ самою сѣверною, идущею съ SO на NW частью Тасъ-Хаяхтаха и образуетъ горный узелъ, имѣющій далекое распространеніе къ юго-востоку. Что эти свѣдѣнія дѣйствительно вѣрны, подтвердили мнѣ впослѣдствіи тунгузы, охотничьи участи которыхъ расположены въ той мѣстности. Судя по единогласнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ заявленіямъ этихъ инородцевъ съ вышеупомянутымъ горнымъ узломъ связанъ, съ одной стороны, видимый уже съ озера Абыя Сылги-ытаръ, а съ другой — Сохо-хая и лежащая отъ нея къ сѣверу Сылгыгытъ-таха. Всѣ эти не очень высокіе хребты переходятъ, въ концѣ концовъ, какъ выражаются люди, въ равнину, идя по которой достигаешь Яны у рѣчки Жанкы, гдѣ путешественника окружаютъ громадные горные колоссы, круто спадающіе по направленію къ западу и къ сѣверу, но распространяющіеся далѣе на востокъ. Эти заявленія можно понять только въ томъ смыслѣ, что упомянутые выше хребты представляютъ собою три отрога плоской возвышенности, которая круто обрывается къ низменности у впадающей въ Яну Жанкы, а къ востоку продолжается далѣе въ видѣ хребта.

Южнѣе того мѣста, гдѣ рѣка Догдо круто измѣняетъ свое меридіональное направленіе на экваторіальное, Тасъ-Хаяхтахъ уже принимаетъ названіе Кэхъ-таса и подъ этимъ именемъ образуетъ обширную, достигающую Индигирки альпійскую страну,

къ которой принадлежитъ вся сильно развитая система рѣки Бѣреляха. Подобное же развитіе по направленію къ востоку мы замѣтили уже и у Тасъ-Хаяхтаха, но этотъ хребетъ на западѣ довольно скоро спадаетъ и вдоль Яны у его подножія простирается невысокое плоскогорье, въ свою очередь обрывающееся къ рѣкѣ и придающее правому берегу послѣдней холмистый характеръ.

Кэхъ-тасъ же сильно развивается также и въ западномъ направленіи и образуетъ съ большимъ, отсылаемымъ нагорьемъ къ западу, хребтомъ одну изъ самыхъ дикихъ, самыхъ негостепріимныхъ горныхъ странъ Якутской области. Это область истоковъ Адычи и ея большихъ притоковъ Борулаха и Нелгегэ, впадающихъ въ нее съ запада, и Тостаха, текущаго съ востока. Никто ближе не знакомъ съ той мѣстностью, потому что даже тунгузъ, всюду проникающій съ цѣлью охоты и благодаря этому обшарившій чуть ли не каждый уголокъ обширной страны, — и тотъ избѣгаетъ Кэхъ-таса съ его западными отрогами вплоть до Яны и Верхоянскаго хребта. По разсказамъ, тамъ нѣтъ ни дичи, ни пушнаго звѣря; это слѣдуетъ понимать, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что тамъ нѣтъ ихъ въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы за ними стоило охотиться, такъ какъ трудно предположить даже и подобную глушь вовсе лишенной животнаго населенія. Такимъ образомъ страна эта не имѣетъ ничего привлекательнаго даже для тунгуза, а якутъ врядъ ли спускается южнѣе 66° сѣверной широты, — луговъ и пастбищъ тамъ вовсе нѣтъ, лѣсъ же ему совершенно не нуженъ. Вслѣдствіе этого нельзя сказать ничего болѣе опредѣленнаго относительно продолженія Оймеконской плоской возвышенности на западъ, но орографическія условія мѣстности, очевидно, таковы, что требуютъ ея продолженія въ этомъ направленіи и заставляютъ предполагать распространеніе плато до верхняго теченія Яны и принимать Сордогинскій хребетъ за южную его границу. Впрочемъ, я отказываюсь отъ послѣдняго, потому что мѣстные жители уже не знаютъ тутъ болѣе Оймекона и пользуются только названіями Кэхъ-таса и Сордогинскаго хребта; да и то послѣдній знакомъ туземцамъ

лишь по южному своему склону. Поэтому мнѣ кажется болѣе подходящимъ придержаться мѣстныхъ взглядовъ и названій, а, судя по нимъ, Оймеконское поле прекращается у истоковъ Хандыги, гдѣ къ нему прилегаетъ неприступная горная страна, которая отсылаетъ отъ себя на сѣверъ Кэхъ-тасъ, а на западъ—Сордогинскій хребетъ.

Сордогинскій хребетъ представляетъ собою длинную возвышенность, извѣстную намъ подъ очень различными именами. Сначала онъ идетъ въ направленіи съ востока на западъ до Лены, къ которой подступаетъ у впаденія въ нее Вилюя въ видѣ громадныхъ горъ. На этомъ экваторіальномъ простираніи своей оси онъ принимаетъ сначала, приблизительно у истоковъ Тукулана и Яны, названіе Верхоянскаго хребта и удерживаетъ его до мѣста впаденія Вилюя. Тутъ онъ круто поворачиваетъ на сѣверъ и тянется до Быковскаго устья Лены, гдѣ оканчивается крутыми конусообразными горами. Въ этомъ меридіональномъ простираніи сначала его зовутъ Орулганскимъ хребтомъ, а затѣмъ, на нижнемъ теченіи Лены—Хара-улахскимъ; къ перечисленнымъ наименованіямъ присоединяется еще въ области притоковъ рѣки Менкяри названіе Тарабыкинскаго хребта, которое, впрочемъ, извѣстно, повидимому, не всѣмъ жителямъ. Южный склонъ всего протяженія хребта, начиная отъ Оймеконскаго плато до Лены, быстро спадаетъ къ долинамъ,—сначала къ нижнему теченію Алдана, а затѣмъ къ Ленѣ. Тотъ же самый характеръ въ этомъ отношеніи удерживаетъ онъ и при своемъ поворотѣ на сѣверъ, гдѣ бывшій его южный склонъ переходитъ въ западный. Мѣстами, какъ напр., у впаденія Тукулана, по правому берегу рѣки тянется ровная прибрежная полоса земли; обыкновенно же отроги главнаго хребта доходятъ до самой воды, какъ у впаденія Вилюя, и превращаютъ поэтому весь правый берегъ величавой Лены въ нагорный. Сѣверный же и восточный склоны хребта носятъ, наоборотъ, совершенно иной характеръ, спадаютъ крайне постепенно и переходятъ въ обширную плоскую возвышенность значительной высоты. Такое убѣжденіе получаетъ каждый, кто на

теперешнемъ торномъ пути изъ Якутска въ Верхоянскъ взбирается на хребетъ по долинѣ Тукулана. Несмотря на то, что, пройдя незначительную низменную прибрежную полоску, дорога начинаетъ быстро подниматься въ гору, а на десяти или пятнадцати верстахъ отъ послѣдней поварни Сисъ-аны даже довольно крута, тѣмъ не менѣе, для того, чтобы попасть на самый водораздѣлъ необходимо еще преодолѣть значительной высоты перевалъ въ видѣ очень крутаго откоса. Но за этимъ слѣдуетъ вдругъ едва примѣтный спускъ, послѣ чего тотчасъ же попадаешь, не взирая на сѣверный склонъ хребта, въ сильно поросшую лѣсомъ мѣстность и идешь уже вплоть до города Верхоянска по ровной дорогѣ. Сначала по обѣ стороны Яны тянутся еще, конечно, высокіе отроги, но скоро они отступаютъ отъ рѣки, становятся все ниже и ниже и наконецъ совершенно исчезаютъ ранѣе, чѣмъ достигнешь указаннаго селенія. Но въ томъ же самомъ можно убѣдиться, если идти отъ нижняго теченія Лены по пути къ Верхоянску, и названіе Тарабыкинскій хребетъ напоминаетъ однажды сдѣланный въ этомъ отношеніи опытъ.

Одинъ изъ исправниковъ Верхоянскаго округа, по имени Тарабыкинъ, вознамѣрился сократить крайне затруднительный путь отъ Якутска въ Верхоянскъ, которымъ пользовались для доставки тяжелыхъ казенныхъ транспортовъ муки, соли и т. п. Съ этой цѣлью онъ предложилъ выгружать названные товары не въ Якутскѣ, а везти ихъ на баркахъ, на которыхъ они плыли съ верхняго теченія рѣки, до Жиганска и отсюда уже пользоваться вьючнымъ путемъ до Верхоянска. При этомъ онъ разсчитывалъ, что сообщеніе между двумя указанными пунктами не представитъ никакихъ затрудненій, а можетъ быть надѣялся даже воспользоваться частью теченія Дулгалаха въ качествѣ воднаго пути. Во многихъ отношеніяхъ взглядъ этотъ былъ совершенно правиленъ: не представляло почти никакой разницы въ денежномъ отношеніи, пойдутъ ли барки до Якутска или до Жиганска, путь же отъ Верхоянска до Лены былъ значительно короче и, благодаря отсутствію горъ, легко проходимъ. Не могли

найти только спуска къ Лепѣ; изобрѣтатель новаго проекта, Тарабыкинъ, не щадилъ усилій въ этомъ направленіи, но указанный имъ какъ самый подходящій вьючный путь по долинѣ рѣки Менкяри оказался настолько крутымъ и непреодолимымъ, что попытка не удалась и отъ нея потомству не осталось ровно ничего, кромѣ названія «Тарабыкинскій хребетъ». Нѣкоторые подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ среднюю часть тянущагося въ меридіональномъ направленіи хребта, но часто оно употребляется въ видѣ поговорки, если хотятъ выразить непроходимость извѣстнаго пути.

Такимъ образомъ возвышенность переходитъ крайне незамѣтно въ низменность какъ въ направленіи съ юга на сѣверъ, такъ и въ направленіи съ запада на востокъ; поэтому весь обширный бассейнъ рѣки Яны, а также таковой и Омолоя представляютъ плоскую возвышенность, простирающуюся до средняго теченія Омолая или, вѣрнѣе, до Куларскаго хребта. Дѣло въ томъ, что отъ Орулганскаго хребта въ сѣверо-восточномъ направленіи отдѣляются еще нѣсколько возвышенностей, изъ которыхъ, впрочемъ, только самый сѣверный, Куларскій хребетъ, носитъ рѣзко выраженный горный характеръ. Но онъ представляетъ собою окрайный хребетъ, отдѣляющій отъ южнаго нагорья болѣе низменную, доходящую до побережья Ледовитаго океана, мѣстность. Вслѣдствіе этого только сѣверный склонъ названнаго хребта имѣетъ значительную высоту, къ югу же онъ опускается очень постепенно. Параллельно Куларскому хребту тянутся еще три другихъ, но значительно болѣе низкихъ кряжа, которые на картѣ, къ сожалѣнію, не помѣчены. Онѣ слѣдующія: Куваласъ на правомъ берегу Бутантая или Бытантая, Идомпутъ на лѣвомъ и хребетъ Кыря на правомъ берегу Оюнъ-ыряха.

Если разсмотрѣть оба отрога, отсылаемые Оймеконскимъ нагорьемъ съ западнаго конца, то невольно бросается въ глаза большое сходство въ ихъ строеніи. Какъ Тасъ-Хаяхтахъ, такъ и Верхоянскій и Орулганскій хребты съ одной изъ своихъ сторонъ спадаютъ къ долинѣ круто, другая же сторона ихъ образуетъ рѣзко-

выраженные уступы. Вслѣдствіе этого и западная часть бассейна Индигирки представляетъ большое сходство съ областью Яны и только ближе къ первой рѣкѣ появляется та обширная низменность, о которой рѣчь будетъ ниже.

Помимо четырехъ перечисленныхъ мощныхъ хребтовъ, которые, выходя изъ одного центра, прорѣзываютъ обширную, расположенную между Леною и Великимъ океаномъ область и придаютъ послѣдней, сильно развѣтвляясь, характеръ горной страны, изъ того же центра, точнѣе отъ его сѣверо-восточнаго конца, отходитъ еще пятый отрогъ; значеніе его однако не велико, а возвышеніе надъ поверхностью моря незначительно. Я говорю о Томусъ-хаѣ, которая, начинаясь приблизительно у истоковъ Улаханъ-тарынъ-ыряха, идетъ въ сѣверо-востосточномъ направленіи и образуетъ водораздѣлъ между бассейнами рѣкъ Индигирки и Колымы; далѣе онъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ, принимаетъ имя Алазейскаго хребта, но пропадаетъ въ равнинѣ уже южнѣе Тиряхтаха. Алазейскій хребетъ достаточно извѣстенъ, потому что черезъ него проходитъ путь на Среднеколымскъ, а каждый, кто шелъ по этой дорогѣ, знаетъ, что онъ представляетъ собою широко раскинутыя цѣпи низкихъ, покрытыхъ лѣсомъ холмовъ, вносящихъ нѣкоторое разнообразіе въ монотонную область тянущихся вереницей озеръ, расположенныхъ между правымъ берегомъ Индигирки и Колымою. Поднимаясь по правому берегу Россохи, большаго притока Падерихи, путешественникъ имѣетъ передъ собою почти 40—50 верстъ холмистой, лишенной озеръ мѣстности; въ виду же того, что тутъ какъ подъемы, такъ и спуски всюду удобны и незатруднительны, мѣстность эта всѣмъ хорошо знакома и всѣмъ очень нравится. На моей картѣ сдѣлана ошибка въ томъ отношеніи, что поварня Сисъ-ана нанесена на западной сторонѣ возвышенности, на дѣлѣ же она лежитъ на ея восточномъ склонѣ, такъ что путешествующій изъ Якутска достигаетъ ея лишь послѣ того, какъ перейдетъ холмистую цѣпь. Въ южномъ направленіи отъ торнаго пути возвышенность становится, повидимому, шире, потому что съ нея беретъ

начало Алазея, истоки которой, какъ показываетъ карта, лежатъ восточнѣе. Отроги же восточной части возвышенности уже не доходятъ до дороги, которою обыкновенно пользуются для путешествія верхомъ, потому что на этой широтѣ между Алазейскимъ хребтомъ и Колымой нѣтъ болѣе горъ. Тутъ замѣтны только два незначительныя возвышенія поверхности. Одно находится на правомъ берегу Алазеи, распространяется въ видѣ цѣпи совершенно обособленныхъ холомовъ на сѣверъ и, въ концѣ концовъ, образуетъ на границѣ лѣсной растительности, между Алазеей и Большой Чукочьей, горный ландшафтъ, раскинутый среди безчисленныхъ тамошнихъ озеръ. Другое возвышеніе сопровождаетъ лѣвый берегъ Колымы въ видѣ едва примѣтнаго вала, дѣлающаго впечатлѣніе будто озера отдѣлены отъ долины Колымы насыпью. Южнѣе хребетъ, носящій названіе Томусъ-хаи, становится, повидимому, выше, а можетъ быть, и нѣсколько утеснстѣе, но тѣмъ не менѣе сохраняетъ свойственный ему характеръ низкаго, покрытаго лѣсомъ хребта и вовсе лишенъ крутыхъ скалистыхъ образованій, характеризующихъ остальные отроги великаго нагорья; онъ такъ неширокъ, что его можно считать, вплоть до ровнаго лѣваго берега Зырянки, просто невысокой грядой, идущей по низинѣ.

Этими незначительными отрогами Оймекона заканчивается обзоръ всѣхъ связанныхъ другъ съ другомъ горныхъ системъ области къ востоку отъ Лены. Остается только разсмотрѣть нѣсколько малыхъ, изолированныхъ подъемовъ поверхности, не имѣющихъ ничего общаго съ образующими одно великое цѣлое разчлененіями, отходящими отъ Оймеконскаго плоскогорія, какъ отъ центра. Если придержаться при этомъ разборѣ направленія съ запада на востокъ, то прежде всего мы встрѣтимъ горный подъемъ у мѣста сліянія Яны съ Адычею. Тутъ невдалекѣ отъ береговъ обѣихъ рѣкъ, но все-же ближе къ Адычѣ, поднимается горная цѣпь, которая сначала сопровождаетъ лѣвый берегъ рѣки до впаденія въ нее Тостаха, а затѣмъ поворачиваетъ на западъ и образуетъ громадную гору. Послѣдняя носитъ названіе Ыгнахъ-

хаи и въ самой верхней своей части представляетъ плато, имѣющее одну версту въ длину и расположенное на 5700 футахъ надъ уровнемъ моря. Вся горная цѣпь, вслѣдствіе большаго числа повсюду тамъ находящихся кекуръ или каменныхъ столбовъ, называется Кигеляхъ-тасомъ, а въ частности это имя обыкновенно даютъ вершинѣ, находящейся недалеко отъ берега Адычи. По Бунге вершина имѣетъ высоту болѣе 3700 футовъ; судя же по высотѣ гребня горной цѣпи, она не должна превосходить 3000 футовъ. Эта изолированная горная цѣпь богата дикими участками и якуты смотрятъ на нее съ суевѣрнымъ страхомъ; но горизонтальное протяженіе ея очень незначительно, потому что къ югу она не доходитъ даже до широты торной дороги, которой пользуется для поѣздокъ верхомъ въ Колымскъ; послѣдняя тянется уже по настоящей равнинѣ.

Второй, принадлежащій къ разбираемому типу рельефа, незначительный по своему горизонтальному протяженію и абсолютной высотѣ подъемъ земной коры находимъ мы у мыса Святой Носъ. Главное направленіе этого небольшаго поднятія идетъ, дугообразно изгибаясь, повидимому, отъ горы Хастахъ (крайне вѣроятно той же, которую д-ръ Бунге называетъ Уруней Хастахъ), на востокъ до мыса Святой Носъ. Самыя высокія изъ его вершинъ, одну изъ которыхъ Бунге измѣрилъ у мыса, какъ кажется, не многимъ превосходятъ 1500 футовъ, самая гряда поднимается до 700, а мѣстами до 900 футовъ, Хастахъ же выше 1000 футовъ. Это главный подъемъ, продолженіе же его къ юго-востоку много ниже и только гора Максимовка возвышается на 1000 футовъ абсолютной высоты, послѣ чего горная гряда или, вѣрнѣе, цѣпь холмовъ мало по малу понижается и наконецъ совершенно пропадаетъ въ низменности. Вслѣдствіе этого съ границы лѣсной растительности даже при ясномъ небѣ нельзя было замѣтить никакой возвышенности въ сѣверной части горизонта. Я не знаю, насколько вѣрно все сказанное тутъ, потому что помимо данныхъ Бунге могу сослаться только на то, что слыхалъ въ Казачьемъ, — самъ же я не видалъ этой возвышенности.

Переходя теперь съ побережья Ледовитаго океана на Индигирку, мы найдемъ на правомъ берегу нижняго ея теченія, если и не связанное съ великой горной системой поднятіе, то во всякомъ случаѣ далеко оставляющее за собою, по несравненно большему протяженію, оба западные подъема. Къ сѣверу отъ нижняго теченія Шангина, почти непосредственно съ низменности, поднимается горный хребетъ, который сначала имѣетъ сѣверо-восточное направленіе, затѣмъ, круто поворотивъ подъ 70° сѣверной широты, идетъ прямо на востокъ, продолжается на правый берегъ прорывающей его Алазеи, но тутъ быстро понижается и доходитъ въ видѣ рядъ низкихъ холмовъ до моря, къ которому спадаетъ у устья Большой Чукочьей высокимъ и крутымъ песчанымъ обрывомъ. Впервые я увидалъ этотъ хребетъ близъ границы лѣса на Алазеѣ, откуда въ сѣверной части горизонта виднѣлись три, возвышавшіеся надъ плоской тундрой пика, которые якуты считали хребтами и называли, въ направленіи съ востока на западъ, Киселяхъ-тасомъ, Улаханъ-албеемъ и Ачыги-албеемъ. Когда мы подошли къ нимъ ближе, къ западу отъ Ачыги- или Малаго-албея показался Сырахъ-тасъ (по якутски) или Мегонъ (по тунгузски), а къ западу отъ него хребетъ, называемый якутами Соръ-джетя, а тунгузами Кемо-дауръ. Въ переводѣ на русскій языкъ слова Сырахъ-тасъ и Мегонъ значатъ сердце-камень, а Соръ-джетя и Кемо-дауръ—воронье гнѣздо. Но всѣ эти возвышенности представляютъ собою не отдѣльные массивы, а являются непрерывнымъ, простирающимся съ запада на востокъ грядовымъ подъемомъ, гребень котораго, впрочемъ, во многихъ мѣстахъ сильно понижается; въ противномъ случаѣ его врядъ-ли прорвала бы Алазея между Большимъ Албеемъ и Киселяхъ-тасомъ. Соръ-джетя или Кемо-дауръ на западѣ оканчивается достигающимъ приблизительно трехъ тысячъ футовъ Хелимплигя (въ переводѣ означаетъ желѣзное остріе стрѣлы); здѣсь хребетъ дѣлаетъ крутой поворотъ и идетъ уже въ юго-западномъ направленіи. Въ этой части своего простиранія, отъ находящейся у его южнаго конца и имѣющей до 4000 футовъ абсо-

лютной высоты вершины, хребетъ носитъ названіе Пелеваго, а далѣе переходитъ въ идущій въ томъ же направленіи Чайдахскій хребетъ, который, какъ уже сказано, быстро и непосредственно понижается въ равнину. Такимъ образомъ между его южнымъ концомъ и правымъ берегомъ рѣки Шангина находится совершенно ровная мѣстность. Въ то время, къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности дѣлать измѣреній, такъ какъ не выкипятилъ вновь барометра; но я предполагаю, что хребетъ доходитъ до 2000 футовъ высоты, а болѣе сѣверныя изъ названныхъ тутъ вершинъ превышаютъ среднюю высоту гребня на 1000 или 1500 футовъ. Впрочемъ, я не рѣшаюсь утверждать, что эта оцѣнка окажется правильной: сдѣлать ошибку въ этомъ отношеніи очень нетрудно. На всемъ, мною пройденномъ протяженіи этого хребта, т. е. отъ Хара-ыряха до нашего спуска у горы Оттъ-хая къ Индигиркѣ, противъ селенія Похвальнаго, я тамъ повсюду нашелъ тѣ странные каменные столбы, которые зовутъ кекурами и о которыхъ я уже имѣлъ случай говорить въ описательной части моего путешествія. Имѣющая экваторіальное направленіе часть хребта, конечно, совершенно лишена лѣсной растительности, потому что даже въ низменности сѣверная граница лиственницы лежитъ, какъ это видно на нашей картѣ, южнѣе. Лѣсъ снова появляется на хребтѣ только далѣе къ югу, покрывая вмѣстѣ съ тѣмъ и значительную часть гребня его; впрочемъ, болѣе высокія изъ вершинъ всѣ лежатъ внѣ предѣловъ лѣсной растительности и, какъ всѣ горы Якутской области, лѣтомъ освобождаются отъ снѣга по крайней мѣрѣ на самое короткое время. Когда въ концѣ августа мѣсяца переходилъ я перевалъ у южной подошвы Хелимилнгя, то на высотѣ 1200 футовъ надъ поверхностью моря онъ былъ еще свободенъ отъ снѣга, самъ же Хелимилнгя покрылся уже легкимъ снѣжнымъ колпакомъ; въ юго-западномъ направленіи я точно также могъ видѣть длинный рядъ выдававшихся снѣжныхъ пиковъ. Простирающаяся съ запада на востокъ часть хребта быстро спадаетъ къ низменности, такъ что по направленію къ Ледовитому океану разстилается передъ

нимъ равнина приблизительно верстъ въ сто шириною. Только въ сѣверо-западномъ направленіи отъ Хелимилгя отходитъ низкая гряда, доходящая до дельты Индигирки, гдѣ она почти вдругъ исчезаетъ; этотъ отрогъ называется Пунга-тахою. Часть хребта, имѣющая простираніе съ сѣверо-востока къ юго-западу, обрывается къ Индигиркѣ довольно крутой стѣной, такъ что на всемъ этомъ пространствѣ въ названную рѣку впадаетъ всего одна рѣчка — Ерча; восточный же склонъ, который впрочемъ тоже быстро спадаетъ въ низменность, отсылаетъ, наоборотъ, множество рѣченокъ въ Гаврилу или Россоху, большой лѣвый притокъ Алазеи.

Никакъ нельзя утверждать, чтобы мнѣ вполнѣ удалось передать всѣ эти характерныя особенности Пелеваго хребта, потому что ни номенклатура, ни изображеніе характера его рельефа на картѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Собственно говоря, вся гряда вплоть до Кигеляхъ-таса должна была бы носить одно названіе — Пелеваго хребта, потому что она представляетъ собою одинъ нераздѣльный горный подъемъ, носящій на всемъ своемъ протяженіи отъ Кигеляхъ-таса до Чайдаха совершенно одинаковый характеръ. Между тѣмъ такая номенклатура встрѣчаетъ затрудненіе въ томъ отношеніи, что именемъ Пелевой обозначается, собственно говоря, лишь одна гора, находящаяся недалеко отъ Чайдаха и отличающаяся, повидимому, только тѣмъ, что она выше, чѣмъ всѣ остальныя, ее окружающія вершины. Такимъ образомъ названіе Пелеваго хребта можно было бы еще предложить для меридіональной части простиранія гряды за исключеніемъ самаго южнаго его конца, всѣмъ хорошо извѣстнаго подъ именемъ Чайдахскаго хребта. Но мы остались бы совершенно непонятыми мѣстными жителями, если бы вздумали распространить названіе Пелевой хребетъ также и на ту часть его, которая имѣетъ экваторіальное направленіе, а потому мы и воздержались отъ этого. — Изображеніе хребта на нашей картѣ, съ другой стороны, неудовлетворительно въ томъ отношеніи, что оно вовсе не представляетъ быстраго пониженія хребта въ низ-

менность; наоборотъ, карта даетъ скорѣе возможность предположить, что онъ окруженъ низкими предгоріями, а это на самомъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто только у Пунги-тахи, которая отсылаетъ рядъ такихъ отроговъ къ Индигиркѣ. По направленію къ сѣверу хребетъ, начиная съ горы Хелимилнгя, спадаетъ тоже очень быстро и передъ нимъ вплоть до Ледовитаго океана разстилается низменность; въ своемъ же простираніи къ востоку онъ нигдѣ не прерывается до самаго Улаханъ-Албея. Между тѣмъ всѣ эти особенности не выражены на предлагаемой мною картѣ.

Перейдемъ теперь съ Индигирки на Анадыръ.

На правомъ берегу средней части теченія послѣдняго, а также на правомъ берегу его большаго праваго притока Ма́пна мы найдемъ хребетъ Палъ-полъ или Полъ-полъ, а далѣе къ востоку, между притоками Анадыра — Красной и Пнеменемъ или Большой рѣкой, еще другой подъемъ земной коры, который на картѣ я обозначилъ подъ именемъ Чекаевскаго хребта. Другихъ возвышенностей на картѣ я не отмѣтилъ, потому что могъ собрать о нихъ лишь крайне скудныя свѣдѣнія: не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что въ разбираемой области есть рельефъ, но дальнѣйшихъ, болѣе точныхъ данныхъ, получить о немъ такъ и не удалось. О Палъ-полѣ зналъ, собственно говоря, только одинъ г-нъ Кеннанъ, но въ Якутскѣ я его не могъ разспросить, потому что узналъ о существованіи этого хребта лишь во время своего путешествія въ Гижигинскъ, когда Кеннанъ уже давно насъ покинулъ и вернулся на родину. Въ качествѣ служащаго въ Телеграфной Компаніи онъ часто ѣздилъ съ Анадыра въ Гижигинскъ и составилъ карту страны между этой рѣкой и Охотскимъ моремъ. Карту эту я нашелъ у одного его соотечественника въ Гижигинскѣ; на ней находился между прочимъ Маинъ, а также и огибаемый имъ большою дугою интересующій насъ въ данный моментъ хребетъ. Такъ какъ карта Кеннана (насколько я могъ лично провѣрить ее на дважды мною пройденномъ пути между Марковымъ и Гижигинскомъ) вполнѣ подтвердила мои путевыя замѣтки и наблюденія, то я

счелъ себя въ правѣ нанести, сообразуясь съ нею, и на свою карту какъ Маинъ, такъ и хребетъ. Но въ Марковѣ, къ сожалѣнію, я никого не могъ найти, кто былъ бы въ состояніи дать мнѣ свѣдѣнія о Палъ-полѣ. Впрочемъ, невозможность раздобыть данныя зависѣла скорѣе отъ чистой случайности: во время моего тамъ пребыванія просто не было лица, знакомаго съ мѣстностью, расположенною къ западу отъ пути изъ Маркова въ Гижигинскъ. Въ виду этого обстоятельства я и счелъ за лучшее придержаться чертежа Кеннана, отступивъ отъ него только въ томъ, что не нанесъ на свою карту полоску лѣса, покрывающаго, по словамъ упомянутаго американца, южный склонъ Палъпола. Иностранецъ утверждалъ, что Кеннанъ, будто-бы, говорилъ ему объ этомъ, но, казалось, былъ не вполнѣ увѣренъ въ своемъ заявленіи. Я не счелъ себя въ правѣ нанести обособленный островъ лѣса съ одной стороны потому, что самъ наблюдалъ полное отсутствіе лѣса на правомъ берегу Анадыра, а съ другой — оттого, что изъ всѣхъ разспросовъ коряковъ и ламутовъ явствуетъ, что и Парапольскій долъ представляетъ собою безлѣсную тундру. Еще болѣе неопредѣленны данныя относительно Чекаевскаго хребта; весь правый берегъ Анадыра, правда, гористъ, но такой же характеръ носитъ и лѣвый, а между тѣмъ на всемъ мною пройденномъ пространствѣ послѣдній оказался холмистымъ плоскогоріемъ, а не хребтомъ. Названіе Чекаево имѣетъ очень древнее происхожденіе, но оно обозначаетъ лишь часть праваго берега рѣки, приблизительно отъ Бѣлой до Танюрера, точно такъ-же, какъ съ не менѣе древнихъ временъ весь берегъ къ востоку отъ Красной называется Краснымъ. Вопросъ о существованіи въ этой области горнаго комплекса я долженъ оставить, такимъ образомъ, открытымъ; впрочемъ, вѣроятность на сторонѣ предположенія, что какъ Палъ-полъ, такъ и Чекаевскій хребетъ представляютъ собою части одного общаго, большаго подъема земной коры, которымъ въ бывшія геологическія эпохи оканчивался къ югу материкъ: Камчатка въ то время была еще островомъ.

Сказаннымъ выше обзоръ отдѣльно встрѣчающихся подъемовъ поверхности могъ бы быть, собственно говоря, изчерпанъ, но прежде, чѣмъ покончить съ этой формой рельефа, я долженъ указать на существованіе на берегу Ледовитаго океана, къ востоку отъ Чаунской губы, довольно высокаго и скалистаго горнаго массива. Я не берусь, однако, рѣшить, представляетъ ли онъ собою изолированное поднятіе или является конечнымъ отрогомъ Анадырскаго хребта. Западное и южное побережья Чаунской губы плоски и низменны, но если ѣхать по южной сторонѣ острова Айоки на востокъ, то уже издали замѣчаешь скалистыя сланцевыя горы, которыя сопровождаютъ восточное побережье Чаунской губы и, въ концѣ концовъ, оканчиваются у мыса Эрри, въ видѣ громадной крутой скалы. Морское побережье до устья рѣки Веркона тоже скалисто, такъ что за невозможностью пробраться на нартѣ у подножія скалъ не рѣдко приходится ѣхать по льду океана. Къ востоку отъ Веркона и до Якана горы становятся ниже, но тянутся длинною цѣпью, то приближаясь, то отступая отъ берега моря. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на прим. у получившаго отъ нихъ, конечно, свое названіе мыса Кекурнаго, онѣ часто покрыты кекурами, т. е. тѣми каменными столбами, которые мы встрѣчали съ одной стороны на Пелевомъ хребтѣ, а съ другой—на его продолженіи, на Медвѣжьихъ островахъ. Въ виду того, однако, что подобныя образованія до сихъ поръ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ (ни на Анадырѣ и Колымѣ, ни на Становомъ хребтѣ) не встрѣчались, возможно, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ изолированными подъемами земной коры.

Теперь я перейду къ области, лежащей на лѣвомъ берегу Лены, но при этомъ уже съ самаго начала долженъ, къ сожалѣнію, заявить, что, какъ ни недостаточны въ настоящее время наши свѣдѣнія объ орографіи восточной части Якутской области, а онѣ все же много опредѣленнѣе, чѣмъ данныя о западной ея части. Тутъ, собственно говоря, мы не выходимъ изъ предѣловъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Нѣсколько болѣе извѣстенъ

только участокъ страны, лежащій между Вилюемъ и Леной и простирающійся приблизительно отъ притока первой рѣки Джели до впадающаго во вторую Биріана. Съ большою увѣренностью можно утверждать, повидимому, только одно, именно то, что къ западу отъ Лены нѣтъ такихъ высокихъ подъемовъ земной коры, какіе мы встрѣчаемъ по ея восточную сторону, но что вмѣстѣ съ тѣмъ плоскогоріе, съ которымъ мы часто встрѣчались и тамъ, является тутъ уже безусловно преобладающимъ типомъ рельефа. Если всѣ до сихъ поръ собранныя объ этой странѣ свѣдѣнія мало-мальски вѣрны, то и по лѣвую сторону Лены, какъ и на востокъ отъ нея, находимъ мы высокую плоскую возвышенность, изъ которой, какъ изъ центра, расходятся во всѣ стороны грядовые подъемы.

Нѣсколько ближе извѣстна намъ только восточная часть этого плато, которое нанесено мною, какъ можно судить по картѣ, лишь до границы Якутской области: за предѣлами послѣдней я не располагалъ необходимыми данными. Тутъ имѣемъ мы пройденный Миллеромъ и Чекановскимъ Люча-Огоктонскій хребетъ, представляющій, очевидно, восточное окончаніе далеко распространеннаго къ западу и къ югу плоскогорія. Уже самыя обстоятельства, при которыхъ два упоминаемые пушественника попали на этотъ хребетъ въ достаточной степени указываютъ на абсолютную высоту той мѣстности: путники шли изъ системы Хатанги, съ Моньеро, и попали туда, куда не разсчитывали, да и не желали выйти. Цѣль ихъ путешествія заключалась въ изслѣдованіи Оленека. Они хотѣли достичь этой рѣки какъ можно ближе къ ея истокамъ, выстроить себѣ тамъ лодку, а затѣмъ спуститься на ней внизъ по рѣкѣ. Въ виду того, что никто не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, гдѣ находятся истоки Оленека, не оставалось ничего другаго, какъ обратиться къ все знающимъ и всюду бывавшимъ тунгузамъ и взять ихъ въ проводники. Но рядить этихъ проводниковъ и уговариваться съ ними обо всемъ пришлось, конечно, уже ранѣе, близъ Лены, на самомъ верхнемъ теченіи Нижней Тунгузки, т. е. еще очень далеко отъ

того мѣста, куда въ дѣйствительности собирались путешественники. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что тамъ не нашлось людей, хорошо освѣдомленныхъ объ области истоковъ Оленека. Тунгузъ всегда съумѣетъ оріентироваться въ глуши много лучше, чѣмъ мы на улицѣ любаго города, а потому не мудрено, что послѣ недолгихъ поисковъ нашлись люди, согласившіеся отыскать желанные истоки. Это имъ несомнѣнно и удалось бы, но, къ несчастію, общество встрѣтило на пути тайгу—такъ въ Сибири обыкновенно зовутъ глушь, абсолютно лишенную человѣческаго населенія—и эта случайность лишила ихъ возможности собрать какія бы то ни было свѣдѣнія. Проводники названныхъ путешественниковъ знали, очевидно, почти то же, что и я; изъ разспросныхъ свѣдѣній, собранныхъ на Чонѣ, мнѣ было извѣстно, что по направленію къ сѣверо-востоку лежитъ обширная, прорѣзанная отдѣльными хребтами страна, усѣянная безчисленными, то мелкими, то крупными озерами, изъ которыхъ берутъ свое начало Вилюй, Оленекъ и Хатанга. Если европейцу такое указаніе и покажется слишкомъ общимъ и неточнымъ, то для тунгуза его уже вполнѣ достаточно. Направленіе, по которому ему предстоитъ идти, дано; страна въ общемъ ему извѣстна тоже, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ же встрѣтить какого либо охотника, который ближе знакомъ съ мѣстностью. Больше тунгузу ничего и не надо, въ крайности же онъ отыщетъ дорогу и безъ разспросовъ, потому что всегда отличитъ рѣку, текущую подобно Оленеку на сѣверъ и не смѣшаетъ ее съ идущей на востокъ. Всѣ эти соображенія были приняты въ разсчетъ совершенно правильно; проводники никогда не заплутались бы въ горахъ, но ихъ сбила съ толку усѣянная озерами равнина. Людей въ этой мѣстности не оказалось, всѣ они уже ушли, а тутъ еще подступило время, когда телятся олени и проводникамъ пришлось спѣшить домой. Въ виду всего этого они сдѣлали ошибку въ томъ отношеніи, что недостаточно завернули на востокъ, почему и вышли въ область истоковъ Хатанги, вмѣсто того, чтобы выбраться къ истокамъ Оленека. На моей картѣ сдѣлана тоже несомнѣнная ошибка:

проведенъ въ сѣверо-западномъ направленіи высокій отрогъ Люча-Огоктонскаго хребта, на самомъ же дѣлѣ тамъ нѣтъ такого водораздѣла. Я никогда о немъ не слыхалъ, да мнѣ кажется, что при существованіи таковаго и тунгузы никогда не смѣшали бы истоковъ двухъ рѣчныхъ системъ. По крайней мѣрѣ обыкновенно они такихъ ошибокъ не дѣлаютъ.

Отъ этого, высоко расположеннаго и ограниченнаго на своемъ сѣверо-восточномъ концѣ Люча-Огоктономъ, озернаго бассейна тянется широкій хребетъ до Пура и Балкалаха. У истоковъ Пура, приблизительно подъ 72° сѣверной широты, Миллеръ нашелъ еще нагорную тундру, лежащую на абсолютной высотѣ 900—1000 футовъ. Несмотря на свое пониженіе къ сѣверу она все же подступаетъ къ морскому побережью имѣющимъ нѣсколько сотъ футовъ высоты обрывомъ, одна часть котораго скалиста, другая же песчаная. Да и по собраннымъ мною отъ жителей Булуна свѣдѣніямъ побережье Ледовитаго океана между устьями Оленека и Анабары преимущественно крутое. Какъ вся обширная страна къ сѣверу отъ Оленека, такъ и область между нимъ и Леной представляютъ собою плоскогоріе, на которомъ поднимаются возвышенныя гряды, каковы Галкупча, Джолоконъ и Джангутаръ-олада. Но гряды эти не особенно высоки и являются лишь наивысшими точками страны и безъ того уже повсюду высоко приподнятой надъ поверхностью моря. Оленекъ течетъ по этой плоской возвышенности глубоко врѣзаннымъ желобомъ, а потому оба его берега на всемъ ихъ протяженіи высоки и сопровождаются горами. Но послѣднія имѣютъ бо́льшую абсолютную высоту, чѣмъ на лѣвомъ берегу нижняго теченія Лены, къ которому нагорье подходитъ обыкновенно не вплотную, а оставляетъ между собою и рѣкой низменную полосу земли. Въ этомъ, по всей вѣроятности, и заключается причина того, что Лена имѣетъ тутъ такое необыкновенно широкое русло и образуетъ массу острововъ въ своемъ теченіи. Всѣ эти острова оторваны рѣкою отъ лѣваго берега и расположены часто въ два и даже въ три ряда. Такимъ образомъ помимо главнаго своего русла, почти безъ исключенія прилежа-

щаго къ правому берегу, Лена имѣетъ здѣсь еще два или три побочныхъ рукава, которые нерѣдко отдѣлены другъ отъ друга широкими островами. Только въ окрестностяхъ Булуна нагорье и съ запада подходитъ къ рѣчному руслу; рѣка тутъ усѣяна лишь немногими островами, становится много уже и сдерживается съ обѣихъ сторонъ крутыми берегами, достигающими 200—300 футовъ высоты.

Точно такъ-же, какъ къ сѣверу отъ Оленека, плоскогорье продолжается на востокъ и къ югу отъ него, съ одной стороны между Оленекомъ и Мархой, а съ другой — между этимъ большимъ притокомъ Вилюя и лѣвымъ берегомъ самого Вилюя. Кромѣ того оно распространяется и на правый берегъ послѣдняго и идетъ, сохраняя тотъ же характеръ, на востокъ приблизительно до Чоны. Отправившійся съ Вилюя и черезъ область рѣки Мархи достигшій Оленека, а потомъ и истоковъ Вилюя, Маакъ не могъ сообщить мнѣ ничего о существованіи и преобладаніи здѣсь крутыхъ и рѣзко выраженныхъ горныхъ хребтовъ. Конечно, между отдѣльными рѣками имѣются и тутъ водораздѣлы, но то обстоятельство, что эти гряды расположены между рѣками одной и той же системы и, на оборотъ, отсутствуютъ на прим. на пространствѣ, отдѣляющемъ Марху отъ Оленека, — одно это обстоятельство ясно доказываетъ, что здѣсь имѣешь дѣло только съ развѣтвленіями глубоко врѣзанныхъ рѣчныхъ долинъ, а не съ нагромажденными на плоскогоріе хребтами. Какъ сильно рѣчныя системы переходятъ одна въ другую, можно видѣть уже на Маркокѣ, Алакитѣ и самомъ верхнемъ теченіи Мархи съ ихъ притоками, но то же явленіе встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ; за отсутствіемъ у меня данныхъ представить это на картѣ я однако не могъ. Маакъ былъ единственный образованный человѣкъ, посѣтившій разсматриваемое плоскогоріе и имѣвшій возможность сообщить о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія, но путь его прорѣзалъ плато лишь по одной рѣчной системѣ. Самъ я знакомъ съ краемъ по лѣвую сторону Вилюя лишь въ непосредственной близости къ берегу, а потому ничего не могу сказать по собственному опыту;

но я слыхалъ отъ якутовъ богатаго улуса Мархи, что мѣста ихъ обитанія далеко распространяются вверхъ по рѣкѣ, потому что тамъ имѣется большое количество прекрасныхъ луговъ и покосовъ, которые способствуютъ повсемѣстному процвѣтанію скотоводства. Скоту въ тѣхъ мѣстахъ хорошо живется, онъ быстро размножается и мало терпитъ отъ ужасной эпидемической болѣзни — сибирской язвы — потому, что тамъ очень мало болотъ. Эти заявленія тѣмъ интереснѣе и тѣмъ важнѣе, что якуты, будучи природными скотоводами, повсюду предпочитаютъ покрытыя хорошею травою равнины и не селятся въ большомъ количествѣ тамъ, гдѣ рельефъ почвы не обезпечиваетъ ихъ «хорошею», какъ они выражаются, «землею».

Съ нѣсколько инымъ рельефомъ мѣстности встрѣчаемся мы на верхнемъ теченіи Вилюя, особенно же между устьемъ Чоны и мѣстомъ, расположеннымъ нѣсколько выше впаденія въ него Билючана. Оба берега рѣки теряютъ тутъ свой плоскогорный характеръ и являются въ видѣ сильно разчлененной горной страны; рѣка вьется часто въ съуженномъ скалистыми стѣнами руслѣ, а ровныхъ площадей почти вовсе нѣтъ. Дѣло въ томъ, что истоки и самая верхняя часть теченія Нижней Тунгузки сопровождаются сильно раздробленнымъ горнымъ хребтомъ, который въ то же время заставляетъ идущую параллельно съ названной рѣкой Чону течь сначала на сѣверъ, а затѣмъ на востокъ. Въ то время какъ отрогъ этого хребта вторично поворачиваетъ Чону на сѣверъ, главная ось его идетъ на востокъ и простирается уже параллельно Ленѣ и Вилюю. Сначала эта горная цѣпь еще довольно скалиста и дика; придерживаясь ближе къ правому берегу Вилюя, она придаетъ ему характеръ негостепріимнаго горнаго ландшафта, тогда какъ по направленію къ Ленѣ, въ долинѣ Нюи, преобладаетъ равнина. Но далѣе на востокъ, приблизительно отъ Джели и Бири мѣстность очень сильно понижается, а горный подъемъ становится все шире и шире и, въ концѣ концовъ, исчезаетъ въ плоскогоріи между двухъ рѣкъ. Если подниматься вверхъ по Бири, а затѣмъ спускаться внизъ по Джели, то на своемъ пути приходится перехо-

дить лишь одинъ замѣтный хребетъ. То же самое замѣчаешь и на пространствѣ между истоками Наманы и Кемпендея, на послѣднемъ изъ которыхъ расположены соляные источники, озера и скалы области Вилюя. Но поднятіе тутъ уже столь постепенно, что слагается впечатлѣніе, будто находишься на обширной равнинѣ, а съ каждымъ шагомъ на востокъ исчезаетъ все, что могло бы напоминать о хребтѣ. Такимъ образомъ торный путь, по которому ѣдутъ верхомъ изъ Якутска въ Вилюйскъ пролегаетъ уже по совершенно ровной мѣстности и, какъ можно судить по картѣ, здѣсь крайне трудно замѣтить водораздѣлы между большимъ количествомъ рѣчекъ, которыя приходится переходить. Таковъ же характеръ мѣстности и до самаго впаденія Вилюя въ Лену. Поэтому совершенно необъяснимо почему Меглицкому, въ его статьѣ о соляныхъ источникахъ на Кемпендеѣ, могла придти мысль, что горный подъемъ между Леной и Вилюемъ составлялъ прежде непосредственное продолженіе Верхоянскаго хребта и только впослѣдствіи былъ отдѣленъ отъ послѣдняго прорвавшей его Леной. Мѣсто впаденія Вилюя и его ближайшія окрестности, къ которымъ нагорный берегъ подходитъ не вездѣ, лежатъ такъ низко, что во время весенняго разлитія водъ можно доставить себѣ удовольствіе и съ любаго пункта Лены попадать на Вилюй сокращеннымъ путемъ — прямо по водѣ. Въѣзжаешь въ Лунху, или, вѣрнѣе, туда, гдѣ предполагается ея устье — полая вода успѣла его замаскировать — ѣдешь черезъ затопленныя долинки въ Мунгуръ, съ него въ Бергете, а по лѣвому притоку послѣдней, Кыргѣ, достигаешь Вилюя. Дѣйствительно, если окинешь взоромъ ту обширную низменность, а затѣмъ взглянешь на громадные колоссы — расположенные на правомъ берегу Лены отроги Верхоянскаго хребта, — лежащіе противъ устья имѣющаго тутъ до пятнадцати верстъ ширины и лишеннаго острововъ Вилюя, то можетъ придти въ голову все, что угодно, кромѣ предположенія о прорывѣ мощнаго барьера на этомъ мѣстѣ, гдѣ ровно ничего не приходилось прорывать. Прежде, какъ и до сегодняшняго дня, шумно спускалась вдоль той великой стѣны всего одна маленькая рѣчка.

Разсмотрѣніемъ рельефа страны между Вилюемъ и Леной заканчивается обзоръ подъемовъ земной коры и хребтовъ, прорѣзывающихъ Якутскую область по всевозможнымъ направленіямъ и придающихъ ей характеръ скорѣе горной страны, чѣмъ низменности. Какъ видитъ читатель не многое сюда относящееся извѣстно намъ въ точности, а для страны къ западу отъ Лены данныя оказались прямо-таки недостаточными и неудовлетворительными. Прежде, чѣмъ перейти къ несравненно лучше изслѣдованнымъ рѣчнымъ системамъ, необходимо бросить бѣглый взглядъ на равнины и связанные съ ними озерные бассейны. До сихъ поръ мы касались ихъ мало, потому что мнѣ казалось болѣе наглядным разсмотрѣть равнины собственно, какъ плоскогорія, такъ и низменности, вмѣстѣ.

Начнемъ съ побережья Ледовитаго океана, омывающаго нашу область на громадномъ протяженіи. Что касается до части его, лежащей между Анабарой и устьемъ Оленека, то про нее мы никакъ не можемъ сказать, чтобы она являлась низменной равниной; дѣйствительно, выше мы уже замѣтили, что тутъ къ морскому побережью подходитъ плоскогоріе, хотя абсолютная высота его здѣсь и нѣсколько ниже, чѣмъ на югѣ. Но къ востоку отъ Лены берегъ моря низменный и остается таковымъ вплоть до мыса Святаго Носа. Хребетъ, который сопровождаетъ Лену по ея правому берегу и носитъ, приблизительно на широтѣ Булуна, имя Хара-улаха, въ томъ мѣстѣ уже не широкъ, а гребень его не отличается высотой. Онъ состоитъ изъ ряда черныхъ конусообразныхъ горъ, которыя и дали, по всей вѣроятности, названіе хребту, потому что «хара» по-якутски значитъ черный. Этотъ черный цвѣтъ сохраняютъ онѣ и зимою, — бури свирѣпствуютъ тутъ обыкновенно съ такою силою, что сносятъ снѣгъ, и скалы остаются голыми. Но въ скоромъ времени оканчиваются и эти горы, а затѣмъ между моремъ съ одной стороны и Куларскимъ хребтомъ съ другой простирается на востокъ обширная низменность, переходящая за Лену и идущая непрерывно до самой Индигирки. Низменность эта представляетъ собою необозримую и

однообразную тундру (7). На пространствѣ до Яны равнина, какъ уже сказано, непосредственно прилегаетъ къ морю, къ востоку же отъ этой рѣки, часть равнины отдѣляется отъ моря незначительной грядой, которая поднимается къ югу отъ Святаго Носа. Впрочемъ, это возвышеніе поверхности прерываетъ однообразіе не на долго и къ востоку отъ него, на всемъ пространствѣ отъ моря до Полоуснаго хребта, не встрѣчаешь ничего кромѣ тундряной низменности. Даже Русское устье, точно такъ-же, какъ и всѣ другія русскія селенія въ дельтѣ Индигирки, расположено въ тундрѣ.

Къ востоку отъ Индигирки низменность тянется также вдоль побережья Ледовитаго океана, но къ югу простирается только до разсмотрѣнной уже нами горной цѣпи, лежащей между Пелевымъ хребтомъ и Кигеляхъ-тасомъ и въ концѣ концовъ переходящей въ волнистую мѣстность, достигающую Большой Чукочьей. Какъ мы впослѣдствіи увидимъ, и къ югу отъ указанной тутъ горной цѣпи расположена обширная тундра, но въ виду ея совершенно инаго характера о ней будетъ говориться въ другомъ мѣстѣ. Въ самомъ восточномъ углу материка, отъ Колымы къ востоку, нѣтъ уже низменности подступающей къ морю. Въ тѣхъ мѣстахъ этой страны, гдѣ нѣтъ крутаго скалистаго берега, побережье все же быстро поднимается въ плоскую возвышенность, которая, насколько мнѣ извѣстно, идетъ вплоть до Анадырскаго хребта. Мѣстами она покрыта моховою тундрою, но большею частью настоящимъ кочковатымъ болотомъ, носящимъ названіе калтуса.

Покинемъ теперь морское побережье и непосредственно прилегающую къ нему полосу земли и отправимся къ югу, въ глубь страны. Тутъ, къ западу отъ Лены, мы найдемъ обширнаго протяженія плоскую возвышенность, о которой намъ, однако, почти ничего неизвѣстно. Дѣйствительно, кромѣ Чекановскаго и Миллера тамъ не было ни одного мыслящаго человѣка, да и эти путешественники, будучи принуждены спускаться на плоту по Оленеку, не много ознакомились со страной. Изъ ихъ сообщеній можно вывести, собственно говоря, лишь то, что она представляетъ со-

бою сплошное плоскогоріе, но мы даже съ приблизительной точностью не знаемъ, нагромождены ли на послѣднее хребты, и если да, то какъ они тамъ идутъ.

Иначе обстоитъ дѣло къ востоку отъ Лены. Для пространства отъ этой послѣдней рѣки до Колымы и ея бассейна мы имѣемъ въ распоряженіи уже столько свѣдѣній и разспроснаго матеріала, что можемъ составить себѣ представленіе о характерѣ поверхности страны, хотя и не въ состояніи еще дать подробную карту мѣстности. Обширная область, ограниченная на западѣ Орулганомъ, а далѣе къ сѣверу хребтомъ Хара-улахомъ, на востокъ же Колымскимъ хребтомъ и его отрогами, раздѣляется на двѣ почти равныя по протяженію, но рѣзко отличающіяся другъ отъ друга части; одна изъ нихъ лежитъ къ западу отъ Тасъ-хаяхтаха и Кёхъ-таса, другая же къ востоку. Обѣ части, правда, отдѣлены отъ моря хребтомъ, но характеръ поверхности къ югу отъ этого водораздѣла въ западной половинѣ совершенно иной, чѣмъ въ восточной. Низменность, простирающаяся къ сѣверу отъ Куларскаго хребта и доходящая до моря, разомъ прекращается у этой возвышенности, которая представляетъ собою настоящій окрайный хребетъ. Мѣстность къ югу отъ него расположена уже съ самаго начала на значительно большей абсолютной высотѣ и отъ хребта повышается очень постепенно, но все же настолько сильно, что гребень Верхоянскаго хребта господствуетъ лишь незначительно надъ плоской возвышенностью, разстилающейся у его подошвы. Мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ какъ къ западу, такъ и къ востоку отъ Яны,—тутъ, какъ и тамъ мы имѣемъ передъ собою постепенно возвышающуюся, сухую и ровную мѣстность. Рѣки и озера находятся здѣсь повсюду, но излишней почвенной влаги между Орулганомъ и Тасъ-хаяхтахомъ не наблюдается.

Если же мы взглянемъ теперь на страну къ востоку отъ Тасъ-хаяхтаха, то окажется, что тутъ нѣтъ окрайнаго хребта, который отдѣлялъ бы тундру побережья Ледовитаго океана отъ низменности, лежащей къ югу отъ нея. Къ западу отъ Индигирки

расположена, правда, передъ хребтомъ, идущимъ подъ именемъ Полоуснаго отъ Жанкы на Янѣ до Индигирки, тундра несравненно большаго протяженія, чѣмъ та, которая простирается на востокъ отъ этой рѣки. Точно также, названный хребетъ много больше и особенно много шире, чѣмъ меридіонально идущій отрогъ Пелеваго хребта. Далѣе, какъ Тасъ-хаяхтахъ, такъ и Кёхъ-тасъ оба имѣютъ передъ собою къ востоку горную страну значительнаго протяженія. Но все это, однако, не препятствуетъ быстрому спаданію названныхъ хребтовъ и образованію къ западу отъ Индигирки совершенно такой же низменности, какая существуетъ къ востоку отъ рѣки и отъ сопровождающаго ее Пелеваго хребта; вся разница только въ томъ, что первая низменность несравненно меньше, чѣмъ послѣдняя. Дѣйствительно, если мы взглянемъ на карту, то замѣтимъ, что низина эта вдоль Уяндины занимаетъ, собственно говоря, только область послѣдней рѣки, а затѣмъ тянется до лѣваго берега нижняго теченія Селегняха. На востокѣ же тундра побережья Ледовитаго океана, едва прерванная къ востоку отъ Алазеи хребтомъ и отдѣляющеюся отъ него цѣпью холмовъ, продолжается въ южномъ направленіи и образуетъ низменность, идущую отъ Пелеваго хребта до Колымы, а южнѣе отъ праваго берега Индигирки до первой изъ названныхъ рѣкъ. Этотъ низинный характеръ страны между восточнымъ склономъ хребта и великой рѣкой нисколько не нарушается и Томусъ-хаей, которая представляетъ собою лишь незначительную возвышенность. По направленію же съ сѣвера на югъ низменность эта простирается до самаго Оймеконскаго нагорья, которое на пространствѣ отъ праваго берега Индигирки до Томусъ-хаи спадаетъ къ равнинѣ въ видѣ крутаго склона. Обѣ же части, къ западу и къ востоку отъ Индигирки, вмѣстѣ взятыя образуютъ одну низменность такихъ громадныхъ размѣровъ, что мы нигдѣ въ предѣлахъ Якутской области не находимъ подобной ей другой. Въ томъ же видѣ должна представляться уже прежде нами разсмотрѣнная низменность, лежащая къ сѣверу отъ Полоуснаго хребта и идущая до Святаго Носа; дѣйствительно, мы находимъ

тамъ не только сильное развитіе низменныхъ пространствъ, но и большое количество озеръ; впрочемъ, послѣднихъ тутъ (какъ мнѣ по крайней мѣрѣ показалось проѣздомъ въ очень холодное зимнее время) не такъ много, какъ между Тасъ-хаяхтахомъ и Колымой. Озерная же область, которая расположена по обѣ стороны нижняго теченія Вилюя и рѣчь о которой скоро пойдетъ, носитъ, по моему мнѣнію, совершенно иной характеръ, чѣмъ занимающая насъ въ настоящее время.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ необъятной низменностью: когда мы взобрались на перевалъ Хилимилнгя или Хелимилнгя, то увидали на востокѣ массу горныхъ вершинъ, на юго-западѣ длинную цѣпь снѣжныхъ горъ, составлявшую Пелевой хребетъ, а на юго-востокѣ нашимъ взорамъ представилась абсолютно плоская, безконечнаго протяженія равнина. Контрастъ былъ до такой степени поразителенъ, что даже мои вовсе не предававшіеся созерцанію природы проводники пришли въ нѣкоторый энтузіазмъ и стали въ концѣ концовъ предполагать, что видятъ пункты, которыхъ съ высоты 1200 футовъ видѣть было положительно невозможно. Имъ казалось, что они узнаютъ между прочимъ озера у Эндже и Ярмонги, двухъ извѣстныхъ приваловъ на пути отъ Индигирки въ Среднеколымскъ. Но даже при допущеніи абсолютной ровности мѣста разсмотрѣть ихъ съ Хелимилнгя было нельзя уже въ силу шарообразности земли, — они должны были располагаться подъ горизонтомъ. Впечатлѣніе чего то безконечнаго, безграничнаго было тутъ тѣмъ сильнѣе, что оно вовсе не сознавалось, когда мы не задолго передъ тѣмъ проходили равнину верхомъ съ юга на сѣверъ.

Но эта широко раскинутая страна представляетъ собою скорѣе котловину, чѣмъ равнину, потому что она повсюду повышается отъ своей середины къ краямъ; тому-же обстоятельству нужно главнымъ образомъ приписать и встрѣчающееся тутъ на каждомъ шагу необыкновенное богатство мѣстности озерами. На картѣ изобразить послѣднее, конечно, не удалось, такъ какъ нанести на нее можно было лишь то, что мы непосредственно ви-

дѣли во время нашего путешествія; поэтому на ней указаны только вереницы озеръ. Въ этомъ отношеніи карта моя нѣсколько отличается отъ карты Генеральнаго Штаба: на послѣдней сдѣлана ошибка, которая сама по себѣ легко объяснима, но тѣмъ не менѣе нарушаетъ общую картину и дѣлаетъ ее несоотвѣтственной дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ кромѣ маршрута топографа нашей экспедиціи, Аѳонасьева, получили еще и начерченную мною карту. Вслѣдствіе этого сложилось убѣжденіе, что на пространствѣ между Селегняхомъ и Индигиркой оба мы снимали одну и ту же дорогу. Но въ виду того, что чертежи наши не сходились, насъ пробовали согласовать и по возможности старались свести расходящіяся наши показанія къ одному. На самомъ же дѣлѣ Аѳонасьевъ и я шли двумя различными путями: отъ Селегняха онъ направился черезъ Абый къ Индигиркѣ, а я, почти двумя годами позже, отъ Уяндины черезъ Абый къ Селегняху. Такимъ образомъ съ одной стороны пути наши отъ Абыя на востокъ были различны, а съ другой, если мы и имѣли между Абыемъ и Селегняхомъ одинакіе конечные пункты, то изъ этого вовсе еще не слѣдовало, что мы придерживались одной и той же дороги. Европеецъ постоянно позабываетъ, что въ отдаленныхъ частяхъ Сибири, т. е. во всей Якутской области, подъ именемъ дороги подразумѣвается только направленіе пути, а потому соединяемое съ этимъ именемъ понятіе объ опредѣленной линіи, по которой приходится идти, должно быть совершенно выкинуто. Это становится яснымъ изъ моей маленькой пояснительной карточки, гдѣ нанесены пути Аѳонасьева и мой. На нѣкоторыхъ привалахъ, какъ видно, наши дороги соприкасаются, въ другихъ же мѣстахъ онѣ отклоняются часто довольно далеко одна отъ другой, смотря потому, какъ подходило вести насъ нашимъ, въ данномъ случаѣ ни чѣмъ не стѣсняемымъ, проводникамъ.

Но какъ разъ оба наши пути, въ томъ видѣ какъ мы ихъ сняли, прекрасно демонстрируютъ множество находящихся тамъ озеръ. Люди, вели насъ, какъ уже сказано, какъ находили для

себя болѣе удобнымъ: мы ставили условіемъ лишь конечный пунктъ, у нихъ же былъ только одинъ интересъ — найти по возможности ровную дорогу и хорошія пастбища. Между тѣмъ оказалось, какое направленіе они ни выбирали, всюду приходилось переходить одно и то же количество озеръ. Такимъ образомъ весьма распространенное тамъ мнѣніе, что между Индигиркой и Селегняхомъ можно ѣхать по какому угодно направленію и встрѣтить при этомъ повсюду одно и то же количество озеръ вплоть до лѣваго берега нижняго теченія Селегняха, — мнѣніе это оказывается совершенно справедливымъ.

То же самое явленіе замѣчается и между Уяндиной и Похвальнымъ. На картѣ, правда, нанесены здѣсь только озера Ожогинское или Тыгымей-колъ и Эджегей, да еще рядъ мелкихъ озерковъ между двумя названными. Но слѣдуетъ замѣтить, что самъ я встрѣтилъ сухую лѣсную почву только на пространствѣ между Индигиркой и Ожогинскимъ озеромъ (8), на всемъ же остальномъ намъ приходилось постоянно бороться съ массой озеръ и болотистыхъ трясинъ и мы не знали, какъ намъ среди нихъ пробираться. Въ виду того, что эту часть пути мы еще шли пѣшкомъ, а не ѣхали, проводники всячески старались выискать сухія мѣста, а потому по возможности избѣгали болѣе крупныхъ озеръ. Благодаря этому мой маршрутъ шелъ только по такимъ мелкимъ озеркамъ, которыя при маломъ маасштабѣ изобразить не удалось. Но общій характеръ страны не много отличается, какъ уже сказано, отъ того, который наблюдается между Уяндиной и нижнимъ теченіемъ Селегняха. Во всякомъ случаѣ, однако, нужно сказать, что между Ожогинскимъ озеромъ и Уяндиной все же еще больше земли, чѣмъ воды, отъ послѣдней же рѣки до нижняго теченія Селегняха положительно не знаешь, которая изъ нихъ преобладаетъ. Горизонтальный или, вѣрнѣе, котловинный характеръ поверхности этой страны влечетъ за собою то обстоятельство, что встрѣчающіяся тутъ воды большою частію стоячія — озера, пруды и лужи, текущихъ же почти нѣтъ. Во всей этой области мы встрѣчаемъ лишь слабо развитыя системы рѣкъ; на про-

странствѣ между Уяндиной и Селегняхомъ въ обѣ эти рѣки течетъ мало притоковъ: въ Индигирку впадаетъ только одинъ, рѣка Спасская или Дурушгуна, система Алазеи не имѣетъ притоковъ, а лѣвый берегъ Колымы, начиная отъ Среднеколымска, тоже очень бѣденъ устьями рѣкъ. Несмотря на это почти каждое озеро имѣетъ свой притокъ и свой оттокъ, и если на пространствѣ между Селегняхомъ и Индигиркой послѣдніе насъ не затрудняли и остались нами незамѣченными, то только потому, что какъ Аѳонасьевъ, такъ и я путешествовали зимою. Съ Колымы же на Ковчечью ѣхалъ я лѣтомъ, а потому постоянно имѣлъ дѣло съ безчисленнымъ количествомъ високъ (9), соединявшихъ озера другъ съ другомъ и бороздившихъ мѣстность.

Если мы теперь отправимся къ югу и перейдемъ за широту Верхоянскаго хребта, то тутъ мы уже не встрѣтимъ мѣстъ, лежащихъ на такой малой абсолютной высотѣ, какъ на сѣверѣ. Мы находимъ здѣсь также равнины, но всѣ онѣ приближаются къ типу плоскихъ возвышенностей, такъ какъ онѣ, по всей вѣроятности, не ниже 600 футовъ абсолютной высоты. Единственное исключеніе представляетъ развѣ только низменность, разстилающаяся по нижнему теченію Вилюя и простирающаяся отъ впаденія этой рѣки въ Лену до мѣста, расположеннаго приблизительно въ ста верстахъ ниже города Вилюйска. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ большимъ количествомъ озеръ и другихъ водныхъ бассейновъ, которыхъ тутъ не меньше, чѣмъ между Уяндиной и Селегняхомъ. Но тутъ мы имѣемъ дѣло, повидимому, не съ *одной* низменностью, самое глубокое мѣсто которой занимаетъ теченіе рѣки, а скорѣе съ двумя вдавленіями поверхности, изъ которыхъ одно лежитъ на правомъ берегу Вилюя вокругъ большаго озера Неджели, а другое на лѣвомъ берегу рѣки и имѣетъ самымъ глубокимъ своимъ мѣстомъ озеро Мастахъ. Дѣло въ томъ, что не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что самое нижнее теченіе Вилюя обставленно далеко не по всюду низкими берегами, а сопровождается, иногда на довольно большомъ протяженіи и часто одновременно на обоихъ берегахъ, крутыми обрывами, достигаю-

щими значительной высоты. Такимъ образомъ стокъ воды въ этихъ мѣстахъ очень слабъ, отчего по всей вѣроятности и зависятъ какъ болотистость и нездоровье этой мѣстности, такъ и гнилостные вкусъ и запахъ самой воды. Это та самая мѣстность, гдѣ свила себѣ постоянное гнѣздо проказа, о которой въ послѣднее время такъ много говорятъ и которая причиняетъ такія опустошенія среди несчастныхъ туземцевъ, что они часто покидаютъ мѣста своего жительства и переселяются въ другіе улусы Вилюйскаго округа.

На правомъ берегу Лены, между этою рѣкою и самымъ нижнимъ теченіемъ Алдана, находится кромѣ того еще одинъ сравнительно невысокій участокъ. Ограниченный въ видѣ трехугольника сліяніемъ Алдана съ Леною и линіею, мысленно проведенною отъ устья Тори къ устью Тукулана, онъ не представляетъ собою, правда, низменности подобной той, которая разстилается вдоль нижняго теченія Вилюя, а скорѣе является первою, низкою, терасою расположенной передъ нимъ возвышенности. Эта низменная терраса не ограничивается однимъ лѣвымъ берегомъ Алдана, а распространяется на пространствѣ между Леною и устьемъ Тукулана также и на правый его берегъ, гдѣ занимаетъ узкую полосу земли.

Но этимъ участкомъ и исчерпываются всѣ низменности разсматриваемой области. Великія рѣки, каковы Лена, Алданъ и Вилюй почти вовсе не имѣютъ низкихъ береговъ, а если таковые время отъ времени и встрѣчаются, какъ на прим. вокругъ Якутска, то занимаютъ очень небольшія пространства. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ берегъ круто поднимается отъ самой рѣки на высоту двухъ- или трехсотъ футовъ и затѣмъ переходитъ въ обширную равнину, занимающую всю мѣстность между Леною и Вилюемъ къ востоку отъ Бири; на лѣвомъ берегу Вилюя она далеко распространяется вверхъ по Мархѣ и Тьюну, а на правомъ берегу Лены вплоть до Амги. На лѣвомъ берегу Лены и на обоихъ берегахъ Вилюя эта, достигающая высоты 600—700 футовъ, равнина идетъ, по всей вѣроятности, еще далѣе вверхъ по рѣ-

камъ, но по серединѣ между послѣдними поднимается уже хребетъ съ рѣзко намѣченнымъ гребнемъ; такимъ образомъ равнина тутъ уже не тянется непрерывно отъ рѣки до рѣки. Разсматриваемая здѣсь широко-раскинувшаяся равнина представляетъ собою прекрасную культурную мѣстность, являющуюся въ настоящее время главнымъ мѣстомъ обитанія якутовъ. Послѣдніе населяютъ ее сравнительно густо и находятъ въ ней область наиболѣе соотвѣтствующую ихъ теперешнимъ бытовымъ потребностямъ.

Изъ плоскогорій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. изъ такихъ, которыя возвышаются надъ поверхностью моря отъ двухъ до трехъ тысячъ футовъ, мы имѣемъ въ настоящее время нѣкоторыя свѣдѣнія только объ Оймеконской плоской возвышенности и о долинѣ самаго верхняго теченія Чары, — о такъ называемой Кёскёмдѣ. Какъ велико Оймеконское нагорье и какая часть его занята нагроможденными на него хребтами мы еще не знаемъ и должны возложить свои надежды въ этомъ отношеніи на будущее. Кёскёмдская долина, раскинувшаяся по обѣ стороны верхняго теченія Чары, имѣетъ, повидимому, приблизительно 200 верстъ въ длину и до 30, а мѣстами до 40 верстъ ширины; въ нижнемъ же теченіи этой рѣки, однако, какъ и у большинства остальныхъ рѣкъ Якутской области, долина развита очень слабо.

Что касается изображенія разсмотрѣнныхъ нами низменностей, равнинъ и плоскихъ возвышенностей на картѣ, то должно сознаться, что оно оставляетъ многаго желать. Во первыхъ, благодаря слишкомъ малому маасштабу нельзя было изобразить всѣ тѣ озера, которыя сдѣлались извѣстны; кромѣ того въ размѣры ихъ, по всей вѣроятности, вкралось много неточностей, потому что опредѣленіе ихъ дѣлалось большею частію глазомѣрно, хотя и съ помощью якутскихъ и тунгузскихъ данныхъ. Но якуты и тунгузы являются въ этомъ отношеніи очень плохими помощниками, такъ какъ они, собственно говоря, не имѣютъ ровно никакого понятія о такого рода оцѣнкѣ. Такъ наприм., инородецъ иногда поразительно вѣрно оцѣниваетъ величину извѣстнаго по-

коса, но онъ кладетъ въ основаніе своего сужденія всегда лишь то количество сѣна, которое онъ можетъ получить съ него въ хорошій и худой годы. Уже много недостаточнѣе опредѣляется имъ величина поверхности выгона, гдѣ онъ пасетъ свое стадо, но который никогда не косился. Еще хуже его понятіе о пространствѣ извѣстной водной поверхности: въ этихъ случаяхъ онъ большею частію ограничивается тѣмъ, что указываетъ длину береговой линіи и форму водоема, круглый онъ или продолговатый; по этимъ даннымъ уже самъ дѣлаешь вычисленіе поверхности. Послѣднее само по себѣ еще не имѣло бы никакихъ особенныхъ неудобствъ, если бы только при этомъ не приходилось сталкиваться съ затрудненіями, зависящими оттого, что якутская мѣра пути, кёсъ, является, собственно говоря, какъ уже пояснено въ первомъ томѣ настоящаго труда, скорѣе мѣрою времени, чѣмъ мѣрою длины. Если же принять въ разсчетъ, что берега озеръ могутъ быть либо сухи и хорошо проходимы верхомъ, либо болотисты и непроходимы, то легко понять, что тѣмъ самымъ якуту дается полная возможность дѣлать крайне противорѣчивыя, измѣнчивыя указанія.

Возвращаясь къ выполненію моей карты, я долженъ указать еще на то, что раскраска возвышеній поверхности страны вышла на ней очень неудовлетворительной; съ одной стороны давало себя чувствовать въ этомъ отношеніи недостаточное число предоставленныхъ въ мое распоряженіе тоновъ, а съ другой — большое разстояніе, отдѣлявшее меня отъ мѣста печатанія карты. Но все, что касается возвышеній земной коры, основано, какъ уже мною раньше выяснено, только на приблизительной оцѣнкѣ, а не на измѣреніи высотъ. Лишь изрѣдка дѣлались прямыя опредѣленія отдѣльныхъ высотъ, да и то врядъ ли гдѣ либо съ полной точностью, промѣровъ же цѣлаго хребта на всемъ его протяженіи никто и никогда не производилъ въ дѣйствительности. При такихъ условіяхъ и болѣе точное изображеніе на картѣ не имѣло бы ровно никакой цѣны.

Иначе дѣло обстоитъ съ очертаніями морей и съ линіями,

обозначающими направленіе рѣкъ. На моей картѣ они всюду нанесены въ видѣ непрерывныхъ линій и, слѣдовательно, какъ побережья, такъ и рѣки могутъ быть сочтены за точно изслѣдованныя и правильно нанесенныя, потому что обыкновенно во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ ихъ принято изображать пунктиромъ. Вслѣдствіе этого я считаю безусловно необходимымъ, во избѣжаніе съ самаго начала недоразумѣній, категорическимъ образомъ заявить, что при исполненіи моей карты этого правила не придерживались. Непрерывныя линіи приняты тутъ только потому, что чертить ихъ проще, а карта при нихъ становится нагляднѣе и красивѣе съ виду. Чтобы дать, однако, пользующемуся картою возможность легче судить о той степени довѣрія, съ которой онъ можетъ относиться къ различнымъ частямъ ея, я составилъ особую обзорную карточку. Послѣдняя имѣетъ цѣлью, съ одной стороны, указать всѣ находящіеся въ области астрономическіе пункты, а съ другой — на нее нанесены маршруты путешественниковъ, имѣвшихъ возможность дѣлать, да въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно и дѣлавшихъ, топографическія съемки.

Что касается, теперь, астрономически опредѣленныхъ пунктовъ, то нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что списокъ ихъ много точнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ изображеніе на карточкѣ такого малаго маасштаба. Въ спискѣ ихъ, помимо того, больше, чѣмъ можно было привести на карточкѣ. На сѣверномъ побережьи, на прим., ихъ такъ много и они такъ близко расположены другъ къ другу, что нанести ихъ всѣхъ оказалось невозможнымъ. Точно также пришлось опустить на картѣ всѣ тѣ пункты, которыхъ опредѣлена только широта и ограничиться нанесеніемъ лишь тѣхъ, гдѣ опредѣлены обѣ координаты. Но названная карточка имѣетъ исключительною цѣлью облегчить обзоръ и наглядно, графически представить, насколько мало принесло пользы картографіи нашей области даже вовсе не незначительное само по себѣ число астрономически опредѣленныхъ пунктовъ. Изъ общаго числа астрономически опредѣленныхъ по обѣимъ координатамъ

мѣстъ на долю побережья Ледовитаго океана приходится почти сто, а на острова приблизительно тридцать. Такимъ образомъ немного менѣе половины самаго достовѣрнаго изъ имѣющагося въ нашемъ распоряженіи матеріала пошло на опредѣленіе положенія самыхъ негостепріимныхъ и непроизводительныхъ мѣстностей; остальная же, нѣсколько большая часть достовѣрно опредѣленныхъ пунктовъ разбросана крайне неравномѣрно и при томъ очень невыгодно по тому обширному раіону, который носитъ названіе Якутской области.

Не много лучше обстоитъ дѣло и съ маршрутами. Съ одной стороны они оставляютъ между собою обширные участки, никогда не посѣщавшіеся мыслящимъ и образованнымъ человѣкомъ, а съ другой стороны по извѣстнымъ направленіямъ, ихъ такъ много, что на самыхъ торныхъ путяхъ нѣкоторые изъ маршрутовъ пришлось опустить на карточкѣ просто потому, что не оставалось уже мѣста для нанесенія ихъ. Если же мы просмотримъ карточку нѣсколько подробнѣе, принимая въ разсчетъ текстъ настоящей пояснительной записки, то мы легко убѣдимся, какъ незначительно число рѣкъ, съ которыхъ въ дѣйствительности сдѣлана съемка даже при помощи пель-компаса, т. е. еще самымъ примитивнымъ способомъ Мы имѣемъ поэтому полное право сказать, что если бы вовсе неизслѣдованныя или изслѣдованныя недостаточно рѣки были изображены обыкновенно въ этомъ случаѣ употребляемыми пунктирными линіями, то почти всю рѣчную сѣть пришлось бы чертить такимъ способомъ. Въ самомъ дѣлѣ, только крайне незначительное, почти теряющееся въ массѣ, число рѣкъ изслѣдованно настолько, что можетъ быть окончательно нанесено на карту.

Итакъ, для сужденія о надежности большой, изображенной на двухъ листахъ, карты безусловно необходимо принимать въ разсчетъ малую обзорную карточку.

Помимо перечня астрономически опредѣленныхъ пунктовъ, къ картамъ приложенъ, какъ уже раньше упоминалось, систематически составленный списокъ рѣкъ въ виду того, что надписать

на картѣ всѣ имена рѣкъ оказалось невозможнымъ. Но желая сдѣлать этотъ списокъ легко понятнымъ и, что важнѣе всего, въ то же время наглядным, я наткнулся на такія необыкновенныя затрудненія, какихъ не предвидѣлъ и которыя остаются вовсе непонятными, если имѣешь дѣло съ сѣтью европейскихъ рѣкъ. Дѣло въ томъ, что при необыкновенной длинѣ сибирскихъ рѣкъ, особенно же могучей Лены, система ихъ притоковъ достигаетъ громаднаго развитія. Съ самаго начала предполагалось рѣки первой величины, т. е. такія, которыя впадаютъ въ море, оставлять вовсе безъ помѣтки, непосредственно же въ нихъ впадающіе притоки отмѣчать римскими цифрами (I, II,...), притоки этихъ послѣднихъ обозначать арабскими цифрами (1, 2, 3,...), слѣдующіе за тѣмъ мѣтить черезъ a, b, c...., далѣе α, β, γ...., потомъ комбинировать латинскій алфавитъ — aa, bb,.... и, наконецъ, греческій $\alpha\alpha$, $\beta\beta$,.... При этомъ выяснилось, что число такихъ категорій притоковъ доходитъ до семи и даже, какъ можно убѣдиться изъ стр. 17 списка, до восьми, при чемъ послѣднюю категорію пришлось обозначить черезъ aaa, bbb,.... Для наглядности было бы, понятно, лучше всего, если бы каждая категорія приходилась въ одной и той же вертикальной графѣ; такъ я и составилъ свою таблицу въ манускриптѣ. Но оказалось, что ширина нужныхъ для подобныхъ таблицъ листовъ бумаги достигала слишкомъ большихъ размѣровъ и печатаніе ихъ сдѣлалось технически невозможнымъ. Чтобы помочь этому горю, впослѣдствіи стали удерживать вертикальныя графы на каждой отдѣльной страницѣ, но распредѣляли ихъ на различныхъ страницахъ иначе, передвигая то болѣе вправо, то болѣе влѣво, смотря по надобности и по степени развитія рѣчной сѣти. При всѣхъ этихъ измѣненіяхъ, однако, было всегда соблюдаемо одно правило и оно удержано на всѣхъ страницахъ: рѣка первой, впадающей въ море, категоріи помѣщена всегда въ серединѣ раскрытой таблицы (на линіи, дѣлящей печатный листъ вертикально пополамъ) и вся система ея правыхъ притоковъ помѣщалась на правой половинѣ таблицы, тогда какъ лѣвые притоки приходились на лѣвую половину. Такимъ образомъ начиная

съ 10 страницы лѣвыя страницы 12, 14 и т. д. остаются пустыми, потому что на страницѣ 8 система лѣвыхъ притоковъ Лены закончилась 79-мъ по счету притокомъ ея — Готъ-ыряхомъ, тогда какъ система правыхъ притоковъ только начинается Олекмой, шестнадцатымъ по счету правымъ притокомъ великой рѣки.

Что же касается, теперь, самаго обозначенія притоковъ, то передъ каждымъ изъ нихъ выставлена соотвѣтствующая ему категорія и тѣмъ избѣгнуто заключеніе въ скобки. Обозначеніе начинается всегда съ истока рѣки и распространяется по направленію къ устью. Въ отношеніи цифръ, какъ римскихъ, такъ и арабскихъ, ограниченій тутъ конечно никакихъ нѣтъ, но если кончался алфавитъ, а притоки еще оставались, то онъ возобновлялся со значкомъ, т. е. a′, b′, c′...., такъ что a′ слѣдуетъ за z и ω. Имѣя это въ виду, вовсе не трудно оріентироваться по таблицамъ и на картѣ. Такъ на прим., на стр. 17 мы находимъ рѣку *ccc* Дерингъ-ыряхъ такимъ способомъ: эта рѣка есть третій лѣвый притокъ ββ Мылама, который въ свою очередь является вторымъ лѣвымъ притокомъ *ee* Удыма или Юдыма, впадающимъ съ права пятымъ по числу въ ζ Алгому — шестой правый притокъ *s* Конама или Гонама, который есть восемнадцатый лѣвый притокъ 28 Учура, являющагося двадцать восьмымъ правымъ притокомъ LV Алдана, представляющагося въ свою очередь пятьдесятъ пятымъ правымъ же притокомъ Лены, впадающей въ Ледовитый океанъ. Но названія рѣкъ повторяются нѣсколько разъ—въ текстѣ, на картѣ и въ спискѣ, а потому было нѣсколько затруднительно держать корректуры такъ, чтобы повсюду было однообразіе въ ихъ транскрипціи. Дѣло въ томъ, что благодаря большому разстоянію, отдѣлявшему меня отъ мѣста печатанія, мнѣ никогда не удавалось имѣть для просмотра и свѣрки одновременно и карту, и текстъ, и списокъ рѣкъ. Вслѣдствіе этого не исключена возможность того, что кое гдѣ ошибки не были исправлены. Это тѣмъ болѣе возможно, что сохранить одну и ту же транскрипцію для всѣхъ именъ очень трудно. Во первыхъ, произношеніе инородцевъ

не всегда можно выразить употребляемыми нами письменными знаками; такъ на прим., посредствомъ послѣднихъ мы вовсе не можемъ передать многіе гортанные звуки якутовъ, тунгузовъ и чукчей. Во вторыхъ, самый выговоръ и произношеніе далеко не постоянны и измѣнчивы, при чемъ часто измѣняются не только гласныя, но и согласныя буквы. Въ произношеніи отдѣльныхъ лицъ сплошь и рядомъ не отличишь слово *Бёрёлахъ* отъ *Борулахъ, киги* и *киси* звучатъ одинаково; точно также *отъ* (сѣно) и *уотъ* (огонь) различимы только привычнымъ уже ухомъ; свѣжему человѣку едва выговариваемый, средній между *у* и *о* звукъ передъ *о* въ словѣ *уотъ* (огонь) едва ли внятенъ, а такихъ примѣровъ можно было бы привести цѣлую массу. Громадное большинство разспросныхъ свѣдѣній собиралъ я одинъ уже потому, что ѣздилъ почти всегда одинъ; въ Землѣ же Чукчей мы разспрашивали о названіяхъ въ четверомъ, и здѣсь не рѣдко случалось, что при сличеніи собраннаго нами въ теченіе дня матеріала, оказывались противорѣчія въ томъ, что̀ мы слышали. Мало того, не рѣдко всѣ мы четверо оставались при отдѣльномъ мнѣніи даже тогда, когда удавалось переспросить лицо, дававшее показаніе относительно названія, въ общемъ, такъ сказать, присутствіи: всѣ мы толковали слышанное различно.

Но такого рода фонетическія несогласія составляли бы еще полъ-бѣды, потому что названія курумъ или курумъ, кугагунъ или кусаганъ, бутантай или бытантай рѣшительно безразличны: они не поставятъ путешественника въ затрудненіе на мѣстѣ и въ концѣ концовъ карта дастъ ему возможность оріентироваться. Много уже труднѣе бываетъ разобраться, а иногда прямо-таки сбиваешься съ толку, въ тѣхъ случаяхъ, если какой-либо водоемъ или хребетъ носятъ нѣсколько названій: тутъ далеко не всегда можешь согласовать то, которое узнаешь на мѣстѣ съ именемъ принятымъ на картѣ. Въ настоящее время, правда, обыкновенно принято удерживать названіе, первоначально данное какой-либо рѣкѣ, горѣ или урочищу преобладающимъ въ данной области племенемъ; всѣ другія племена имъ уже и поль-

зуются. Такъ на прим., якуты окрестили рѣку, которая впадаетъ въ Вилюй нѣсколько ниже Сунтарской церкви и на берегахъ которой выступаютъ мощныя соляныя залежи, — Кемпендеемъ; какъ русскіе, такъ и тунгузы пользуются этимъ названіемъ потому, что рѣка течетъ по области съ древнѣйшихъ временъ занятой якутами, гдѣ одни они, какъ принято выражаться, у себя дома. Иное дѣло, если какое либо урочище расположено, такъ сказать, на нейтральной почвѣ, т. е. въ мѣстности, гдѣ одновременно сходится нѣсколько племенъ. Такъ, рѣку, на которой я нашелъ остатокъ шкуры мамонта, русскіе зовутъ Ковчечьей, якуты Хомосъыряхомъ, тунгузы опять иначе, хотя названія послѣднихъ я и не нахожу въ своихъ замѣткахъ. Невдалекѣ отъ нея находится гора, именуемая якутами Соръ-джетя; русскіе просто переводятъ это названіе и получается Воронье гнѣздо; тунгузы же окрестили ее Кемо-дауромъ. Къ западу отъ пика Албей поднимается гора, называющаяся по-якутски Сурахъ-тасомъ, а по-тунгузски Мегономъ; спеціально-русскаго названія она не имѣла, я узналъ только, что въ переводѣ какое-то изъ нихъ означаетъ Сердцекамень; я не могъ добиться навѣрное относится ли этотъ переводъ къ обоимъ или только къ одному изъ инородческихъ именъ. Проводниками въ данномъ случаѣ я имѣлъ одновременно якутовъ, русскихъ и тунгузовъ, а потому могъ записать различныя названія. Но это чистое исключеніе, потому что обыкновенно имѣешь лишь одного проводника, который крайне рѣдко знакомъ съ наименованіями другихъ племенъ. Къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ это, можно легко убѣдиться, если сравнить имена рѣкъ, текущихъ къ востоку отъ меридіана Охотска (какъ впадающихъ въ море, такъ и притоковъ Колымы) на картѣ Генеральнаго Штаба съ названіями, принятыми для тѣхъ же рѣкъ на моей картѣ. Тѣ, которыя текутъ въ Ледовитый океанъ, носятъ большою частію на обѣихъ картахъ однѣ и тѣ же наименованія. Но впадающія въ Колыму рѣки называются часто совершенно различно и во избѣжаніе недоразумѣній мнѣ не оставалось ничего иного, какъ прибавить въ скобкахъ также и другія названія.

Причина разногласія заключается въ слѣдующемъ. Генеральный Штабъ взялъ въ основаніе старинную карту, номенклатура которой установлена Козминымъ и другими моряками, преимущественно пользовавшимися услугами якутскихъ проводниковъ. Я, съ другой стороны, руководился, если и очень грубо исполненной, то все-же очень наглядной и вселяющей большое довѣріе картой, черченой Чихачевымъ отъ руки; послѣдній же во время своего путешествія отъ Охотска въ Гижигинскъ встрѣтился на Кавѣ или на Тауѣ съ тунгузами, жившими по верхнему теченію Колымы и спустившимися къ морю съ цѣлью сдѣлать запасы рыбнаго продовольствія на зиму. Чихачевъ заставлялъ ихъ описывать какъ они умѣли видъ и характеръ страны, расположенной между морскимъ побережьемъ и Оймеконскимъ нагорьемъ и при ихъ содѣйствіи имъ и была составлена упоминаемая тутъ карта. Этимъ людямъ были извѣстны только тунгузскія названія: тѣ изъ нихъ, которыя относились къ рѣкамъ впадающимъ въ море, Чихачеву легко было идентифицировать съ названіями употребляемыми на мѣстѣ, но для притоковъ Колымы онъ долженъ былъ ограничиться лишь тѣми, которыя узналъ отъ тунгузовъ. Когда я, принявшись за обработку названной части области, сталъ свѣрять обѣ карты, то мнѣ стоило большихъ трудовъ согласовать старинныя названія (которыя тоже, вѣдь, были собраны путемъ разспросовъ и не могли быть, слѣдовательно, игнорированы) съ тѣми, которыя давали тунгузы. Въ виду этого я не нашелъ никакого иного исхода, какъ отождествлять рѣки по ихъ положенію и, оставляя имъ старинныя названія, прибавлять къ нимъ въ скобкахъ тунгузскія. Удобенъ ли придуманный мной исходъ придется рѣшить будущимъ путешественникамъ уже на мѣстѣ.

Но бываютъ еще случаи, когда становится положительно невозможнымъ идентифицировать различно звучащія названія. Это, правда, касается большею частію лишь очень древнихъ именъ и преимущественно имѣетъ мѣсто при разборѣ старинныхъ архивныхъ свитковъ. Несмотря на массу кропотливаго труда и

на самые тщательные розыски и изслѣдованія, я долженъ былъ отложить въ сторону эти старинныя указанія. Мнѣ не удалось розыскать ни одинъ изъ приводимыхъ тамъ маршрутовъ потому, что я находилъ въ нихъ названія рѣкъ и горъ, которыя никому не были знакомы и не могли быть пріурочены къ уже извѣстнымъ. Конечно, это всегда относится исключительно къ тѣмъ случаямъ, когда дѣло касается нейтральной области, т. е. такой, которая не служитъ постояннымъ мѣстомъ жительства ни якуту, ни русскому, а потому становится тѣмъ очевиднѣе, что мы не въ состояніи помочь себѣ въ раскрытіи этой загадки по крайней мѣрѣ въ настоящее время, при нашихъ теперешнихъ вспомогательныхъ средствахъ. Дѣло въ томъ, что все тутъ сказанное находится въ связи съ той невѣроятной легкостью, съ которою сибирскія бродячія племена, покидаютъ свое мѣсто жительства и переселяются съ цѣлью охоты и рыбной ловли въ другія мѣстности. То, что отдѣльный охотникъ постоянно странствуетъ со своею семьею и что, собственно говоря, никогда нельзя сказать, гдѣ такой-то разбилъ въ данное время свою уросу, — это, конечно, никого не удивляетъ, никто, понятно, не станетъ терять по поводу этого словъ, потому что такое явленіе наблюдается повседневно. Но даже теперь еще не рѣдки случаи, когда цѣлые роды покидаютъ свои охотничьи участки и уходятъ изъ области, чтобы по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ въ нее уже не возвращаться. Они не считаютъ нужнымъ ни указывать причины, побудившія ихъ къ этому, ни пояснять свои намѣренія. Объ уходѣ какого нибудь рода изъ Вилюйскаго, на прим., округа узнаешь обыкновенно тогда, когда въ теченіе года или двухъ лѣтъ староста его не является въ Вилюйскъ для уплаты ясака и за полученіемъ пороха и свинца. Окружное управленіе въ этихъ случаяхъ обыкновенно доноситъ въ Якутскъ, что, по всѣмъ видимостямъ, такой-то родъ перемѣнилъ мѣсто своего жительства и выселился изъ округа. Но черезъ извѣстный промежутокъ времени приходитъ увѣдомленіе отъ какого либо другаго окружнаго управленія, иногда той же самой губерніи, но сплошь и рядомъ какой

нибудь другой, что оно, т. е. управленіе, получило и сдало куда слѣдуетъ, ясакъ отъ такого-то рода, который прежде платилъ его въ Вилюйскѣ. На этомъ дѣло тогда и кончается. Благодаря такому легкому передвиженію инородцевъ иногда очень обширная область можетъ оставаться на болѣе или менѣе продолжительное время абсолютно лишенной человѣческаго населенія. Дѣйствительно, если выселеніе изъ нея, какъ это въ громадномъ большинствѣ случаевъ бываетъ, обусловлено продолжительной неудачей въ охотѣ и въ рыбной ловлѣ, то ее станутъ избѣгать и другіе роды, такъ что область, какъ уже сказано, можетъ совершенно запустѣть. Если же такая мѣстность снова станетъ посѣщаться, то новые пришельцы принесутъ съ собою и новыя названія мѣстъ и урочищъ. Вслѣдствіе этого-то маршруты, составленные по стариннымъ разспроснымъ свѣдѣніямъ, впослѣдствіи и могутъ быть совершенно негодными.

Названія, приводимыя на моей картѣ и въ таблицѣ рѣкъ, часто взяты изъ разспросныхъ свѣдѣній, собиравшихся какъ мною самимъ, такъ и моими спутниками. Но для южной части карты, особенно для обширной области притоковъ Алдана и сосѣднихъ рѣкъ, я пользовался картою Шварца и еще болѣе картою Крутикова, такъ какъ Шварцъ нанесъ на свою не весь матеріалъ, который даетъ первый. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, приходится допустить, что какъ бы тщательно ни была исполнена эта работа, а все-же путешественникъ можетъ очутиться въ положеніи, когда ему не удастся узнать отъ ведущаго его туземца названіе, которое отмѣчено на картѣ. Тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что онъ вовсе не обреченъ оставаться въ полнѣйшемъ невѣдѣніи мѣстности, въ которой онъ находится. То или другое изъ названій урочищъ можетъ быть непонятнымъ въ силу того, что оно происходитъ отъ неизвѣстнаго проводнику племени, но если назвать цѣлый рядъ именъ или поразспросить нѣсколько различныхъ лицъ, то, какъ доказываетъ опытъ, всегда есть возможность добиться желаемаго и, такимъ образомъ, оріентироваться. Ни въ какомъ слу-

чаѣ, однако, не слѣдуетъ прибѣгать къ слишкомъ древнимъ наименованіямъ, потому что онѣ часто остаются совершенно непонятными проводникамъ, сколько ни трать трудовъ на ихъ разъясненіе.

Въ общемъ, какъ очертаніе побережій и острововъ, такъ и сѣть рѣчныхъ системъ моей карты сходны съ таковыми же карты С.-Петербургскаго Генеральнаго Штаба; это вполнѣ понятно въ виду того, что моя карта вообще возникла на ея основѣ. Тѣ случаи, гдѣ мнѣ пришлось сдѣлать измѣненія въ рѣчныхъ системахъ, будутъ оговорены мною при разсмотрѣніи отдѣльныхъ рѣкъ; здѣсь же я считаю необходимымъ указать на измѣненія, принятыя мною въ очертаніяхъ нѣкоторыхъ острововъ.

Когда я сталъ наносить на свою карту астрономическіе пункты, относящіеся къ большому острову Котельному, то выяснилось, что размѣры его совершенно иные, чѣмъ тѣ, которые приняты на картѣ Генеральнаго Штаба. Сѣверный берегъ его вполнѣ соотвѣтствуетъ астрономической съемкѣ, мысъ же Медвѣжій на южномъ концѣ острова по съемкѣ Анжу расположенъ на 156° 16′ 45″ в. д. и на 74° 50′ 13″ с. ш., а на картѣ Генеральнаго Штаба имѣетъ долготу 157° 16′ и широту 74° 38′,— иными словами онъ лежитъ южнѣе и восточнѣе, чѣмъ установлено съемкой. Благодаря этому островъ Котельный спускается далѣе къ югу, чѣмъ островъ Новая Сибирь, а между тѣмъ самая южная точка послѣдняго лежитъ по Анжу на 73° 43′.

Точно также и островъ Малый отодвинутъ на штабской картѣ дальше къ востоку, чѣмъ то допускаетъ опредѣленіе самой западной его точки. Когда я изучалъ въ Гидрографическомъ Департаментѣ въ С.-Петербургѣ многочисленные наброски и чертежи, оставшіеся послѣ Анжу, то къ величайшему моему удивленію убѣдился, что и старинные чертежники нанесли мысъ Медвѣжій и островъ Малый на тѣ же точки сѣти, гдѣ они помѣщены на картѣ Генеральнаго Штаба. Упомянутыя лица, такимъ образомъ, должны были имѣть, повидимому, какія нибудь основанія,

довѣряя своимъ маршрутамъ больше, чѣмъ отдѣльнымъ, но сдѣланнымъ ими же астрономическимъ опредѣленіямъ; такого взгляда и придержался Главный Штабъ. По здравомъ обсужденіи, однако, я не могъ рѣшиться сдѣлать то же самое, но безъ всякихъ колебаній отдалъ безусловное предпочтеніе астрономическому пункту и тѣмъ болѣе, что не было никакого основательнаго доказательства, что опредѣленіе это не надежно и не годно. Нельзя, правда, отрицать того факта, что опредѣленіе долготъ на крайнемъ сѣверѣ дѣлать очень затруднительно и что оно не удается часто даже тогда, когда прилагается наиболѣе достижимая въ такихъ путешествіяхъ тщательность; но рѣшать это — уже дѣло самого наблюдателя и мы всегда въ правѣ отъ него требовать уничтоженія неудачнаго опредѣленія; разъ же онъ этого не сдѣлалъ, мы должны принимать опредѣленіе и вычисленіе за норму до тѣхъ поръ, пока новыя наблюденія не опровергнутъ или не подтвердятъ ихъ. Если поступиться этимъ принципомъ, то всякая увѣренность въ точности пропадетъ и черченіе картъ станетъ дѣломъ личнаго произвола чертящаго, а этого нужно всѣми силами избѣгать. При всемъ этомъ никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что хотя опредѣленіе долготъ на крайнемъ сѣверѣ и представляетъ очень большія затрудненія — опредѣленія широтъ страдаютъ въ зависимости отъ полярнаго положенія много меньше, — то маршрутныя данныя допускаютъ все-же несравненно больше различныхъ ошибокъ. Не нужно забывать, что опредѣленіе пройденнаго разстоянія въ послѣднемъ случаѣ дѣлается *исключительно* путемъ оцѣнки и если, какъ убѣждаетъ насъ опытъ, даже самый опытный топографъ впадаетъ часто въ ошибки уже въ болѣе южныхъ, сравнительно мало утомляющихъ человѣка мѣстностяхъ, то легко станутъ понятны какъ вліяніе на наблюдателя снѣжной бури, леденящаго холода и снѣжной слѣпоты, такъ и тѣ послѣдствія, которыми это вліяніе отразится на точности маршрута. Какъ бы то ни было, но, по моему крайнему убѣжденію, нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы астрономическія опредѣленія, которыя являются единственными

надежными опорными пунктами для маршрутовъ и которыя всегда и всюду служили для исправленія маршрутовъ, чтобы опредѣленія эти сами поправлялись при случаѣ и безъ всякой основательной къ тому причины по маршрутамъ, представляющимъ собою самый неточный изъ извѣстныхъ намъ способовъ географическихъ съемокъ. На основаніи только-что изложенныхъ соображеній я и счелъ правильнымъ нанести южную оконечность острова Котельнаго такъ, какъ того требуетъ астрономическая съемка. Такъ-же я поступилъ и съ островомъ Малымъ. Кромѣ того первый изъ названныхъ острововъ я продолжилъ далѣе на востокъ, чѣмъ то сдѣлано на картѣ Генеральнаго Штаба.

Надъ работами Анжу висѣлъ, повидимому, злой рокъ. Дѣло въ томъ, что съ одной стороны часть ихъ (хотя и не всѣ, какъ прежде ошибочно принималось) сдѣлалась добычей пламени, а съ другой стороны не осталось никакого письменнаго заявленія самого Анжу, позволявшаго судить, которому изъ многихъ, относящихся къ островамъ Котельному и Фадѣеву, набросковъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе и который изъ нихъ представляетъ окончательно установленный результатъ многолѣтняго, утомительнаго путешествія. Матеріалъ этотъ, которому, очевидно, не достаетъ самаго главнаго, дѣйствительно производитъ впечатлѣніе чего то случайно спасеннаго и собраннаго. Вслѣдствіе всего этого на основаніи его были составлены рѣзко различающіяся между собою карты, имѣющія общимъ лишь то, что на всѣхъ нихъ островъ Котельный простирается очень незначительно на востокъ, такъ что при большомъ меридіональномъ протяженіи своемъ онъ имѣетъ лишь незначительное простираніе съ востока на западъ. Помимо того на всѣхъ этихъ картахъ соединенные острова Котельный и Фадѣевъ, представленные по совершенно необъяснимымъ причинамъ въ видѣ двухъ отдѣльныхъ острововъ, связаны какою-то загадочною, занимающею обширное пространство, землей, которая по этому также является *островомъ*. Трудно сказать, что побуждало составителей картъ поступать такъ, потому что одного того обстоятельства, что Котельный становится къ во-

стоку очень низокъ и крайнія части его южнаго и восточнаго береговъ, особенно въ южной ихъ оконечности, превращаются въ низменное песчаное побережье, мѣстами заливаемое время отъ времени моремъ, еще вовсе не даетъ права оставлять между двумя отдѣльно рисуемыми островами обширный промежутокъ и помѣчать его «песчаная отмель». Можно съ большою долею вѣроятности, даже навѣрное, доказать, что начальникъ извѣстной экспедиціи по льдамъ океана 1820—1823 годовъ, лейтенантъ Анжу, вовсе не раздѣлялъ такого взгляда, хотя и придержался принятыхъ на мѣстѣ двухъ отдѣльныхъ названій для соединеныхъ острововъ. Дѣйствительно, съ одной стороны, мы находимъ въ его дневникѣ слѣдующую замѣтку: «Послѣ $19\frac{1}{2}$ миль N 75° 46′ 36″ и O (отъ Парижа) 138° 34′. Отсюда отправились мы на островъ Фадѣевъ». — «Отъ этого мѣста ночлега берегъ поворачиваетъ къ югу точнаго компаса; онъ плоскій и низменный, но со стороны суши вдоль него тянутся низкія горы. Между этимъ берегомъ и соединяющимъ острова Котельный и Фадѣевъ песчанымъ пространствомъ расположена губа Драгоцѣнная, которая начинается отъ сѣверной оконечности острова Фадѣева и, постепенно съуживаясь къ югу, образуетъ устье рѣки Драгоцѣнной въ разстояніи 25 миль отъ мѣста ночлега». Съ другой стороны въ сохранившихся матеріалахъ мы находимъ сдѣланный рукою самого Анжу набросокъ карты *), на которой вмѣстѣ съ легкимъ контуромъ острова нанесены также и маршруты сдѣланныхъ самимъ Анжу поѣздокъ. Изъ этой карты видно (оно было впрочемъ извѣстно и раньше), что самъ Анжу посѣтилъ лишь самую незначительную часть восточнаго берега Котельнаго. Въ 1821 году приблизительно отъ устья рѣчки Ортоыряха онъ отправился прямо на востокъ и добрался до сѣверной косы острова Фадѣева. Въ 1822 году онъ поѣхалъ затѣмъ на

*) Карта эта воспроизведена также въ работѣ Dr. Alexander Bunge u. Baron Eduard Toll: «Berichte über die Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande» mit 5 Karten St. Petersburg. 1887.

западный берегъ острова Фадѣева, но не доѣзжалъ до мѣста его соединенія съ островомъ Котельнымъ, а направился съ его западнаго берега на восточный и только съ этого послѣдняго, принявъ направленіе на западъ, прибылъ опять на островъ Котельный. Но и на этой картѣ море на сѣверѣ между Котельнымъ и Фадѣевымъ изображено не въ видѣ пролива, а какъ Драгоцѣнная губа, а также нанесена пунктиромъ вѣроятная граница того, что впослѣдствіи приводилось за «островъ» Котельный. Мало того на этой такъ называемой «песчаной отмели» Анжу рисуетъ вполнѣ отчетливо даже рѣку Драгоцѣнную съ ея большимъ притокомъ и такимъ образомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что это суша; а между тѣмъ составители картъ не обратили никакого вниманія на этотъ набросокъ. И такъ, если и прежде лишь немногаго не хватало, чтобы признать, опираясь на свидѣтельство самого Анжу, эти два отдѣльные острова за одно неразрывное цѣлое и отказаться отъ ничѣмъ не доказаннаго, но прежде практиковавшагося ихъ раздѣленія, то этотъ взглядъ былъ вполнѣ подтвержденъ путешествіемъ барона Толя и сообщенъ въ указанномъ выше сочиненіи. Названный путешественникъ не только довелъ свой маршрутъ до устья рѣки Драгоцѣнной, но онъ посѣтилъ даже и истоки ея, открывъ вдобавокъ среди такъ называемой «песчаной отмели» еще и холмъ Экзекы-Булгуняхъ (на картѣ Толя неправильно названный Экзены). Кромѣ того изъ сдѣланныхъ имъ сообщеній несомнѣнно слѣдуетъ, что къ востоку островъ Котельный становится все ниже и площе и что юго-восточный конецъ его, отдѣленный отъ острова Фадѣева узкой губой, переходитъ въ плоскую песчаную низменность; въ работѣ не только нѣтъ прямаго доказательства, что средняя часть острова тоже состоитъ изъ песка, но въ ней нѣтъ даже никакихъ указаній, изъ которыхъ можно было бы заключить это. Но именно потому для меня остается совершенно необъяснимымъ, почему баронъ Толь не постарался категорически выразить это на своей картѣ, а предпочелъ придержаться чего то средняго между песчаной отмелью и сушею. Я не нахожу объясненія этого и въ заявленіи д-ра Бунге

(l. c. p. 222), что въ основаніе чертежа положена карта Генеральнаго Штаба, изданная въ 1883 г., и что чертежъ не имѣетъ претензіи быть точнымъ. Я вполнѣ понимаю, что чертежъ не могъ быть точнымъ, но тѣмъ не менѣе по моему мнѣнію не мѣшало бы отмѣтить, что оба острова составляютъ одно неразрывное цѣлое и что море, въ которое впадаетъ рѣка Драгоцѣнная, есть ничто иное, какъ заливъ, который называется Драгоцѣнной губой.

Въ указанномъ смыслѣ я и исправилъ очертаніе этого острова на своей картѣ, благодаря чему видъ его представляется совершенно инымъ, чѣмъ на всѣхъ прежнихъ картахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я счелъ необходимымъ удержать для двухъ частей его названія острововъ Фадѣева и Котельнаго, потому что такъ эти части постоянно называются на мѣстѣ. Новая номенклатура могла бы въ данномъ случаѣ вызвать только путанницу.

Острова, изображенные гористыми и съ высотами до 1000 и 1500 футовъ, носятъ названіе Большаго Ляхова или Ближняго и Котельнаго. Островъ Фадѣевъ имѣетъ лишь незначительныя возвышенія, а островъ Новая Сибирь является, повидимому, высокимъ плоскогоріемъ, покрытымъ моховой тундрой. Острова Медвѣжьи, какъ кажется, всѣ гористы; на нихъ, также какъ и на островахъ Ближнемъ и Большомъ Ляховомъ, встрѣчаются прежде уже часто мною упоминавшіяся кекуры.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію рѣкъ Якутской области, нужно замѣтить, что имѣющіяся у насъ о нихъ свѣдѣнія много полнѣе, чѣмъ о хребтахъ и о равнинахъ. Но тѣмъ не менѣе намъ многаго еще не достаетъ, чтобы составить себѣ правильное понятіе о системахъ рѣкъ этой страны. Я прослѣжу теперь главнѣйшія рѣки материка, впадающія въ Ледовитый океанъ, начиная съ запада на востокъ и въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ онѣ приведены въ моемъ систематическомъ спискѣ рѣкъ. Вслѣдствіе этого я и тутъ начну съ Енисея и Хатанги, которые въ таблицахъ списка заключены въ скобки въ виду того, что устья ихъ находятся внѣ предѣловъ Якутской области. Но здѣсь я коснусь,

съ одной стороны, только тѣхъ изъ рѣкъ, которыя имѣютъ особенный интересъ въ географическомъ отношеніи, а съ другой — такихъ, которыя на моей картѣ изображены иначе, чѣмъ на картѣ Генеральнаго Штаба; въ таблицахъ же списка приведены всѣ системы впадающихъ въ море рѣкъ, посколько допустили это имѣвшіеся въ моемъ распоряженіи источники.

Тунгузка, принадлежащая къ системѣ Енисея, касается Якутской области только тою частью своего самаго верхняго теченія, гдѣ она течетъ съ юга на сѣверъ и покидаетъ ее у впаденія Илимпеи. Съ теченіемъ этой рѣки познакомило насъ путешествіе Чекановскаго и Миллера 1873 года и я просто-напросто скопировалъ его съ карты Генеральнаго Штаба, такъ какъ она придержалась въ данномъ случаѣ авторитетныхъ указаній названныхъ путешественниковъ. Въ виду того, что изслѣдователи эти спустились внизъ по рѣкѣ на лодкѣ, направленіе теченія главной рѣки установлено вѣрно; точно также и устья притоковъ слѣдуетъ считать за точно обозначенныя. Иначе обстоитъ однако дѣло съ направленіемъ ея притоковъ, нанесенныхъ, какъ само собою понятно, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ туземцевъ.

Что путешественники пользовались въ эту экспедицію услугами опытныхъ проводниковъ видно между прочимъ уже изъ большаго количества именъ, приводимыхъ ими для горъ, изображенныхъ на ихъ картѣ. Эти названія горъ перешли съ карты Генеральнаго Штаба на мою, хотя, собственно говоря, дѣлать этого и не слѣдовало: я всегда старался избѣгать подобныхъ обозначеній, потому что онѣ вносятъ лишь путаницу. Сибирскіе инородцы, какъ якуты, такъ и охотничьи племена даютъ названія какъ каждому озеру и каждой рѣкѣ, такъ и всякой маломальски отличающейся своимъ видомъ или инымъ чѣмъ нибудь замѣчательной горной вершинѣ. Но они дѣлаютъ это въ тѣхъ же видахъ и съ тою же самою цѣлью, которые преслѣдуемъ и мы, называя улицы въ городѣ и перенумеровывая отдѣльныя строенія послѣднихъ. Однимъ словомъ названія эти служатъ имъ ис-

ключительно для оріентировки. Вслѣдствіе этого туземными названіями рѣкъ есть полное основаніе пользоваться и при извѣстной осторожности можно достигнуть при ихъ помощи выработки очень совершенной карты рѣчной системы. Люди эти въ большинствѣ случаевъ прекрасно знаютъ направленіе теченія рѣки отъ самыхъ ея истоковъ до устья, а также всегда могутъ указать и каждый мало-мальски замѣтный ея изгибъ. Такимъ образомъ они могутъ дѣйствительно ознакомить путешественника съ бассейномъ рѣки. Но иное дѣло названія горъ и хребтовъ. О простираніи горнаго подъема, да и вообще о хребтѣ какъ о цѣломъ, инородцы не имѣютъ большою частію ни малѣйшаго представленія. Для нихъ представляютъ интересъ только отдѣльныя вершины, только имъ они и даютъ названія; высота горы и другія относящіяся къ ней данныя ихъ вовсе не интересуютъ, они обращаютъ вниманіе лишь на то, легко ли гору замѣтить, бросается ли она чѣмъ нибудь въ глаза и только такія вершины и имѣютъ для нихъ цѣну. Такъ на прим., во время моего спуска по Абзаду въ долину верхняго теченія Чары, оказалось, что у нихъ вовсе не было для мощныхъ хребтовъ, тянувшихся съ обѣихъ сторонъ Абзада вдоль лѣваго края долины Чары, какого либо инаго названія кромѣ общаго наименованія «Жангы», которое является, такъ сказать, родовымъ названіемъ для всѣхъ подъемовъ земной коры, перешедшихъ за предѣлы лѣснаго пояса. Но, съ другой стороны, они окрестили именемъ Оттъ-хаи (сѣнная гора) лежавшій нѣсколько въ сторонѣ маленькій, имѣвшій видъ стога сѣна холмъ и только потому, что этотъ изолированно поднимавшійся пригорокъ имѣлъ для нихъ цѣну въ качествѣ отмѣтки пути. Отъ него разсчитывались разстоянія и къ этому такъ называемому стогу сѣна относилась большая часть указаній. Находясь въ гористыхъ мѣстностяхъ и не имѣя возможности, какъ это часто бываетъ въ пути, какъ слѣдуетъ оріентироваться, я потратилъ не мало трудовъ, чтобы получить отъ нихъ свѣдѣнія о простираніи горной цѣпи и т. п. данныя, но всегда безуспѣшно. Они просто не понимаютъ чего отъ нихъ добиваешься и результатомъ раз-

спросовъ являются очень странные отвѣты, которые позволяютъ заключить лишь одно,—что человѣкъ знакомъ только съ отдѣльными горными вершинами, да и то только съ такими, которыя даютъ какую либо возможность оріентироваться, но что онъ не имѣетъ ровно никакого понятія о горной цѣпи, какъ о цѣломъ. Въ виду того, что нѣтъ смысла приводить рядъ названій отдѣльныхъ вершинъ въ странѣ, съ горными системами которой мы такъ мало знакомы, я принялъ за правило не отмѣчать ихъ на своихъ маршрутахъ. Во избѣжаніе вносимой ими путанницы не слѣдовало бы оставлять ихъ поэтому и на картѣ.

Что касается до *Хатанги*, то мы имѣемъ до сихъ поръ только данныя объ ея устьѣ, относительно же теченія самой рѣки царитъ полнѣйшая непзвѣстность. Карта Генеральнаго Штаба заимствовала направленіе ея со старыхъ картъ; не имѣя возможности замѣнить чертежъ болѣе лучшимъ, и я сдѣлалъ то же самое. Достовѣрнымъ можетъ считаться только то, что рѣка Моньеро беретъ свое начало изъ комплекса озеръ, потому что Чекановскій и Миллеръ попали, подъ 66° 21′ 12″ с. шир. и 122° 1′ в. долг. отъ Ферро, сначала на эту рѣку и даже спускались на нѣкоторомъ протяженіи внизъ по ней въ полной увѣренности, что они ѣдутъ по Оленеку. Озера, относящіяся къ этому комплексу, извѣстны намъ не всѣ; мы знаемъ только, что одно изъ нихъ, Сурунгда или Сурунгна, связано съ Вилюемъ, а другое, Яконгна,—съ Моньеро. У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы рѣшить, соединяется ли озеро Укукитъ съ одной или съ обѣими изъ названныхъ рѣкъ.

Анабара считается за пограничную рѣку между Якутскою областью и Енисейскою губерніею. Такъ принято считать по крайней мѣрѣ оффиціально; практическаго значенія, впрочемъ, такія границы на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ нѣтъ осѣдлаго населенія, не имѣютъ. Вслѣдствіе этого граница тутъ никогда не устанавливалась и не осматривалась, а потому и познанія наши о направленіи теченія этой рѣки не выходятъ изъ предѣловъ того, что мы могли узнать о ней отъ охотниковъ за пушнымъ звѣремъ и за ди-

кимъ сѣвернымъ оленемъ, которые посѣщаютъ ту мѣстность разъ или два раза въ году. Устье разсматриваемой рѣки намъ извѣстно не менѣе, чѣмъ и устье Хатанги; но дѣйствительно ли такъ идетъ направленіе теченія ея, какъ оно изображено на картѣ Генеральнаго Штаба, а за нею и на моей, еще не рѣшено и кажется мнѣ довольно сомнительнымъ. Рѣка отличается большимъ рыбнымъ богатствомъ, почему ее часто посѣщаютъ; но значеніе ея еще важнѣе въ другомъ отношеніи. Въ западной части Якутской области Анабара является единственной рѣкой, гдѣ съ большимъ до сихъ поръ еще успѣхомъ производится охота на дикаго сѣвернаго оленя. Прежде подстерегали этого оленя еще на Оленекѣ и избивали тысячами въ то время, когда онъ осенью переселялся съ сѣвера на югъ. Въ настоящее время охота эта въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ давала очень незначительные результаты, а потому, какъ говорятъ, съ хорошими видами на успѣхъ ее можно производить теперь только на Анабарѣ. Что здѣсь она очень прибыльна, можно заключить изъ того, что рѣка Анабара, подобно Оленеку, течетъ тутъ въ экваторіальномъ, а не въ меридіональномъ направленіи: олень подверженъ періодическимъ переселеніямъ не съ запада на востокъ или обратно, а идетъ весною съ юга на сѣверъ, осенью же въ противоположномъ направленіи. На самой рѣкѣ живетъ въ нижнемъ ея теченіи лишь рѣдкое населеніе, занимающееся рыбной ловлей и большею частью состоящее изъ инородцевъ тунгузскаго и якутскаго племени; населеніе это приписано съ Енисейской губерніи и пришло въ Якутскую область лишь на время. Но, какъ видно по картѣ, на Анабарѣ находится большое количество такъ называемыхъ становъ, значеніе которыхъ требуетъ ближайшаго поясненія.

Жители какъ Якутской области, такъ и Енисейской губерніи, будь то русскіе или якуты, тунгузы, юкагиры, ламуты и любыя другія племена, очень рѣдко живутъ болѣе обширными селеніями или деревнями; большою частію они разбросаны по всей странѣ и занимаютъ отдѣльныя жилища. Даже почтовыя станціи по

Ленѣ и другимъ рѣкамъ и почтовымъ трактамъ состоятъ часто всего изъ нѣсколькихъ домовъ и только крайне рѣдко встрѣчаешь селенія, дѣйствительно заслуживающія имени деревни. За то большую роль играютъ названія мѣстечекъ — станъ или, къ югу отъ Верхоянскаго хребта, урочище.

На сѣверѣ, въ бѣдной или даже вовсе лишенной лѣса области, слово «урочище», конечно, вовсе неизвѣстно, потому что оно обозначаетъ именно свободное отъ лѣса мѣсто; но за то важное значеніе имѣетъ тутъ слово «станъ». Населеніе тамъ еще подвижнѣе, чѣмъ въ южной части области, такъ какъ оно живетъ исключительно охотой и рыбной ловлей, а въ виду того, что занятія эти находятся въ сильной зависимости отъ періодическихъ теченій и различныхъ другихъ привычекъ животныхъ, должно приспособлятся къ обстоятельствамъ и населеніе. Жители сѣвера обыкновенно имѣютъ такъ называемое постоянное мѣсто жительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ они часто вынуждены строить еще временныя, чтобы имѣть возможность вести свои промыслы. Въ виду же того, что климатъ страны слишкомъ суровъ и не допускаетъ довольствоваться жизнью на открытомъ воздухѣ, возникла въ теченіе времени масса построекъ, которыя, устраиваясь по мѣрѣ надобности, доставляютъ населенію кровъ въ извѣстныя времена года. Существуютъ лѣтніе, осенніе, наконецъ зимніе станы, смотря по тому, въ какое время года происходитъ охота и рыбная ловля въ данномъ мѣстѣ. Въ виду того, что всѣ разстоянія здѣсь крайне велики, а снѣжныя бури и другая непогода можетъ быть очень гибельна для путешественника, на наиболѣе часто посѣщаемыхъ дорогахъ кромѣ этихъ становъ существуютъ еще для доставленія путникамъ крова хижины, которыя устраиваются черезъ извѣстные промежутки пути и обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно найти топливо и пастбище для оленей. Все это носитъ названіе стана и почти нѣтъ возможности путешествовать на сѣверѣ, если самъ, или по крайней мѣрѣ проводникъ не знаетъ этихъ приваловъ. Разъ принятыя для нихъ названія остаются, какъ и для урочищъ, навсегда, совершенно

безразлично обитаемы они или нѣтъ, состоятъ ли изъ одного или нѣсколькихъ жилищъ; для сѣвера они имѣютъ неоцѣнимую важность, потому что безъ нихъ, какъ мы уже выше сказали, едва-ли можно было бы обходиться.

Поэтому-то на картѣ и приведено такое большое количество такихъ становъ; но не слѣдуетъ, глядя на эти названія, представлять себѣ мѣстность хорошо заселенной, а имѣть лишь въ виду, что они важны только для оріентировки. Мѣстные жители пользуются ими, какъ и названіями рѣкъ и озеръ, исключительно для обозначенія мѣста и для описанія какого либо пути или мѣстности. Впрочемъ мѣста эти часто и обитаемы, потому что не рѣдко случается, что служившіе прежде въ качествѣ приваловъ и ночлеговъ станы, вдругъ заселяются на годъ или нѣсколько лѣтъ потому, что туда перекочевала дичь или пошла рыба. Но съ другой стороны станы, служившія постояннымъ мѣстомъ жительства, могутъ быть въ свою очередь надолго покинуты обитателями.

Такъ, Анабара соединена съ Оленекомъ и Леною подобной дорогою, которая тянется въ направленіи границы лѣсной растительности; отмѣченныя на ней названіями мѣста представляютъ собою именно такія, служащія для доставленія крова станціонныя хижины; когда я былъ на нижнемъ теченіи Лены большинство ихъ было необитаемо, трудно однако предположить, чтобы рѣка и впослѣдствіи заселилась гуще.

До самаго послѣдняго времени *Оленекъ* былъ столь же мало извѣстной рѣкой, какою Анабара остается еще и до сихъ поръ. Но благодаря поѣздкѣ Чекановскаго и Миллера мы познакомились по крайней мѣрѣ съ направленіемъ его теченія. На своей картѣ я изобразилъ его такъ, какъ это сдѣлалъ Миллеръ. Хотя карта Генеральнаго Штаба и пользовалась только что названнымъ источникомъ, я все же не могъ оставить Оленекъ въ томъ же видѣ какъ на ней, потому что астрономическіе пункты нанесены положительно невѣрно. Объ Оленекѣ можно сказать то же самое, что и о Тунгузкѣ: ходъ теченія главной рѣки установленъ точно, но у притоковъ провѣренными остаются лишь устья. Пу-

тешественники не много могли видѣть, какъ выше уже сказано, съ плота, на которомъ спускались внизъ по рѣкѣ, а люди, сопровождавшіе ихъ въ этой поѣздкѣ, были недостаточно знакомы съ мѣстностью. Главнѣйшее отступленіе, которое я принужденъ былъ сдѣлать на моей картѣ, заключается въ измѣненіи положенія устья рѣки. Я нанесъ его, слѣдуя указаніямъ Юргенса, на 137° 30′ 50″ отъ Ферро, тогда какъ прежнія, крайне впрочемъ сомнительныя данныя, которымъ слѣдовала и карта Генеральнаго Штаба, заставляли помѣщать станъ Балкалахъ на 139° 30′.

Изображеніе довольно сильно развитой системы притоковъ Оленека основано, такимъ образомъ, исключительно на разспросныхъ данныхъ, собранныхъ у туземцевъ; но въ виду того, что система эта опирается по крайней мѣрѣ на точно установленную въ своемъ направленіи главную рѣку и примыкаетъ къ вѣрно нанесеннымъ устьямъ, можно принять, что Оленекъ все же относится къ наиболѣе изученнымъ рѣчнымъ системамъ Якутской области. Дѣйствительно, ниже мы встрѣтимся со многими рѣками, свѣдѣнія о которыхъ еще скуднѣе, чѣмъ о немъ.

Оленекъ едва заселенъ; Чекановскій и Миллеръ крайне рѣдко встрѣчали во время своего путешествія людей, да и эти не принадлежали къ постояннымъ жителямъ рѣки. Только на нижнемъ ея теченіи встрѣчается рѣдкое населеніе, а у устья расположена деревня Балкалахъ, въ которой постоянно живетъ около семи семей.

Оленекъ течетъ въ сильно извивающемся руслѣ съ запада на востокъ, а затѣмъ поворачиваетъ на сѣверъ. Берега образованы большею частію подступающими къ нимъ крутыми прибрежными горами, но это объясняется тѣмъ, что рѣка прокладываетъ себѣ путь по плоскогорію, имѣющему болѣе тысячи футовъ абсолютной высоты. Замѣчательно то, что не доходя до своего устья Оленекъ дѣлаетъ еще разъ поворотъ на западъ и течетъ въ этомъ направленіи приблизительно около пятидесяти верстъ параллельно морскому побережью, такъ что отдѣляется отъ моря лишь узкой косою, часто имѣющею всего около десяти

верстъ ширины. Вообще то обстоятельство, что рѣка приняла направленіе къ морю, а не впала въ Лену гдѣ нибудь у Булупа, зависитъ по всей вѣроятности отъ того, что нагорье, по которому она течетъ, повышается къ Ленѣ, такъ что прибрежныя горы вдоль этой послѣдней значительно выше, чѣмъ таковыя по Оленеку.

Лена является главною рѣкою Якутской области и занимаетъ системою своихъ притоковъ всю южную плодородную часть этой области, но принадлежитъ ей только среднимъ и нижнимъ своимъ теченіемъ. Къ сожалѣнію мы до сихъ поръ не имѣемъ еще точной и надежной съемки этой рѣки. Экспедиція подъ начальствомъ Ахте, которая объѣхала Лену, если я не ошибаюсь, въ 1854 году и сдѣлала съемку ея отъ Качуги до Якутска, представила, конечно, детальную карту большаго маасштаба (насколько помнится верста въ англійскомъ дюймѣ), основанную на инструментальныхъ опредѣленіяхъ. Но, сколько я знаю, экспедиція эта не дѣлала астрономическихъ опредѣленій, такъ что мы въ этомъ отношеніи все еще бродимъ въ потемкахъ. Съ другой стороны, отъ Якутска до моря, т. е. на протяженіи полутора тысячъ верстъ существуетъ съемка Чекановскаго и тоже безъ астрономическихъ пунктовъ, а устье рѣки только въ послѣднее время точно установлено трудами Юргенса.

Я не могъ узнать по какимъ источникамъ изображено на картѣ Генеральнаго Штаба верхнее теченіе рѣки, но изображеніе это не совпадаетъ однако ни съ немногими астрономическими пунктами, которыми мы располагаемъ для долины ея, ни съ картою Шварца, пользовавшагося для имѣющейся у него части Лены съемкою Исленьева. Въ виду того, что работа Исленьева внушаетъ во всѣхъ отношеніяхъ довѣріе, я придерживался по мѣрѣ возможности его и вслѣдствіе этого начертилъ рѣку до Якутска нѣсколько иначе, чѣмъ на картѣ Генеральнаго Штаба. Я считалъ себя въ правѣ сдѣлать это тѣмъ болѣе, что нельзя сказать, чтобы Главный Штабъ нанесъ Лену на свою карту очень тщательно; мнѣ кажется даже сомнительнымъ, чтобы онъ придерживался работы Ахте. Дѣло въ томъ, что послѣдній изо-

бражаетъ съ большою точностью устья всѣхъ притоковъ Лены и кромѣ того указываетъ длину каждаго изъ притоковъ въ верстахъ. Эти детали были бы на картѣ крайне умѣстны, а между тѣмъ они на ней большою частью выпущены, да и тѣ, которыя приведены, расходятся съ картою Ахте. Мнѣ пришлось также измѣнить теченіе Лены и на протяженіи ея отъ Якутска до устья, такъ какъ, съ одной стороны, астрономическіе пункты не всегда совпадали съ изображеніемъ Генеральнаго Штаба, а съ другой— и дельта рѣки получила, благодаря изслѣдованіямъ Юргенса, совершенно иные видъ и положеніе.

Названіе этой рѣки, Лена, имѣетъ по всей вѣроятности южное происхожденіе, во всякомъ случаѣ это слово не якутское. У якутовъ вовсе нѣтъ для нея названія, они называютъ ее просто «Рѣка» — Эрысъ или «Большая рѣка» — Улаханъ Эрысъ. Причина этого обстоятельства можетъ заключаться только въ величинѣ рѣки, произведшей на якутовъ, дающихъ въ другихъ случаяхъ названіе каждой мелкой рѣченкѣ, такое импонирующее вліяніе, что они сочли ее «рѣкою» по преимуществу. И въ самомъ дѣлѣ, Лена является не только одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ Сибири, но и производитъ на наблюдателя своею величественностью такое сильное впечатлѣніе, какого Енисей и Обь, на прим., вовсе не дѣлаютъ. Причина этого заключается главнымъ образомъ въ томъ, что Лена прорыла свое русло въ возвышающемся на нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ ея водъ плоскогоріи и потому сдерживается на всемъ своемъ 4500-верстномъ протяженіи высокими нагорными берегами. Долина ея вслѣдствіе этого глубже, чѣмъ другихъ большихъ рѣкъ Сибири, масса несомой ею воды очень значительна, а сила, впрочемъ не очень быстраго теченія, крайне велика. Въ виду того, что благодаря своимъ высокимъ берегамъ она не можетъ разливаться такъ сильно какъ Обь, и на значительной части своего протяженія Енисей, поверхность ея водъ удерживаетъ во всѣ времена года одинаковый видъ, и только вешнія воды, принужденныя находить мѣсто въ узкомъ руслѣ, несутся съ большей быстротой

и влекутъ со всесокрушающей силой внизъ по рѣкѣ ледяныя массы, достигающія семи и болѣе футовъ толщины.

Какъ всякая большая рѣка, Лена образуетъ много острововъ. Послѣдніе расположены большою частью у лѣваго его берега и всегда оставляютъ свободнымъ главный фарватеръ рѣки, тогда какъ на другихъ и особенно на Оби, острова часто производятъ такой хаотическій лабиринтъ протоковъ, что едва можно рѣшить, гдѣ находится главное русло. Эта особенность Лены рѣзко выступаетъ именно на пространствѣ между Якутскомъ и мѣстомъ, расположеннымъ нѣсколько выше ея дельты. На указанномъ протяженіи Лена, вѣроятно, нигдѣ не уже десяти верстъ, а мѣстами достигаетъ часто тринадцати и шестнадцати. При всемъ этомъ главное русло рѣки образуетъ величественную водную поверхность и расположено большою частію у праваго берега, а передъ лѣвымъ нагромождена масса острововъ, часто отдѣляющихъ два побочные рукава, а то и болѣе. Нѣкоторые изъ острововъ отличаются очень значительной длиной, доходящей до десяти и двадцати верстъ, но почти всѣ они необитаемы, потому что недостаточно возвышаются надъ поверхностью рѣки, чтобы доставлять во время весенняго половодья вполнѣ надежное мѣсто для жилья. Только одинъ изъ острововъ Лены, Кыллахъ, расположенный выше города Олекминска, сплошь занятъ густымъ населеніемъ, постоянно тамъ живущимъ и большою частію не страдающимъ отъ разлива рѣки. Тѣмъ не менѣе обитающіе его якуты каждую весну перегоняютъ свой скотъ на берегъ, такъ какъ бывали случаи, что при заторахъ льда ниже острова, вода въ половодье поднималась очень высоко и пощаженной отъ наводненія оставалась лишь очень малая часть острова, при чемъ большое количество скота погибало. Ниже Якутска и Жиганска на отдѣльныхъ островахъ Лены встрѣчаются еще поселки, но они представляютъ собою лишь станы, т. е. мѣста только временно дающія кровъ жителямъ.

О большой ширинѣ разсматриваемой нами рѣки ниже Якутска уже упоминалось, но и выше этого города она тоже имѣетъ значительную водную поверхность. Еще до впаденія въ нее Витима

достигаетъ она ширины, превосходящей версту; у Олекминска отъ берега до берега считается уже четыре версты, да и то безъ острововъ, а выше Олекминска, у острова Кыллаха, она разширяется еще болѣе. Между Олекминскомъ и Якутскомъ Лена, по всей вѣроятности, нигдѣ не уже четырехъ верстъ, мѣстами же разстояніе отъ берега до берега еще болѣе значительно. Но въ недалекомъ разстояніи отъ дельты русло ея очень съуживается и имѣетъ всего около двухъ верстъ въ ширину; вслѣдствіе этого ледоходъ происходитъ тамъ необыкновенно энергично и трескъ, происходящій отъ сталкивающихся другъ съ другомъ льдинъ, слышенъ такъ-же далеко, какъ пушечные выстрѣлы.

Въ Якутскую область Лена вступаетъ, собственно говоря, только у станціи Топской, но на моей картѣ она нанесена съ мѣста впаденія Чуи, выше устья Витима. Считая отсюда, слѣва она принимаетъ около 78, а справа до 82 притоковъ. Такимъ образомъ абсолютное число впадающихъ въ нее съ обѣихъ сторонъ побочныхъ рѣкъ почти то же самое, но послѣднія имѣютъ далеко не одно и то же значеніе. Дѣйствительно, въ то время какъ рѣчная система правой стороны развита необыкновенно сильно, на лѣвой сторонѣ мы наблюдаемъ почти полное, за исключеніемъ Вилюя, отсутствіе большихъ притоковъ, — явленіе, свойственное Ленѣ не только въ предѣлахъ Якутской области, но наблюдаемое и на всемъ остальномъ протяженіи ея теченія, начиная съ ея истоковъ. Въ этомъ отношеніи Лена очень походитъ на Енисей, система притоковъ котораго развита также почти исключительно съ правой стороны.

До Вилюя на лѣвомъ берегу Лены считается 54 притока, которые, впрочемъ, за исключеніемъ лишь немногихъ, имѣютъ очень малое значеніе. Относительно этихъ притоковъ я въ значительной степени придержался карты Ахте и сдѣлалъ отступленіе отъ нея только для Бири и Наманы, которыя извѣстны мнѣ по личнымъ наблюденіямъ и для которыхъ у меня были спеціальныя карты. Какъ пояснено было уже выше, Ахте приводитъ лишь устья притоковъ и очень утѣшительнымъ является то обстоя-

тельство, что въ этомъ отношеніи онъ очень точенъ; я могъ убѣдиться въ сказанномъ тѣмъ легче, что часть Лены отъ границы Якутской губерніи до города Якутска мнѣ очень хорошо знакома. Менѣе надежны указанія его карты, касающіяся длины притоковъ, потому что онъ, очевидно, часто былъ вводимъ въ заблужденіе своими проводниками. Такъ на прим., для Черендея онъ приводитъ длину въ 600 верстъ, а Бири, впадающую въ Лену тотчасъ ниже Черендея, считаетъ за незначительный ручеекъ. Это несомнѣнная неточность. Шестисотъ-верстнаго теченія Черендей не можетъ имѣть уже изъ за недостатка мѣста: для этого ему пришлось бы либо течь параллельно Ленѣ, либо вступить въ столкновеніе съ Вилюемъ, а ни того, ни другого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Тутъ на картѣ Генеральнаго Штаба вкралась непонятная для меня ошибка. На ней изображенъ путь (по которому я много разъ ѣздилъ) отъ Олекминска къ Вилюю; онъ идетъ сначала, правда, по Бири, но за тѣмъ переходитъ черезъ истоки послѣдней рѣки на Черендей и уже съ него только на Джели; между тѣмъ дорога эта съ Бири ведетъ прямо къ Джели, а побочныя рѣки, принимаемыя на картѣ Генеральнаго Штаба за притоки Черендея, являются въ дѣйствительности таковыми Бири. Однимъ словомъ, верхнее теченіе Бири карта эта заставляетъ впадать въ Черендей и тѣмъ превращаетъ послѣдній въ бо́льшую рѣку, чѣмъ Бири, на самомъ же дѣлѣ какъ разъ наоборотъ. Вообще по отношенію Лены на картѣ Генеральнаго Штаба сдѣлано очень много ошибокъ, такъ что въ этомъ случаѣ я могъ придерживаться ея очень мало. Наибольшій изъ притоковъ Лены до Вилюя, Намана, названъ Ниманой и впадаетъ въ Лену у станціи Байланаха, которая вовсе не существуетъ, и только уже ниже ея устья помѣчена станція Наманинская. Все это невѣрно. Станція, дѣйствительно, на нѣсколько верстъ отстоитъ отъ устья рѣки, потому что послѣднее болотисто и не представляетъ удобнаго мѣста для селенія, но тамъ вообще не можетъ быть никакого селенія, да и нѣтъ его. Слѣдующій по величинѣ за Наманой притокъ есть Синя, которая тоже неправильно изображена

на картѣ Генеральнаго Штаба. У меня нѣтъ, правда, спеціальной карты этой рѣки, но во всякомъ случаѣ въ теченіи ея далеко не такъ рѣзко выражено восточное направленіе, какъ приведено тамъ; она течетъ недалеко отъ дороги изъ Якутска въ Вилюйскъ. На этомъ пути, помимо массы рѣкъ, впадающихъ въ Лену ниже Якутска и въ Вилюй, каковы Сиггя, Лунха, Тюганя и др., приходится также переѣзжать Матту, Тора-ыряхъ и Чиру, которыя текутъ на западъ, къ Синѣ. Это обстоятельство является доказательствомъ того, насколько ровна эта мѣстность и что о горахъ тутъ никакой и рѣчи быть не можетъ. Относительно разсматриваемаго участка я сравнивалъ карту Генеральнаго Штаба со спеціальной картой, охватывающей полъ-пути отъ Якутска до Вилюйска, и нашелъ, что онѣ хорошо сходятся; вслѣдствіе этого я прибавилъ къ ней лишь нѣсколько деталей. Приведены ли на моей картѣ всѣ малыя рѣки, впадающія въ Лену съ лѣва, навѣрное я утверждать не могу; я полагаю, однако, что нехватать можетъ лишь немногихъ, особенно на пространствѣ между станціей Синской и городомъ Якутскомъ.

Лѣвый берегъ Лены болѣе густо заселенъ, да вообще и болѣе извѣстенъ, чѣмъ правый. Онъ представляетъ большія удобства для устройства селеній, и какъ всѣ станціи почтоваго тракта, такъ и два единственные лежащіе на Ленѣ города Якутской области, Якутскъ и Олекминскъ, расположены на лѣвомъ берегу. Русскіе живутъ исключительно въ городахъ, въ большей части почтовыхъ станцій и въ немногихъ деревняхъ, лежащихъ у рѣки; якуты же заняли мѣстность между Леной и Вилюемъ и поселки ихъ разбросаны по всѣмъ рѣчнымъ долинамъ и озерамъ, которыя находятся тутъ въ значительномъ количествѣ. Мѣстность эта плодородна и особенно богата хорошими пастбищами, а потому якуты Кангалакскаго улуса, мѣста жительства которыхъ расположены здѣсь, въ большинствѣ случаевъ люди состоятельные.

Приблизительно до устья Вилюя находишь мѣстность вдоль Лены все еще довольно хорошо заселенною, но, само собою разу-

мѣется, въ сибирскомъ смыслѣ этого слова: хотя отдѣльныя юрты удалены другъ отъ друга на порядочное разстояніе, тѣмъ не менѣе всегда можно разсчитывать на убѣжище для человѣка и лошади, если судьба ихъ туда занесетъ. Ниже впаденія Вилюя обстоятельства, однако, мѣняются и тутъ попадаешь въ мѣстность, почти совершенно лишенную человѣческаго населенія. Отъ Вилюя до побережья Ледовитаго океана скотоводствомъ почти совершенно уже не занимаются и тѣ, кто тамъ живетъ, кормятся охотой и во всякомъ случаѣ очень прибыльнымъ на Ленѣ рыбнымъ промысломъ. По этой области путешествовало очень мало образованныхъ людей и карта рѣки составлена Чекановскимъ лишь въ послѣднее время.

Прежде, когда тамъ добывалось больше пушнины и особенно въ то время, когда на сѣверѣ ловился еще въ значительномъ количествѣ соболь, мѣстность эта посѣщалась чаще. Жиганскъ, расположенный на лѣвомъ берегу Лены, являлся тогда очень оживленнымъ мѣстомъ торга и весною, во время собольей ярмарки, туда стекалось большое количество охотниковъ и торговцевъ. Въ Якутскѣ разсказываютъ (и есть еще люди, бывшіе тому будто бы свидѣтелями), что изъ Жиганска вывозилось по нѣсколько сотъ тюковъ собольихъ шкурокъ, по сорока штукъ въ каждомъ, теперь же этотъ звѣрекъ тамъ вовсе не встрѣчается. Впрочемъ, это вполнѣ вѣроятно; и съ другими мѣстностями, гдѣ соболь еще водится, будетъ тоже самое, потому что самка этого животнаго рѣдко мечетъ не болѣе одного дѣтеныша, иногда только приноситъ по два, самое же большее трехъ; между тѣмъ его преслѣдуютъ съ невѣроятной энергіей и нѣтъ ничего послѣ того удивительнаго, что онъ будетъ истребленъ. Но вмѣстѣ съ исчезновеніемъ соболя пало и значеніе Жиганска и въ настоящее время бывшее торговое мѣстечко состоитъ только изъ церкви да домовъ для священника и псаломщика. Изъ прежнихъ жилыхъ зданій и хозяйственныхъ службъ нѣсколько еще уцѣлѣло, но въ теченіе многихъ уже лѣтъ онѣ остаются необитаемыми и отъ года къ году приходятъ все въ большій и большій упадокъ. Ниже

Жиганска на Ленѣ расположено еще два малыхъ мѣстечка — Сихтяхъ и Булунъ, о которыхъ я упомяну, когда буду говорить о дельтѣ рѣки.

Единственный значительный лѣвый притокъ Лены, Вилюй, беретъ свое начало на плато и вытекаетъ изъ того-же комплекса озеръ, изъ котораго, какъ мы уже видѣли, начинается также и Моньеро. На озерѣ Сурунгнѣ были Чекановскій и Миллеръ, а до нихъ посѣтилъ его еще Маакъ, который сдѣлалъ и съемку этого озера. Къ сожалѣнію, карта Маака попала мнѣ въ руки уже послѣ того, какъ была готова моя, такъ что я могъ ею воспользоваться очень мало. Я придерживался въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ карты Генеральнаго Штаба, а такъ какъ послѣдняя составлена, что легко понятно, по съемкѣ Маака, то конечный результатъ получился тотъ же самый. Тутъ нужно обратить вниманіе только на одно обстоятельство, нѣсколько уменьшающее, конечно, цѣну карты Маака; дѣло въ томъ, что она не во всемъ сходится съ маршрутами путешественника, а рѣшить, гдѣ находятся ошибки, очень трудно: оригиналы маршруговъ недоступны, копіи же съ нихъ, приложенныя къ сочиненію, исполнены въ высшей степени плохо. Это достойно большаго сожалѣнія, потому что оригинальные маршруты были составлены, по всей вѣроятности, очень тщательно, какъ я лично могу засвидѣтельствовать относительно съемки главной части пути (на пространствѣ отъ Тунгузки до впаденія Вилюя), которую я просматривалъ въ Иркутскѣ много лѣтъ тому назадъ. Самое теченіе рѣки снято, конечно, только отъ впаденія Чоны, но сухопутные маршруты отъ Вилюя (нѣсколько выше города Вилюйска) до Оленека, отсюда къ озеру Сурунгнѣ, а отъ послѣдняго опять черезъ хребетъ къ Вилюю нѣсколько выше устья Ахтаранды, пересѣкаютъ такой значительный участокъ системъ обѣихъ рѣкъ, какой мы врядъ-ли можемъ подыскать для остальныхъ частей Якутской области. Нужно только сравнить Позняковскую карту съ теперешней картой Генеральнаго Штаба, чтобы убѣдиться, какая громадная работа была въ данномъ случаѣ испол-

пена. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе преждевременной смерти Зондгагена этотъ прекрасный матеріалъ много лѣтъ лежалъ нетронутымъ и былъ приведенъ въ порядокъ лишь впослѣдствіи, когда свѣжія впечатлѣнія, имѣющія такое громадное значеніе въ топографическихъ картахъ, давнымъ давно уже сгладились.

Озерной комплексъ, изъ котораго беретъ свое начало Вилюй, лежитъ на нагорьѣ, начинающемся къ сѣверу отъ Тунгузки и далеко распространяющемся на востокъ и сѣверо-востокъ. Тамъ находится значительное количество озеръ, большинство которыхъ соединяется — что представляется въ высшей степени вѣроятнымъ — между собою протоками; по крайней мѣрѣ всѣ они лежатъ на обширной равнинѣ, окруженной высокими хребтами съ сѣверо-востока и юго-запада, между отдѣльными же озерами нѣтъ никакихъ замѣтныхъ на глазъ возвышеній. Изъ котораго именно озера вытекаетъ Вилюй, точныхъ указаній не имѣется, но вполнѣ достовѣрно то, что онъ начинается не изъ Сурунгны, а только соединенъ со стокомъ послѣдняго. Точно также не вполнѣ установлено, что Моньеро дѣйствительно беретъ свое начало изъ озера Яконгны, но, по всей вѣроятности, какимъ нибудь способомъ она да соединяется съ озернымъ комплексомъ. Съ верхнимъ теченіемъ Вилюя познакомилъ насъ только Маакъ и его карта является единственной надежной для этой мѣстности. Поэтому разсматриваемая часть рѣки, т. е. до впаденія Чоны, представляетъ на моей картѣ точную копію съ карты Генеральнаго Штаба. Но съ этого мѣста, помимо послѣдней, я опирался еще на свои личныя наблюденія, потому что ѣздилъ самъ по Вилюю отъ Чоны до его устья.

Измѣненія сдѣланы мною именно относительно Ахтаранды или Ахтарынды, которая на картѣ Генеральнаго Штаба названа невѣрнымъ именемъ и изображена въ видѣ одной рѣки, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она слагается изъ четырехъ, которыя соединяются въ одну, приблизительно въ ста верстахъ выше ея устья. Истоки эти носятъ названія: Айгадахъ-Ахтаранда, Аленяхъ-Ахтаранда, Ватаръ-Ахтаранда и Аламчакъ-Ахтаранда.

Приводя имена этихъ четырехъ рѣкъ, я не могу, однако, съ точностью сказать, которая изъ нихъ является главной рѣкой и съ какой стороны принимаетъ она остальныя въ видѣ притоковъ. Лѣвый берегъ Ахтаранды, близъ ея устья, очень интересенъ въ геологическомъ отношеніи; тутъ наблюдается выхожденіе большаго количества различныхъ горизонтальныхъ пластовъ, а нѣсколько ниже ея устья, на лѣвомъ берегу Вилюя, находится мѣсторожденіе гроссуларовъ и везувіана, о которомъ много было говорено.

Отъ своихъ истоковъ до впаденія Билючана Вилюй дѣлаетъ много изгибовъ и течетъ часто между высокими скалами, которыя, мѣстами такъ ее съуживаютъ, подступая къ самой рѣкѣ, что спускаться по ней на лодки представляется возможнымъ только весною, при высокомъ уровнѣ воды. Но лишь только половодье спадетъ, на этихъ мѣстахъ показываются изъ воды громадныя каменныя глыбы и совершенно затрудняютъ плаваніе по рѣкѣ. Мѣстность здѣсь также очень гориста, луговъ и покосовъ очень мало, а потому на рѣкѣ и не поселились якуты; отъ устья же Билючана картина разомъ мѣняется. Отсюда начинается большой изгибъ къ югу и кончается у Сунтарской церкви, отъ которой рѣка снова поворачиваетъ на сѣверъ. Омываемая этой излучиной мѣстность, Хача, какъ она называется у мѣстныхъ якутовъ, является самой богатѣйшей и самой заселенной частью Вилюйскаго округа и тутъ живутъ очень состоятельные якуты Сунтарскаго улуса. Начиная отсюда, рѣка течетъ въ широкомъ руслѣ, не образуетъ болѣе быстринъ и могла бы быть вполнѣ пригодна для судоходства, если бы этому не препятствовали песчаныя мели. Отъ впаденія Билючана исчезаютъ діоритовыя и известняковыя скалы, стѣснявшія верхнее теченіе Вилюя, но вмѣсто нихъ появляются высокія песчаныя горы, часто подступающія къ рѣкѣ въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ и не рѣдко осыпающіяся въ нее.

Благодаря послѣднему обстоятельству не только засоряется пескомъ во многихъ мѣстахъ русло, но и образуется масса ру-

кавовъ и острововъ, тогда какъ въ верхней части теченія рѣки они встрѣчаются крайне рѣдко. Хаотическій лабиринтъ изъ острововъ и неглубокихъ протоковъ часто сильно затрудняетъ нахожденіе главнаго фарватера рѣки. На послѣднемъ появляются отмели, не рѣдко занимающія всю ширину рѣки, отъ берега до берега, и имѣющія версту и болѣе въ длину при глубинѣ воды не болѣе одного фута. Благодаря этому судоходство на пространствѣ отъ Сунтара до Вилюйска возможно только во время половодья. Ниже города Вилюйска острововъ, конечно, тоже очень много, но засореніе русла пескомъ уже не наблюдается, а потому здѣсь, даже во время самаго низкаго уровня воды въ рѣкѣ, могутъ свободно плавать суда, сидящія отъ 3 — $3\frac{1}{2}$ футовъ. Эту часть рѣки я тоже чертилъ преимущественно по картѣ Генеральнаго Штаба и сдѣлалъ отступленія отъ нея только въ мѣстности между Билучаномъ и городомъ Вилюйскомъ, именно относительно правыхъ притоковъ, какъ Джели, Кемпендей и др., которые изображены ошибочно на картѣ Маака, а слѣдовательно и на таковой Генеральнаго Штаба. Маакъ былъ тамъ только короткое время, я же оставался въ тѣхъ мѣстахъ подолгу, а потому могъ собрать разспросныя свѣдѣнія, ему недоступныя.

Отъ Билучана до самой нижней части теченія Вилюя оба берега были прежде заселены якутами. Но мѣстность книзу отъ города Вилюйска впослѣдствіи оказалась слишкомъ сырой и нездоровой, а потому жители ее покинули и въ настоящее время тамъ можно встрѣтить лишь немногія юрты. Изъ притоковъ Вилюя самымъ значительнымъ является, безъ сомнѣнія, Мархà, какъ по ея величинѣ, такъ и въ отношеніи пригодности ея береговъ для скотоводства и для землепашества. На этой рѣкѣ живутъ якуты улуса Мархи, которые по богатству мало въ чемъ уступаютъ хачинскимъ якутамъ. Остальные притоки Вилюя, за исключеніемъ Чоны и Тюна, всѣ незначительны и долины ихъ совпадаютъ съ широкой долиной самого Вилюя, а потому большинство ихъ заселено. Чона, всецѣло еще принадлежащая горной странѣ верхняго теченія Нижней Тунгузки, прежде

была вовсе необитаема. Лишь въ послѣднее время въ нижней части ея теченія, гдѣ горы отступили отъ рѣки и оставили довольно значительныя пастбища по обоимъ берегамъ, поселилось нѣсколько якутовъ Вилюйскаго округа и не безъ удачи: они пользуются извѣстнымъ благосостояніемъ, что въ свою очередь не замедлитъ привлечь и другихъ переселенцевъ.

Средняя и, особенно, нижняя части теченія Вилюя богаты озерами, раскинутыми какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу рѣки. Какъ выше было уже замѣченно, по низовью Вилюя расположена озерная область, сходная съ той, которая находится между Индигиркой и Колымой. Маакъ помѣстилъ на своей картѣ рядъ озеръ, перешедшихъ какъ на карту Генеральнаго Штаба, такъ и на мою. Озера расположены на первой изъ картъ въ видѣ ряда, конечно, потому, что нанесены лишь тѣ, которыя Маакъ встрѣтилъ на своемъ пути, когда шелъ вверхъ по Вилюю. Но подобные же водоемы разбросаны по всей странѣ, въ чемъ я могъ убѣдиться лично во время поѣздки, совершенной осенью 1862 года; изъ нея я вынесъ впечатлѣніе, что и тутъ трудно сказать, чего больше — суши или воды. Съ лѣвой стороны рѣки условія тѣ же, и на своей картѣ я привелъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ самыхъ большихъ озеръ, но долженъ прибавить, что положеніе ихъ основано исключительно на разспросныхъ свѣдѣніяхъ, такъ какъ самъ я на этомъ берегу не былъ. По разсказамъ якутовъ на обоихъ берегахъ рѣки сгруппировано безчисленное количество озеръ (большинство которыхъ связано между собою протоками) вокругъ двухъ болѣе значительныхъ водоемовъ — Неджели на правомъ и Мастаха на лѣвомъ берегу Вилюя. Положеніе Неджели установлено Маакомъ, а Мастахъ нанесенъ мною по слухамъ.

Описываемая мѣстность очень богата травою и пастбищами; въ озерахъ же много рыбы превосходнаго качества; тѣмъ не менѣе якуты должны были ее покинуть, такъ какъ она оказалась нездоровой. Здѣсь укоренилась ужасная болѣзнь, чистѣйшій бичъ несчастнаго населенія, которое благодаря ей и принуждено было оставить большую часть этой области. Губернаторъ

Штубендорфъ, самъ бывшій врачемъ, обратилъ на эту болѣзнь самое серіозное вниманіе, но ему не удавалось бороться съ нею успѣшно, потому что онъ наткнулся на непреодолимое сопротивленіе со стороны самого населенія.

Насколько я знаю, несмотря на многократныя научныя изслѣдованія, постоянно предпринимавшіяся благодаря иниціативѣ Штубендорфа, еще не извѣстно, въ чемъ состоитъ эта ужасная болѣзнь и вслѣдствіе какихъ причинъ она возникаетъ. Я могу сообщить лишь то, что видалъ собственными глазами и о чемъ узналъ отъ врача, который лечилъ тамъ несчастныхъ. Уже въ раннемъ возрастѣ, у дѣтей двухъ, трехъ и четырехъ лѣтъ, появляются на тѣлѣ, на рукахъ и ногахъ обширныя язвы, которыя имѣютъ совершенно круглое очертаніе, сальное дно и очень напоминаютъ сифилитическіе нарывы. Эти язвы, не причиняющія никакой боли, излечиваются сами собою, хотя и при помощи средствъ, обыкновенно употребляемыхъ мѣстными жителями; тогда ребенокъ совершенно выздоравливаетъ и остается таковымъ до вполнѣ зрѣлаго возраста. Но приблизительно на тридцатомъ или сороковомъ году вдругъ появляются на рукахъ, ногахъ и на частяхъ лица костныя опухоли, быстро переходящія въ гнойники и съ этихъ поръ уже не пропадающія; причиняя человѣку постоянныя страданія, они доводятъ его до смерти то быстро, то болѣе медленно. Но въ это время появляются уже и болѣзненныя ощущенія, становясь со временемъ все чаще и чаще; въ послѣднія же минуты жизни несчастный врядъ ли на часъ освобождается отъ болей. Болѣзнь эта ужасна, случаевъ исцѣленія отъ нея вовсе неизвѣстно и жребій, выпавшій на долю захворавшихъ ею, по истинѣ печаленъ. Губернаторъ Штубендорфъ, усердно поддерживаемый въ этомъ случаѣ губернскимъ врачемъ Пѣтуховымъ, дѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы облегчить участь страдальцевъ, потому что о радикальной помощи, въ смыслѣ исцѣленія, нечего было и думать; тѣмъ не менѣе старанія его не привели ни къ чему. Якуты охотно пользуются услугами врача и слѣдуютъ его совѣтамъ, посколько по-

слѣдніе не противорѣчатъ ихъ образу жизни, но ихъ очень трудно заставить отправиться въ больницу. Да имъ, привыкшимъ проводить всю свою жизнь въ юртѣ, пребываніе въ компатѣ приноситъ къ тому же и мало пользы. Вслѣдствіе этого необыкновенно затруднительно оказывать якутамъ правильную медицинскую помощь. Имѣя въ виду указанное, Штубендорфъ, который прекрасно зналъ ихъ привычки, приказалъ устроить спеціально для этихъ несчастныхъ больницы въ сухой, здоровой, поросшей сосновымъ лѣсомъ мѣстности, расположенной въ центрѣ занятаго болѣзнею округа. Въ сущности, больнички эти представляли собою такія же юрты, въ какихъ привыкли жить якуты; но только теплоту въ нихъ можно было поддерживать въ теченіе всей зимы, такъ какъ онѣ имѣли двойныя стѣны, промежутки которыхъ засыпались землею, благодаря же большому количеству каминовъ воздухъ въ нихъ оставался постоянно свѣжимъ и здоровымъ. Больныхъ кормили здѣсь преимущественно лошадинымъ мясомъ и молокомъ, т. е. такою пищею, которую люди эти предпочитаютъ всякой другой. Они пользовались помощью врача, но послѣдній, не имѣя возможности жить тутъ же, долженъ былъ поручить наблюденіе надъ больными фельдшеру. Къ тому же учрежденіемъ этимъ имѣлось въ виду дать скорѣе убѣжище для больныхъ, чѣмъ настоящую больницу: съ самой болѣзнію справиться было невозможно, а потому хотѣли по крайней мѣрѣ облегчить горькую участь несчастныхъ. Мясное и молочное довольствіе доставлялъ улусъ, но Штубендорфъ завелъ тамъ также, пользуясь добровольными пожертвованіями, и небольшой табунъ. Казалось, что дѣлу было положено прекрасное начало и оно станетъ развиваться. Вышло однако не такъ: больные шли туда все-же неохотно, предпочитая жить, какъ они выражались «на свободѣ», несмотря на то, что условія этого рода свободы были самыя ужасныя. Въ виду того, что якуты въ высшей степени боятся этой болѣзни, они тотчасъ же удаляютъ каждаго, кого признаютъ захворавшимъ ею, въ тайгу; тамъ они строятъ больному отдѣльную юрту, въ которой онъ

долженъ оставаться на всегда, не имѣя права показываться вблизи другихъ жилыхъ юртъ. Пища доставляется несчастному въ извѣстные дни въ разъ условленномъ мѣстѣ; при этомъ больной не имѣетъ права быть въ такомъ пунктѣ въ то время, когда ее приносятъ, а можетъ отправиться за ней лишь послѣ того, какъ относившій ее вернулся уже домой. Во время моей поѣздки я изрѣдка встрѣчалъ подобныхъ несчастныхъ; они никогда не осмѣливаются подходить близко къ проѣзжающему, а подаютъ издали извѣстные знаки и тогда знаешь уже въ чемъ дѣло. Кладешь на землю кое-какіе припасы, а если имѣешь такъ и платье, и быстро удаляешься отъ злосчастнаго мѣста; больной же является за подаяніемъ уже послѣ того, какъ путешественники скрылись изъ виду. И какъ ни ужасно такое существованіе, а больные все же предпочитали его жизни въ устроенныхъ Штубендорфомъ юртахъ: лишь немногіе изъ нихъ приходили туда, а когда самъ губернаторъ покинулъ Якутскъ все учрежденіе окончательно заглохло.

Въ 1891 году вилюйскій проказный округъ объѣзжала англичанка миссъ Кати Марсденъ и въ то время въ газетахъ много говорилось о ея дѣяніяхъ, но за отсутствіемъ свѣдѣній изъ тѣхъ мѣстъ, я не могу сказать, удалось ли достигнуть какихъ-нибудь окончательныхъ и полезныхъ результатовъ. Тутъ же я не хотѣлъ упустить случая указать на то обстоятельство, что бороться съ этой ужасной болѣзнію пробовало уже и само правительство, но что въ то время нельзя было говорить объ успѣхѣ и о вознагражденіи потраченныхъ трудовъ.

Ниже Вилюя впадаютъ въ Лену съ лѣвой стороны лишь немногія рѣки, отличающіяся болѣе значительной длиной. Плоская возвышенность, начинающаяся къ западу отъ истоковъ Вилюя и Моньеро, доходитъ до Лены, а потому въ послѣднюю текутъ тутъ лишь короткія рѣчки, спускающіяся съ края плато. Нѣсколько больше другихъ только Стрекаловка, Мӯна и Молодӧ, но объ ихъ теченіи свѣдѣній имѣется крайне мало, такъ что на карту онѣ нанесены лишь по предположенію.

Въ прямую противоположность слабому развитію притоковъ лѣваго берега Лены, рѣчная система праваго ея берега необыкновенно обширна и раскинута на громадное пространство. Бассейна Киренги мы можемъ вовсе не касаться, такъ какъ эта рѣка всецѣло принадлежитъ Иркутской губерніи, Витимъ же, верховья котораго лежатъ въ Забайкальѣ, образуетъ частью нижняго своего теченія границу между Забайкальемъ и Иркутской губерніей съ одной стороны и Якутской областью съ другой, а потому часть его правыхъ притоковъ входитъ въ нашу карту.

Теченіе Витима, начиная отъ истоковъ, установлено сносно, часть же его верхняго теченія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ образуетъ границу Забайкалья, до впаденія Каренги, снята даже инструментально. Кромѣ того участокъ отъ устья Витима до Делюнъ-оронскаго порога, расположеннаго ниже Оронскаго озера, часто посѣщался путешественниками, а Шварцъ даже ѣхалъ по нему и астрономически опредѣлилъ на этой самой нижней части семь пунктовъ. Такимъ образомъ участокъ рѣки, изображенный на нашей картѣ, можно безъ сомнѣнія считать хорошо извѣстнымъ. Неизслѣдованнымъ осталось при этомъ только Оронское озеро, котораго никто изъ путешественниковъ не посѣщалъ. Это большое озеро соединено въ то же время съ обширнымъ расширеніемъ рѣки; какъ мнѣ говорили живущіе на Витимѣ русскіе и якуты, озерообразное и сплошь покрытое островами расширеніе значительно больше, чѣмъ само Оронское озеро. По разсказамъ тамъ водятся тюлени, что впрочемъ не подтвердилось.

На всемъ протяженіи отъ мѣста впаденія въ него Каренги Витимъ является могучей, прелестной рѣкой и у своего впаденія въ Лену скорѣе превосходитъ эту послѣднюю своею величиною, чѣмъ уступаетъ ей. Я посѣтилъ Витимъ у мѣста впаденія въ него Муи и нашелъ, что ширина его тутъ превосходитъ одну версту, а что самъ онъ окруженъ прекрасными, покрытыми обильной травой равнинами. Но послѣднее касается только са-

мой главной рѣки и Муи, долины же правыхъ притоковъ большею частію узки и мало пригодны для заселенія.

Изъ притоковъ (числомъ 51), которые Витимъ принимаетъ въ предѣлахъ Якутской области съ правой стороны, лишь два имѣютъ нѣсколько болѣе значительную длину, именно Калаканъ и Каларъ; Каренга же, у устья которой граница области покидаетъ Витимъ, течетъ на всемъ своемъ протяженіи въ Забайкальѣ. Всѣ остальные притоки представляютъ собою лишь незначительныя горныя рѣчки, большею частію съ очень короткимъ и до невѣроятности быстрымъ и бурнымъ теченіемъ.

Начало нашего знакомства съ этой областью положено впервые Забайкальской и Амурской экспедиціями, на работахъ которыхъ и основана составленная Шварцемъ карта юго-восточной Сибири. Эта карта есть безо всякаго сомнѣнія лучшая изъ всѣхъ, касающихся названной части Сибири. Карта Генеральнаго Штаба очевидно придерживалась труда Шварца; но къ сожалѣнію чертежъ вышелъ на первой настолько неудачнымъ, что мнѣ пришлось перерисовать почти все. При этомъ я пользовался тоже работой Шварца и уклонился отъ ней только тамъ, гдѣ она касается золотопромышленнаго округа. Данныя для этой части карты я заимствовалъ у Кропоткина, который могъ воспользоваться новымъ, Шварцу еще неизвѣстнымъ, матеріаломъ. Только Чару начертилъ я по картѣ, лично мною составленной во время посѣщенія этой рѣки въ 1867 г. Что же касается спеціально Калара и Калакана, то на нихъ былъ только одинъ Уѣольцевъ, когда шелъ съ Шилки на верхнее теченіе Чары. Онъ пересѣкъ теченіе обѣихъ названныхъ рѣкъ и при этомъ заставилъ людей прекрасно знакомыхъ съ этою мѣстностью начертить ихъ карту. Хотя, такимъ образомъ, данныя относящіяся до системы Калара и Калакана и основаны главнымъ образомъ на разспросныхъ свѣдѣніяхъ, но послѣднія примыкаютъ къ маршруту и настолько, какъ уже сказано, надежны, что мы въ правѣ считать рѣки эти изслѣдованными вполнѣ сносно. Всѣ остальные притоки Витима черчены мною по Кропоткину, въ распоряженіи котораго на-

ходилось большое количество черченныхъ золотопромышленниками маршрутовъ. Къ сожалѣнію, если исключить теченіе самого Витима, астрономическихъ пунктовъ для этой мѣстности не имѣется.

Собственно золотопромышленный округъ ограничивается правыми притоками Большаго Пáтома, Хóрой или Малымъ Пáтомомъ и двумя лѣвыми притоками Чары—Молвò и, главнымъ образомъ, Жуей. Чара беретъ свое начало изъ двойнаго озера Лепрингди, а не Леберми какъ приведено на картѣ Генеральнаго Штаба. Эту ошибку впервые сдѣлалъ Усольцевъ, который посѣтилъ озеро еще до меня и, по всей вѣроятности, не совсѣмъ понялъ, что ему говорили. Долина верхней Чары, идущая въ направленіи съ SW на NO, расположена высоко надъ уровнемъ моря, но образуетъ плоское, достигающее ширины 20—30 верстъ дно, по которому течетъ Чара и которое покрыто безчисленнымъ количествомъ озеръ. Если уже горы лѣваго ея берега очень высоки, то расположенныя на правомъ берегу еще значительнѣе, потому что отсюда попадаешь въ горную страну Калара, которая является, по всей вѣроятности, одной изъ самыхъ высокихъ мѣстностей Якутской области. Но дика и неприступна не одна лишь область Калара, а то же самое можно сказать и о всемъ золотопромышленномъ округѣ: послѣдній пригоденъ только для цѣлей золотопромышленниковъ и не привлекаетъ никого, кромѣ развѣ единичныхъ тунгузскихъ охотниковъ. Единственное исключеніе представляетъ долина верхняго теченія Чары или долина Кёскёмдя, какъ обыкновенно называютъ эту мѣстность по имѣющему до десяти верстъ въ длину озеру Кёскёмдѣ, которое расположено на лѣвомъ берегу Чары нѣсколько выше ея поворота на сѣверъ.

Съемку теченія самой Чары сдѣлалъ, какъ уже сказано, я самъ; при этомъ я опредѣлилъ и положеніе двойнаго озера Ничатки, мимо котораго проходилъ въ то время, когда по долинѣ Абзада спускался на верховья Чары. Лѣвые притоки послѣдней довольно вѣрно сняты золотопромышленниками, но нельзя сказать того же о Токо, большомъ правомъ притокѣ Чары. Въ этомъ

случаѣ я придержался карты Шварца, потому что исправленіе теченія Токо, сдѣланное на картѣ Кропоткина кажется мнѣ нѣсколько сомнительнымъ.

По Чарѣ мы подошли къ области втораго большаго праваго притока Лены, — къ Олекмѣ. Но было желательно поговорить о Чарѣ спеціально въ виду того, что золотопромышленный округъ долженъ разсматриваться какъ обособленное цѣлое.

Данныя объ Олекмѣ я заимствовалъ цѣликомъ съ карты Шварца. Въ моемъ распоряженіи находились правда касающіеся ея оригинальные маршруты, но въ виду того, что послѣдніе вполнѣ совпадали съ картой Шварца, у меня не было никакого повода прибѣгать къ нимъ. Только истоки Олекмы предпочелъ я начертить по картѣ Кропоткина, потому что этотъ путешественникъ пользовался инструментальными съемками границы между Якутской областью и Забайкальемъ, сдѣланными Силинымъ и Кудринымъ и не находившимися въ распоряженіи Шварца. Указанныя лица сдѣлали съемку водораздѣла, т. е. такъ называемаго гребня Яблонаго хребта, и начали (въ предѣлахъ нашей карты) съ мѣста впаденія Каренги въ Витимъ. Такимъ образомъ они отмѣтили истоки всѣхъ рѣкъ, относящихся какъ къ бассейну Лены, такъ и къ системѣ Амура, поскольку таковые берутъ свое начало на самомъ плоскомъ водораздѣлѣ. Эта, заслуживающая полнаго довѣрія съемка прекрасно иллюстрируетъ характеръ названнаго водораздѣла и доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ вовсе не имѣетъ гребня въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а представляетъ собою сводообразную плоскую возвышенность, рѣки на которой текутъ параллельно, но въ противоположномъ направленіи. Такъ, Витимъ и Каренга несутъ свои воды на сѣверо-востокъ, а параллельно идущія съ ними То́ла и Не́рча на юго-западъ; точно также Агла съ Талаканомъ, притоки Нерчи, текутъ на довольно значительномъ протяженіи параллельно самому верхнему теченію Олекмы, а Итыка, притокъ Черной, бѣжитъ тоже параллельно Токуру, впадающему въ истокъ Олекмы.

Олекма нанесена на мою карту по маршруту Забайкальской экспедиціи; послѣдняя, впрочемъ, прослѣдила Олекму не отъ самыхъ ея истоковъ: путь ея лежалъ съ Тунгира на Нюнжи, отсюда на Алданъ и лишь затѣмъ только вышелъ на Олекму, внизъ по которой экспедиція спускалась частью на лодкѣ, преимущественно же шла сухимъ путемъ, придерживаясь лѣваго берега рѣки. Такимъ образомъ большая часть данныхъ о системѣ Олекмы основана на разспросныхъ свѣдѣніяхъ, но послѣднія вообще легли и въ основаніе большинства маршрутовъ обѣихъ экспедицій. Хотя этотъ разспросный матеріалъ и очень хорошъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ заслуживаетъ, какъ таковой, лишь относительной степени довѣрія. Бухта въ области истоковъ Тунгира и устье Олекмы опредѣлены астрономическимъ путемъ, а потому маршрутъ могъ быть нанесенъ на карту точно.

Собственно говоря, Олекма имѣетъ два истока, одинъ изъ нихъ есть сама Олекма, а другимъ является Нюнжи; оба они соединяются, въ концѣ концовъ вмѣстѣ, при чемъ вовсе не уступаютъ другъ другу въ величинѣ; мѣстные жители, однако, зовутъ этимъ именемъ съ самаго его начала лишь западный изъ истоковъ. Впервые познакомила насъ съ этой рѣкой опять-таки карта Шварца, не смотря на то, что рѣкою всегда пользовались древніе завоеватели страны, когда намѣревались идти изъ области Лены на востокъ. Они шли съ истоковъ Нюнжи на Амуръ, но впослѣдствіи путь этотъ былъ совершенно забытъ, потому что представлялъ много неудобствъ. Послѣднія заключались не столько въ препятствіяхъ со сторонъ горъ, сколько въ непроходимости самихъ долинъ, которыя дѣлали почти невозможнымъ путешествіе на лошадяхъ. Тамъ чуть-ли не совершенно отсутствуетъ трава и пастбища, а потому вся обширная область рѣки и по сихъ поръ остается вовсе необитаемой и посѣщается исключительно охотниками. Только на низовьяхъ самой Олекмы поселились якуты, но вверхъ по рѣкѣ не пошли, потому что не могли найти корму для лошадей.

Книзу отъ Олекмы слѣдуетъ рядъ мелкихъ рѣкъ, которыя

я нанесъ частью по съемкѣ Ахте, частью же по картѣ юго-восточной Сибири Крутикова; я обратился къ послѣдней потому, что относительно правыхъ притоковъ Ахте пользовался менѣе надежными данными, чѣмъ относительно лѣвыхъ. Причина только что указаннаго заключается въ томъ, что лѣвый берегъ рѣки болѣе культуренъ, чѣмъ правый, который занятъ только якутами, возводящими свои юрты, не у рѣки, а въ глубинѣ страны. Вслѣдствіе этого правый берегъ дѣлаетъ впечатлѣніе глухой, необитаемой мѣстности, между тѣмъ какъ на противоположномъ станціи слѣдуютъ одна за другой черезъ короткое разстояніе, такъ что тутъ сосредоточивается и все сообщеніе. Въ виду того, что никто изъ членовъ экспедиціи не былъ къ западу отъ Алдана, Крутиковъ чертилъ свою карту тоже лишь на основаніи разспросныхъ свѣдѣній. Карта Генеральнаго Штаба съ картой Крутикова не сходится. Я не могу сказать на какіе источники она опирается по отношенію части теченія Лены, расположенной между Олекмой и Алданомъ, но я рѣшился придержаться Крутикова, потому что экспедиція, въ которой онъ участвовалъ, имѣла возможность собрать очень богатый матеріалъ. Послѣдній заключается какъ въ разспросныхъ данныхъ, такъ и въ рисованныхъ якутами и тунгузами картахъ, которыя часто составленны замѣчательно вѣрно. Рѣки на этомъ пространствѣ большою частію маловодны и коротки; нѣсколько значительнѣе только впадающая у станціи Саныяхтаха Талба, да текущая въ Лену между станціями Безтятской и Покровской Ботома. Особенно велика и многоводна послѣдняя; многіе изъ ея притоковъ изобилуютъ прекрасными покосами и пастбищами, а потому являются главнымъ мѣстомъ жительства якутовъ Восточно-Кангалакскаго улуса. Здѣсь же находится мѣсторожденіе очень хорошей желѣзной руды, которая добывается якутами и перерабатывается въ недурное желѣзо.

Самый большой изъ притоковъ Лены, — Алданъ, въ своемъ нижнемъ теченіи извѣстенъ уже давно и до впаденія въ него Амги относится къ самымъ населеннымъ мѣстностямъ Якутской

области. За то верхнее его теченіе и большая часть системы его притоковъ составляла до названной великой экспедиціи полнѣйшую terra incognita: изъ притоковъ его извѣстна была Мая, истари служившая путемъ сообщенія съ Охотской гаванью, да часть Учура, на которомъ бываетъ славившаяся уже въ древности соболья ярмарка. Оно впрочемъ вполнѣ и понятно: долиной Амги заканчивается область хлѣбопашества и скотоводства, почему якутъ далѣе не проникаетъ, а затѣмъ начинается царство охотника. Въ настоящее время свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ относительно этой системы, значительно разширились, но тѣмъ не менѣе мы все-же еще очень далеки отъ того, чтобы имѣть право сказать, что составленная нами карта вѣрна. Для всей обширной системы Алдана мы располагаемъ до настоящаго времени всего только 14 астрономическими пунктами, которые къ тому же распредѣлены по области не особенно-то выгодно; къ этимъ пунктамъ присоединяется нѣсколько маршрутовъ, составленныхъ дѣльными спеціалистами, всѣ же остальныя наши данныя основаны на разспросныхъ свѣдѣніяхъ. Изъ нашей «карты астрономическихъ пунктовъ» видно, какимъ незначительнымъ количествомъ годнаго матеріала мы владѣемъ для вѣрнаго опредѣленія направленія рѣкъ; такъ, изслѣдователи проѣзжали лишь по незначительной части самого Алдана, Амга установлена и нанесена на карту лишь по двумъ пунктамъ, гдѣ происходила черезъ нее переправа, да и другіе большіе притоки могутъ считаться начерченными правильно лишь отчасти.

Между тѣмъ свѣдѣніями, которыми мы теперь располагаемъ, придется довольствоваться, по всей вѣроятности, въ теченіе долгаго времени, потому что разсчитывать на производство тамъ дальнѣйшихъ розысканій нѣтъ повода: въ экономическомъ отношеніи страна не представляетъ ровно никакого интереса, чтобы оправдывать значительныя затраты на ея изслѣдованіе. Побудить къ послѣднему можетъ развѣ только открытіе золота въ Становомъ хребтѣ, гдѣ до сихъ поръ оно, однако, еще не было найдено. Въ этой, носящей характеръ высокаго плоскогорія горной

странѣ человѣку нечего искать: болотистая ея почва покрыта только лиственничнымъ лѣсомъ, въ ней нѣтъ даже изобилующихъ рыбою рѣкъ и озеръ, а потому она не привлекаетъ якута, а когда окончательно исчезнетъ становящійся все рѣже и рѣже соболь, перестанетъ соблазнять даже охотника. Съ другой стороны и естествоиспытатель, кромѣ развѣ геолога, врядъ ли найдетъ страну эту достаточно интересной, чтобы рѣшиться на опасности и лишенія безъ полной увѣренности въ богатой добычѣ. Къ тому же великая экспедиція дала въ географическомъ отношеніи все, что въ ея условіяхъ можно было сдѣлать и въ общемъ довольно правильно установила сѣть рѣчной системы. Такимъ образомъ не достаетъ лишь детальныхъ изслѣдованій, а изъ за нихъ врядъ ли будетъ предпринята новая экспедиція.

При черченіи моей карты я неуклонно придерживался карты Шварца (насколько границы ея совпадали съ моею) и предоставленныхъ мнѣ проф. Шварцемъ оригинальныхъ съемокъ; я исправилъ лишь тѣ ошибки, которыя произошли по винѣ рѣзчика. Въ моемъ распоряженіи находилась снятая самимъ проф. Шварцемъ копія съ его карты, такъ какъ оригинала болѣе нѣтъ. Ошибки рѣзчика встрѣчаются большею частію по краямъ отдѣльныхъ листовъ, хотя надписи вырѣзаны часто не ясно (такъ на прим. у него значится Лимъ вмѣсто Аимъ и т. д.); но градусная сѣтка нѣкоторыхъ листовъ не сходится съ оригиналомъ: она смѣщена на одну или полторы англійскихъ линіи. Въ остальномъ же, относительно ея четкости и правильности, карта не оставляетъ желать ничего большаго, а потому можно только удивляться, что карта Генеральнаго Штаба не представляетъ лучшей копіи со своего оригинала. Карта Шварца кончается 60° сѣв. шир., на побережьѣ же Охотскаго моря заходитъ лишь нѣсколько далѣе 57°; вслѣдствіе этого приблизительно до 62° я придерживался карты Крутикова, а также карты, составленной еще Козминымъ; послѣдняя, однако, основана исключительно на разспросныхъ свѣдѣніяхъ. Чертежъ рѣки Бѣлой и пути на Охотскъ заимствованы мною отъ Эрмана и съ храня-

щагося въ Генеральномъ Штабѣ маршрута, на которомъ путь отъ Якутска въ Охотскъ снятъ начиная съ Алдана. Помимо всего этого матеріала я воспользовался еще крайне точнымъ маршрутомъ Миддендорфа, находящимся въ приложенномъ къ его Сибирскому путешествію атласѣ; онъ начинается отъ Амгинской слободы и доведенъ до Удскаго острога.

Обзорная карточка маршрутовъ даетъ мѣрило довѣрія, съ которымъ мы можемъ относиться къ чертежамъ отдѣльныхъ рѣкъ моей большой карты и, сопоставляя обѣ эти карты, приходится согласиться, что послѣдняя изъ нихъ оставляетъ желать въ этомъ отношеніи еще очень многаго. Я долженъ обратить вниманіе читателя на то, что это касается особенно Мап выше впаденія Нелкана, а также Юдомы, Аллахъ-юны и Бѣлой. Несмотря на то, что Юдома, по которой идетъ путь на Охотскъ, извѣстна сравнительно давно и несмотря на существованіе карты ея, составленной Сарычевымъ, никакъ нельзя утверждать, что рѣка эта правильно нанесена на карту. Астрономическое опредѣленіе Креста Юдомскаго (на Юдомѣ) сомнительно, а карта Сарычева плохо согласуется съ другими картами, наприм. Козмина и Крутикова; такимъ образомъ все, что мы знаемъ о Юдомѣ еще крайне неопредѣленно. Столь же плохи, если даже не хуже свѣдѣнія, относящіяся къ рѣкамъ Бѣлой и Аллахъ-юнѣ. Въ этомъ случаѣ мы располагаемъ прежде всего двумя источниками: съ одной стороны — путешествіемъ Эрмана, а съ другой уже упомянутымъ маршрутомъ, который хранится въ Генеральномъ Штабѣ. Но источники эти между собою положительно не согласуются; къ тому же большимъ неудобствомъ является то обстоятельство, что Эрманъ не оставилъ ни маршрута, ни даже болѣе или менѣе подробной карты своего путешествія; онъ даетъ лишь описаніе путешествія, въ которомъ сообщается очень подробно о маловажныхъ вещахъ, но часто вовсе не говорится о пути, по которому онъ шелъ. Вслѣдствіе сказаннаго, я считаю системы рѣкъ Бѣлой и Аллахъ-юны самыми слабыми и ненадежными мѣстами моей карты. Къ послѣднимъ относится также и рѣка

Амга съ ея притоками. Крутиковъ въ данномъ случаѣ не воспользовался прекраснымъ матеріаломъ, а Карта Козмина такъ ненадежна по отношенію къ этой рѣкѣ, что и при ея посредствѣ немногое выясняется. Такимъ образомъ я могу указать лишь на астрономически опредѣленные пункты, расположенные на этой рѣкѣ. Но изъ нихъ на самой рѣкѣ лежитъ только Амгинская слобода, два же другихъ — станціи Лебягинская и Нохинская — нѣсколько удалены отъ ея праваго и лѣваго берега. Всѣ остальныя, касающіяся системы Амги данныя представляютъ собою лишь предположенія, которыя къ тому же еще очень гадательны, а потому могутъ быть приняты въ разсчетъ лишь за неимѣніемъ лучшаго матеріала.

Можетъ показаться страннымъ, что мѣстность, по которой протекаютъ такія большія и многоводныя рѣки остается не доступною и малоизвѣстною. Но виною тому являются сами эти рѣки, такъ какъ плаваніе по нимъ очень затруднительно. Въ нижнемъ своемъ теченіи Алданъ, правда, является могущественной, текущей въ широкомъ руслѣ рѣкой, но верховья его благодаря большому количеству пороговъ почти не годны для плаванія или могутъ служить для этой цѣли только во время высокаго уровня воды. То же самое можно сказать объ Учурѣ и его притокахъ и даже многоводная, широкая Мая мѣстами крайне опасна, а потому въ настоящее время ею тоже почти не пользуются въ качествѣ пути сообщенія.

Ниже впаденія Алдана Лена уже не принимаетъ въ себя имѣющихъ значеніе притоковъ. Соединившись съ Алданомъ, она течетъ въ широкомъ руслѣ, но съ обѣихъ сторонъ сопровождается, особенно къ сѣверу отъ впаденія Вилюя возвышенностями, которыя тянутся почти до самой ее дельты и не оставляютъ мѣста для развитія значительной системы притоковъ. Верстахъ приблизительно въ пятидесяти выше дельты русло Лены съуживается, чтобы затѣмъ, по вступленіи въ нее, снова расшириться и образовать нѣкоторое подобіе озера. Самую дельту я изобразилъ по

картѣ Юргенса *), при чемъ отмѣтилъ, какъ и онъ, лишь самыя большія устья. Дѣло въ томъ, что только одни они остаются постоянными, всѣ же остальные мелкіе протоки и рукава, по которымъ воды Лены прокладываютъ себѣ дорогу къ морю, подвержены столь сильнымъ измѣненіямъ, что пришлось бы каждый годъ чертить новую карту дельты, если бы желали достигнуть точности въ этомъ направленіи. Вся дельта состоитъ изъ отлагающихся самою Леною песчаныхъ наносовъ, которые возвышаются надъ уровнемъ воды лишь очень незначительно, если не считать холмовъ, возникшихъ благодаря дѣйствію бурь. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ, повидимому, только самый западный изъ рукавовъ Лены — Западная протока. Послѣдняя, какъ кажется, прорвала сушу, и расположенные передъ нею высокіе острова съ горами Боръ-Хаей и Кегылъ-хаей представляютъ собою не наносъ рѣки, а являются частью материка. Острова, конечно, состоятъ тоже изъ песку, но онъ же послужилъ матеріаломъ и для образованія горъ лѣваго берега Лены, — послѣднихъ отроговъ великаго западнаго нагорья. У горы Кегылъ-хаи, которую Мельвилль назвалъ мысомъ Памятникомъ нѣсколько юго-восточнѣе отъ острова Боранъ-Бѣлкой похороненъ Де-Лонгъ и его спутники по экспедиціи несчастной «Жанетты»; они увеличили своею смертью горсть тѣхъ отважныхъ мужей, которые пали здѣсь, на крайнемъ сѣверѣ, жертвою своей жажды знанія и вѣрности своему долгу. Нѣсколько западнѣе, при устьѣ Оленека, находятся могилы ихъ мужественнаго предшественника Пронщищева и его вѣрной жены, не покинувшей своего мужа даже послѣ его смерти. Оба они погибли тутъ въ 1773 году отъ цынги послѣ того, какъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ боролись со всѣми ужасами здѣшнихъ снѣжныхъ пустынь.

Выше я уже сказалъ, что начертилъ дельту Лены по новѣй-

*) Экспедиція къ устью Лены съ 1881 года по 1885 годъ. Предварительный отчетъ начальника экспедиціи Н. Д. Юргенса. С.-Петербургъ 1885.

шимъ даннымъ Юргенса и, такимъ образомъ, исправилъ по нимъ опредѣленные здѣсь ранѣе пункты. При этомъ нужно упомянуть, что нѣкоторыя изъ прежнихъ опредѣленій, именно тѣ, которыя дѣлались Анжу и Бережныхъ, очень хорошо согласуются съ опредѣленіями Юргенса, другія же сильно съ нимъ расходятся. Главнымъ пунктомъ Юргенса была, очевидно, станція Сагастыръ, расположенная на 73° 22, 8′ с. ш. и 144° 15′ 50″ в. д.; это опредѣленіе прекрасно согласуется со съемкой Сагастыра, сдѣланной Анжу, особенно, если принять въ разсчетъ, что намъ неизвѣстно съ точностью мѣсто, гдѣ стоялъ инструментъ Анжу. Послѣдній далъ для Сагастыра 73° 21′ 55″ с. ш. и 144° 41′ 47″ в. д.; опредѣленіе широты, такимъ образомъ, почти одно и то же, а разница въ опредѣленіи долготъ вовсе не велика для такого сѣвернаго положенія и при непзвѣстности мѣста наблюденія. Такимъ же манеромъ согласуются опредѣленія мыса Быкова, лежащаго по Юргенсу на 71° 59, 9′ с. ш. и подъ 146° 55′ 50″ в. д., и западнаго побережья Быковской губы, расположеннаго по Бережныхъ подъ 71° 52′ 41″ с. ш. и 146° 51′ 58″ в. д. Губа эта противъ мыса, конечно, много шире четырехъ минутъ, которыя составляютъ разницу двухъ опредѣленій; если же Бережныхъ производилъ свое наблюденіе у юго-западнаго угла губы, на что̀ и указываетъ разница широтъ, то оба опредѣленія окажутся вполнѣ соотвѣтствующими другъ другу. Плохо обстоитъ, однако, дѣло съ двумя деревнями — Ары-Быковой и Зимовьелахъ на островѣ того же имени. Первая опредѣлена Юргенсомъ, и если онъ съ одной стороны не сдѣлалъ астрономическаго опредѣленія второй, то съ другой — не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она располагалась на его пути изъ Ары-Быковой на мысъ Быковъ или лежала на очень незначительномъ разстояніи въ сторону отъ него. Бережныхъ же нашелъ для Зимовьелаха 72° 3′ 51″ и 147° 27′ 17″; такимъ образомъ послѣдняя деревня очутилась бы на 0° 31′ 27″ (иными словами на 17 верстъ) восточнѣе прямой линіи съ Ары-Быкова на Быковъ, что составило бы ошибку верстъ на пятнадцать.

Нельзя однако не согласиться съ тѣмъ, что опредѣленія пунктовъ, лежащихъ въ восточной части дельты, сравнительно очень близки между собою, а также и съ тѣмъ, что чертежи дельты къ востоку отъ Сагастыра на картахъ Юргенса и Анжу почти тождественны, если не считать мелкихъ протоковъ, которые измѣняютъ, какъ уже сказано, свое направленіе почти ежегодно. Не то мы видимъ, если обратимся къ западной части дельты: тутъ замѣчается рѣзкая разница какъ въ опредѣленіи пунктовъ, такъ и въ самомъ чертежѣ. Названная часть дельты несомнѣннымъ образомъ установлена Юргенсомъ путемъ опредѣленія двухъ пунктовъ — стана Орто, лежащаго на 73° 34′ 5″ с. ш. и подъ 143° 1′ 50″ в. д., и сѣвернаго конца острова Дуная, расположеннаго на 73° 55′ 6″ с. ш. и на 142° 13′ 50″ в. д. Такимъ обазомъ она распространяется значительно далѣе къ западу, чѣмъ можно судить по картѣ Анжу. Послѣдній проѣзжалъ тутъ зимою и былъ обманутъ проводниками, которые, не желая направляться далѣе къ западу, увѣрили его, что они ѣдутъ уже по берегу дельты. Если принять въ соображеніе незначительное возвышеніе дельты и неровность морскаго льда, легко повѣрить въ возможность такого заблужденія. Но и астрономическіе пункты этой части дельты не согласуются между собою. Долготу деревни Тураха Юргенсъ не опредѣлялъ, но на его картѣ она лежитъ на 142°, Анжу же, по съемкѣ котораго я нанесъ мѣстѣчко на свою карту, приводитъ для него 72° 57′ 53″ с. ш. и 142° 30′ в. д., иными словами помѣщаетъ его на 16 верстъ далѣе къ востоку. Но еще болѣе расходятся опредѣленія долготы устья Оленека. По Анжу лежащая при устьѣ этой рѣки деревня Балкалахъ расположена на 72° 57′ 10″ с. ш. и 139° 45′ в. д., тогда какъ по Юргенсу широта ея выражается 72° 56′ 6″, а долгота 137° 30′ 50″,—разница долготъ такимъ образомъ въ 2° 14′ 10″ или въ 72 версты. Долготы Миллера, тоже наблюдавшаго въ Балкалахѣ, еще не вычислены, а потому я, придерживаясь въ данномъ случаѣ Юргенса, отодвинулъ устье Оленека значительно болѣе къ западу, чѣмъ на картѣ Генеральнаго Штаба.

Точно также я долженъ былъ отодвинуть къ западу и нижнюю часть теченія Лены; сдѣлалъ я это не потому, чтобы это вытекало изъ данныхъ карты Юргенса, а оттого, что карта Генеральнаго Штаба не согласуется въ данномъ случаѣ съ опредѣленными Анжу астрономическими пунктами, на основаніи которыхъ она должна была чертиться. Тутъ я наткнулся на очень важныя затрудненія. Дѣло въ томъ, что у мыса Говорово Лена дѣлаетъ большой изгибъ къ западу, который изображенъ также и на картѣ Генеральнаго Штаба; но вмѣстѣ съ тѣмъ у Анжу я нахожу на восточномъ берегу Лены мысъ Болтуново помѣщеннымъ на 69° 38′ 19″ с. ш. и подъ 143° 35′ в. д., а у Юргенса для Сихтяха, расположеннаго всего на полъ-градуса сѣвернѣе, приведены 70° 0′ 13″ с. ш. и 142° 42′ 50″ в. д. Такимъ образомъ кверху отъ указанной выше излучины Лена дѣлаетъ къ западу еще другой изгибъ и при томъ почти въ одинъ цѣлый градусъ или въ 35 верстъ. Что этотъ изгибъ не значится на картѣ Генеральнаго Штаба, еще ничего не говоритъ, такъ какъ съемка нижняго теченія Лены сдѣлана не полно, но тутъ обращаетъ на себя вниманіе другое важное обстоятельство. Я имѣю здѣсь въ виду то, что Анжу приводитъ мысъ Болтуново на восточномъ берегу Лены, между тѣмъ трудно понять, какъ можетъ быть мысъ на мѣстѣ, гдѣ рѣка поворачиваетъ на западъ. Могучая, текущая между высокими горами рѣка, подобная Ленѣ, образуетъ, конечно, много различныхъ выступовъ и мысовъ, но всѣ они обыкновенно безъимянны, если же они носятъ названія, то во всякомъ случаѣ представляютъ собою образованія рѣзко бросающіяся въ глаза, а такимъ на этомъ мѣстѣ могъ бы быть только мысъ на западномъ берегу рѣки. Вслѣдствіе сказаннаго я полагаю, что въ списокъ астрономическихъ пунктовъ Анжу вкралась, какъ это часто бываетъ и въ другихъ случаяхъ, описка, а потому принимаю поправку — западный берегъ Лены вмѣсто восточнаго.

Мѣстные жители дельты принимаютъ, что Лена впадаетъ въ море 45 рукавами; при этомъ они считаютъ только болѣе значи-

тельные, такъ какъ мелкихъ протоковъ безчисленное множество. Изъ этихъ 45 рукавовъ за Лену собственно въ настоящее время можетъ быть признано только Быковское устье. Остальные рукава съ одной стороны очень мелки сравнительно съ только что упомянутымъ, а съ другой — вода ихъ оказалась по изслѣдованіямъ капитана «Лены» Іоганнесена соленой, того, какъ вода Быковскаго русла безусловно прѣсная. Но помимо того для выведенія воды въ море, при обыкновенномъ ея уровнѣ, вполнѣ достаточно, какъ замѣтилъ уже Норденшельдъ, и одного Быковскаго русла, ширина котораго очень значительна, тогда какъ сама рѣка уже отъ Сихтяха имѣетъ всего четыре версты въ ширину; глубина ея, однако, значительно больше, чѣмъ глубина Быковскаго русла. Такимъ образомъ всѣ многочисленные рукава дельты питаются рѣкою только въ весеннее половодье, а въ другое время года наполнены почти исключительно морскою водою. Не могу сообщить, составляетъ ли въ этомъ отношеніи исключеніе Западная протока, текущая къ Оленеку, но по всей вѣроятности — нѣтъ, потому что по слухамъ она очень мелка. Противъ мыса Быкова рѣка достигаетъ ширины десяти верстъ и отъ того мѣста, гдѣ расширяется на подобіе озера имѣетъ почти всюду такую же ширину. Озероподобное расширеніе впрочемъ очень мелко, собственно фарватеръ идетъ вдоль лѣваго берега, а песчаная отмель, тянущаяся вдоль праваго берега доходитъ до середины водоема и при низкомъ уровнѣ водъ даже совершенно высыхаетъ.

Какъ побережье Ледовитаго океана, такъ и острова, расположенные къ востоку отъ дельты Лены и тянущіеся до Колючинской губы астрономически опредѣлены Анжу, Врангелемъ и ихъ спутниками, а астрономическіе пункты соединены въ одну полную карту при посредствѣ съемокъ пель-компасомъ. Такимъ образомъ эта часть Якутской области принадлежитъ къ наиболѣе изслѣдованнымъ. Самъ я посѣщалъ, конечно, морское побережье лишь на пространствѣ отъ устья Индигирки до мыса Якана, а потому только относительно этой части могу лично засвидѣтельствовать, что съемка крайне точна и очень хороша; нѣтъ

поэтому никакого основанія сомнѣваться, чтобы часть побережья, расположенная между Индигиркой и Леной, оказалась менѣе удачной, тѣмъ болѣе, что восточная сторона дельты Лены въ достаточной мѣрѣ указываетъ, какъ тщательно въ то время велись работы.

Но тутъ-то мы и убѣждаемся, что далеко не всѣ астрономическіе пункты совпадаютъ съ чертежемъ карты Генеральнаго Штаба. Сначала я взялъ положеніе астрономическихъ пунктовъ изъ Exposé Шуберта и, замѣтивъ ихъ несогласіе со штабскою картою, полагалъ, что въ названный перечень вкрались ошибки. Когда же я сравнилъ оригинальныя данныя Анжу и Врангеля съ цифрами Exposé, то оказалось, что послѣднія вполнѣ согласуются съ первыми.

Трудно сказать представляетъ ли карта Генеральнаго Штаба въ отношеніи побережья Ледовитаго океана и его острововъ работу оригинальную или является заимствованіемъ изъ другихъ трудовъ. Какъ бы тамъ ни было, но пользованіе астрономическими пунктами совершенно такое же, какъ на картѣ Ледовитаго океана, которую издалъ Гидрографическій Департаментъ *). На этой картѣ находится большое количество пунктовъ, опредѣленныхъ Анжу и его спутниками, но далеко не всѣ; трудно однако сказать, чѣмъ руководствовались при выборѣ тѣхъ или иныхъ пунктовъ. Нельзя правда отрицать, что у Анжу находятся не всѣ долготы, приведенныя въ Exposé Шуберта; такъ на прим. у него нѣтъ долготъ Биркина стана, скалы Титки, западнаго конца острова Ближняго, восточнаго берега послѣдняго, западнаго берега Малаго Ляховскаго, упоминаемыхъ въ спискѣ подъ №№ 246, 247, 248, 250, 257. Но если эти долготы приводятся въ Exposé, то мы имѣемъ полное право предположить, что онѣ были вычислены впослѣдствіи по дневникамъ

*) Карта Сѣвернаго Ледовитаго Оксана отъ Енисейскаго залива до Берингскаго пролива составлена съ русскихъ описей 1734—1742 и 1821—1823 годовъ. Издана Гидрографическимъ Департаментомъ Морскаго Министерства въ 1874 году. Два листа.

Анжу, а потому нѣтъ никакой причины не принимать ихъ въ разсчетъ. Но помимо этого при составленіи названной карты не воспользовались также многими и изъ тѣхъ пунктовъ, для которыхъ Анжу приводитъ обѣ координаты. Къ такимъ между прочимъ относятся: южный и сѣверный берега острова Бѣлковскаго, №№ 268 и 278, а также и нѣкоторые другіе. Съ другой стороны есть пункты, которые нанесены правильно, но съ которыми тѣмъ не менѣе чертежъ не сообразуется. Для примѣра укажу на мысъ Медвѣжій, на южномъ концѣ острова Котельнаго. Анжу опредѣлилъ его 74° 50′ 13″ с. ш. и 156° 16′ 45″ в. д.; на картѣ же Гидрографическаго Департамента подъ этими координатами помѣщенъ пунктъ юго-западнаго берега острова, который отсюда продолжается въ юго-восточномъ направленіи, оканчиваясь въ концѣ концовъ мысомъ Медвѣжьимъ подъ 74° 38′ с. ш. и 157° 28′ в. д.

Въ виду того, что я не имѣлъ возможности узнать причину, побудившую отступать отъ астрономическихъ пунктовъ, я со своей стороны счелъ нужнымъ точно придерживаться ихъ при черченіи. То обстоятельство, что въ Гидрографическомъ Департаментѣ среди оставленныхъ Анжу и Врангелемъ картъ есть наброски, доказывающіе разногласіе во взглядахъ самихъ участниковъ экспедиціи на снятые ими побережья, вовсе еще не является достаточной причиной игнорированія опредѣленныхъ пунктовъ. Что не всѣ эти опредѣленія, сдѣланныя при столь неблагопріятныхъ климатическихъ и широтныхъ условіяхъ, имѣютъ одинакія значеніе и цѣну, понятно само собою, но тѣмъ не менѣе они были удержаны какъ самими Анжу и Врангелемъ, такъ и составителемъ Exposé. Поэтому и мы не имѣемъ права отступать отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока мѣсто ихъ не замѣнили болѣе лучшія и болѣе надежныя наблюденія. Съемка пель-компасомъ производилась при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ; мѣшала и сильная стужа, и льды, и снѣжныя бури, а потому нѣтъ еще ровно ничего удивительнаго въ томъ, что частности ея не всегда согласуются другъ съ другомъ. Вполнѣ возможно, что болѣе точ-

ная, произведенная при болѣе благопріятныхъ условіяхъ съемка побережья и особенно острововъ дастъ иные детали. Но все это вовсе не относится, однако, до пунктовъ, опредѣленныхъ астрономическимъ путемъ, потому что всѣ тѣ изъ нихъ, которые переопредѣлялись впослѣдствіи, оказывались большею частію точно установленными. Вслѣдствіе всего сказаннаго я и счелъ себя въ правѣ снова нанести всѣ пункты, за исключеніемъ лишь немногихъ, въ опредѣленіи которыхъ были очевидныя ошибки и которые, благодаря этому, я и выпустилъ. Къ послѣднимъ относятся слѣдующіе (№№ соотвѣтствуютъ таковымъ же въ Exposé):

№ 14314 Мысъ Егоревъ на Колымѣ.
№ 14318 Наивысшая точка хребта Сахарнаго.
№ 14329 Устье Малой Чукочьей.
№ 14336 У устья Большой Баранихи.
№ 14338 Устье Каменной Колымы.
№ 14339 Островъ Сахарный.
№ 14348 Большой Барановъ камень, восточный его конецъ.
№ 14350 Крестъ на Маломъ Барановъ камнѣ.
№ 14355 Скалы противъ Малаго Баранова камня.
№ 14381 Юго-восточный край Мыса Кибера.
№ 14403 Старое Сатыганъ Тала.
№ 14460 Сѣверный конецъ острова Лиственничая на Ленѣ.
№ 14462 Западный берегъ Лены противъ острова Титъ Ары.
№ 14463 Островъ Зимовьелахъ.
№ 14479 Крестяхъ на островѣ Сабосася.
№ 14486 Устье Оленека.

Перечисленныхъ пунктовъ у Анжу и Врангеля большею частію нѣтъ, нѣкоторые же изъ нихъ нельзя было согласовать съ данными Юргенса, а потому я и счелъ за лучшее не включать ихъ въ мой списокъ. Съ другой стороны я ввелъ въ мой перечень кое-какіе пункты Анжу, которые не включены, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, въ Exposé. Къ нимъ между прочимъ относится № 139 моего списка, Мысъ Болтуновъ на Ленѣ. Если только опредѣленіе Анжу вѣрно, то пунктъ этотъ указы-

ваетъ на то, что рѣка дѣлаетъ очень рѣзкій изгибъ къ западу. Эта излучина отсутствуетъ, правда, на всѣхъ картахъ, но въ виду того Анжу удержалъ это опредѣленіе, нѣтъ причины сомнѣваться въ его точности.

Изображеніе группы острововъ, носящей названіе Новосибирскаго Архипелага, измѣнено мною въ томъ, что я принялъ за сушу песчаную отмель, соединявшую на прежнихъ картахъ острова Котельный и Фадѣевъ. Нѣтъ, дѣйствительно, никакого основанія изображать тутъ просто «песокъ», о которомъ не знаешь представляетъ ли онъ собою сушу или песчаную отмель. Уже у Анжу въ этомъ мѣстѣ нѣтъ морскаго пролива, онъ рисуетъ на сѣверѣ между двумя островами лишь бухту, — губу Драгоцѣнную; по этому такъ называемому «песку» течетъ какъ сама Драгоцѣнная, такъ и другія рѣки, а по свидѣтельству барона Толя тамъ есть холмы и горы. Такимъ образомъ становится вовсе непонятнымъ, почему не называть въ данномъ случаѣ сушею то, что во всѣхъ другихъ случаяхъ считается за таковую.

Но я долженъ указать еще на одно сдѣланное мною измѣненіе. У Анжу опредѣлены два пункта, помѣщенные въ его спискѣ подъ № 211, южный берегъ острова Ярока подъ 71° 27′ 8″ с. ш. и 155° 24′ в. д., и подъ № 214, сѣверный берегъ острова Ярока подъ 71° 33′ 12″ и 156° 26′. Между тѣмъ островъ и заливъ, въ которомъ онъ помѣщается вовсе не настолько велики, чтобы сдѣлать возможнымъ помѣщеніе обоихъ этихъ пунктовъ. Составители карты Гидрографическаго Департамента старались пособить дѣлу тѣмъ, что помѣстили второй пунктъ на сушѣ у озера Ярко. Въ виду, однако, полной опредѣленности указаній «островъ Ярокъ» и «сѣверный» и «южный» берегъ, я полагаю, что слѣдовать такому примѣру мы не имѣемъ права. Гораздо проще, по моему мнѣнію предположить, что тутъ произошла простая описка и что долготу № 214 (къ сожалѣнію въ моемъ распоряженіи находился лишь списокъ астрономическихъ пунктовъ, самихъ же наблюденій розыскать мнѣ не удалось) нужно принять за 155° 26′;

такимъ образомъ наблюдателю стоило только перейти поперекъ острова съ юга на сѣверъ, чтобы достигнуть втораго пункта.

Только что сказаннымъ въ вышеприведенныхъ строкахъ и исчерпываются всѣ отступленія моей карты отъ карты Генеральнаго Штаба.

Съемки Врангеля доведены только до Колючинской губы, а на восточномъ берегу ея расположенъ астрономическій пунктъ Питлекай, который служилъ зимней станціей «Вегѣ» и точно установленъ цѣлымъ рядомъ покрытій звѣздъ. Далѣе на востокъ мы должны руководствоваться астрономическими пунктами и съемками Литке; онъ не довелъ ихъ, однако, до устья Анадыра, такъ что для этой части морскаго побережья нѣтъ вполнѣ надежной карты.

Выше я имѣлъ уже случай сказать, что побережье Ледовитаго океана на большей части своего протяженія низменное; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно дико и негостепріимно, а потому обитателей на немъ очень мало. Норденшельдъ крайне удивился этому и указалъ на то, что ледовитое побережье въ Сѣверной Америкѣ заселено много гуще, чѣмъ въ Сибири, гдѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько чукотскихъ поселеній лишь начиная отъ мыса Шелагскаго. Причину такого явленія онъ видитъ въ томъ, что вслѣдствіе войнъ и притѣсненій со стороны своихъ сосѣдей эскимосы въ Сѣверной Америкѣ были принуждены искать убѣжище на берегу моря, тогда какъ въ Сибири со времени ея завоеванія русскими воцарился миръ, а потому никому не приходилось избирать себѣ мѣстомъ жительства страну, которую онъ при свободномъ выборѣ никогда не пожелалъ бы назвать своею родиною. Мнѣ кажется, что такое мнѣніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ. Во первыхъ, Сибирское побережье Ледовитаго океана вовсе уже не такъ безлюдно, какъ полагаетъ Норденшельдъ, основывал свое сужденіе на томъ, что никто изъ чукчей не явился на «Вегу» во время ея стоянки у мыса Эрри. Начиная съ Анабары на морскомъ берегу повсюду есть селенія, но всѣ они расположены вблизи устьевъ рѣкъ и къ тому же лежатъ большою

частью нѣсколько вверхъ по рѣкѣ, а не у самаго моря; это по той простой причинѣ, что рыбы здѣсь ловится больше, да и самая ловля на рѣкахъ много безопаснѣе, чѣмъ въ открытомъ, крайне бурномъ морѣ, по всему побережью котораго нѣтъ ни одной мало-мальски безопасной гавани. Дельта Лены и губа Борхая заселены, какъ и дельта Индигирки и побережье отъ устья Большой Чукочьей до мыса Медвѣжьяго. Но всего замѣчательнѣе то, что тамошніе жители вполнѣ довольны своимъ положеніемъ. Пригнала ихъ туда не нужда, но они были привлечены большимъ рыбнымъ богатствомъ; ловить же рыбу съ удобствами можно только въ рѣкахъ и если чукчи къ востоку отъ мыса Эрри живутъ у самаго моря, то это только потому, что тамъ нѣтъ устьевъ большихъ рѣкъ. Картина мѣняется уже у устья Анадыра и начиная отсюда на самомъ берегу моря опять никого не встрѣчаешь, — жители селятся вглубь страны и вверхъ по рѣкѣ. Такимъ образомъ чукчей оттѣснила къ Ледовитому морю нужда, а не враги.

Между Леною и Яною въ Ледовитый океанъ впадаютъ нѣсколько рѣкъ, которые намъ извѣстны только по ихъ устьямъ, съ направленіемъ же ихъ теченій мы вовсе не знакомы. Во время моего пребыванія въ Верхоянскѣ мнѣ обѣщали прислать точно нарисованную карту самой большой изъ этихъ рѣкъ, Омолоя; составить карту при мнѣ сулившія ее лица не могли за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній: они хотѣли дождаться одного тунгузскаго старосту. Я, впрочемъ, никогда не получалъ этой карты, а потому могъ начертить рѣку лишь въ общихъ чертахъ; мнѣ могли сообщить о ней только то, что истоки ея лежатъ къ сѣверу отъ истоковъ впадающей въ Лену Менкяри.

Что касается рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ къ востоку отъ Лены, то въ этомъ отношеніи карта моя ничѣмъ не отличается отъ карты Генеральнаго Штаба. Обѣ онѣ составлялись по однимъ и тѣмъ же источникамъ и преимущественно основаны на работахъ Врангеля и Анжу, а также на данныхъ предпринятой мною съ д-ромъ Нейманомъ и топографомъ Аѳо-

насьевымъ экспедиціи въ Землю Чукчей. Въ началѣ настоящей пояснительной записки перечисленны маршруты, которые мы привезли съ собою оттуда. Какъ эти маршруты, такъ и данныя нашихъ разспросныхъ картъ нанесены Генеральнымъ Штабомъ настолько правильно, что въ этомъ случаѣ врядъ ли требуются какія либо поправки. Этими словами я, впрочемъ, хочу только сказать, что обѣ карты во всемъ сходятся, какъ оно и должно, понятно, быть, разъ онѣ основаны на одномъ и томъ же матеріалѣ; но я вовсе не могу и не хочу утверждать, что сама карта вполнѣ удовлетворительна. Дѣло въ томъ, что если мы исключимъ Яну, для которой мы имѣемъ длинный рядъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ, то для всего остальнаго обширнаго пространства мы почти вовсе таковыми не располагаемъ. Наблюденія Неймана, которому приходилось во время всего путешествія бороться съ крайне неблагопріятными условіями со стороны погоды, слѣдуетъ считать большею частію за неудачныя; а старинныхъ наблюденій для этой части области очень мало, да къ тому же нѣкоторыя изъ нихъ (какъ на прим. опредѣленія Биллингса на Колымѣ и въ Зашиверскѣ на Индигиркѣ) абсолютно не годны. Аѳонасьевъ велъ, правда, большую часть своихъ маршрутовъ очень тщательно, но и самый тщательно веденный маршрутъ при такихъ громадныхъ разстояніяхъ становится не надежнымъ, если не опирается на вполнѣ точно опредѣленные пункты. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что разспросныя свѣдѣнія опираются тоже не на точно установленные пункты, а на маршрутъ, который уже самъ по себѣ всегда ненадеженъ. Вслѣдствіе всего сказаннаго для разбираемой части страны приходится довольствоваться далеко менѣе точными данными, чѣмъ для юго-восточнаго угла Якутской области. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ разсматривать все послѣдующее.

Если оставить въ сторонѣ ея притоки, *Яна* является самой изслѣдованной изъ всѣхъ рѣкъ Якутской области, потому что на ней расположено столько астрономическихъ пунктовъ, сколько нѣтъ ни на одной другой. Анжу опредѣлилъ на ней семнадцать

пунктовъ и тѣмъ самымъ точно установилъ направленіе ея теченія. Но онъ изслѣдовалъ только главную рѣку да очень запутанную дельту ея, притоковъ же вовсе не касался. Но за то, вплоть до появленія карты Генеральнаго Штаба, среди системы притоковъ Яны царила дѣйствительно ужасающая путаница. Немногія годныя и приблизительно вѣрныя данныя, которыя давала карта Познякова, были положительно варварски изуродованы стараніями Иркутскаго Генеральнаго Штаба, такъ что карта послѣдняго вызвала насмѣшки и нѣкоторое чувство стыда даже среди верхоянскихъ купцовъ, ежегодно ходившихъ по дорогѣ отъ Якутска въ Колымскъ. Въ сибирскихъ условіяхъ было интересно узнать о происхожденіи этой карты, поскольку она касается Яны, Колымы и Индигирки. За справками я обратился въ Верхоянскѣ къ купцу Семену Горохову, который слылъ за лучшаго знатока мѣстности. Онъ оказался человѣкомъ съ яснымъ умомъ и положительно изумительной памятью мѣстности, любилъ заниматься литературой и наукой (что представляло для Верхоянска и Якутска совершенно апормальное явленіе), и охотно помогалъ своими совѣтами всѣмъ путешествующимъ. Сынъ его, Никита Гороховъ, пошелъ въ этомъ отношеніи, судя по свидѣтельству д-ра фонъ-Бунге и барона Толя, по стопамъ своего отца. Семенъ Гороховъ заявилъ мнѣ, что онъ могъ бы составить недурную карту рѣки Яны со всѣми ея притоками, если бы только умѣлъ чертить самъ. Онъ предлагалъ мнѣ взять на себя трудъ черченія карты и надѣялся дать въ этомъ случаѣ вѣрную карту названной рѣчной системы, а не такую каррикатуру, какъ онъ выразился, указывая на висѣвшую на стѣнѣ карту Иркутскаго Генеральнаго Штаба. Вслѣдъ затѣмъ рѣчь зашла объ этой послѣдней и онъ сообщилъ мнѣ, что онъ получилъ этотъ экземпляръ въ подарокъ отъ Генеральнаго Штаба въ видѣ благодарности за его труды по ея составленію. «Вотъ она и виситъ тутъ, прибавилъ онъ, на всеобщее посмѣшище и въ видѣ вѣчнаго упрека мнѣ, потому что она чертилась, конечно, въ моемъ домѣ». Произошло же это, по его разсказу, такимъ образомъ. Въ началѣ

пятидесятыхъ годовъ — точно теперь уже не помню — мѣстному исправнику была прислана бланковая карта съ географическою сѣткою. На ней было нанесено только морское побережье и намѣчены, если не ошибаюсь, главныя теченія Яны, Индигирки и Колымы. Къ исправнику обращались съ просьбою выполнить карту соотвѣтственными рѣчными системами при посредствѣ знающихъ мѣстность лицъ въ томъ случаѣ, если таковые найдутся и могутъ исполнить подобную работу. Происходило это какъ разъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, т. е. въ такое время, когда въ Верхоянскѣ собралось большое число торговцевъ, ежегодно путешествующихъ между Якутскомъ и Чукотской ярмаркой на Маломъ Анюѣ. Въ виду того, что самъ Гороховъ былъ прекрасно знакомъ съ Яною, но не вполнѣ былъ увѣренъ въ своемъ знаніи пути отъ Верхоянска до Колымска, онъ пригласилъ еще нѣсколько лицъ, и всѣ вмѣстѣ принялись они за работу. Къ несчастію было рѣшено приступить къ доброму дѣлу предварительно подкрѣпившись вкуснымъ завтракомъ; этотъ послѣдній такъ сильно подѣйствовалъ на компанію, что въ концѣ концовъ стали чертить да вычеркивать, а затѣмъ снова чертить до тѣхъ поръ, пока не получилось произведеніе, которое тогда же показалось самому Горохову крайне сомнительнымъ. Онъ хотѣлъ передѣлать чертежъ затѣмъ уже одинъ, но исправникъ, который присутствовалъ тутъ же, на это не согласился. Онъ заявилъ, что начальство нельзя заставлять ждать, что у него есть хорошая окказія тотчасъ же переслать карту въ Якутскъ и что онъ хочетъ ею воспользоваться: пусть, молъ, видятъ какъ быстро исполняются въ Верхоянскѣ даже малѣйшія желанія начальствующихъ лицъ. Такъ карта и ушла, а черезъ значительный промежутокъ времени получилъ Семенъ Гороховъ благодарственное письмо съ приложеніемъ копіи карты, — той самой, которая висѣла у него на стѣнѣ. Онъ сознался мнѣ, что покраснѣлъ до ушей, прочтя бумагу и взглянувъ на произведеніе рукъ своихъ. Другіе участники этого труда, которымъ онъ во время ихъ проѣзда показывалъ карту, утверждали, что ее испортили въ Иркутскѣ,

и что они не могли изобразить на бумагѣ такую безсмыслицу. Но самъ Гороховъ былъ крайне честенъ и сознавался, что въ то время они находились въ такомъ развеселомъ настроеніи духа, что легко могли бы произойти и еще болѣе удивительныя вещи. Онъ утверждалъ поэтому, что Генеральный Штабъ безъ всякаго сомнѣнія точно придержался ихъ чертежа, сочтя его за трудъ людей, хорошо освѣдомленныхъ относительно мѣстныхъ условій. Онъ собирался тогда же обратиться съ просьбою въ Иркутскъ о присылкѣ новой бланковой карты, но исправникъ снова на отрѣзъ отказалъ ему въ этомъ, полагая, что подобное обращеніе можетъ навести начальство на мысль, что съ нимъ сыграли шутку, а въ такомъ случаѣ всѣмъ имъ, а ему, исправнику, прежде всего, неминуемо попадетъ на орѣхи.

Дѣло это однако все время тревожило Горохова и ему очень хотѣлось исправить свою прежнюю ошибку, а потому мы и принялись съ нимъ за работу, которая велась такимъ образомъ. Начали мы съ маленькаго озерка Сисъ-кель, расположеннаго въ верхнемъ поясѣ Верхоянскаго хребта; изъ него вытекаетъ на сѣверъ Яна совершенно открыто, въ то время какъ со средины крутаго горнаго склона, спадающаго отъ названнаго озера къ югу, пробивается сильный ключъ, дающій начало Тукулану. Но и этотъ ключь, есть, очевидно, стокъ озера Сисъ-кель, которое питается исключительно снѣгомъ окружающихъ его горныхъ вершинъ. Гороховъ описалъ направленіе теченія рѣки, ея изгибы и устья ея притоковъ, постоянно указывая на страны свѣта и на взаимныя разстоянія. По этимъ указаніямъ я чертилъ карту, причемъ для опредѣленія разстояній мы приняли, что вьючная лошадь проходитъ четыре версты въ часъ, а якутскій кёсъ считали за семь съ половиною верстъ. Обыкновенно въ Якутскѣ принимается, что вьючная лошадь проходитъ пять верстъ въ часъ, а кёсъ, общепринятая якутами мѣра пути, приравнивается десяти верстамъ, но какъ ту, такъ и другую оцѣнку мы съ Гороховымъ считали за слишкомъ высокую. Въ виду того, что въ Якутской области почти вовсе нѣтъ дѣйствительно промѣренныхъ

разстояній, точныя наблюденія надъ ходомъ лошади приходиться производить, конечно лишь крайне рѣдко, но насколько позволяютъ судить мною произведенныя, я долженъ сказать, что вьючная лошадь проходитъ пять верстъ въ часъ только при особенно благопріятныхъ условіяхъ, большею же частью она идетъ тише; если же принять въ разсчетъ, что приходится останавливаться, чтобы поправлять наприм. соскользнувшія сѣдла, съѣхавшій вьюкъ и т. п., то врядъ ли возможно принять въ среднемъ болѣе четырехъ верстъ.

Что касается до кёса, то уже въ первомъ томѣ этого сочиненія я объяснилъ, почему его нельзя принимать болѣе, какъ за семь съ половиною верстъ; тамъ же читатель можетъ найти и подробности относительно этой мѣры, которая, собственно говоря, есть мѣра времени. Но ради удобства я считаю нелишнимъ повторить здѣсь самое главное изъ сказаннаго тамъ. Якутское слово кёсъ означаетъ горшокъ для варки пищи и это нѣсколько странное обозначеніе мѣры пути предметомъ домашняго обихода имѣетъ свое основаніе въ кочевомъ образѣ жизни народа. Якутъ каждую весну переселяется со всѣми своими чадами и домочадцами, со всѣмъ своимъ, какъ старымъ, такъ и молодымъ скотомъ изъ зимняго жилья въ лѣтнюю юрту, а каждую осень такое переселеніе идетъ въ обратномъ направленіи. Но со скотомъ можно путешествовать лишь крайне медленно и при томъ дѣлать безъ отдыха только очень короткіе переходы; остановки же, на оборотъ должны быть какъ можно продолжительнѣе, чтобы давать время скоту наѣдаться досыта. Въ виду того, что горшокъ для варки пищи людямъ ставится на костеръ всякій разъ, какъ скотъ пускается на пастбище, якутъ и называетъ кёсомъ отдѣльные переходы, сдѣланные между привалами съ ѣдой. Основываясь на этомъ обычаѣ, назвали и самый путь, разстояніе, между двумя мѣстами остановокъ кёсомъ, а живущіе тамъ русскіе приняли въ общемъ, что разстояніе это равно десяти верстамъ. Но на самомъ дѣлѣ выходитъ не такъ. Дѣйствительно, въ зависимости отъ состоянія дороги, кёсъ у якута измѣняется; при хорошей дорогѣ онъ становится длиннѣе, при плохой, на

оборотъ, — короче: якутъ принимаетъ въ разсчетъ, собственно говоря, только время, потребное для прохожденія извѣстной части пути. Но если даже мы, придерживаясь ходячаго мнѣнія, пожелаемъ соединить съ этимъ названіемъ понятіе о чемъ-то постоянномъ въ пространственномъ отношеніи, то и въ этомъ случаѣ, я всегда находилъ, что въ среднемъ разстоянія, которыя обыкновенно обозначаютъ кёсомъ, равны семи съ половиною верстамъ.

Указаннымъ выше способомъ Яна была нанесена на карту вплоть до самой ея дельты. Съ послѣдней Гороховъ не былъ знакомъ, но это обстоятельство, однако, нисколько не повредило, такъ какъ она была снята вполнѣ надежно Анжу. Затѣмъ мы перешли къ черченію притоковъ, которые были нанесены нами тѣмъ же самымъ методомъ, и наконецъ вся работа была подвергнута провѣркѣ. Провѣрка заключалась въ томъ, что Гороховъ намѣчалъ какое нибудь мѣсто на одномъ изъ притоковъ Яны и заявлялъ, насколько оно отстоитъ по прямой линіи отъ какой-нибудь другой рѣки или отъ Верхоянска, послѣ чего разстояніе это прикидывалось къ картѣ. Такъ мало по малу провѣрили мы важнѣйшіе пункты и исправляли чертежъ до тѣхъ поръ, пока Гороховъ не заявилъ, что карта вѣрна. Въ этомъ видѣ бассейнъ Яны изображенъ на картѣ Генеральнаго Штаба и на моей; слѣдуетъ также прибавить, что чертежъ, составленный по указанію Горохова, вполнѣ согласуется съ тою частью бассейна Яны, которая изображена на маршрутной съемкѣ топографа Аѳонасьева.

Область, расположенная между Яной и Индигиркой къ югу отъ торнаго пути на Колымскъ, Горохову была извѣстна лишь въ общихъ чертахъ; онъ не могъ также сообщить даже приблизительныхъ данныхъ о направленіи Тостаха, Адычи и Береляха, большихъ притоковъ Яны. По его словамъ туда никто не ходитъ, да и самъ онъ никогда не бывалъ въ той мѣстности: тамъ нечего взять, тамъ нѣтъ ни пушниныхъ звѣрей, ни пастбищъ, а потому ни якуту, ни тунгузу незачѣмъ туда заходить. Гороховъ за-

явилъ, впрочемъ, что слыхалъ, будто Адыча течетъ издалека и связана съ истоками Хандыги. Онъ вполнѣ соглашался со мною также въ томъ, что главною рѣкою является во всякомъ случаѣ Адыча, а не Яна. Гороховъ сообщилъ, что послѣдняя называется такъ только русскими, что настоящее ея имя, собственно говоря, Сартанъ и что она представляетъ собою притокъ Адычи. Извѣстность Яны онъ объяснялъ тѣмъ, что по ея долинѣ шелъ путь, а русское названіе рѣки приписывалъ тому обстоятельству, что русскіе не поняли якутскихъ проводниковъ, упомянувшихъ слово «жангы». Якуты назвали этимъ именемъ не рѣку, а хребетъ, черезъ который приходится переходить прежде, чѣмъ попадешь на Яну; слово же жангы означаетъ по-якутски каждую вершину, которая заходитъ за предѣлы лѣснаго пояса. По всей вѣроятности это объясненіе правильно: Яна до соединенія съ Адычею весьма незначительная рѣчка, а Адыча очень широка уже въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ путь на Колымскъ и течетъ по долинѣ, которая врѣзана въ окружающее ее нагорье и имѣетъ нѣсколько верстъ въ ширину. Адыча есть послѣдній значительный притокъ, впадающій въ Яну съ восточной стороны, такъ какъ къ послѣдней рѣкѣ подходитъ тутъ хребетъ Тасъ-Хаяхтахъ и покидаетъ ее снова только у урочища Жанкы, гдѣ онъ круто поворачиваетъ на востокъ. Съ правой стороны Адыча принимаетъ Тостахъ, а этотъ въ свою очередь Догдо, верхняя часть теченія котораго извѣстна тоже очень мало. Прежде этимъ путемъ ходили, какъ я уже раньше говорилъ, въ Зашиверскъ на Индигиркѣ, но впослѣдствіи онъ былъ совершенно заброшенъ частью потому, что въ бывшемъ мѣстечкѣ Зашиверскѣ осталась теперь только церковь съ домами для духовенства и церковнаго служителя, а частью оттого, что дорога очень затруднительна. Дорога эта становилась особенно опасна зимою, когда въ узкихъ и дикихъ горныхъ ущельяхъ путешественникамъ угрожали снѣжные обвалы. По ней еще возвращались въ Якутскъ члены экспедиціи Биллингса.

Въ настоящее время поднимаются на хребетъ Тасъ-Хаяхтахъ

по другому правому притоку Догдо, идущему не съ юга, а съ востока, а затѣмъ выходятъ на Кыру, правый притокъ Селегняха.

Съ лѣвой стороны Яна принимаетъ два болѣе значительные притока — Дулгулахъ и Бутантай. Первымъ изъ нихъ прежде часто пользовались при путешествіи изъ Якутска въ Верхоянскъ. Слѣва Дулгулахъ принимаетъ Ейчу, а послѣдняя справа Эндыбалъ, на которомъ находятся рудныя мѣсторожденія серебра. Цѣль посылки сюда Меглицкаго и заключалась въ томъ, чтобы рѣшить вопросъ относительно пригодности ихъ къ разработкѣ. Меглицкій заявилъ, что эксплоатаціи они не заслуживаютъ, такъ какъ съ одной стороны недостаточно богаты, а съ другой— тамъ нѣтъ необходимаго при обработкѣ топлива. Богатство рудъ серебромъ Меглицкій, конечно, могъ опредѣлить, но я не согласенъ съ нимъ относительно недостатка тамъ въ лѣсѣ. Въ Верхоянскѣ я слыхалъ отъ Горохова, что какъ на Эндыбалѣ, такъ и на Ейчѣ растетъ такой прекрасный высокоствольный лиственничный лѣсъ, какой встрѣчается обыкновенно лишь къ сѣверу отъ хребта; по его словамъ лѣсная растительность тутъ во всякомъ случаѣ много сильнѣе, чѣмъ по Янѣ. Судя по этому заявленію недостатка въ топливѣ быть тамъ не можетъ, потому что мѣстность и по верхней части теченія Яны покрыта уже хорошимъ лѣсомъ. Верховья Дулгулаха я изобразилъ иначе, чѣмъ на картѣ Генеральнаго Штаба; я придержался въ данномъ случаѣ указаній барона Толя, который сдѣлалъ на эту рѣку экскурію изъ Верхоянска. Впрочемъ, маршрутъ его снятъ глазомѣрно, а потому не можетъ претендовать на большую точность. Верхніе изъ притоковъ Бутантая, особенно Саркыреръ, доходятъ до истоковъ Менкяри; прежде и этимъ путемъ пользовались, когда желали выйти на Лену; но онъ имѣетъ также свои неудобства, такъ какъ спускъ по Менкяри очень крутъ и очень затруднителенъ для вьючныхъ лошадей.

Весь бассейнъ рѣки Яны лежитъ на высокой, сухой мѣстности, которая простирается съ юга на сѣверъ до нижняго теченія Яны, а съ запада на востокъ отъ Орулганскаго и Хара-

улахскаго хребтовъ до Тасъ-Хаяхтаха и очень выгодно отграничивается отъ болотъ области Индигирки. На пути отъ города Верхоянска до Тасъ-Хаяхтаха не приходится преодолѣвать и горъ, такъ какъ отроги Верхоянскаго хребта на этой широтѣ затерялись въ плоскогоріи, а Кигеляхъ-тасъ и Инняхъ, начинаясь только къ сѣверу отъ колымскаго пути (въ углу, образуемомъ Яною и Адычею) имѣютъ лишь незначительную длину, хотя и достигаютъ по даннымъ д-ра Бунге высоты 5000 футовъ.

Всѣ рѣки, впадающія въ Ледовитый океанъ, между Яною и Индигиркою, а также и устья этихъ послѣднихъ, сняты и изображены Анжу; карта Генеральнаго Штаба и моя опираются на его съемку. Лично я могъ убѣдиться въ точности чертежа Анжу только во время поѣздки изъ Казачьяго близъ Усть-Янска на Индигирку. За это же путешествіе мнѣ удалось установить, что хребетъ, покидающій Яну къ сѣверу отъ Жанкы и идущій къ Полоусному на Индигиркѣ, не доходитъ до Ледовитаго океана и что, слѣдовательно, горный подъемъ мыса Святой Носъ является изолированнымъ поднятіемъ земной коры.

Индигирка начинается на Оймеконской плоской возвышенности и образуется двумя рѣками — Оймекономъ и Контей; мѣстные же жители обыкновенно называютъ верховья Индигирки Оймекономъ, а Контю считаютъ за его лѣвый притокъ. Какой взглядъ правильнѣе—рѣшить очень трудно. Самъ я тамъ не былъ, а изъ того, что я прочелъ у Сарычева и что могъ узнать отъ бывавшихъ тамъ людей, мнѣ не удалось составить яснаго представленія о взаимномъ отношеніи этихъ рѣкъ. Дѣло въ томъ, что въ умѣ наблюдателя рѣка Оймеконъ часто отступаетъ на второй планъ передъ нагорьемъ, носящимъ то же самое названіе. Въ высшей степени вѣроятно, что тамъ существуетъ большое количество незначительныхъ рѣчекъ, которыя текутъ по обширнымъ лугамъ и равнинамъ этого плато и изъ которыхъ только немногія намъ извѣстны; но въ концѣ концовъ всѣ онѣ впадаютъ въ Индигирку. По однимъ свѣдѣніямъ Оймe-

конъ и Колыма вытекаютъ, какъ раньше было мною сказано, изъ одного и того же озера, а по другимъ — начало обѣимъ этимъ рѣкамъ даетъ обширное болото. Во всякомъ случаѣ всѣ собранныя мною свѣдѣнія сходятся въ томъ, что рѣки эти связаны своими верховьями и что между послѣдними нѣтъ водораздѣла. Иначе обстоитъ дѣло съ Кундузуро, съ Контей и съ Охотой: истоки этихъ рѣкъ расположены въ сосѣдствѣ, но начинаются съ горнаго массива Ураканчи, который значительно господствуетъ надъ остальнымъ нагорьемъ. Съ какого мѣста носитъ Индигирка свое имя, точно сказать я не могу, но во всякомъ случаѣ оно присуще ей уже у мѣста впаденія въ нее Нелкана, расположеннаго еще на Оймеконскомъ нагорьѣ. Отъ этого пункта теченіе ея становится быстрымъ и остается таковымъ много ниже Зашиверска. Въ то время какъ до впаденія Нелкана верховье Индигирки съ его многочисленными притоками течетъ по широкой, лишь мѣстами прорѣзанной горными цѣпями равнинѣ, съ этого мѣста прибрежный ланшафтъ совершенно измѣняется. Лѣвый берегъ гористъ почти до мѣста впаденія Селегняха, а правый низменъ и болотистъ. Справа впадаетъ въ Индигирку большое количество рѣкъ, изъ которыхъ Мома есть самая большая. Въ прежнее время, желая проѣхать изъ Колымска въ Якутскъ, часто избирали этотъ путь и выходили въ этомъ случаѣ на Догдо. Но съ одной стороны верхнее теченіе Догдо, благодаря своимъ дикимъ скалистымъ ущельямъ, трудно проходимо для вьючныхъ животныхъ, а съ другой — болота по берегамъ правыхъ притоковъ Индигирки ставили такъ много преградъ, что путемъ этимъ давно уже не пользуются. Между прочимъ, одинъ купецъ, прежде регулярно посѣщавшій Зашиверскъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ отказался отъ этой дороги, лишь бы только не имѣть дѣла съ тамошними болотами, несмотря на то, что лишался возможности собрать значительное количество долговъ у мѣстныхъ тунгузовъ; изъ болотъ особенно донимало путешествующихъ ужасное Кута-Селянъ.

Послѣднее представляетъ собою трясину верстъ въ 150 дли-

ною при широтѣ всего въ три — четыре версты, трясину, протянувшуюся между Боръ-ыряхомъ и Падерихой. Начинается это болото не далеко отъ верховья Падерихи (но послѣдней однако не касается), оканчивается же на нижнемъ теченіи Баръ-ыряха и при томъ такъ, что соединяется съ болотами праваго берега этой рѣки. Идти по нему — чистая каторга: мѣстами оно такъ глубоко, что перебраться черезъ него нѣтъ никакой возможности, въ другихъ же мѣстахъ лошадямъ удается преодолѣть его только послѣ того, какъ ихъ освободятъ отъ вьюка. Людямъ оно доставляетъ тоже большія затрудненія, а переправленіе грузовъ сопровождено съ массой хлопотъ и непріятностей. Судя по тому, что мнѣ разсказывали очевидцы объ этомъ болотѣ и о способѣ перебираться черезъ него, можно предположить, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ такъ называемой заросшей травою рѣкой, притокомъ Боръ-ыряха. Болото Кута-селянъ представляетъ собою ни что иное, какъ травяную виску, которыя часто встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ озерной области, но нигдѣ не достигаютъ такихъ обширныхъ размѣровъ. Вся мѣстность, лежащая къ востоку отъ Индигирки, вплоть до Томусъ-хаи и Алазейскаго хребта есть плоская низменность, а потому теченіе рѣкъ имѣетъ тутъ весьма слабое паденіе и онѣ легко засоряются. Въ данномъ случаѣ превратились въ болото не берега рѣки, а совершенно заросло самое русло рѣки, почему послѣдняя и кажется людямъ длиннымъ, узкимъ болотомъ.

Направленіе теченія какъ самой Индигирки, такъ и ея притоковъ изображены мною согласно съ картою Генеральнаго Штаба, источники же на которыхъ основаны обѣ эти карты суть разспросныя свѣдѣнія, собранныя мною у живущихъ на нижнемъ теченіи Уяндины якутовъ и отъ нѣсколькихъ тунгузовъ, которыхъ я встрѣтилъ на Селегняхѣ. Такимъ образомъ свѣдѣнія эти давались незнавшими другъ друга людьми, но тѣмъ не менѣе оказались сходными; вслѣдствіе этого они вполнѣ заслуживаютъ довѣрія.

Тутъ не мѣшаетъ присовокупить, что люди эти могли ука-

зать направленіе Индигирки и устья ея притоковъ только приблизительно; разстояніе послѣднихъ считаю кёсами, которые я оцѣнилъ въ семь съ половиною верстъ каждый. Что касается до истоковъ, то положеніе ихъ они указали только въ общихъ чертахъ, а о направленіи малыхъ рѣкъ не могли сообщить никакихъ подробностей. Добытыя мною на нижнемъ теченіи Индигирки данныя не шли по правой сторонѣ рѣки выше Момы, такъ что рѣки, расположенныя на Оймеконскомъ нагорьѣ, провѣрены мною не были, а черчены на основаніи авторитета Сарычева и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ имъ въ описаніи путешествія.

Въ области Падерихи, Тиряхтаха, Струковой и Шангина плоская низменность праваго берега Индигирки переходитъ въ озерную область, которая расположена между Колымой и Индигиркой. На правомъ берегу Индигирки много озеръ встрѣчается уже начиная съ Момы, но все же ихъ тутъ не такое громадное количество, какъ далѣе на сѣверъ; впрочемъ мнѣ не могли сказать, гдѣ начинается ихъ скопленіе. Что касается спеціально Индигирки, то къ этой рѣкѣ озера подходятъ съ востока и продолжаются на ея лѣвомъ берегу, именно въ области, расположенной между устьями Падерихи и Шангина. Къ сѣверу отъ послѣдней рѣки правый берегъ становится снова гористъ, такъ какъ къ Индигиркѣ подходятъ здѣсь хребты Чайдахъ, Пелевой и Пунга-Таха. Вслѣдствіе этого помимо значительнаго числа мелкихъ, безымянныхъ ручьевъ она принимаетъ справа только Ерчу, а затѣмъ уже въ дельтѣ — Лундушину, Петрову и Блудную, изъ которыхъ послѣдняя носитъ также названіе Шангина. Въ своемъ среднемъ и нижнемъ теченіи Индигирка представляетъ могучую, многоводную рѣку, изобилующую массой острововъ, которые впрочемъ всѣ низменны и весною большею частію затопляются. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ большой островъ, расположенный противъ устья Аллаихи и обязанный своимъ происхожденіемъ рукаву Индигирки, Захребетной Протокѣ, которая прорвалась къ востоку черезъ ущелье Пунги-тахи.

Лѣвые притоки Индигирки были извѣстны опрошеннымъ мною людямъ только вверхъ до Келяндиной и до Тиряхтаха, а о болѣе значительномъ лѣвомъ ея притокѣ, Аргѣ, мнѣ никто и ничего не могъ сообщить. Причина этого незнакомства зависѣла оттого, что тамъ никто не бывалъ, даже тунгузы: мѣстность та не отличается обиліемъ дичи. Они правда слыхали о значительной рѣкѣ Сырыктахѣ, но лично на ней не были. Въ виду того, что Арга упоминается Сарычевымъ, выпустить ее было нельзя, а между тѣмъ возможно, что она идентична съ Сырыктахомъ. Такъ она и нанесена на обѣихъ картахъ, хотя сказанное есть только предположеніе, не имѣющее никакой фактической подкладки.

Много полнѣе наши свѣдѣнія о Селегняхѣ и Уяндиной. Первая изъ этихъ рѣкъ въ одной части своего теченія извѣстна каждому, кто ходилъ по дорогѣ изъ Верхоянска въ Колымскъ. Путь этотъ идетъ на нѣкоторомъ протяженіи по его лѣвому берегу, который къ тому же всюду славится своими прекрасными пастбищами. Дѣло въ томъ, что тамъ растетъ въ большомъ количествѣ чибога или сибихтя, хвощь, принадлежащій къ виду *Equisetum variegatum*, который представляетъ прекрасный кормъ для лошадей; вслѣдствіе этого здѣсь дѣлаютъ на нѣсколько дней остановку, чтобы дать животнымъ хорошенько отдохнуть и подкрѣпиться. Только эта часть нижняго теченія Селегняха и была извѣстна ближе; на старыхъ картахъ она изображалась довольно правильно, но впослѣдствіи былъ внесенъ въ разсматриваемую область невозможный хаосъ, особенно благодаря Иркутскому Генеральному Штабу, который заставилъ Уяндину течь въ Селегняхъ и т. п. Мой черчежъ основанъ частью на данныхъ нашего маршрута, частью же на свѣдѣніяхъ, собранныхъ у жителей Ожогина и у одного тунгуза, охотничій участокъ котораго простирался отъ Береляха до истоковъ Селегняха и Уяндиной и который, какъ мнѣ показалось, былъ прекрасно ознакомленъ съ этой областью. По его разсказамъ, перейдя хребты Сахо-тагу и Сылгыгытъ-тагу, попадаешь въ болѣе ровную, слабо холмистую

мѣстность и, направляясь отсюда на сѣверо-западъ, достигаешь истоковъ двухъ рѣкъ, Селегняха и Уяндиной, отстоящихъ другъ отъ друга приблизительно на 70 верстъ. Рѣки вытекаютъ изъ высокихъ горъ, съ высочайшихъ вершинъ которыхъ можно видѣть Яну въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ Жанкы. По тѣмъ выраженіямъ, которыя употребляли люди, я заключилъ, что хребетъ Тасъ-Хаяхтахъ доходитъ до Жанкы на Янѣ и тамъ дѣлаетъ крутой поворотъ на востокъ. Въ Ожогинѣ мнѣ также сообщали за вполнѣ достовѣрный фактъ, что достигающій Индигирки у Ожогинскаго озера Полоусный хребетъ простирается на западъ до Яны. Наконецъ, самъ я на пути изъ Казачьяго на востокъ до устья Аллаихи встрѣтилъ, какъ уже сказано, не горы, а только холмистую мѣстность и перешелъ тутъ самыя верховья Шендона, Хромы и Береляха или Елона. Отъ расположеннаго на Янѣ горнаго узла нагорье направляется, по разсказамъ тунгузовъ, къ юго-востоку и уступами его являются хребты Сахо-тага, Сылгыгытъ-тага и Сылгы-ыттаръ; изъ послѣдняго беретъ свое начало Тонгмотъ такъ же, какъ съ Кэхъ-таса начинается Береляхъ. Въ отношеніи этихъ двухъ рѣкъ мой маршрутъ не совпадаетъ со съемкой топографа Аѳонасьева, у котораго Береляха вовсе нѣтъ, а Тонгмотъ течетъ справа въ Селегняхъ. Между тѣмъ я могу вполнѣ поручиться за вѣрность моего маршрута (которымъ и воспользовался Генеральный Штабъ), такъ какъ я подробно освѣдомлялся у человѣка, прекрасно знавшаго ту мѣстность, Аѳонасьевъ же быстро проѣхалъ ее во время сильной зимней стужи, имѣя при себѣ только проводниковъ изъ Якутска. Послѣдніе, конечно, не дурно знаютъ, какъ я часто имѣлъ случай убѣдиться, ежегодно ими посѣщаемую большую дорогу, по которой ходятъ купцы, но рѣдко знакомы съ тѣмъ, что лежитъ вправо или влѣво отъ нея. Не можетъ быть у меня ошибки уже потому, что я снялъ пель-компасомъ устья обѣихъ рѣкъ, т. е. Тонгмота и Береляха, изъ которыхъ послѣдній, кстати сказать, течетъ въ прекрасной широкой долинѣ.

Въ самомъ своемъ верховьѣ Селегняхъ течетъ съ сѣвера на

югъ въ узкомъ ущельѣ и имѣетъ всего одинъ притокъ—Уюсардахъ, впадающій въ него слѣва; но у впаденія въ него Кыры онъ поворачиваетъ на востокъ, долина его становится шире, онъ образуетъ массу острововъ, но еще съ обѣихъ сторонъ обставленъ горами. Принявъ въ себя два ручья, Надёжку и Кысъ-ырыю, вступаетъ онъ въ область озеръ и далѣе уже не имѣетъ никакихъ стоющихъ упоминанія притоковъ, но за то принимаетъ въ себя большое число високъ, которыя сносятъ въ него воду безчисленныхъ озеръ.

Кыра вытекаетъ изъ небольшаго болотистаго озера, дающаго также начало рукаву Догдо, по долинѣ котораго въ настоящее время переходятъ черезъ хребетъ Тасъ-Хаяхтахъ; она представляетъ собою маленькую рѣчку, но благодаря своимъ качествамъ пользуется очень плохою репутаціей. Въ горной части своего теченія образуетъ она вслѣдствіе быстраго паденія массу грунтоваго льда, который часто запруживаетъ въ видѣ плотины рѣчное русло и берега, при чемъ возникаетъ озерообразное расширеніе рѣки, простирающееся отъ береговыхъ скалъ одного берега до таковыхъ же другаго; не рѣдко глубина воды настолько значительна, что ставитъ въ критическое положеніе какъ лошадь, такъ и сѣдока, которымъ нельзя свернуть въ сторону, гдѣ дорога загорожена прибрежными скалами. Но тотчасъ по выходѣ изъ главнаго гребня Тасъ-Хаяхтаха Кыра попадаетъ въ высокорасположенную долину съ плоскимъ дномъ и образуетъ наледи или тарыны такихъ обширныхъ размѣровъ, какихъ въ другихъ мѣстахъ этой дороги не встрѣчаешь. При этомъ Кыра широко разливается, такъ что тарыны ея соединяются съ наледями Ньехарана и Селегняха и путешественнику приходится переходить ледяное поле въ двадцать слишкомъ верстъ шириною. Вслѣдствіе этого зимою, когда тутъ большею частію и путешествуютъ, устья Кыры и Ньехарана совершенно скрываются подъ обширнымъ тарыномъ, а потому проводники изъ Якутска положительно утверждаютъ, что Ньехаранъ течетъ не въ Селегняхъ, а есть притокъ Кыры. Дѣло въ томъ, что на обратномъ

пути они бываютъ здѣсь обыкновенно въ началѣ іюня или въ концѣ мая, а въ это время тарынъ оттаиваетъ еще очень мало; я же проѣзжалъ это мѣсто въ послѣдніе дни іюня, а затѣмъ въ началѣ октября, когда тарынъ только возникалъ, русла рѣкъ были еще совершенно открыты, и тогда я могъ убѣдиться въ справедливости словъ тунгуза, что обѣ рѣки впадаютъ въ Селегняхъ.

На пространствѣ между впаденіемъ Селегняха и Уяндины въ Индигирку съ лѣвой стороны не течетъ ни одной рѣзко выраженной рѣки, но за то въ нее впадаетъ большое множество високъ, которыя связываютъ между собою безчисленныя здѣшнія озера. Такую виску представляетъ между прочимъ Дурунгуна или Спасская; въ противоположность другимъ она носитъ особое названіе, такъ какъ мѣстами, особенно въ нижнемъ своемъ теченіи, на значительномъ пространствѣ не прерывается озерами, благодаря чему ее и можно признать за явственную рѣку.

Какъ я уже раньше нѣсколько разъ говорилъ, на картѣ изображены далеко не всѣ водоемы озерной области, расположенной къ западу отъ Индигирки. На нее нанесены только тѣ, которыхъ коснулись дважды перекрещивающіеся маршруты Аѳонасьева и мой.

По словамъ провожавшихъ насъ мѣстныхъ якутовъ совершенно безразлично въ какомъ направленіи не идти по мѣстности между низовьями двухъ рѣкъ, Уяндины и Селегняха: повсюду встрѣтишь непрерывную цѣпь озеръ. Согласовать на картѣ оба наши маршрута было, впрочемъ, не совсѣмъ-то легко, особенно потому, что у Аѳонасьева вовсе нѣтъ обширнаго озера Оттохъ-аттаха, черезъ которое мнѣ приходилось переѣзжать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ путь его, какъ и мой, лежалъ черезъ озеро Хаясардахъ, а за нимъ еще черезъ нѣсколько мелкихъ безымянныхъ, или вѣрнѣе, черезъ такія, имена которыхъ не были извѣстны его проводникамъ изъ Якутска. Но дѣло въ томъ, что Оттохъ-аттахъ, собственно говоря, есть не *одно* озеро, а комплексъ озеръ, связанныхъ между собою болѣе или менѣе широкими протоками. По сло-

вамъ и наброскамъ мѣстныхъ жителей видъ озера приблизительно тотъ же, какой оно имѣетъ на моей спеціальной карточкѣ, но только оно сплошь покрыто островами, почему на немъ вовсе нѣтъ обширной водной поверхности. Я подозрѣваю, что три безымянныхъ озера между Хаясардахомъ и Талой на маршрутѣ Аѳонасьева принадлежатъ къ Оттохъ-аттаху; поэтому на свою карту я нанесъ оба маршрута, тогда какъ на картѣ Генеральнаго Штаба сдѣлана, повидимому, ошибка въ томъ, что тамъ сочли два маршрута за одинъ, но найдя различныя названія, старались ихъ по возможности согласить, благодаря чему и уклонились отъ дѣйствительности.

Дурунгуна или Спасская нанесена на карту только на основаніи ея истока изъ озера Чабы и ея устья: я счелъ за лучшее вовсе опустить озера, черезъ которыя она протекаетъ, потому что, перечисляя ихъ, люди постоянно сбивались и противорѣчили другъ другу. Но озерная область простирается далеко за Дурунгуну и доходитъ до нижняго теченія Селегняха. Пояснять расположеніе тамошнихъ озеръ людямъ было, однако, непосильной задачей; они повторяли только, что «куда и какъ не поѣзжай, какъ ни сворачивай, а всюду до самой Индигирки и Селегняха столько же озеръ, сколько и тутъ». Вверхъ по Уяндинѣ озера идутъ впрочемъ не такъ далеко, какъ по Селегняху.

Въ долинахъ Уяндины и ея притоковъ, а также въ долинкахъ небольшихъ притоковъ Индигирки, какъ-то Судорохи, Курунгъ-ыряха, Костромана и Полоусной, озеръ тоже очень много, но тѣмъ не менѣе здѣсь много меньше воды, чѣмъ между Уяндиной и Селегняхомъ. Но за то тутъ расположены два самыя большія озера области Индигирки — Эджегей, изъ котораго вытекаетъ Судороха, и Ожогино или Тыгымей-кёль, дающій начало Полоусной. Эджегея самъ я не видалъ, но по словамъ очевидцевъ оно такой же величины, какъ и Ожогинское озеро, вдоль берега котораго я ѣхалъ верхомъ на протяженіи тридцати верстъ. Ожогинское озеро очень красиво и лежитъ у южнаго склона Полоуснаго хребта, такъ что сѣверный его берегъ совер-

шенно окруженъ горами, а вокругъ южнаго разстилается равнина.

Рѣки, текущія въ Индигирку ниже впаденія Полоусной, сняты Анжу и Врангелемъ; какъ моя, такъ и карта Генеральнаго Штаба придерживались ихъ данныхъ.

Для дельты Индигирки мы не располагаемъ такими подробными свѣдѣніями, какъ для дельтъ Лены и Яны, но въ общемъ она изображена, по всей вѣроятности, довольно правильно. Слѣдуетъ только замѣтить, что главныхъ устьевъ у Индигирки, собственно говоря, два—Русское устье и Колымское, всѣ же остальные рукава много меньше; кромѣ того тутъ, какъ и въ дельтѣ Лены, есть еще большое количество протоковъ, часто мѣняющихъ свое направленіе, потому что вся дельта состоитъ изъ песчаныхъ наносовъ и не рѣдко видоизмѣняется въ зависимости отъ ледохода и подъ вліяніемъ вѣтровъ.

На пространствѣ между Индигиркою и Колымою въ Ледовитый океанъ впадаетъ нѣсколько небольшихъ рѣкъ; болѣе значительна только одна Алазея. Изъ нихъ ежегодно посѣщаются промышленниками, отыскивающими слоновую кость, Шандронъ съ Эрби или Пилой и Улаханъ-хомосъ-ыряхъ съ Ачыги-хомосъ-ыряхомъ въ виду того, что въ берегахъ ихъ находятъ много хорошо сохранившихся мамонтовыхъ бивней. По разсказамъ Эрби обязана даже своимъ русскимъ названіемъ (Пила) именно тому обстоятельству, что въ берегахъ ея по минованіи весенняго половодья торчитъ большое количество мамонтовыхъ бивней, которые напоминаютъ собою зубья пилы и придаютъ ей видъ послѣдней.

Алазея беретъ свое начало изъ хребта Алазейскаго и принимаетъ въ себя лишь одинъ носящій названіе притокъ, — Россо́ху или Гаври́ло или Алахей-талата̀; помимо послѣдней въ нее течетъ только большое количество високъ, питающихся безчисленными озерами, расположенными по обѣ стороны этой рѣки. Выше уже шла рѣчь о странѣ озеръ, расположенной между Колымой и Индигиркой и доходящей до обѣихъ этихъ рѣкъ; но наи-

большаго своего развитія достигаетъ она въ бассейнѣ Алазеи, которую можно разсматривать какъ большую виску, по крайней мѣрѣ въ ея верховьѣ: она течетъ тутъ изъ одного озера въ другое и только мѣстами имѣетъ видъ рѣки, текущей между твердыми берегами. По словамъ мѣстныхъ жителей вся страна между Колымой и Пелевымъ хребтомъ представляетъ мѣстность, сплошь покрытую безчисленнымъ количествомъ озеръ: большинство этихъ послѣднихъ связаны между собою висками, которыя въ концѣ концовъ впадаютъ либо въ Россоху, либо въ Алазею, Большую Чукочью и Колыму. Нельзя впрочемъ считать эту мѣстность за абсолютную равнину, потому что, во первыхъ, отъ Алазейскаго хребта отходитъ почти по прямой линіи рядъ отдѣльно-стоящихъ холмовъ, который тянется вплоть до Кигеляхъ-таса, представляющаго собою какъ бы продолженіе Албея на правомъ берегу нижняго теченія Алазеи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холмы эти расположены ближе одинъ къ другому, такъ что придаютъ мѣстности видъ горнаго ланшафта (такъ на прим. между 69° сѣв. шир. и мѣстомъ, гдѣ путь мой достигаетъ Алазеи,—у озеръ Потана, Айгана, Харети и до Лабы и Мохосо-олоха), но тѣмъ не менѣе имъ все же не достаетъ общаго пьедестала, въ видѣ поднятія земной поверхности, и они являются одиноко-возвышающимися изъ равнины пригорками. Во вторыхъ, вдоль лѣваго берега Колымы тянется слабо выраженный валъ, по всей вѣроятности очень невысокій, такъ какъ онъ не можетъ препятствовать прорыву озеръ. Такъ, въ одно лѣто обширное озеро Сылгытаръ (см. спеціальную карту) прорвало валъ и совершенно вытекло черезъ озеро Палгино въ Колыму; при этомъ послѣднее озеро сохранило свои прежніе размѣры, а на мѣстѣ бывшаго Сылгытара образовалось обширное ровное мѣсто, на которомъ въ настоящее время единственнымъ остаткомъ озера является только масса мелкихъ лужъ. Подобныя ровныя мѣста, происшедшія отъ осушенія озеръ, называютъ тамъ олбутами и ихъ встрѣчаешь въ большомъ количествѣ какъ въ Колымскомъ, такъ и въ Верхоянскомъ округахъ.

Остальныя небольшія рѣчки, впадающія въ Ледовитый океанъ между Алазеей и Колымой, точно установлены только по ихъ устьямъ, остальное же ихъ теченіе нанесено по разспроснымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ у жителей Ожогина и Русскаго Устья.

Теченіе *Колымы* извѣстно намъ лишь отчасти, какъ и теченіе самаго большаго изъ ея притоковъ—Омолона. Карту Колымы даетъ уже Сарычевъ; направленіе теченія этой рѣки опредѣлено по его даннымъ начиная отъ Верхнеколымска, детали же ея вычерчены по маршрутной съемкѣ топографа Аѳонасьева. Относительно этого нужно замѣтить слѣдующее. Насколько я знаю, Сарычевъ не оставилъ намъ астрономическихъ пунктовъ, а только карту, Биллингсъ же опредѣлилъ астрономическимъ путемъ Нижне-, Средне- и Верхнеколымскъ, а также Зашиверскъ. Но всѣ эти опредѣленія не вѣрны—ни по отношенію къ широтѣ, ни тѣмъ болѣе по отношенію къ долготѣ. Въ виду того, что Нижнеколымскъ вполнѣ точно опредѣленъ Врангелемъ и Нейманомъ, затрудненій этотъ пунктъ не представляетъ, но для Верхне- и Среднеколымска я взялъ какъ долготу, такъ и широту по картѣ Сарычева *), потому что въ обоихъ этихъ пунктахъ Сарычевъ по долгу жилъ и сдѣлалъ съемку Колымы отъ Верхнеколымска, гдѣ строилъ свои корабли, до ея устья. Изъ оставленныхъ имъ бумагъ не видно, чтобы онъ дѣлалъ астрономическія наблюденія, но карта все же черчена по точной географической сѣткѣ. По Врангелю я далъ географическое положеніе только Нижнеколымска, а Верхнеколымскъ и Среднеколымскъ нанесъ на свою карту, за ненмѣніемъ лучшихъ опредѣленій, по даннымъ Сарычева. Послѣдній, принявъ меридіанъ Верхнеколымска за главный, помѣщаетъ Среднеколымскъ на 3° 35′, а Нижнеколымскъ на 9° 42′ 30″; основываясь на разницѣ долготъ этихъ двухъ пунктовъ, я принялъ географическое положеніе для

*) Путешествіе флота капитана Сарычева, С.-Петербургъ, 1802 г. (Карта черчена въ 1787 году).

Верхнеколымска 65° 42′ 4″ с. ш. и 168° 56′ 28″ в. д., а для Среднеколымска 67° 26′ 20″ с. ш. и 172° 31′ 26″.

Сказаннымъ исчерпывается рѣшительно все, что намъ достовѣрно извѣстно о направленіи теченія Колымы; вся верхняя часть ея теченія и истоки такъ же, какъ и верховые притоки этой рѣки до сихъ поръ остаются еще покрытыми мракомъ неизвѣстности. Якуты Колымскаго округа не живутъ на самой верхней части теченія рѣки, а селятся главнымъ образомъ ниже и нѣсколько выше Верхнеколымска. Съ другой стороны, тунгузы, ламуты и юкагиры, живущіе въ бассейнѣ этихъ верховьевъ, лишь изрѣдка посѣщаютъ Среднеколымскъ; за порохомъ и свинцомъ они идутъ охотнѣе въ Охотскъ и Гижигинскъ. Такимъ образомъ крайне трудно разузнать что-либо о восточной части Оймеконскаго нагорья, а какъ разъ оттуда и течетъ Колыма. Верховья послѣдней рѣки и впадающіе въ нихъ притоки я изобразилъ иначе, чѣмъ на картѣ Генеральнаго Штаба. Въ этомъ случаѣ я предпочелъ придержаться авторитетныхъ данныхъ Чихачева, который совершилъ, какъ выше уже упоминалось, въ 1856 году поѣздку изъ Охотска въ Гижигинскъ и собралъ свѣдѣнія относительно этихъ рѣкъ и ихъ связи съ Колымою у тунгузовъ, живущихъ въ восточной части Оймеконскаго нагорья и ежегодно посѣщающихъ для рыбной ловли устья рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море. Карта, которую онъ составилъ на основаніи указаній этихъ людей, находится въ Сибирскомъ Отдѣлѣ Русскаго Географическаго Общества въ Иркутскѣ; начерчена она довольно грубо и представляетъ собою лишь схематическое изображеніе того, что Чихачевъ разсказываетъ со словъ тунгузовъ *).

Я счелъ себя въ правѣ измѣнить карту Генеральнаго Штаба по даннымъ Чихачева въ виду того, что она основана на старинныхъ чертежахъ самой верхней части теченія Колымы и рѣкъ, текущихъ въ Охотское море съ Оймеконскаго нагорья, на черте-

*) Извѣстія Спб. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ. Чихачевъ.

жахъ, которые, насколько мнѣ извѣстно, не оправдываются надежными документами; впрочемъ и остальной нашъ матеріалъ относительно разбираемой области заключается лишь въ картахъ, составленныхъ по разспроснымъ свѣдѣніямъ, а потому крайне сбивчивъ и неточенъ. Данныя, собранныя Чихачевымъ, оставляютъ тоже многаго желать и если я даю имъ предпочтеніе, то только оттого, что онѣ сходятся съ указаніями, которыя были собраны мною лично. По этимъ же свѣдѣніямъ восточная часть Оймеконскаго нагорья покрыта обильными болотами и озерами, дающими начало рѣкамъ, текущимъ въ разныя стороны. Я уже говорилъ выше, что истоки Колымы и Индигирки имѣютъ общее происхожденіе и начинаются либо изъ озера, либо изъ обширнаго болота и при томъ такъ, что между ними нѣтъ замѣтнаго на глазъ водораздѣла. Я слыхалъ также отъ тунгузовъ съ Индигирки, которые охотились въ области истоковъ Колымы, что верховья многихъ притоковъ послѣдней рѣки сближены съ истоками рѣкъ, текущихъ въ Охотское море. Поэтому я рѣшаюсь воспользоваться самыми лучшими, по моему мнѣнію, даннымп, хотя вовсе не желаю при этомъ утверждать, что таково истинное положеніе дѣлъ. На старинныхъ картахъ область самой верхней части теченія Колымы изображена очень неполно и относительно ея я, какъ и составители карты Генеральнаго Штаба, придерживался чертежа, составленнаго топографомъ Аѳонасьевымъ по разспроснымъ свѣдѣніямъ; измѣнено только указанное выше. Вслѣдствіе этого на обѣихъ картахъ опущено мѣстечко Плотбище съ поясненіемъ «строеніе судовъ», не смотря на то, что оно приводится на всѣхъ старыхъ картахъ. Мы напрасно старались разузнать объ этомъ мѣстечкѣ, — никто не могъ сообщить намъ о немъ, такъ что его положительно нѣтъ ни въ Колымскомъ округѣ, ни на Оймеконѣ. Между тѣмъ крайне странно, что названіе это появилось и такъ долго держалось на картахъ, да къ тому же еще съ обозначеніемъ дороги, которая ведетъ съ Оймекона черезъ это мѣстечко въ Верхнеколымскъ. Старый путь, по которому ходили изъ Якутска въ область Колымы, дѣйствительно шелъ всегда черезъ

Оймеконъ, но отсюда сворачивалъ либо на Зашиверскъ, или велъ вдоль праваго берега Зырянки, впадающей слѣва въ Колыму, и достигалъ послѣдней рѣки только у Верхнеколымска. Сарычевъ также нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ мѣстечкѣ, а свои корабли строилъ на Ясашнѣ, получая изъ окрестностей вполнѣ пригодный для того строевой лѣсъ въ достаточномъ количествѣ. Такимъ образомъ мѣстечко это никакъ не можетъ имѣть отношеніе къ постройкѣ морскихъ кораблей, которые во всякомъ случаѣ строились на Колымѣ. Поэтому въ высшей степени вѣроятно, что оно представляетъ результатъ досужей фантазіи иркутскихъ картографовъ, перемѣшанной страннымъ образомъ съ истиной. Дѣло въ томъ, что названіе Плотбище встрѣчается въ Колымскомъ округѣ очень часто, а потому можетъ найтись и на верхнемъ теченіи Колымы. Но тамошніе рыбаки плаваютъ по Колымѣ на лодкахъ, которыя называются шитиками. Послѣднія бываютъ иногда значительныхъ размѣровъ, достигая семи и восьми саженей въ длину; характерная ихъ особенность заключается въ томъ, что вся нижняя, сидящая въ водѣ, часть лодки дѣлается изъ одного цѣлаго осиноваго ствола; къ этому уже днищу не прибиваются гвоздями, а прикрѣпляются или пришиваются (отсюда и самое названіе шитикъ) корешками лиственницы одинъ или два ряда тонкихъ лиственничныхъ досокъ. Необходимые для такого рода лодокъ осиновые стволы очень толсты и въ верхнемъ отрубѣ часто достигаютъ одного аршина въ діаметрѣ. Такихъ толстыхъ деревьевъ въ окрестностяхъ Средне- и Верхнеколымска найти нельзя, а потому прибрежные жители области истоковъ рѣки выдалбливаютъ днища на мѣстѣ и пригоняютъ ихъ въ Колымскъ на продажу уже готовыми. Но въ названной области нѣтъ опредѣленнаго мѣста, гдѣ выдѣлка подобныхъ днищъ практиковалась бы преимущественно; осина достигаетъ тутъ мощнаго роста повсюду, а потому кто найдетъ подходящее дерево, тотъ и дѣлаетъ изъ него лодку. Находящееся на старинныхъ картахъ мѣстечко Плотбище слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить ничѣмъ неоправдываемымъ предположеніемъ спеціальнаго мѣста выработки

днищъ, поэтому мнѣ кажется болѣе цѣлесообразнымъ не наносить его до тѣхъ поръ, пока не будетъ какихъ-либо доказательствъ его существованія.

Дальнѣйшее теченіе Колымы, какъ и теченіе ея большаго праваго притока, Омолона, изображено на моей картѣ по даннымъ, собраннымъ топографомъ Аѳонасьевымъ, который предпринялъ съ Малаго Анюя спеціальное путешествіе для изслѣдованія истоковъ Омолона, а затѣмъ спустился на лодкѣ внизъ по этой рѣкѣ до ея впаденія въ Колыму. Аѳонасьеву было поручено подняться вверхъ по Омолону какъ можно выше, но служившіе ему проводниками ламуты могли провести его лишь до мѣста впаденія Кигали въ Омолонъ; дальнѣйшему путешествію помѣшало половодье. Вслѣдствіе этого изображеніе самой верхней части теченія Омолона, а также области между Омолономъ и Колымою основано на разспросныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ частью Аѳонасьевымъ, частью же мною самимъ. Аѳонасьевъ собиралъ свои данныя у ѣхавшихъ съ нимъ ламутовъ, я же получалъ указанія преимущественно отъ коряковъ и гижигинскихъ козаковъ, ходившихъ съ Пенжины, Парени и Гижиги черезъ хребты на верхнее теченіе Омолона, а отсюда въ Среднеколымскъ.

Изъ всѣхъ этихъ разспросныхъ свѣдѣній вытекаетъ лишь то, что западный или лѣвый берегъ Колымы преимущественно низменный и покрытъ большимъ количествомъ озеръ, дающихъ впрочемъ начало только одному значительному притоку главной рѣки — Зырянкѣ. Послѣднее зависитъ отъ того, что невысокая горная цѣпь Томусъ-хая, составляющая водораздѣлъ между Колымой и Индигиркой, проходитъ недалеко отъ первой изъ рѣкъ и можетъ посылать къ ней лишь малыя рѣчки. Далѣе къ сѣверу, гдѣ Томусъ-хая переходитъ въ Алазейскій хребетъ, возвышенность отступаетъ отъ берега Колымы къ западу, но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ начинается уже область озеръ, которыя доходитъ до побережья Ледовитаго океана и не даетъ образоваться большимъ рѣкамъ. Правый же берегъ Колымы почти повсюду высокъ и

крутъ, а далѣе слѣдуетъ волнистое плато, переходящее за Омолонъ и идущее вплоть до Колымскаго хребта; это плоскогоріе постепенно поднимается отъ Колымы до названнаго хребта, а затѣмъ, на востокѣ, круто обрывается къ низменности, лежащей между Охотскимъ моремъ и Анадыремъ. По направленію съ сѣвера къ югу поднятіе страны идетъ тоже постепенно, такъ что нѣтъ возможности провести рѣзкой границы между этой мѣстностью и Оймеконскимъ нагорьемъ. Съ восточной стороны на возвышенность ведетъ довольно крутой подъемъ, который впрочемъ почти всюду вполнѣ удобенъ какъ для вьючныхъ лошадей, такъ и для собачьихъ нартъ; но на западѣ спаданіе ея такъ постепенно, что хребетъ становится замѣтнымъ лишь тогда, когда доберешься до его гребня. Такое строеніе поверхности является также причиною того обстоятельства, что съ правой стороны въ Колыму, какъ и въ Омолонъ, течетъ значительное количество большихъ притоковъ, тогда какъ слѣва послѣдняя рѣка принимаетъ лишь одинъ крупный притокъ — Кедонъ. Страна эта болотиста въ значительной степени, но по разсказамъ изобилуетъ также хорошими покосами и лугами, такъ что для якутскихъ и юкагирскихъ стадъ корму здѣсь вполнѣ достаточно.

Въ нижней части своего теченія Колыма вдругъ измѣняетъ направленіе и круто поворачиваетъ на востокъ, даже нѣсколько на юго-востокъ, несмотря на то, что нѣтъ никакой очевидной причины такого крутаго поворота: лѣвый берегъ и слѣдующая за нимъ полоса земли остается низменной песчаной тундрой, которая не должна бы была противостоять напору такой могучей рѣки. Островъ, на которомъ расположенъ Нижнеколымскъ такъ плосокъ и низменнъ, что на немъ не могла развиться даже порядочная лѣсная растительность; онъ весь пронизанъ протоками, но всѣ они мелки и засорены пескомъ и даже по главному рукаву, образующему островъ, ѣздить можно не все лѣто; мѣстами онъ также пересыхаетъ и тогда большой островъ не всегда оправдываетъ свое названіе. Какъ разъ противъ Нижнеколымска впадаютъ однимъ устьемъ въ Колыму два Анюя — Большой и

Малый или Сухой; эти рѣки представляютъ собою два послѣдніе значительные притока Колымы.

Направленіе теченія двухъ Анюевъ было хорошо извѣстно еще со времени экспедиціи Врангеля, такъ какъ онъ опредѣлилъ тогда большое количество астрономическихъ пунктовъ; задачею нашего путешествія было, поэтому, дальнѣйшее изслѣдованіе системъ этихъ рѣкъ, т. е. детальныя изысканія относительно ихъ притоковъ.

Ниже двухъ Анюевъ въ Колыму впадаютъ лишь очень малыя и незначительныя рѣчки. Сама Колыма, имѣющая уже у Нижнеколымска около четырехъ верстъ ширины, начиная отсюда расширяется все больше и больше и, достигнувъ въ концѣ концовъ необыкновенной ширины, впадаетъ въ море, образуя массу острововъ, большинство которыхъ очень низменны. Лѣвый берегъ тоже низокъ, но правый высокъ, потому что горы часто подходятъ къ самой рѣкѣ.

Что касается до рѣкъ къ востоку отъ Колымы, то изъ нихъ экспедиціею Врангеля изслѣдована на всемъ ея протяженіи, отъ истоковъ до устья, только Большая Бараниха, а для остальныхъ впадающихъ въ Ледовитый океанъ до Колючинской губы рѣкъ установлены лишь устья. О направленіи же теченія послѣднихъ намъ извѣстно лишь то, что сообщаетъ о нихъ Сарычевъ на основаніи путешествія Биллингса по этой странѣ. Сарычевъ даетъ также карту, которая впрочемъ была снята, очевидно, не во время пути, а составлена впослѣдствіи по дневникамъ Биллингса или его спутниковъ. Изъ трудовъ экспедиціи Биллингса мы узнаемъ также то, что подтвердила впослѣдствіи и наша экспедиція: я говорю о возвышенности, которая, начинаясь въ области истоковъ Большаго Анюя, прорѣзываетъ всю страну къ востоку отъ двухъ Анюевъ и, становясь все ниже и ниже, оканчивается на мысѣ Пээкъ или Восточномъ обрывомъ къ морю, имѣющимъ всего нѣсколько сотъ футовъ высоты. Возвышенность эта представляетъ собою не рѣзко ограниченный хребетъ съ рѣзко очерченными отрогами, а скорѣе плоскій, нѣсколько вы-

пуклый подъемъ земной поверхности, медленно спадающій какъ къ сѣверу, по направленію къ Ледовитому океану, такъ и къ югу — къ долинѣ Анадыра. Морское побережье за рѣдкими исключеніями тоже низменно и сопровождается лишь очень небольшими возвышеніями; только въ области мыса Эрри и къ востоку отъ него, да у обоихъ Барановыхъ камней подходятъ къ самому морю болѣе значительныя горы. Вся страна совершенно лишена древесной растительности и только вдоль теченія рѣкъ покрыта низкимъ ивнякомъ и ольховымъ кустарникомъ. Большихъ рѣкъ тутъ вовсе нѣтъ, но въ Ледовитый океанъ впадаетъ значительное количество малыхъ рѣченокъ, имѣющихъ лѣтомъ весьма слабое теченіе. Далѣе къ востоку мы должны отмѣтить лишь одну могучую рѣку, — Анадыръ. Направленіе его теченія было извѣстно, въ общемъ, уже давно, такъ какъ на берегахъ его происходили кровопролитныя битвы — результатъ честолюбивой попытки покорить дикій и бѣдный пастушескій народъ только потому, что такъ нравилось мѣстнымъ властелинамъ и что распорядителямъ судебъ Имперіи, за удаленностью тѣхъ странъ, не было возможности составить себѣ правильный взглядъ на истинное положеніе тамошнихъ дѣлъ и условій.

Анадыръ беретъ свое начало къ востоку отъ истоковъ Большаго Анюя, течетъ сначала на сѣверъ, а затѣмъ принимаетъ юго-западное направленіе. На всѣхъ старинныхъ картахъ Анадыръ рисуется вытекающимъ изъ озера Иванъ или Иванко, которое на нѣкоторыхъ изъ картъ достигаетъ даже почтенныхъ размѣровъ; несмотря однако на то, что мы переходили рѣку очень близко къ ея истокамъ и прилагали всѣ старанія собрать свѣдѣнія объ этомъ озерѣ, мы ничего не могли разузнать о немъ. Вслѣдствіе этого мы пришли къ убѣжденію, что озеро нужно выкинуть изъ карты, а потому я крайне удивился, когда Аѳонасьевъ нанесъ его впослѣдствіи, хотя и въ очень уменьшенномъ видѣ, на свой чертежъ, тогда какъ на мѣстѣ и при составленіи первыхъ картъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Неймана и мое. Всегда приходится, конечно, задумываться, когда соби-

раешься исключать такія положительныя и постоянно встрѣчающіяся указанія, каково настоящее (т. е. озеро съ опредѣленнымъ названіемъ), но причины, побудившія насъ къ этому были тоже достаточно вѣски. Конфигурація мѣстности въ области истоковъ Анадыра не позволяла предполагать большое количество озеръ, да и сами мы нашли ихъ тамъ очень мало, тогда какъ далѣе на востокъ озера встрѣчались довольно часто. Поэтому болѣе значительное озеро должно было бы быть хорошо извѣстно чукчамъ, которые бродятъ со своими стадами зиму и лѣто въ этой глушп, а между тѣмъ они ровно ничего не могли сказать о немъ. Рѣка, вытекающая изъ значительнаго озера, должна была бы имѣть болѣе значительную ширину, чѣмъ та малая рѣчка, черезъ которую мы переходили и которую чукчи выдавали за истокъ Анадыра. На своемъ пути мы встрѣтили нѣсколько небольшихъ рѣчекъ и чукчи всѣхъ ихъ называли истоками Анадыра. Всѣ онѣ были крайне незначительны, а потому и не имѣли особыхъ именъ, а назывались, какъ уже сказано, общимъ именемъ: истоки Анадыра. Никакъ нельзя было допустить, чтобы которая нибудь изъ нихъ могла вытекать изъ большаго озера, а потому мы должны были придти къ убѣжденію, что на старинныхъ картахъ вкралась ошибка. Что подобные случаи бываютъ съ такими картами и что озеро можетъ возникнуть на нихъ даже противъ желанія самого автора, можно легко убѣдиться на рѣкѣ Пеаунбелѣ, находящейся между прочимъ и на картѣ Врангеля. Рѣка эта впадаетъ въ южный уголъ Чаунской губы и значительно выше своего устья раздѣляется на много рукавовъ, которые образуютъ сильно развѣтвленную дельту. Въ этомъ видѣ рѣка изображена еще на спеціальныхъ картахъ, составленныхъ подъ руководствомъ самого Врангеля и до сихъ поръ хранящихся въ Гидрографическомъ Департаментѣ. Но отдѣльныя спеціальныя карты сильно различаются между собою въ деталяхъ: то были именно различныя попытки, которыя дѣлались съ цѣлью критической оцѣнки матеріала для сводки его въ одну карту. Одна изъ этихъ картъ представляетъ крайне странный чертежъ: дѣло въ томъ,

что не далеко отъ своего истока Пеаунбелъ раздѣляется на ней на двѣ рѣки, изъ которыхъ западная называется Пеаубелемъ, а восточная—Тауншео; затѣмъ обѣ эти рѣки снова соединяются и главная рѣка изливается въ губу однимъ устьемъ. Какъ разъ этотъ необычайный чертежъ и попалъ на приложенную къ труду Врангеля карту, которая, какъ извѣстно, была отпечатана безъ содѣйствія самого Врангеля. При этомъ чертежъ составленъ такъ, что возникаетъ сомнѣніе: имѣешь ли дѣло съ двумя рѣками, имѣющими общій источникъ и общее устье, или съ озеромъ, которое принимаетъ въ себя небольшую питающую его рѣчку, а затѣмъ изливается въ губу, но берега котораго вмѣстѣ съ тѣмъ носятъ какимъ то страннымъ образомъ различныя названія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и понялъ чертежъ крайне добросовѣстный старикъ Позняковъ, рисующій на своей картѣ уже настоящее озеро. Впослѣдствіи примѣру его послѣдовалъ Генеральный Штабъ, который изображаетъ озеро съ островами, а берега этого водоема приводитъ въ видѣ двухъ различныхъ рѣкъ. Точно также, на старинныхъ картахъ широко раскинулось на нижнемъ теченіи Анадыра громадное Нерпичье озеро въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы нашли лишь рѣку Нерпичью. Имѣя въ виду приведенные два примѣра, нѣтъ, полагаю, ничего удивительнаго въ томъ, что мы сочли себя въ правѣ удалить съ карты Ивашко- или Иванъ- или Іоанко-озеро до тѣхъ поръ, пока существованіе его не подтвердится надежными данными. Вполнѣ возможно, что тамъ, какъ и на многихъ другихъ рѣкахъ, дѣйствительно найдется небольшой водоемъ въ одну или двѣ версты въ окружности, но по имѣющимся въ настоящее время свѣдѣніямъ мы должны положительно отвергнуть присутствіе тамъ какого-либо значительнаго озера.

Изъ правыхъ притоковъ Анадыра ближе всего къ Большому Анюю подходитъ Менкерева (по-чукотски Энмувэемъ) и по правому притоку этой послѣдней, Теншеке, мы и попали съ Анюя въ область Анадыра. Другой путь изъ области первой рѣки въ область Анадыра идетъ какъ по Дракливой, такъ и по рѣкѣ Ху-

дыя Воды, къ истокамъ Яблона или, по-чукотски, Карулевэема, а съ нихъ на два Пеледона, изъ которыхъ одинъ носитъ названіе Большаго, а другой Малаго. Но путь по Менкеревѣ во всякомъ случаѣ удобнѣе, такъ какъ тутъ не приходится преодолѣвать крутаго хребта. Если же идти съ рѣки Худыя Воды на Карулевэемъ, то попадешь на самое высокое мѣсто всего хребта; при этомъ не только нужно взбираться на трудный подъемъ къ Большому Пеледону, но и переходить (въ случаѣ, если примешь направленіе на Марково на Анадырѣ) черезъ хребетъ, отличающійся какъ разъ тутъ своей крутизной и простирающійся отъ истоковъ Анадыра, по лѣвому берегу послѣдней рѣки, на югозападъ приблизительно до устья Яблона.

Правые притоки верхняго теченія Анадыра, а также лѣвые средняго и нижняго, во время нашихъ странствованій мы переходили сами по нѣсколько разъ, но тѣмъ не менѣе намъ не удалось прійти относительно нихъ къ соглашенію: это видно изъ карты Генеральнаго Штаба, которая черчена по даннымъ, собраннымъ Аоонасьевымъ, и отличается отъ моей. Кто изъ насъ двоихъ правъ, сказать не рѣшаюсь, но дѣло заключается въ слѣдующемъ. Съ истоковъ Анюя мы отправились къ истокамъ Анадыра и, перейдя затѣмъ на южный склонъ водораздѣла, отъ котораго почти не удалялись, шли на востокъ до Танлео, гдѣ свернули на югъ; Танлео мы переходили въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣлается уже большой рѣкой. На всемъ этомъ длинномъ пути мы имѣли дѣло съ безчисленнымъ количествомъ истоковъ, направленіе которыхъ мы могли опредѣлить постольку, поскольку мы ихъ касались. Но мы рѣдко шли продолжительное время по какому-либо изъ нихъ: мы оставляли потокъ, переходили черезъ возвышеніе, а когда приходили снова къ потоку, то далеко не всегда могли сказать, тотъ ли самый это потокъ или другой. Мѣстность была до утомительности однообразна; все тѣ же болотистыя низменности, безконечно чередующіяся съ болотистыми же плоскими возвышеніями, и не было никакой возможности получить правильное понятіе о направленіи рѣчекъ. Сопровождав-

шіе насъ чукчи шли по этой дорогѣ то же въ первый разъ, а потому и отъ нихъ нельзя было получить вѣрныхъ указаній; на всѣ вопросы они отвѣчали однимъ и тѣмъ же отвѣтомъ, что всѣ встрѣчавшіяся намъ рѣки представляютъ собою притоки Анадыра, а далѣе этого дѣло ихъ рѣшительно не интересовало. Благодаря этой неизвѣстности впослѣдствіи, въ Нижнеколымскѣ, гдѣ впервые сводились маршруты, оказалось, что топографъ не замѣтилъ нѣкоторыхъ водораздѣловъ и что вслѣдствіе этого притоки, которые текли уже собственно говоря въ Таньюреръ, были сочтены за таковые Бѣлой, и т. п. Однимъ словомъ мы не могли распредѣлить вышеназванные истоки, которые переходили на нашемъ пути къ устью Анадыра, между системами трехъ большихъ рѣкъ (Анпенаколъ, Таньюреръ и Бѣлая), встрѣченныхъ нами на возвратномъ пути—вверхъ по рѣкѣ до Миркова. Мы совѣтывались тогда съ главнымъ проводникомъ, съ Амвраоргинымъ, и съ казаками, а въ Марковѣ я собралъ различныя свѣдѣнія; на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ и была составлена въ Нижнеколымскѣ карта, которою я пользовался, когда составлялъ свою. Впослѣдствіи же мнѣ пришлось убѣдиться, что топографъ Аѳонасьевъ отступилъ отъ этого чертежа, но я никакъ не могу объяснить себѣ, на основаніи какихъ уважительныхъ причинъ онъ это сдѣлалъ. Я остался при нашемъ первоначальномъ взглядѣ, потому что онъ кажется мнѣ болѣе правильнымъ, но я вовсе не хочу этимъ утверждать, что мнѣніе мое безусловно вѣрно.

Озеро Красное и текущія въ него рѣки такъ же, какъ и рѣка Онеменъ, впадающая, собственно говоря, уже въ Анадырскую губу, нанесены на карту исключительно по разспроснымъ свѣдѣніямъ. Всѣ знали, что приблизительно въ томъ мѣстѣ расположено очень большое озеро Красное, которое принимаетъ въ себя три рѣки и отдѣляетъ область коряковъ отъ нижняго теченія Анадыра. Опрошенные нами люди были знакомы также и съ Онеменемъ, который они обыкновенно называли «Большой рѣкой». Но болѣе подробныхъ свѣдѣній собрать мы не могли, по-

чему провѣрку добытыхъ нами данныхъ слѣдуетъ предоставить будущимъ изслѣдователямъ.

Положеніе острова Маина, образуемаго Анадыремъ и рѣками Маиномъ и Протокой, нанесено на карту по нашему маршруту; астрономическіе пункты Марково и Барановка опредѣлены Нейманомъ.

Изъ Маркова въ Нижнеколымскъ наша экспедиція направилась тремя путями: Нейманъ пошелъ вверхъ по Менкеревѣ и перебрался на Малый Анюй; топографъ Аѳонасьевъ направился сначала вверхъ по Щучьей, далѣе внизъ по Солочьей до Анадыра, затѣмъ черезъ Кимгимвэемъ или Большой Пеледонъ къ Карулевэему или Яблону, и, наконецъ къ Дракливой, впадающей въ Большой Анюй. Мой путь пересѣкъ путь Аѳонасьева. Я пошелъ вверхъ по притокамъ Щучьей, называемымъ Первой, Второй и Третьей Щучьими, а затѣмъ вышелъ на Отворотную, которая по разсказамъ есть тоже притокъ Щучьей. Названіе Отворотная встрѣчается очень часто и означаетъ, что, дойдя до подобной рѣки, слѣдуетъ свернуть на какую-либо дорогу. Съ этой Отворотной можно попасть на двѣ одноименныя ей рѣки, которыя обѣ текутъ въ Анадыръ выше мѣста его поворота; нашъ проводникъ избралъ Нижнюю Отворотную, съ которой я направился на Малый Пеледонъ или Анетву, съ послѣдней пошелъ къ Большому Пеледону и черезъ Карулевэемъ къ рѣкѣ Худыя Воды, которая впадаетъ въ Дракливую. Топографу я далъ направленіе моего маршрута, но онъ соединилъ его на составленной имъ картѣ со своимъ и поступилъ совершенно неправильно, потому что дороги наши были различны, хотя и пролегали недалеко одна отъ другой. Тутъ я долженъ прибавить, что въ данномъ случаѣ легко могли имѣть мѣсто ошибки: сами чукчи, рѣдко посѣщающіе эти мѣста, вносятъ большую путаницу въ понятіе о Щучьей, такъ что я не вполнѣ увѣренъ, что на моей картѣ я привожу правильныя данныя. Какъ бы тамъ ни было, а Карулевэемъ есть та же самая рѣка, что и Яблонъ, а не отдѣльная, какъ принято по Аѳонасьеву на картѣ Генеральнаго Штаба.

По моему убѣжденію Аѳонасьевъ сдѣлалъ также ошибку въ томъ, что изобразилъ Каменную въ видѣ притока Кайгувэема; но собраннымъ мною даннымъ онъ есть притокъ Орловки и носитъ чукотское названіе Вугувэемъ. Кстати сказать, что чукотское слово wem (=рѣка), можно писать также weem или wehm, но не мѣшаетъ помнить, что чукчи произносятъ это слово всегда протяжно.

Съ Анадыра я совершилъ поѣздку въ Гижигинскъ и возвратился тою же самою дорогою обратно. Я крайне интересовался этимъ участкомъ, потому что для меня была всегда сомнительна связь горной цѣпи Камчатки съ Колымскимъ хребтомъ, какъ это изображалось на всѣхъ безъ исключенія старинныхъ картахъ. Такого рода воззрѣнія не согласовались съ другими свѣдѣніями, по которымъ слѣдовало, что узкая полоса земли, соединяющая Камчатку съ континентомъ представляетъ собою низменность. Во время моего путешествія къ Охотскому морю мнѣ пришлось переходить пять хребтовъ: Русскій, Налгимскій, Ычигемскій, Ушканій и Шестаковскій или Каменный. Но всѣ эти хребты представляли собою, какъ было сказано выше, лишь низкіе отроги Колымскаго хребта, которые простираются частью до Маина, частью же только до Пенжины или даже не доходятъ и до этой послѣдней, каковы Ычигемскій и Ушканій. Налгимскій хребетъ, отдѣляющійся отъ Русскаго въ видѣ невысокой горной цѣпи, достигаетъ, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, верхняго теченія Маина въ видѣ низкихъ холмовъ. Собранныя мною свѣдѣнія были подтверждены данными нѣкоего Фроста, американца, который поселился въ Гижигинскѣ, много ѣздилъ по той мѣстности и помимо того владѣлъ нѣсколькими картами, составленными американцами, строившими сухопутную телеграфную линію. Въ основу моей карты разбираемой области легли какъ только что упомянутыя карты, такъ и собранныя мною наблюденія и разспросныя свѣдѣнія. Маинъ, по которому я ѣздилъ лишь въ самой нижней части его теченія, и хребетъ Полъ-полъ я заимствовалъ, какъ имѣлъ уже случай пояснить выше, цѣликомъ съ

составленныхъ американцами картъ. Истоки же Пе́нжины, Оклана, Парени и Гижиги черчены мною по указаніямъ людей, ходившихъ вверхъ по этимъ рѣкамъ съ цѣлью попасть на Омалонъ, а отсюда въ Среднеколымскъ. Всѣ эти, большею частію очень удобные переходы, хорошо извѣстны также и корякамъ, которые пользуются ими при путешествіи изъ мѣстъ своего жительства на верхнемъ теченіи Омолона въ Гижигинскъ. Самый Гижигинскъ опредѣленъ астрономически, какъ видно изъ моего списка пунктовъ.

Вотъ все, что даютъ намъ въ настоящее время свѣдѣнія, касающіяся физической географіи Якутской области; по крайней мѣрѣ это все, что было мнѣ доступно. Извѣстно намъ, слѣдовательно, не много, да и въ ближайшемъ будущемъ нельзя разсчитывать на разширеніе нашихъ знаній въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ развѣ той части области, которая лежитъ къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта. Для изслѣдованія послѣдней, а спеціально для рѣчныхъ системъ Яны, Индигирки и Колымы, представился хорошій случай, такъ какъ Императорская Академія Наукъ снарядила экспедицію для геологическаго изслѣдованія названныхъ рѣкъ. Въ виду того, что съ этой, находящейся подъ начальствомъ И. Д. Черскаго, экспедиціей отправленъ, конечно, и топографъ, можно разсчитывать на крайне интересные маршруты. Но къ сожалѣнію въ С.-Петербургѣ уже получено печальное извѣстіе, что г-нъ Черскій захворалъ въ Верхнеколымскѣ какъ разъ въ разгарѣ своей дѣятельности. Этимъ, по всей вѣроятности, рѣшится участь всей экспедиціи и топографъ вернется обратно, такъ какъ цѣль путешествія не географическая, а геологическая. Впрочемъ есть полная надежда разсчитывать, что существуетъ по крайней мѣрѣ маршрутъ отъ Якутска до Верхнеколымска: путь Черскаго пролегалъ черезъ Оймеконскую плоскую возвышенность, а потому несомнѣнно можно ожидать крайне интересныхъ разъясненій тѣхъ темныхъ вопросовъ, которые занимаютъ насъ въ настоящее время. Чтобы закончить географическое поясненіе нашей карты намъ остается

еще сказать нѣсколько словъ о жителяхъ Якутской области, ея границахъ и находящихся въ ней городахъ.

Границы какъ Якутской области, такъ и ея пяти округовъ я начертилъ такъ, какъ они въ мое время принимались de facto на мѣстѣ. Административныя границы этой области никогда не были установлены точно, да и нѣтъ положительно никакой цѣли предпринимать подобную колоссальную и дорого стоющую работу. Не трудно провести разграничительную черту, конечно, тамъ, гдѣ она совпадаетъ съ морскимъ побережьемъ или съ теченіемъ рѣкъ, но не легко сдѣлать это въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ подобныхъ естественныхъ границъ. Это находится въ связи съ тѣмъ, что въ Якутской области не вездѣ существуетъ точно установленная поземельная собственность, а во многихъ мѣстахъ послѣдняя прямо-таки исключается закономъ. Но пограничныя черты такихъ частныхъ земельныхъ участковъ и даютъ главнымъ образомъ матеріалъ для точно установленныхъ границъ, съ которыми мы привыкли встрѣчаться во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Въ Сибири же, и особенно въ восточной ея части, почти вся земля принадлежитъ правительству; дѣйствительно, если исключить очень незначительные, отведенные городамъ надѣлы и крайне рѣдкіе случаи подарковъ землею частнымъ лицамъ, то здѣсь почти вовсе нѣтъ переходящихъ по наслѣдству земель. Что же касается крестьянъ и кочевыхъ инородцевъ, то надѣлы даются имъ исключительно во временное пользованіе и могутъ быть какъ совершенно отняты, такъ и замѣнены другими участками. Изъ этихъ земельныхъ надѣловъ тѣ, которые отведены крестьянамъ, казакамъ, а также осѣдлымъ инородцамъ, большою частію, правда, отмежеваны и могутъ быть представлены графически. Труднѣе уже справиться съ участками, предоставленными во временное пользованіе кочевымъ инородцамъ, тѣмъ болѣе, что участки эти очень обширны. Здѣсь не только никогда не бывало землемѣровъ, но послѣдніе врядъ ли и могли бы что-либо сдѣлать при существующихъ условіяхъ: кочевники получили свою родовую собственность не въ точно уста-

новленныхъ границахъ, а урочищами, т. е. по нашимъ понятіямъ мѣстностями. Въ исторической части настоящаго труда сообщается, что раздѣлъ Якутской земли и надѣленіе ею отдѣльныхъ племенъ и родовъ былъ сдѣланъ воеводой Мироном Мартыновичемъ Черкашинниковымъ въ царствованіе Екатерины и что императрица впослѣдствіи утвердила этотъ раздѣлъ.

Эти надѣльные документы, очень уважаемые до сихъ поръ еще якутами и принимаемые ими за неоспоримые, говорятъ только о покосахъ по рѣкамъ и озерамъ, да объ урочищахъ, отведенныхъ отдѣльнымъ родамъ; но эти урочища представляютъ собою, какъ будетъ точнѣе пояснено въ другомъ мѣстѣ, крайне растяжимое понятіе, которое можетъ быть правильно передано, собственно говоря, только нашимъ словомъ «мѣстность». Можно было бы, однако, указать приблизительно вѣрныя границы и этихъ урочищъ, но непреодолимыя затрудненія представляетъ то обстоятельство, что надѣлы номадовъ окружены охотничьими областями, отданными въ пользованіе бродячихъ инородцевъ, а послѣднія вовсе не имѣютъ границъ, да и по закону не должны ими стѣсняться. Практически дѣло представляется въ такомъ видѣ. Вдоль большихъ рѣкъ расположены въ большинствѣ случаевъ строго отграниченные, но сравнительно незначительные земельные участки, на которыхъ живутъ русскіе. Эти участки со всѣхъ сторонъ окружены очень обширными родовыми надѣлами кочевыхъ племенъ, простирающимися обыкновенно настолько, насколько идутъ лишенная лѣса мѣстность или богатыя рыбою озера и рѣки. Затѣмъ слѣдуютъ совершенно неограниченные охотничьи районы, занимающіе по истинѣ громадныя пространства и абсолютно никому непринадлежащіе.

Дѣйствительно, каждый охотникъ можетъ бродить, охотиться, ловить рыбу и вообще снискивать себѣ пропитаніе гдѣ и какъ ему угодно. Такимъ образомъ, какъ между отдѣльными губерніями и областями, такъ и между округами, на которые они раздѣлены, находятся земли, которыя нельзя отнести, собственно говоря, ни къ одному изъ названныхъ административныхъ дѣленій.

Чтобы и при подобныхъ обстоятельствахъ установить какой нибудь modus vivendi и дать возможность отдѣлять различныя области, стали принимать за границы водораздѣлы. Этимъ былъ достигнутъ по крайней мѣрѣ тотъ практическій результатъ, что хотя приблизительно знаешь какъ вести границу, т. е. придерживаешься истоковъ рѣкъ, поскольку они извѣстны, а этого вполнѣ достаточно для теперешнихъ потребностей. Такимъ образомъ съ недоразумѣніями въ этомъ отношеніи бороться не приходится, по крайней мѣрѣ мнѣ не извѣстно ни одного подобнаго случая; если же время отъ времени и бывали споры между исправниками, то распутать и уладить ихъ было всегда легко.

Въ указанномъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать обозначенныя на картахъ границы.

На сѣверо-западѣ граница Якутской области начинается отъ устья Анабары; мѣстами, правда, нижняя часть теченія этой рѣки причисляется, какъ я въ томъ самъ убѣждался, къ Енисейской губерніи, но это положительная ошибка, имѣющая свое основаніе въ томъ, что тутъ поселились охотники и рыбаки названной губерніи. Люди эти имѣютъ право, какъ уже сказано, промышлять гдѣ покажется имъ для себя болѣе удобнымъ и свобода этихъ передвиженій и поселеній нисколько не вліяетъ на границы административныхъ дѣленій. И такъ, граница Якутской области несомнѣнно начинается отъ устья Анабары, а затѣмъ идетъ вдоль морскаго побережья со включеніемъ острововъ, расположенныхъ на Ледовитомъ океанѣ, слѣдуя по названному побережью вплоть до устья Анадыра. Отсюда она направляется вверхъ по этой рѣкѣ или, вѣрнѣе, по лѣвому ея берегу, до впаденія Ереполя, идетъ вверхъ по послѣдней рѣкѣ до ея истоковъ въ Колымскомъ хребтѣ, а далѣе тянется уже все по гребнямъ, — сначала по гребню Колымскаго хребта, затѣмъ по таковому Становаго и наконецъ по гребню Яблонаго хребта. Оканчивается она на Витимѣ, у впаденія въ него Каренги.

Карта Генеральнаго Штаба отличается тутъ отъ моей въ томъ, что на ней самая сѣверо-восточная часть границы прове-

дена вверхъ по рѣкѣ Чауну, съ истоковъ котораго переходитъ далѣе на водораздѣлъ и уже на гребнѣ Колымскаго хребта снова совпадаетъ въ концѣ концовъ съ моимъ чертежомъ. Такимъ образомъ она отрѣзаетъ отъ Якутской области всю Чукотскую землю и весь бассейнъ рѣки Анадыра. Мнѣ не извѣстно, на какихъ документахъ основано такое проведеніе границы, но я ни въ какомъ случаѣ не могу признать его правильнымъ. Дѣйствительно, обитающіе эти печальныя мѣста чукчи безпорно принадлежатъ къ Якутской области и съ древнихъ временъ зависятъ отъ Колымска, гижигинскій же исправникъ не оказываетъ на нихъ никакого административнаго вліянія. Мѣстечко Марково, расположенное на правомъ берегу Анадыра, принадлежитъ, правда, къ Гижигинскому округу, хотя жители его, переселившіеся туда изъ Якутской области, и по нынѣ платятъ свои подати въ Среднеколымскъ; лѣвый же берегъ рѣки и мѣстными жителями считается безпорно принадлежащимъ къ Среднеколымскому округу.

Пока граница идетъ по Становому хребту, да пожалуй еще и по восточной части Яблонаго, найти ее не трудно, но большія затрудненія въ этомъ отношеніи представляются въ западной части послѣдняго хребта. Дѣло въ томъ, что тутъ, какъ упоминалось уже раньше, нѣтъ, собственно говоря, никакого гребня, да и самый водораздѣлъ отличить здѣсь далеко не легко. Вслѣдствіе этого границу проводятъ здѣсь иногда прямыми линіями, не обращая никакого вниманія на рѣчные бассейны, которые часто сильно вдаются одинъ въ другой, иногда же придерживаются рѣкъ. Однимъ словомъ поступаютъ такъ, какъ въ данномъ случаѣ болѣе удобно: практическаго значенія точность границы здѣсь не имѣетъ, въ ней покуда не нуждаются, потому что тутъ бродятъ исключительно охотничьи племена.

Но съ Витима, гдѣ начинается золотопромышленный округъ, къ дѣлу этому нельзя уже относиться такъ легко; къ счастію, однако, граница области пролегаетъ здѣсь по различнымъ рѣкамъ, а потому опредѣлить ее можно, конечно, съ большою точностью.

Начиная съ устья Каренги границею служитъ на большомъ протяженіи правый берегъ Витима; затѣмъ граница идетъ вдоль Малой Езовой къ истокамъ Большаго Туюкана, впадающаго въ Большой Патомъ, далѣе по Б. Туюкану и по самому Большому Патому до впаденія въ него Юхты. Отходя отсюда, она перерѣзываетъ Лену между станціями Жербинской и Топской и достигаетъ водораздѣла, отдѣляющаго бассейнъ Вилюя отъ Лены, причемъ покидаетъ область рѣки Жербовки у Иркутской губерніи. Далѣе граница перерѣзываетъ Чону близъ рѣчки Луптукокты, Верхнюю Тунгузку выше впаденія въ нее Унгатки и достигаетъ Тетеи нѣсколько ниже впаденія Пуруемы; вдоль Пулванонгны она тянется далѣе почти прямо на западъ до Илимпеи и слѣдуетъ по этой рѣкѣ вплоть до впаденія ея въ Нижнюю Тунгузку. Отсюда обыкновенно протягиваютъ прямую линію по необитаемой области до восточнаго угла озера Яконгны, а отъ этой точки къ истоку Анабары, мѣстонахожденіе котораго рѣшительно никому неизвѣстно. Линія эта есть чисто произвольныя, такъ какъ положеніе озера Яконгны опредѣлено не совершенно точно, а Анабара, по которой граница идетъ вплоть до самаго устья, принадлежитъ, какъ извѣстно, къ совершенно неизслѣдованнымъ рѣкамъ.

Эта обширная, имѣющая свыше 71.000 кв. миль, область раздѣляется административно на пять округовъ, — Якутскій, Вилюйскій, Олекминскій, Верхоянскій и Среднеколымскій. Дѣленіе это принаравливается по существу самаго дѣла къ большимъ рѣкамъ, такъ какъ въ долинахъ послѣднихъ живутъ якуты, а въ основаніе дѣленія на округа положены главнымъ образомъ мѣста жительства этихъ инородцевъ.

Якутскій округъ есть, собственно говоря, округъ большихъ правыхъ притоковъ Лены, особенно же Алдана и преимущественно предпочитаемаго якутами берега Лены. Граница начинается на лѣвомъ притокѣ Лены, Саныяхтахѣ, тянется приблизительно до водораздѣла и, наконецъ, идетъ вдоль средней и нижней части теченія Бергеты или Тюгяни. Въ этомъ мѣстѣ якуты

Якутскаго округа соприкасаются съ якутами Вилюйскаго; между ними нѣтъ тунгузовъ, а потому границу можно установить довольно сносно. Начиная однако съ Вилюя, дальнѣйшее направленіе границы между Верхоянскимъ и Якутскимъ округами совершенно неопредѣленно; сначала слѣдуетъ признать за границу гребень Верхоянскаго хребта, да послѣдній за нее въ дѣйствительности и принимается; но далѣе на картѣ Генеральнаго Штаба отнесена къ Верхоянскому округу еще вся Индигирка (по всей вѣроятности потому, что округъ этотъ есть главнымъ образомъ округъ Яны и Индигирки), я же предпочелъ отнести Оймеконское нагорье къ Якутскому округу. Сдѣлалъ я это оттого, что якуты, живущіе на нагорьѣ, причисляются къ послѣднему округу, верхоянское же окружное управленіе не имѣетъ ровно никакого касанія къ названному нагорью. Причина эта была бы вполнѣ доказательна, если бы оймеконскіе якуты находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ихъ соплеменниками Якутскаго округа; въ дѣйствительности же этого нѣтъ, а потому и направленіе границъ никакъ нельзя считать правильно установленнымъ. Дѣло въ томъ, что живущіе въ настоящее время по самой верхней части теченія Индигирки якуты представляютъ собою остатокъ тѣхъ ихъ соплеменниковъ, которые бѣжали отъ притѣсненій древнихъ козаковъ и промышленниковъ, о чемъ я сообщу въ исторической части моего труда. Они переселились на сѣверъ, главнымъ образомъ на Колыму, но часть ихъ родовъ осталась на нагорьѣ, будучи привлечена роскошными лугами системы Индигирки. Съ тѣхъ временъ и находится тамъ обособленная, со всѣхъ сторонъ окруженная обширными, безлюдными пустынями, заселенная мѣстность, которая административно причисляется къ Якутскому округу.

Отъ Оймеконскаго нагорья граница округа совпадаетъ съ общей границей всей области и въ этомъ видѣ тянется до истоковъ Алдана; но отсюда она поворачиваетъ обратно, къ Ленѣ, которой достигаетъ у устья Саныяхтаха, и проходитъ при этомъ такъ, что пролегаетъ по водораздѣлу между самой верхней частью

теченія Алдана и Олекмой, отдѣляя систему послѣдней рѣки отъ Якутскаго округа.

Къ западу отъ только-что названнаго округа располагается Олекминскій, къ которому относится, правда, система Олекмы, а слѣдовательно и большая часть золотопромышленнаго округа Лены, но который главнымъ образомъ заселенъ якутами праваго берега Лены и острова Кыллаха. Тутъ онъ граничитъ съ владѣніями якутовъ Вилюйскаго округа и съ Иркутской губерніей.

Къ сѣверу отъ этихъ двухъ округовъ лежитъ Вилюйскій округъ, который иногда распространяютъ такъ, что онъ занимаетъ собою всю расположенную къ западу отъ Лены часть области, вплоть до Ледовитаго океана. Это тотъ взглядъ, который распространилъ авторъ «Вилюйскаго округа», Рихардъ Маакъ[1]), но который однако совершенно не вѣренъ, хотя Маакъ и защищаетъ его съ необыкновенной энергіей. Онъ спрашивалъ меня еще въ Иркутскѣ, въ семидесятыхъ годахъ, о томъ, какъ считать сѣверную границу Вилюйскаго округа и прибавлялъ при этомъ, что онъ доходитъ, насколько ему извѣстно, до моря. Уже тогда указывалъ я на ошибочность этого мнѣнія и возражалъ ему, что граница округа лежитъ между рѣками Вилюемъ и Оленекомъ, такъ какъ Оленекъ принадлежитъ уже Жиганскому улусу, а этотъ относится къ Верхоянскому округу. Прекрасно зная мѣстныя условія, я полагалъ, что вполнѣ успокоилъ *Маака* на этотъ счетъ, а потому былъ крайне удивленъ, когда изъ стр. 2 и слѣдующихъ второй части его труда узналъ, что онъ снова защищаетъ свой взглядъ, да вдобавокъ еще съ очень ожесточенными нападками на мѣстное управленіе, которое будто-бы даже не знаетъ района своего вліянія. Порицанія эти были направлены главнымъ образомъ противъ Кларка, который завѣдывалъ въ качествѣ исправника долгое время Вилюйскимъ округомъ, и тѣмъ не менѣе не зналъ-молъ, что Жиганскій улусъ

1) Р. Маакъ. Вилюйскій округъ Якутской области. С.-Петербургъ. 1886.

принадлежалъ къ его округу, а относилъ его неправильно къ Верхоянскому. Всѣ эти обвиненія г-нъ Маакъ основывалъ частью на старомъ атласѣ Познякова, частью же на другихъ данныхъ, почерпнутыхъ въ петербургскихъ библіотекахъ. Это во всякомъ случаѣ крайне странный способъ изслѣдованій: принимать въ разсчетъ не существующія въ дѣйствительности условія, а придавать значеніе древнимъ трудамъ и атласамъ. Какъ бы дѣла на этотъ счетъ не обстояли раньше, но въ настоящее время граница между двумя округами безо всякаго сомнѣнія идетъ сначала съ запада на востокъ почти параллельно рѣкамъ Вилюю и Оленеку, затѣмъ касается самой верхней части теченія Муны, а потомъ тянется въ юго-восточномъ направленіи къ Ленѣ, которой достигаетъ нѣсколько южнѣе 66° с. ш. и по которой слѣдуетъ до устья Бергеты или Тюгяни. Такимъ образомъ вся мѣстность къ сѣверу отъ этой линіи принадлежитъ уже не къ Вилюйскому, а къ Верхоянскому округу. Послѣдній, дѣйствительно, имѣетъ необыкновенно большое протяженіе, такъ какъ помимо этого громаднаго участка къ нему принадлежитъ вся страна, расположенная къ востоку отъ Лены вплоть до Алазеи, слѣдовательно, главнымъ образомъ бассейны Яны и Индигирки, за исключеніемъ, какъ уже сказано, самой верхней части теченія послѣдней рѣки. Подобно тому, какъ якуты Вилюйскаго округа живутъ почти исключительно въ долинѣ Вилюя и Мархи, такъ и принадлежащіе къ Верхоянскому округу кочевники поселились вдоль большихъ рѣкъ, по Янѣ и Индигиркѣ, и обитаютъ преимущественно среднюю часть теченія этихъ рѣкъ, а также Уяндину и Селегняхъ; Жиганскій же улусъ, на оборотъ, заселенъ необыкновенно слабо, несмотря на громадное его протяженіе.

Въ Среднеколымскомъ округѣ, прилегающемъ къ восточной границѣ Верхоянскаго, совершенно ту же главную роль играютъ сама Колыма и ея большой притокъ Омолонъ: здѣсь ютится наибольшая часть населенія, тогда какъ на Алазеи и въ области расположенной между двумя рѣками находятся лишь немногія селенія. Кромѣ того въ новѣйшее время сильно заселена чук-

чами еще область двухъ Анюевъ и особенно мѣстность между Сухимъ или Малымъ Анюемъ и Ледовитымъ океаномъ; страна же къ востоку отъ нихъ даетъ пріютъ крайне рѣдкому населенію и только на крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіи и вокругъ мыса Пээкъ чукчи живутъ нѣсколько скученнѣе.

Но если говоришь о Якутской области, то слова «густо населенный» приходится понимать въ смыслѣ, очень отличномъ отъ того, въ которомъ они употребляются въ европейскихъ условіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, названная область не только заселена весьма слабо, но и это незначительное населеніе распредѣлено по странѣ крайне неравномѣрно. Дѣйствительно густо населенъ, собственно говоря, только расположенный у Олекминска островъ Лены Кыллахъ, который во всей области является единственнымъ, постоянно обитаемымъ изъ острововъ Лены: на немъ живетъ цѣлый наслегъ, состоящій приблизительно изъ полутора тысячъ душъ. Но другаго подобнаго случая нельзя подыскать даже въ населенныхъ якутами мѣстностяхъ; въ ихъ собственныхъ урочищахъ населеніе до невѣроятности рѣдко: деревень вовсе нѣтъ, а встрѣчаются лишь одиноко стоящія жилища или юрты, только изрѣдка можно увидать одновременно двѣ юрты съ одного и того же мѣста, а если замѣтишь три или больше вмѣстѣ, то это нужно считать за совершенно исключительное явленіе. Переходя же изъ якутскихъ владѣній въ области живущихъ охотою и рыбною ловлею племенъ, такъ называемыхъ бродячихъ народовъ, можно встрѣтить изрѣдка человѣческое существо, да и то случайно, не чаще одного раза въ нѣсколько недѣль: тутъ находишься уже въ необитаемой области, въ чистой тайгѣ. Послѣдняя занимаетъ обширное пространство, потому что безлюдны не только участки охотничьихъ племенъ, но и безконечные лиственничные лѣса во владѣніяхъ якутовъ, гдѣ люди живутъ только на немногихъ лишенныхъ лѣса мѣстахъ. Для того, чтобы нѣсколько нагляднѣе показать это отношеніе между численностью населенія и занимаемымъ имъ пространствомъ, я приведу тутъ соотвѣтствующія цифровыя данныя изъ статистической работы, недавно опублико-

ванной якутскимъ областнымъ управленіемъ. Впрочемъ я не желаю брать на себя никакой отвѣтственности за эти данныя, такъ какъ ни вся область, ни отдѣльные округа никогда не измѣрялись, а потому всѣ до единой цифры основаны исключительно на приблизительной оцѣнкѣ. Въ приводимомъ перечнѣ округа расположены по относительной густотѣ ихъ населенія и тутъ остается только замѣтить, что квадратная верста равна 1,14 квадратнаго километра.

Якутскій округъ 719.278,0 кв. верстъ, 148.842 человѣка;
одинъ человѣкъ на 4,82 кв. вер.
Вилюйскій округъ 883.402,2 кв. версты, 71.895 человѣкъ;
одинъ человѣкъ на 12,28 кв. вер.
Олекминскій округъ 335.159,1 кв. верстъ, 14.776 человѣкъ;
одинъ человѣкъ на 22,69 кв. вер.
Верхоянскій округъ 947.085,0 кв. верстъ, 12.941 человѣкъ;
одинъ человѣкъ на 73,24 кв. вер.
Колымскій округъ 604.756,0 кв. верстъ, 6.060 человѣкъ;
одинъ человѣкъ на 99,79 кв. вер.

И такъ, вся эта обширнѣйшая область населена только 225.000 человѣкъ; при этомъ слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что касающіяся Колымскаго округа цифры крайне ненадежны. Изъ указаннаго статистическаго труда не видно, правильно ли приведены размѣры округа, а цифра народонаселенія тоже не согласна съ дѣйствительностью: численность чукчей оцѣнена приблизительно въ 500 душъ обоего пола, тогда какъ на самомъ дѣлѣ инородцевъ этихъ по крайней мѣрѣ 3.000 человѣкъ.

Это очень незначительное народонаселеніе въ большей своей части состоитъ изъ азіатскихъ племенъ, преимущественно изъ якутовъ, т. е. кочевниковъ; очень незначительно число русскихъ, а еще меньше бродячихъ племенъ, занимающихся охотою и рыбною ловлею. Числовыя данныя таковы: считаютъ 287.000 якутовъ, 12.000 человѣкъ, занимающихся охотой и рыбной ловлей

или, по оффиціальному выраженію, бродячихъ народовъ и около 13.000 русскихъ обоего пола. Само собою разумѣется, что народонаселеніе живетъ, какъ уже сказано, очень разсѣянно: оно вовсе не привыкло жить скученно. Только немногочисленные русскіе крестьяне живутъ частью въ станціонныхъ деревняхъ, такъ какъ имъ приходится нести почтовую службу, частью же въ нѣсколькихъ деревняхъ Якутскаго, Олекминскаго и Вилюйскаго округовъ; главная же масса населенія проживаетъ въ отдѣльныхъ, разсѣянныхъ по всей странѣ жилищахъ.

Тѣмъ не менѣе въ Якутской области есть и нѣсколько городовъ; въ послѣднихъ однако жителей очень мало, такъ какъ общее число населенія пяти городовъ области — Якутска, Олекминска, Вилюйска, Верхоянска и Среднеколымска — равняется 83.00 душъ, изъ которыхъ на долю одного областнаго города Якутска приходится 65.00 человѣкъ, такъ что во всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ проживаетъ всего около 17.00 душъ.

Помимо этихъ пяти городовъ существуютъ по картѣ еще нѣсколько населенныхъ пунктовъ, частью ютящихся у церквей, частью же расположенныхъ у центровъ инородческихъ правленій. Однако въ нихъ такое незначительное количество домовъ, что ихъ врядъ ли можно считать за населенныя мѣстечки въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ виду того, что какъ для этихъ мѣстечекъ, такъ и для станцій и просто для мѣстъ остановокъ принятъ на картѣ одинъ и тотъ же знакъ, мнѣ кажется умѣстнымъ перечислить тѣ изъ пунктовъ области, которые могутъ считаться мѣстечками, хотя бы и слабо населенными.

I. Въ Якутскомъ округѣ:

1) Амгинская слобода..... 500 душъ.
2) Деревня Усть-Майское..... 17 »
3) » Павловское..... 56 »

Въ близи Якутска:

4) Деревня Верхнее..... 120 »
5) » Чепчулганъ..... 120 »

6) Деревня Новопокровскъ..... 30 душъ.
7) » Мархинское..... 350 »
8) » Килдемское.....свыше 100 »
9) » Хатынъ-Апинское..... 90 »
10) » Петропавловское..... 140 »
11) » Новоникольское..... 140 »
12) Кромѣ того въ 20 станціяхъ по Ленѣ живетъ свыше..... 1.100 человѣкъ.

II. Въ Олекминскомъ округѣ:

1) Деревня Амгинское..... 500 душъ.
2) » Олекминское..... 600 »
3) » Кургинское..... 20 »
4) Селеніе Спасское..... 200 »
5) » Троицкое..... 60 »
6) » Ильюпское..... 25 »
7) » Усть-Чаранское..... 50 »
8) На различныхъ станціяхъ ...около 1.700 »

III. Въ Вилюйскомъ округѣ:

1) Въ двухъ деревн. близъ церкви Нюрбы 1) 400 »
2) 60 »
2) Малое селеніе у церкви Сунтаръ приблизительно..... 20 »

IV. Въ Верхоянскомъ округѣ:

1) Деревня Балкалахъ у устья Оленека приблизительно..... 20 душъ.

Въ дельтѣ Лены близъ Сагастыра:

2) Мѣстечко Булунъ
3) » Кетахъ, а затѣмъ
4) Кумахъ-Суркъ
5) Ары-Быково и
6) Зимовьелахъ, на островѣ въ Быковскомъ устьѣ Лены.

Всѣ эти мелкія мѣстечки населяются главнымъ образомъ во время хода рыбы, но тѣмъ не менѣе въ каждомъ изъ нихъ живетъ по нѣсколько семей и постоянно; постоянное число жителей этихъ мѣстечекъ врядъ ли превышетъ однако десять душъ. Нѣсколько болѣе густо населены расположенныя южнѣе по Ленѣ:

7) Мѣстечко Булунъ..... 60 душъ.
8) » Сихтяхъ..... 40 »

На Янѣ можно назвать:

9) Казачье..... 80 »
10) Усть-Янскъ..... 50 »

На Индигиркѣ:

11) Ожогино..... 50 »
12) Русское устье..... 200 »

V. Въ Колымскомъ округѣ:

1) Нижнеколымскъ..... 200 »
2) Каретное..... 20 »
3) Черноусово..... 20 »
4) Походскъ..... 100 »
5) Верхнеколымскъ..... 40 »

Перечисленныя выше мѣстечки, изъ которыхъ нѣкоторыя по количеству жителей равны мелкимъ уѣзднымъ городкамъ, далеко не всѣ помѣщены на картѣ, такъ какъ я не задавался цѣлью нанести на послѣднюю всѣ населенныя мѣста. Отмѣчались, на оборотъ, только тѣ изъ пунктовъ, которые представляютъ интересъ для путешественниковъ, а расположенныя часто по близости городовъ деревни такого интереса ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ. Поименнымъ перечнемъ выше названныхъ селеній имѣлось въ виду устранить по возможности всѣ недоразумѣнія при чтеніи карты, потому что далеко не рѣдко бывали случаи, что подобныя мѣстечки, отмѣченныя путешественникомъ въ его

журналѣ или на маршрутѣ, составители картъ впослѣдствіи возводили въ города и тѣмъ самымъ давали совершенно ложную картину. Такъ на прим., на составленной Иркутскимъ Штабомъ картѣ имѣлось между прочимъ мѣстечко Усть-Вилюйскъ, которое вовсе не существуетъ, да никогда и не существовало. Въ виду того, что я прекрасно знакомъ съ устьемъ этой рѣки и зналъ, что тамъ нѣтъ никакого мѣстечка, я заявилъ объ этомъ въ Штабѣ какъ разъ въ то время, когда послѣдній былъ занятъ подготовкой новаго изданія этой карты. Но меня и слушать не хотѣли: чертежникъ пояснилъ мнѣ, что такъ какъ я не топографъ, то мое заявленіе, которое я предлагалъ сдѣлать даже писменно, не можетъ оправдать измѣненій на картѣ, черченной класснымъ топографомъ; онъ прибавилъ, что мѣстечко это было нанесено уже на старую карту, а потому должно тамъ находиться. Такъ и не удалось мнѣ ничего достичь, и Усть-Вилюйскъ продолжалъ фигурировать и въ новомъ изданіи карты. Тѣмъ не менѣе меня крайне интересовало узнать, какимъ образомъ могъ попасть городъ въ эту область, каждый годъ на много верстъ заливаемую весеннимъ половодьемъ. Въ моихъ изысканіяхъ я наткнулся, наконецъ, на карту Сарычева, приложенную къ его труду. На этой, правда очень старательно черченной картѣ, авторъ часто отмѣчаетъ якутскія юрты, мѣста остановокъ и т. п. пункты, служившіе ему, очевидно, для оріентировки, и одинъ изъ подобныхъ значковъ дѣйствительно находится у устья Вилюя. Это и было, насколько я могъ выяснить, началомъ возникновенія города Усть-Вилюйска. Итакъ, необходимо самымъ положительнымъ образомъ заявить, что во всей Якутской области существуетъ вообще всего пять городовъ и что за населенныя мѣста слѣдуетъ считать только выше перечисленныя мѣстечки. Всѣ же остальныя не должны въ настоящее время приниматься за постоянное человѣческое жилье: они представляютъ собою лишь станы, которые могутъ, какъ я имѣлъ уже случай подробно пояснить, давать лишь временной пріютъ большему или меньшему числу жителей, будь то для рыбной ловли или съ дру-

гими цѣлями. Изрѣдка можетъ въ нихъ поселиться на болѣе продолжительное время даже какая либо семья, но ихъ никакъ нельзя считать за постоянно обитаемыя мѣста. Нанесеніемъ ихъ на карту имѣлось въ виду доставить возможность болѣе легкой оріентировки, такъ какъ мѣстные жители пользуются этими именами точь въ точь такъ-же, какъ мы пользуемся помѣтками, указывающими направленіе дороги.

Этими послѣдними данными о населенныхъ мѣстахъ Якутской области я могъ бы закончить пояснительную записку къ черченной мною картѣ, если бы я не считалъ себя до извѣстной степени обязаннымъ провести на картѣ границу лѣсной растительности, посколько я съ таковою ознакомился. Собственно говоря, такая задача не лежитъ на составителѣ подобной общей карты, какъ моя; но въ данномъ случаѣ мнѣ не легко было уклониться отъ этой задачи потому, что на приложенной къ описанію путешествія на «Вегѣ» картѣ Норденшельдъ даетъ границу лѣсной растительности, нанесенную съ большимъ, какъ по крайней мѣрѣ кажется, знаніемъ дѣла. На этой картѣ сказано, что она составлена какъ по старинным и новѣйшимъ даннымъ, такъ и по съемкамъ, сдѣланнымъ во время путешествія на «Вегѣ». Такимъ образомъ каждый, кто станетъ разсматривать эту карту и найдетъ, что граница лѣсной растительности проведена на ней совершенно иначе, чѣмъ принималось на основаніи прежнихъ данныхъ и изслѣдованій, придетъ къ выводу, что члены экспедиціи (жившіе, вѣдь, болѣе полугода въ Чукотской Землѣ и притомъ совершенно освоившіеся, какъ можно заключить изъ разсказовъ ихъ, съ языкомъ чукчей) собрали разспросныя данныя, принудившія ихъ отказаться отъ уже извѣстнаго и начертить на основаніи собранныхъ ими свѣдѣній очень детальную, совершенно иначе проходящую границу лѣса. Дѣйствительно, нельзя не назвать детальнымъ и основаннымъ на крайне тщательныхъ розысканіяхъ чертежъ, на которомъ для каждой малой рѣченки точно указано, какъ далеко по берегамъ ея заходитъ на сѣверъ лѣсъ и какъ онъ снова уклоняется къ югу въ промежуткахъ между

рѣками. Этотъ, установленный Миддендорфомъ, законъ я могъ наблюдать совершенно явственно только по большимъ рѣкамъ, потому что у меня не было ни времени, ни случая вдаваться въ такія подробныя изслѣдованія по малымъ рѣчкамъ, да я и не располагалъ въ моихъ поѣздкахъ достаточнымъ количествомъ свободнаго времени, которое находилось, очевидно, въ изобиліи у членовъ экспедиціи «Вега». Въ виду громаднаго авторитета, которымъ пользуется эта экспедиція, должно было бы придавать большую цѣну каждому ея указанію, но страннымъ казалось то, что баронъ Норденшельдъ не счелъ стоющимъ труда указать тѣ изслѣдованія, на основаніи которыхъ было предпринято такое рѣзкое измѣненіе давно извѣстныхъ фактовъ. Это бросалось въ глаза тѣмъ болѣе, что въ Petermann's «Geographische Mittheilungen» за 1879 годъ появилась спеціальная карта Сѣверной Сибири, отъ Лены до Берингова пролива, на второмъ листѣ которой граница лѣсной растительности была нанесена далеко не такъ подробно, но совершенно иначе. Такъ какъ трудъ Норденшельда появился послѣ упомянутаго тома «Mittheilungen» и приводилъ къ совершенно инымъ выводамъ, то и приходилось принять, что старыя данныя должны уступить мѣсто новымъ, болѣе вѣрнымъ.

Но по собраннымъ мною свѣдѣніямъ ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ: карта «Geographische Mittheilungen», основанная главнымъ образомъ на старинномъ описаніи путешествія Биллингса, даетъ картину несравненно ближе подходящую къ дѣйствительности, чѣмъ карта Норденшельда, которая по моему мнѣнію совершенно невѣрна и никуда негодна. Со времени путешествія Биллингса считалось общепринятымъ, что вся обширная Земля Чукчей безлѣсна; такъ оно изображалось на картахъ и такъ изображено на картѣ Восточной Азіи, данной въ Petermann's «Geographische Mittheilungen». Но вотъ теперь это не должно быть такъ, необходимо во всѣхъ отношеніяхъ дать нѣчто новое: подобно тому, какъ въ описаніи путешествія «Вега» снова выкапывалась старинная ложь давно забытаго Андреева,

такъ и въ данномъ случаѣ проведеніемъ границы лѣсной растительности, сдѣланнымъ съ видомъ величайшей точности и знанія дѣла, попросту объявляется никуда негодной работа извѣстнаго географическаго изданія, да притомъ еще считается совершенно излишнимъ упомянуть, какъ дошли до столь важныхъ измѣненій давнымъ давно всѣми принятыхъ взглядовъ.

Однимъ словомъ, несмотря на кажущееся обширное знаніе дѣла, весь чертежъ Норденшельда невѣренъ, а карта данная «Geographische Mittheilungen» вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, за исключеніемъ немногихъ мелкихъ погрѣшностей. Совершенно лишена лѣсной растительности не только Чукотская Земля, но, въ высшей степени вѣроятно, и почти вся область рѣки Анадыра, а также лежащій отъ этой послѣдней къ югу Парапольскій долъ. Именно благодаря этой причинѣ страна эта пустынна и негостепріимна, несмотря на свое не очень сѣверное положеніе.

Но рѣшаясь оспаривать такой положительный авторитетъ, каковъ Норденшельдъ съ его экспедиціей «Веги», я долженъ привести въ оправданіе моего заявленія факты, а потому я сообщаю здѣсь тѣ данныя, которыя послужили мнѣ для установки границы лѣсной растительности и которыя основаны частью на личныхъ наблюденіяхъ во время моихъ поѣздокъ по Якутской области, частью же на собранныхъ мною разспросныхъ свѣдѣніяхъ. Я не могу, конечно, вдаваться въ такія подробности, какія есть у барона Норденшельда, но полагаю, что въ общемъ проведенная мною граница все же правильна.

Впрочемъ я считаю, что указаніе этой границы имѣетъ не одинъ только теоретическій интересъ, такъ какъ въ Сибири, и даже въ самомъ Якутскѣ, все еще существуютъ крайне своеобразные взгляды на распространеніе лѣса къ сѣверу. Въ появившемся въ новѣйшее время статистическомъ ежегодникѣ за 1891 г., который при томъ является оффиціальнымъ изданіемъ мѣстнаго правленія *), на страницѣ 53 читаемъ слѣдующее:

*) Памятная книжка Якутской Области на 1891 годъ. Изданіе Якутскаго Статистическаго Комитета. Якутскъ. Тип. Областн. Правл. 1891.

«..... среднія же и сѣверныя части области представляютъ собою низменную, болотистую равнину, покрытую хвойнымъ, преимущественно лиственничнымъ, лѣсомъ, который, становясь къ сѣверу все ниже и ниже, переходитъ сначала въ низкія, кустарно-образныя, стелящіяся по землѣ заросли, а затѣмъ, съ 65° сѣв. шир., теряется въ тундрѣ, покрытой низшими представителями растительнаго царства, — мхами и лишаями». Совершенно безразличнымъ является то обстоятельство, самъ ли секретарь Статистическаго Комитета повиненъ въ этой статьѣ или принялъ ее въ свое изданіе, не прочтя, но помимо того, что страну, находящуюся приблизительно на широтѣ Верхоянскаго хребта и Оймеконской плоской возвышенности, называютъ низменной, плоской равниной, мы узнаемъ изъ статьи неслыханную новость: что лѣсная растительность будто бы прекращается на широтѣ, гдѣ существуютъ еще лѣса безконечнаго протяженія и крайне сильнаго роста. Не нужно забывать, что говорится о странѣ, которая на этой широтѣ прекрасно извѣстна, потому что къ западу отъ Лены находится подъ этой широтой богатый улусъ Марха, а къ востоку идетъ торный путь изъ Верхоянска въ Колымскъ, путь, пролегающій по мѣстности, хотя и лежащей много сѣвернѣе, но тѣмъ не менѣе покрытой прекраснымъ лѣсомъ, который только растетъ тутъ менѣе быстро, чѣмъ къ югу отъ Верхоянскаго хребта. Встрѣчаясь съ подобными произведеніями, не мѣшаетъ обратить вниманіе г-на секретаря Попова, что въ оффиціальныхъ изданіяхъ нельзя печатать что̀ только вздумается, лишь бы увеличить число страницъ.

Начнемъ съ восточной, наиболѣе спорной, части границы лѣсной растительности. Лѣсъ на правомъ берегу Колымы простирается нѣсколько далѣе къ сѣверу, чѣмъ на лѣвомъ, гдѣ онъ доходитъ до мѣста, расположеннаго между деревнями Черноусово и Походское. Онъ состоитъ тутъ, какъ и на всемъ сѣверѣ области, начиная отъ Анабары, изъ лиственницы; вообще въ самыхъ сѣверныхъ лѣсахъ встрѣчается, насколько я наблюдалъ лично, исключительно это дерево; я не отрицаю существованія

обособленныхъ насажденій березы и рябины, но самъ я ихъ не видалъ. И такъ, не достигнувъ широты мѣстечка Кабачково, граница лѣса поворачиваетъ на востокъ, но не доходитъ до рѣки Медвѣжьей; впрочемъ, истоки этой рѣки находятся еще въ лѣсной области. Объ этомъ крайне замѣчательномъ фактѣ я слыхалъ отъ людей, которые такъ сильно настаивали на своемъ сообщеніи, что я никакъ не могу отказаться признать его за достовѣрный, хотя онъ и противорѣчитъ совершенно моимъ наблюденіямъ въ другихъ мѣстахъ. Какъ на Погиденѣ, такъ и на востокѣ, я всегда находилъ, что лѣсъ поднимается на горы до тѣхъ поръ, пока вертикальная граница не вступитъ въ свои права и не положитъ предѣлъ его распространенію, и что лѣсъ уже не появляется болѣе на противоположномъ склонѣ, гдѣ начинается прямо безлѣсная область. Рѣка Медвѣжья, подобно Малой и Большой Баранихѣ, беретъ свое начало на сѣверномъ склонѣ хребта, а потому должна была бы протекать на всемъ своемъ протяженіи, какъ и двѣ другія приведенныя рѣки, по безлѣсной мѣстности; люди же съ большою настойчивостью утверждали, что истоки ея окружены лѣсомъ.

Отсюда крайняя юго-восточная граница лѣса направляется къ истокамъ Малаго, а затѣмъ, заворотивъ нѣсколько на юго-западъ, къ истокамъ Большаго Анюя. Отъ послѣднихъ лѣсъ тянется почти на цѣлыхъ два градуса къ востоку и переходитъ черезъ Анадыръ такъ, что большое западное колѣно, образуемое тутъ этой рѣкой, окаймлено высокимъ, крупнымъ лѣсомъ. Когда я ѣхалъ изъ Маркова въ Нижнеколымскъ, путь мой въ направленіи къ Анадыру пролегалъ по тремъ или четыремъ безлѣснымъ притокамъ Щучьей. Прежде, чѣмъ достигнуть рѣки, мнѣ пришлось подниматься на крутой хребетъ, сопровождающій ея лѣвый берегъ, а затѣмъ я спустился съ хребта по долинѣ Отвортной. Лишь только миновалъ я самую крутую часть спуска, какъ уже начался и высокоствольный лиственничный лѣсъ, который не покидалъ меня, за исключеніемъ наивысшей точки водораздѣла, вплоть до Нижнеколымска. Нейманъ, направившійся къ Малому

Анюю по другой дорогѣ, нашелъ оба берега Анадыра поросшими густымъ лиственничнымъ лѣсомъ, который доходитъ, по заявленію его людей, до мѣста, расположеннаго нѣсколько выше устья Менкерёвы. Нижнее теченіе Менкерёвы Нейманъ нашелъ однако тоже поросшимъ лѣсомъ, но затѣмъ послѣдній вовсе исчезъ и путешественникъ достигъ его только у мѣста, расположеннаго ниже устья Хребтовой, по долинѣ которой Нейманъ шелъ къ Малому Анюю. До мѣстечка Маркова лиственничный лѣсъ не доходитъ, но онъ приближается къ нему значительно ближе, чѣмъ показано на моей картѣ. Эту ошибку, сдѣланную при черченіи, я замѣтилъ, къ сожалѣнію, уже слишкомъ поздно, чтобы ее можно было еще исправить. Отъ Анадыра граница лѣса тянется въ юго-западномъ направленіи, такъ что лежащая между рѣкою и моремъ равнина — безлѣсна, а истоки Пенжины, Оклана и Парени окружены еще лѣсомъ. Ѣдучи изъ Маркова (на Анадырѣ) въ Гижигинскъ, я снова встрѣтилъ лиственницу только на Черной, да еще нѣсколько ниже, на самой Гижигѣ; городъ же Гижигинскъ лежитъ однако на безлѣсной, болотистой тундрѣ. Начиная отсюда, лиственница сначала нѣсколько удаляется отъ морскаго побережья, но южнѣе, по разсказамъ, снова доходитъ до него; такъ по крайней мѣрѣ вытекало изъ отвѣтовъ на предложенные мною вопросы, самъ же я не проѣзжалъ по прибрежной дорогѣ.

Тутъ не мѣшаетъ упомянуть объ одномъ явленіи, которое я наблюдалъ на Анадырѣ и на рѣкахъ, текущихъ въ Охотское море, и притомъ только на нихъ. Я говорю о томъ, что по названнымъ рѣкамъ восточная граница лѣсной растительности образуется не лиственницею, а осиною и благовоннымъ сибирскимъ тополемъ, имѣющимъ листья, которые напоминаютъ собою листья рододендрона. Явленіе это рѣзко бросается въ глаза каждому, кто знакомъ съ сѣверо-сибирскимъ лѣсомъ. Путешественникъ привыкъ къ господству тутъ одной только лиственницы, встрѣчалъ тополь и осину лишь изрѣдка, да къ тому же еще замѣтилъ, что тополь распространенъ въ остальныхъ мѣстахъ Якут-

ской области преимущественно въ верховьяхъ рѣчныхъ долинъ, на значительной уже абсолютной высотѣ; поэтому сплошное распространеніе послѣднихъ двухъ древесныхъ породъ здѣсь, на востокѣ, представляется ему крайне замѣчательнымъ явленіемъ.

Когда во время нашего путешествія къ устью Анадыра покинули мы Большой Анюй, чукчи предупредили насъ, что лѣсъ тутъ кончается и что далѣе начнется уже безлѣсная мѣстность, которая доходитъ вплоть до моря, а на югъ переходитъ за Анадыръ. Въ дѣйствительности такъ оно и оказалось, но мы еще дважды натыкались на острова лѣса, хотя, конечно, на очень незначительные; площадь ихъ не превышала сто или двѣсти квадратныхъ миль. Одинъ изъ этихъ лѣсочковъ находился не далеко отъ Менкерёвы и къ востоку отъ нея, другой же тянулся на небольшомъ разстояніи отъ океана. Крайнимъ пограничнымъ стражемъ на самомъ верхнемъ теченіи Большаго Анюя была лиственница, а только что указанные лѣсочки въ лишенной древесной растительности мѣстности состояли изъ прекрасныхъ высокоствольныхъ тополей и осинъ.

Внизъ по обоимъ берегамъ Анадыра древесныя породы эти нѣсколько заходятъ за Марково, а за ними слѣдуетъ кустарникообразная ива, распространяющаяся за островъ Маинъ. Ива достигаетъ здѣсь такого пышнаго развитія, что я не помню, чтобы встрѣчалъ ивовый кустарникъ такой значительной высоты и съ такими толстыми стволами въ Якутской области; я не находилъ его даже на Витимѣ. Распространеніе тополя и осины не ограничивается Анадыремъ, но деревья эти появляются въ остальныхъ мѣстахъ совершенно безлѣсной области между Анадыремъ и Охотскимъ моремъ на каждой болѣе значительной рѣкѣ. Я встрѣчалъ ихъ на Орловкѣ, на нижней части теченія Черной, на Пенжинѣ, Оклапѣ или Аклапѣ, а также на Кондеревѣ, Ушканчихѣ и на текущей въ Парень Овинной. По разсказамъ мѣстныхъ жителей деревья эти встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ этой области, но всегда только вдоль рѣкъ. Состоящіе

исключительно изъ названныхъ двухъ древесныхъ породъ и повсюду изъ очень хорошо развитыхъ индивидовъ лѣса всегда примѣняются своею величиною къ величинѣ рѣкъ, на берегахъ которыхъ они растутъ. Такъ, на Анадырѣ лѣсъ совершенно окружалъ мѣстечко Марково и продолжался въ сторону отъ рѣки на нѣсколько верстъ; то же самое и на лѣвомъ берегу этой рѣки: мнѣ пришлось ѣхать нѣсколько времени прежде, чѣмъ я достигъ его границы. На берегахъ Орловки, на оборотъ, деревья занимали съ каждой стороны пространство всего около ста саженей шириною; на Кондеревѣ и на Ушканчихѣ вдоль береговъ тянулось всего два или три ряда деревьевъ; по Продольной и по тремъ Поперечнымъ лѣса вовсе не было; на Пенжинѣ же и на Окланѣ былъ прекрасный лиственный лѣсъ, въ большомъ количествѣ употреблявшійся на блокгаузы и на телеграфные столбы американскими рабочими, проводившими телеграфную линію. По разсказамъ, однако, лѣсъ этотъ не доходитъ до моря, а прекращается на нѣкоторомъ разстояніи отъ него.

То замѣчательное явленіе, что лѣсъ здѣсь, на востокѣ, кончается не лиственницей, какъ повсюду въ Якутской области, а тополемъ и осиной и то, что тутъ эти самые крайніе стражи лѣсной границы прекрасно развиты и отнюдь не могутъ быть названы хилыми, находится, повидимому, въ причинной связи съ близостью моря, такъ какъ по свидѣтельству Дитмара тоже самое наблюдается на полуостровѣ Камчаткѣ. Хребетъ, тянущійся по серединѣ южной части этого полуострова, покрытъ лиственничнымъ лѣсомъ, но послѣдній нигдѣ не достигаетъ моря, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ лиственнымъ лѣсомъ, доходящимъ на югѣ уже вплоть до самого моря. И такъ, мы и тутъ замѣчаемъ то же самое явленіе,—что лиственница избѣгаетъ непосредственной близости моря и что она уступаетъ лиственнымъ породамъ то мѣсто, которое занимаетъ въ остальныхъ частяхъ Якутской области, особенно же въ самыхъ сѣверныхъ.

Только что указанными мѣстонахожденіями ограничивается,

повидимому, распространеніе лѣса на востокъ. Есть у меня, правда, нѣсколько свѣдѣній, изъ которыхъ слѣдуетъ, что расположенный къ югу отъ Анадыра и омываемый рѣкою Мапномъ хребетъ Палъ-палъ покрытъ на своихъ, обращенныхъ къ полуострову, склонахъ лѣсомъ, но источники, изъ которыхъ почерпнуты эти свѣдѣнія крайне ненадежны. Берега Анадыра были, насколько мы могли окинуть ихъ взоромъ, безлѣсны, а по разсказамъ лишены древесной растительности также и берега озера Краснаго. Нѣкоторые древніе источники говорятъ, повидимому, за то, что прежде существовалъ лѣсъ на Олуторѣ. Изъ источниковъ этихъ можно заключить, хотя и не безъ нѣкотораго сомнѣнія, что коряки употребляли для своихъ укрѣпленій также и бревна; но они могли быть сплавлены или сюда привозился плавучій лѣсъ на оленьихъ нартахъ. Какъ бы тамъ ни было, по мѣсто это въ лѣтописи не вполнѣ ясно и не даетъ права дѣлать никакихъ точныхъ выводовъ о существованіи лѣса на Олуторѣ. Несомнѣннымъ является однако то, что лѣсная полоса южной части Камчатки не связана съ лѣсною областью материка: между ними расположена низменная, безлѣсная моховая тундра, — такъ называемый Парапольскій долъ.

Между Алазеей и Колымой я впервые достигъ границы лѣса у озера Айгана; граница эта тутъ, какъ и всюду на сѣверѣ, тянется совершенно непрерывной линіей. Единственная здѣсь древесная порода, лиственница, достигаетъ не болѣе двухъ саженей высоты, а въ поперечникѣ обыкновенно двухъ, самое большее трехъ дюймовъ; ежегодно отлагаемые слои древесины такихъ деревцевъ до чрезвычайности тонки, но растутъ они прямо. Въ этомъ мѣстѣ лиственницѣ не предшествуетъ низкій, лежащій на землѣ корявый стланецъ. Когда я приближался къ Алазеѣ, я снова встрѣтилъ лѣсъ, который начался у озера Мохово-оллахъ, а окончательно прекратился только у озера Андрей-кёль; на этомъ пути я шелъ частью лѣсомъ, частью же невдалекѣ отъ его границы. По разсказамъ сопровождавшихъ меня людей

лѣсъ идетъ по Алазеѣ нѣсколько далѣе мѣста впаденія въ нее Гаврилы или Россохи.

У горы Хелимилига или Хилимилигя я достигъ гребня Пелеваго хребта, не встрѣтивъ вовсе лѣса, который появился только спустя одинъ или два дня пути. Отсюда онъ тянется, по заявленію моихъ людей, къ сѣверному берегу озера Балыктаха, которое лежитъ, по ихъ словамъ, на границѣ лѣса, но само окружено еще совершенно деревьями. Далѣе граница идетъ на Андрей-кёль, при чемъ лѣсъ занимаетъ еще узкую полосу между Баей и Солдатыряхомъ. Между Индигиркой и Колымой къ сѣверу отъ указанной линіи лѣса вовсе уже нѣтъ. Поэтому изъ Русскаго Устья въ Походскъ проводники никогда не ведутъ прямо черезъ тундру, а всегда дѣлаютъ большой крюкъ, направляясь вдоль морскаго побережья: на этомъ пути всегда можно разсчитывать найти выброшенный моремъ пловучій лѣсъ, въ тундрѣ же абсолютно нѣтъ топлива.

На Индигиркѣ лѣсъ доходитъ до мѣста впаденія въ нее Аллаихи, а на Янѣ приблизительно до Устьянска, гдѣ онъ впрочемъ уже довольно мелокъ. Когда я ѣхалъ изъ послѣдняго мѣстечка къ Индигиркѣ, по довольно прямому, повидимому, направленію, путь мой шелъ частью лѣсомъ, частью же лѣсъ оставался отъ меня вправо, и если онъ временами и исчезалъ изъ виду, то проводники все же полагали, что онъ не далеко и его легко можно достигнуть.

Что же касается границы лѣсной растительности по направленію къ Ленѣ и къ западу отъ послѣдней, то до этой рѣки я пользовался частью лично собранными мною данными, частью же наблюденіями доктора Бунге и г-на Юргенса. На Ленѣ установленный Миддендорфомъ законъ выраженъ необыкновенно явственно. Граница лѣса достигаетъ тутъ кромѣ того самой сѣверной своей точки въ Якутской области, такъ какъ она доходитъ до строва Титъ-ары, расположеннаго подъ 72° сѣв. широта.

Съ направленіемъ границы лѣсной растительности къ западу

отъ Лены я не знакомъ лично; поэтому на пространствѣ до Оленека я придерживался данныхъ Чекановскаго и Миллера, а отсюда до Анабары протянулъ ее такъ, какъ мнѣ сообщали о ней тунгузы и якуты.

Насколько тутъ граница проведена правильно или неправильно, я оставляю этотъ вопросъ открытымъ. Я склоненъ однако скорѣе предположить первое: поварни и станы, которые закладываются, очевидно, примѣняясь къ потребностямъ путешествующихъ въ топливѣ, идутъ тамъ по прямой линіи, а потому и граница лѣса должна проходить приблизительно въ томъ же направленіи.

При разсмотрѣніи границы лѣсной растительности не упоминалось о соснѣ и ели потому, что онѣ вовсе не встрѣчаются, насколько мнѣ извѣстно, на крайнемъ сѣверѣ. По дорогѣ въ Верхоянскъ послѣднія ели и сосны видишь на верхней части теченія Тукулана, и границы ихъ распространенія лежатъ тутъ близко одна отъ другой. До хребта не доходитъ ни одна изъ этихъ двухъ древесныхъ породъ, а о переходѣ ихъ черезъ хребетъ не можетъ быть и рѣчи. Къ западу отъ Лены границу сосны Миллеръ проводитъ по Кигинти, притоку Іейко, который впадаетъ въ свою очередь въ Тунгузку, ель же этотъ путешественникъ встрѣчалъ много сѣвернѣе, на средней части теченія Оленека. По пути изъ Вилюйска въ Булунъ я тоже еще встрѣчалъ обѣ эти породы, но онѣ перестали попадаться много раньше, чѣмъ я достигъ Лены; впрочемъ, я не имѣю возможности точно указать мѣсто, гдѣ они окончательно исчезли.

О распространеніи ели и сосны къ востоку отъ Лены, особенно на Оймеконской плоской возвышенности, нѣтъ у насъ никакихъ свѣдѣній. Точно также не достаточно достовѣренъ фактъ произрастанія сосны у Охотска, хотя я и слыхалъ, что тамъ встрѣчаются прекрасныя насажденія этого дерева.

Къ настоящей объяснительной запискѣ къ моей картѣ прилагается «Систематическій списокъ рѣкъ Якутской области», о пользованіи которымъ было уже подробно говорено. Затѣмъ слѣдуетъ первое приложеніе: «Списокъ астрономическихъ пунктовъ», по которымъ чертилась моя карта. Перечень этотъ основанъ главнымъ образомъ на двухъ основныхъ каталогахъ; во первыхъ, на работахъ Шуберта: «Table des postitions astronomiques» и «Exposé de traveaux astronomiques et géodésiques etc.». St. Petersbourg 1858, обнимающихъ всю Россійскую Имперію, а во вторыхъ, на «Указателѣ долготъ и широтъ» Шварца, касающемся только Сибири и помѣщенномъ въ «Трудахъ Сибирской Экспедиціи Императорскаго Географическаго Общества». Математическій отдѣлъ. С.-Петербургъ 1864.

Изъ этихъ источниковъ взято 276 астрономическихъ пунктовъ, которые приведены у меня въ порядкѣ съ юга на сѣверъ. Впослѣдствіи къ нимъ прибавилось приблизительно пятьдесятъ пунктовъ, изъ за которыхъ не мѣшало бы предпринять, для большей наглядности, новую нумерацію въ перечнѣ. Но, съ одной стороны, я получалъ ихъ съ большими промежутками, а съ другой — каталогъ мой былъ уже установленъ, такъ что новой нумеровки нельзя было предпринять и позже полученные пункты пришлось вставить въ перечень уже имѣвшихся. Чтобы сдѣлать распредѣленіе астрономическихъ наблюденій по странѣ болѣе наглядным, я нанесъ значительно большую часть ихъ на мою «Карту астрономическихъ пунктовъ».

Вторымъ приложеніемъ къ моей запискѣ слѣдуетъ «Списокъ высотъ», заимствованныхъ преимущественно изъ труда князя Кропоткина «Отчетъ объ Олекминско-Витимской Экспедиціи». Трудъ этотъ даетъ большое число гипсометрическихъ пунктовъ, которымъ я не могу придать, какъ говорилъ уже раньше, особенной цѣны главнымъ образомъ потому, что они основаны большею частію на единичныхъ наблюденіяхъ барометра, да кромѣ того должны были часто приводиться къ очень далеко удаленнымъ корреспондирующимъ станціямъ. Тѣмъ не менѣе иногда

пункты эти все же имѣютъ относительное значеніе: если наблюденія дѣлались въ извѣстномъ направленіи непрерывно, они могутъ указывать общее повышеніе или пониженіе поверхности; потому я и счелъ необходимымъ привести тутъ нѣсколько профилей. Чтобы облегчить нахожденіе пунктовъ, для менѣе извѣстныхъ изъ нихъ приведена долгота и широта, которыя для астрономически неопредѣленныхъ пунктовъ даны по картѣ. Поэтому данныя эти не имѣютъ сами по себѣ никакой цѣны, а должны служить исключительно для оріентировки.

Ревель 1892.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКѢ КЪ КАРТѢ.

Уже въ 1892 году я узналъ, что отъ И. Д. Черскаго прибыли отчетъ о его путешествіи изъ Якутска въ Верхнеколымскъ, а также маршрутныя и другія съемки пройденнаго имъ пути. Говорилось, что часть этихъ матеріаловъ была прислана еще имъ самимъ, другая же нашлась въ бумагахъ послѣ его смерти. Какъ бы тамъ ни было, но во всякомъ случаѣ я получилъ названный отчетъ и относящіеся къ нему маршруты и профили лишь во второй половинѣ этого года. Объ измѣненіи моей карты нечего было уже и думать, но такъ какъ И. Д. Черскій долженъ былъ пройти по Оймеконской плоской возвышенности, то я и надѣялся дать небольшую добавочную карточку, которая внесла бы поправки къ моему чертежу этого въ высшей степени интереснаго, но до тѣхъ поръ остававшагося совершенно неизслѣдованнымъ, плато. Кромѣ того я имѣлъ также возможность сдѣлать измѣненія въ текстѣ объяснительной записки къ моей картѣ, такъ какъ рукопись не поступила еще въ наборъ.

Я прочелъ отчетъ съ величайшимъ интересомъ, такъ какъ онъ касался наименѣе извѣстной части Якутской области, лично посѣтить которую препятствовали мнѣ обстоятельства; докторъ же Нейманъ и топографъ Аѳонасьевъ, проходившіе, какъ извѣстно, въ обратное путешествіе эту часть пути безъ меня, не представили мнѣ, несмотря на всѣ порученія и просьбы, никакихъ маршрутовъ и съемокъ. Тѣмъ не менѣе я принужденъ былъ, въ

концѣ концовъ, отказаться отъ включенія вновь собраннаго матеріала въ мою карту и мою объяснительную записку, частью потому, что онъ казался мнѣ недостаточно надежнымъ, частью же оттого, что я не нашелъ въ немъ отвѣта на самые важные для меня вопросы. И. Д. Черскимъ преслѣдовались преимущественно геологическія цѣли, меня и моей работы вовсе не касавшіяся, а то, что было сдѣлано имъ новаго въ географическомъ отношеніи, подлежало большому сомнѣнію. Я разберу тутъ работу Черскаго съ этой послѣдней стороны и приведу оправданія моего слишкомъ рѣзко выраженнаго мнѣнія о ней.

Для этой цѣли необходимо начать съ конца отчета Черскаго, потому что послѣдній касается какъ разъ начала маршрута прикомандированнаго ко мнѣ Иркутскимъ Генеральнымъ Штабомъ топографа Аѳонасьева, который начертилъ весь маршрутъ нашего путешествія и работы котораго составили главное основаніе набросанной мною карты. Г-нъ Черскій такъ напалъ на своего предшественника по изслѣдованію этой мѣстности, что если бы только нападки эти оказались справедливыми, Аѳонасьева пришлось бы считать за безсовѣстнаго обманщика, а новѣйшія, основанныя на его работахъ карты — не только слѣдовательно мою, но и изданную Генеральнымъ Штабомъ — принимать за крайне проблемматическія и во всякомъ случаѣ имѣющія малую цѣну.

Въ виду такихъ неслыханныхъ обвиненій я полагаю, что не имѣю права молчать, какъ въ интересахъ самой карты, такъ и въ интересѣ человѣка, правда, въ то время еще очень молодаго, неопытнаго, нуждавшагося въ присмотрѣ и руководствѣ, но котораго Иркутскій Штабъ очень рекомендовалъ мнѣ за знающаго свое дѣло и усерднаго топографа и который во время нашего совмѣстнаго путешествія дѣйствительно оказался прилежнымъ и добросовѣстнымъ работникомъ. Этого человѣка, во всякомъ случаѣ, я прежде считалъ и до сихъ поръ считаю положительно неспособнымъ къ сознательной лжи.

Во время своего возвратнаго путешествія съ Нейманомъ

Аѳонасьевъ велъ маршрутъ, къ сожалѣнію, лишь въ самомъ началѣ своего пути. Онъ начертилъ этотъ маршрутъ на шести листахъ, которые помѣтилъ литерами А, Б, В, Г, Д и Е.

Три послѣдніе листа касаются участка пути отъ Верхнеколымской церкви до озера Колчана; они-то, очевидно, и имѣлись въ распоряженіи Черскаго, потому что онъ говоритъ о деталяхъ, которыя можетъ знать лишь тотъ, кто имѣетъ предъ собою эти листы. Въ Иркутскомъ Музеѣ есть экземпляръ маршрута Аѳонасьева, но я имѣю эти листы также, такъ какъ благодаря большой любезности генерала Штубендорфа мнѣ были присланы фотографическія копіи всѣхъ имѣющихся въ Генеральномъ Штабѣ (гдѣ находятся оригиналы ихъ) съемокъ Аѳонасьева. Благодаря этому я имѣю, къ счастію, возможность какъ оправдать прикомандированнаго ко мнѣ молодого человѣка отъ легкомысленно на него возведенныхъ обвиненій, такъ и убѣдиться, какъ работалъ г-нъ Черскій въ географическомъ отношеніи. Дѣйствительно, благодаря тому, что я располагаю съ одной стороны маршрутомъ Аѳонасьева, а съ другой стороны отчетомъ Черскаго, получается рѣдкая возможность проконтролировать маршрутъ веденный въ столь отдаленной мѣстности. Какой результатъ имѣла эта провѣрка — будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

На стр. 33 и слѣд. «Предварительнаго отчета» о своемъ путешествіи г-нъ Черскій говоритъ слѣдующее:

«Сравненіе той части съемки Чукотской Экспедиціи (отъ Верхне-Колымска до озера «Колчанъ») съ моимъ маршрутомъ, какъ равно и произведенные разспросы по этому поводу у мѣстныхъ жителей, приводятъ меня къ заключеніямъ: 1) что при съемкѣ топографъ принималъ здѣсь разстоянія со словъ туземцевъ, значительно увеличивающихъ таковыя; 2) что на пути своемъ онъ пользовался проводникомъ, совершенно незнакомымъ съ названіями рѣчекъ и ихъ отношеніями къ главной рѣкѣ, мѣстами довольно обманчивыми; 3) что тропа, по которой слѣдовалъ топографъ, почти съ точностью совпадала съ моимъ маршрутомъ,

лишь съ незначительными отклоненіями (объѣздами болотистыхъ мѣстъ); 4) что изъ трехъ только отмѣченныхъ на его съемкѣ названій: а) озеро «Колчанъ» соотвѣтствуетъ расположенному въ верховьяхъ безымяннаго лѣваго притока р. Курӯмъ (на моей съемкѣ), праваго притока Зырянки, б) «р. Сухая» означаетъ часть самой Зырянки, а в) «Кысы̀лъ-балыктàхъ», не существующій въ системѣ р. Колымы, соотвѣтствуетъ одному изъ притоковъ Зырянки (Огӯсъ-бастахъ?), изъ чего слѣдуетъ, 5) что маршрутъ топографа не выходилъ изъ системы р. Зырянки (слѣдовательно и Колымы̀) и изображаетъ по ней только 160 верстъ, считая отъ Верхне-Колымска, а не 225 верстъ, какъ вышло по принятымъ на его съемкѣ разстояніямъ».

«Понятно, что, вслѣдствіе преувеличенной длины своей, маршрутъ этотъ, нанесенный на карту Генеральнаго Штаба, долженъ былъ захватить собою и часть системы р. Индигирки (Мòмы), болѣе удачно означенной на той же картѣ, хотя и по разспроснымъ свѣдѣніямъ. Понадобились, разумѣется, соотвѣтственныя исправленія и примиренія, для которыхъ не хватало, однако, данныхъ, и въ результатѣ вышло, что озеро «Колчанъ» (названіе незнакомое моимъ проводникамъ) попало въ систему лѣвыхъ притоковъ р. Мòмы, которой, именно, долженъ принадлежать настоящій Кыгы̀лъ-Балыктàхъ, не означенный на картѣ Генеральнаго Штаба; между тѣмъ ложный Кызы̀лъ-Балыктàхъ, заимствованный изъ съемки Чукотской Экспедиціи, остался въ системѣ Колымы̀, въ видѣ одного изъ верховьевъ р. Зырянки, нанесенной на ту же карту очевидно по другимъ даннымъ».

Вотъ что говоритъ Черскій.

Нельзя отрицать, что поведеніе Аоонасьева, лично являвшаго въ Генеральный Штабъ для выясненія нѣкоторыхъ деталей своего маршрута, можно было бы назвать крайне нечестнымъ, если бы упреки, дѣлаемые ему г-номъ Черскимъ оказались справедливыми. Мнѣ особенно хорошо припоминаются слова Аоонасьева, когда въ Якутскѣ я имѣлъ съ нимъ очень подробный разговоръ объ его обратномъ путешествіи изъ Колымска въ

Якутскъ и при этомъ дѣлалъ ему много упрековъ за его бѣздѣятельность и непослѣдовательность. Онъ представилъ тогда мнѣ чертежъ пройденнаго имъ пути, который онъ нанесъ на карту приблизительно сто-верстнаго маасштаба. Такъ какъ нанесены на карту были только однѣ переправы, а не предполагаемое дальнѣйшее теченіе рѣкъ, то уже тогда мнѣ сразу бросилось въ глаза, что, пересѣкая рѣки и рѣчки, онъ вовсе не старался справляться, къ системѣ какихъ рѣкъ онѣ принадлежали. Въ концѣ концовъ Аѳонасьевъ признался, что онъ ровно ничего не знаетъ объ этомъ пути, такъ какъ онъ тогда захворалъ, долженъ былъ прервать начатую работу, собирался, правда, ее начать вновь, но, къ сожалѣнію, этого не исполнилъ. На своего проводника Аѳонасьевъ нисколько не жаловался и неудачу маршрута объяснялъ только тѣмъ, что не работалъ. Какимъ же образомъ могъ тотъ же самый Аѳонасьевъ, если онъ говорилъ мнѣ правду, выступить въ совершенно другой роли передъ Генеральнымъ Штабомъ въ С.-Петербургѣ и просто обманывать? Карта, о которой идетъ рѣчь, еще у меня и на ней можно совершенно ясно отличить чертежъ, сдѣланный Аѳонасьевымъ, отъ моей попытки связать мѣста переправы черезъ рѣки съ остальною рѣчною сѣтью. Именно, я пробовалъ тогда довести первыя изъ пересѣченныхъ Аѳонасьевымъ рѣкъ до Зырянки, а Кысылъ-балыктахъ изобразить въ видѣ притока Сухой Момы. Аѳонасьевъ соглашался, что это можетъ быть и такъ, но что никакихъ разъясненій по этому поводу онъ дать не въ состояніи. Впослѣдствіи, когда я получилъ карту Генеральнаго Штаба, я дѣйствительно нашелъ, что послѣдній провелъ Кысылъ-балыктахъ въ Зырянку, но не придалъ этому обстоятельству особеннаго значенія, потому что у меня не было никакихъ фактическихъ данныхъ для сужденія объ этой мѣстности. Въ виду же невѣроятныхъ обвиненій, возведенныхъ господиномъ Черскимъ, я рѣшился выяснить этотъ вопросъ и прибѣгнулъ къ единственно возможному способу, который былъ примѣненъ, конечно, и Черскимъ. Я нанесъ чертежъ Черскаго на карту, составлен-

ную въ маасштабѣ $12^1/_2$ верстъ въ англ. дюймѣ, потому что въ этомъ же маасштабѣ была сфотографирована и присланная мнѣ копія картъ Аоонасьева, какъ это явствовало изъ приложеннаго къ ней письма Генеральнаго Штаба. Такъ какъ по пункту 3-му цитированнаго изъ статьи Черскаго мѣста оба путешественника шли одной и той же дорогой («*тропа*, по которой слѣдовалъ топографъ, *совпадала* почти съ точностью съ моимъ маршрутомъ»), то, чтобы убѣдиться, насколько оба маршрута совпадаютъ другъ съ другомъ, я начертилъ ихъ на *одномъ* листѣ.

На прилагаемомъ «Сравненіи маршрутовъ топографа Аѳонасьева и И. Д. Черскаго» виденъ результатъ моей работы: что же можно сказать по этому поводу? Или г-нъ Черскій въ дѣйствительности вовсе не сравнивалъ эти карты: какъ-же могъ онъ въ такомъ случаѣ такъ легкомысленно и безъ всякаго основанія затрогивать честь другого человѣка? Или же онъ настолько мало знакомъ съ черченіемъ и чтеніемъ картъ, что, сравнивъ обѣ съемки, въ состояніи говорить такія неслыханныя вещи, какія можно прочесть въ пунктѣ 4-мъ приведеннаго мѣста его статьи: но какъ тогда онъ рѣшается браться за дѣло, о которомъ не имѣетъ абсолютно никакого понятія? Помимо того, что изъ карты ясно, что пути двухъ путешественниковъ далеко расходились, отстоя мѣстами одинъ отъ другаго на 50 и болѣе верстъ, является вопросъ, какъ вообще могла придти г-ну Черскому крайне странная мысль, что онъ ѣхалъ спустя двадцать лѣтъ по той же самой тропѣ, которой пользовался Аоонасьевъ? Какъ могъ онъ это знать, или какъ могли знать это люди, которые его сопровождали? Каждому, кто мало-мальски знакомъ съ путешествіями по неизслѣдованнымъ мѣстамъ, тотчасъ же бросается въ глаза чудовищность подобнаго заявленія, сдѣланнаго такимъ авторитетнымъ тономъ. Въ виду того, что г-нъ Черскій шелъ съ Индигирки на Верхнеколымскъ, а Аоонасьевъ изъ этого послѣдняго пункта направлялся къ Индигиркѣ, не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію, что каждый мѣстный житель, на вопросъ г-на Черскаго, какою дорогою шелъ Аоонасьевъ, отвѣтитъ

(если только онъ припоминаетъ черезъ двадцать лѣтъ о поѣздкѣ Аѳонасьева), что онъ ѣхалъ тою же самою дорогою. Но только тотъ, кто никогда не видѣлъ непроходимой глуши, можетъ принять просто направленіе, указанное мѣстнымъ жителемъ, за какую-то опредѣленную тропу. Кто не знаетъ даже этой азбуки, пусть лучше не берется за черченіе маршрутовъ, а тѣмъ болѣе не считаетъ себя призваннымъ критиковать и смѣшивать съ грязью съемки, сдѣланныя знающими и дѣльными спеціалистами, къ какимъ несомнѣнно принадлежалъ Аѳонасьевъ. Мнѣ не извѣстно, гдѣ и когда обучался г-нъ Черскій веденію маршрутовъ, но онъ ровно ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ въ то время, когда я бесѣдовалъ съ нимъ въ Иркутскѣ; Аѳонасьевъ же, съ другой стороны, былъ ему хорошо обученъ, а продолжительное упражненіе во время нашего путешествія (Нейманъ за нимъ очень слѣдилъ и постоянно наставлялъ) выработало изъ него дѣйствительно дѣльнаго топографа.

Не знаю, ослѣпило ли г-на Черскаго желаніе дискредитировать своего предшественника, чтобы выставить себя единственнымъ, что либо сдѣлавшимъ; или же полнѣйшее незнаніе дѣла не позволило ему замѣтить, какъ то, что оба маршрута, хотя и слѣдуютъ общему направленію, но тѣмъ не менѣе мѣстами значительно между собою расходятся, такъ и то, что какъ разъ этимъ счастливымъ случаемъ давалась прекрасная, крайне рѣдко встрѣчающаяся возможность получить относительно пройденной мѣстности разъясненія, которыя были другому недоступны или просто ускользнули отъ вниманія. Прибывши въ Верхнеколымскъ, г-нъ Черскій имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлые мѣсяцы вынужденнаго бездѣйствія, которые, казалось бы, были вполнѣ пригодны для того, чтобы сравнить оба маршрута и сдѣлать выводы изъ ихъ различія. Къ тому же спорная область находится очень не далеко отъ Верхнеколымска, такъ какъ маршрутъ Аѳонасьева не шелъ, вѣдь, далѣе 225 верстъ отъ послѣдняго пункта. Между тѣмъ Черскій, не сдѣлавъ ничего, только высказалъ обвиненіе, полнѣйшая неосновательность котораго должна

была сказаться уже при самомъ поверхностномъ изслѣдованіи. Чтобы все мною сказанное не казалось голословнымъ, сдѣлаю нѣсколько указаній.

На листѣ Д маршрута Аѳонасьева изображенъ высокій хребетъ, очевидно Томусъ-хая, и Кысылъ-балыктахъ приходится южнѣе этого хребта; отсюда ясно слѣдуетъ, что уже по одному этому Аѳонасьевъ не могъ считать его принадлежащимъ къ системѣ Зырянки. Далѣе, г-нъ Черскій переходилъ названную имъ Кыгылъ-балыктахомъ*) рѣку на разстояніи болѣе пятидесяти верстъ къ западу отъ мѣста, гдѣ черезъ нее перебирался Аѳонасьевъ. Вслѣдствіе этого въ высшей степени вѣроятно, что оба путешественника правильно толкуютъ эту рѣку и что въ предѣлахъ маршрута Аѳонасьева она течетъ въ чисто западномъ направленіи. Кромѣ того, по моему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія еще слѣдующее: одна рѣка Сухая Аѳонасьева точно совпадаетъ съ Кыгылъ-балыктахомъ Черскаго, а другая Сухая (Аѳонасьева же) течетъ въ Кысылъ-балыктахъ съ SSO. Г-нъ Черскій, повидимому, не зналъ (этого не сообщали путешественнику очень опытные, по его словамъ, проводники), что рѣка, которую онъ называетъ Боруллулахъ, носитъ также очень распространенное названіе Сухой Момы или просто Сухой. Сухой Момой или просто Сухой называли Боруллулахъ, напр., жители Ожогина на Индигиркѣ и они же, хорошіе знатоки Оймеконскаго нагорья, дали мнѣ чертежъ теченія Момы, который легъ въ основаніе карты Генеральнаго Штаба. На этой послѣдней картѣ Черскій считаетъ Мому «болѣе удачно означенной», и она дѣйствительно почти совершенно совпадаетъ съ его собственнымъ чертежемъ. Довольно часто бываетъ, однако, что мѣстные жители называютъ истоки одной и той же рѣки не особыми именами, а именемъ главной рѣки, при чемъ для отличія отдѣльныхъ истоковъ они прибавляютъ только прилагательныя первый, второй

*) Рѣка эта, несомнѣнно, идентична съ Кысылъ-балыктахомъ: якуты постоянно смѣшиваютъ звуки *h* и *ss*, а *г* является лишь русской транскрипціей для *h*.

и т. д.; они дѣлаютъ это даже въ тѣхъ случаяхъ, если имъ извѣстны названія истоковъ. Для мѣстныхъ жителей этотъ способъ обозначенія имѣетъ свои удобства: они очень легко ориентируются при немъ, а въ этомъ для нихъ вся суть дѣла. Но для путешественника такой обычай крайне невыгоденъ и онъ можетъ разузнать настоящія названія (присущія почти каждой изъ этихъ малыхъ рѣчекъ) только путемъ тщательныхъ разспросовъ. Какъ бы тамъ ни было, подобный обычай существуетъ, а потому съ нимъ и приходится считаться во время путешестія. Черскій же о немъ, повидимому, ничего не зналъ, въ противномъ случаѣ, изъ одного того обстоятельства, что Аѳонасьевъ приводитъ Сухую, какъ впадающую въ Кысылъ-балыктахъ, онъ долженъ былъ бы заключить, что Аѳонасьевъ относилъ Сухую, въ то время, какъ переправлялся черезъ нее, не къ Зырянкѣ, а къ Момѣ, и что если она проведена въ Зырянку, такъ только по ошибкѣ Генеральнаго Штаба. Та же ошибка перешла и на составленную мною карту и я пользуюсь тутъ случаемъ, чтобы исправить ее. Эту часть маршрута Аѳонасьевъ велъ во время своего обратнаго путешествія до того неряшливо, что я совершенно пренебрегалъ ею, а потому и сдѣлалъ упущеніе, которое нельзя оправдывать, однако, уже потому, что, переговоривъ съ Аѳонасьевымъ, я провелъ Кысылъ-балыктахъ на вышеупомянавшемся оригинальномъ маршрутѣ въ Мому. Впослѣдствіи я объ этомъ забылъ, да и самъ Аѳонасьевъ имѣлъ крайне смутныя представленія о разбираемой мѣстности.

Тутъ я хочу указать еще на то, что листы А, Б, В, Г, Д и Е маршрутной съемки Аѳонасьева ведены имъ далеко не съ тою тщательностью, о которой въ другихъ случаяхъ я привыкъ отзываться съ полной похвалою. Путешественники къ тому времени успѣли, повидимому, уже сильно утомиться и помышляли лишь о томъ, какъ бы скорѣе добраться до Якутска. Къ тому же ежедневно шелъ непрерывный дождь. Аѳонасьевъ однажды заблудился, при чемъ едва не умеръ съ голоду: случай этотъ произвелъ на него, повидимому, потрясающее впечатлѣніе. Ко

всему этому присоединилось, наконецъ, и отсутствіе надзора, который прежде понуждалъ его къ правильнымъ занятіямъ. Однимъ словомъ, — все шло не такъ, какъ слѣдуетъ. Возвращаясь къ маршруту, укажу, между прочимъ, на то, что листъ Д не примыкаетъ къ листу Е. Первый изъ нихъ оканчивается горной долиной, расположенной, очевидно, на значительной высотѣ, а второй начинается болотистой низменностью. Такимъ образомъ, только благодаря помѣткамъ литерами и можно считать листъ Е за прямое продолженіе листа Д. Если оставить, однако, въ сторонѣ это далеко неудовлетворительное исполненіе, то въ остальномъ оба маршрута (Аѳонасьева и Черскаго) хорошо подходятъ одинъ къ другому. Приходится, такимъ образомъ, только сожалѣть о томъ, что Черскимъ былъ упущенъ такой прекрасный случай собрать болѣе точныя данныя о простираніи хребтовъ и о ходѣ теченія рѣкъ.

Если я касаюсь здѣсь такъ подробно всей этой скучной исторіи, то главнѣйшая причина заключается въ томъ, что мнѣ кажется въ высшей степени важнымъ снять съ топографа Аѳонасьева малѣйшее подозрѣніе въ искусственныхъ и преднамѣренныхъ «исправленіяхъ» чертежей; Аѳонасьевъ оказался (за исключеніемъ возвратнаго путешествія въ Якутскъ) очень добросовѣстнымъ и способнымъ исполнителемъ нашего столь длиннаго маршрута. Кромѣ того онъ все время дѣлалъ такія подробныя изслѣдованія и опыты съ цѣлью точно установить разстоянія, которыя можно пройти въ извѣстные промежутки времени (а это было какъ разъ въ нашемъ случаѣ очень труднымъ дѣломъ), что является просто невозможнымъ, чтобы онъ могъ начертить 225-верстный маршрутъ, который фактически равнялся бы всего 160 верстамъ, какъ вычислилъ это господинъ Черскій на основаніи какихъ то, мнѣ неизвѣстныхъ, законовъ. При томъ же результаты моего сравненія двухъ маршрутовъ съ текстомъ отчета г-на Черскаго заставили меня придавать очень мало цѣны географическимъ сообщеніямъ послѣдняго. Я долженъ оговориться, что сказанное вовсе не касается геологическихъ трудовъ И. Д.

Черскаго, которые не имѣютъ ничего общаго съ географическими и судить о которыхъ я вовсе не берусь.

Въ географическихъ работахъ, производимыхъ въ столь отдаленныхъ и такъ рѣдко посѣщаемыхъ странахъ, какъ настоящая, уже по самой сущности дѣла, за невозможностью фактической провѣрки, приходится совершенно полагаться на добрую волю и способности работника. Но какъ прикажете, однако, смотрѣть на географа, который сообщаетъ въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ, что, на основаніи сдѣланнаго имъ сравненія двухъ маршрутовъ и нарочно для того самимъ имъ собранныхъ разспросныхъ данныхъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что озеро «Колчанъ» его предшественника Аѳонасьева оказалось тождественнымъ съ безымяннымъ притокомъ рѣки Куруна, а между тѣмъ послѣ точно такого же сравненія тѣхъ же самыхъ маршрутовъ, оказывается что одно мѣсто отстоитъ отъ другаго болѣе, чѣмъ на сто верстъ? Или, географъ сообщаетъ, что Сухая Аѳонасьева есть часть его Зырянки, а на дѣлѣ мы видимъ, что обѣ рѣки отстоятъ другъ отъ друга на 60 верстъ слишкомъ. Эта малая часть маршрута г-на Черскаго только случайно могла быть подвергнута провѣркѣ, все же остальное приходится принимать на вѣру, — но мнѣ не вселяетъ никакого довѣрія.

Но не одно это заставляетъ крайне недовѣрчиво относиться къ географическимъ трудамъ этого путешествія; какъ въ отчетѣ, такъ и въ чертежѣ есть еще многое, что приходится назвать по меньшей мѣрѣ страннымъ. Таковы, напр., заключительныя строки отчета. Каждый, кто имѣлъ дѣло съ черченіемъ маршрутовъ, по собственному опыту знаетъ, что даже самые опытные топографы передаютъ разстоянія большею частію не совсѣмъ безошибочно; обыкновенно разстоянія въ ихъ работахъ нѣсколько преувеличены и, если я не ошибаюсь, преувеличеніе это не рѣдко достигаетъ шести верстъ на сто. Вслѣдствіе этого, для полученія хорошихъ маршрутовъ, безусловно необходимо имѣть астрономически опредѣленные опорные пункты, по которымъ и вносишь поправки ошибокъ, сдѣланныхъ при опредѣленіи разстояній.

Въ распоряженіи Черскаго на пространствѣ между Алданомъ и Верхнеколымскомъ находилось три такихъ пункта: Алданскій перевозъ, Оймеконская управа и Верхнеколымскъ; всѣхъ ихъ онъ коснулся или могъ, по крайней мѣрѣ, коснуться во время своего путешествія. Между тѣмъ такой счастливый случай онъ считаетъ за помѣху и объясняетъ, извиняясь, что онъ не измѣнилъ своего маршрута и своихъ профилей (что̀, къ слати сказать, было бы дѣйствительно невозможнымъ дѣломъ) по названнымъ тремъ пунктамъ, потому что первый, т. е. маршрутъ, «является во всякомъ случаѣ единственнымъ, дающимъ достаточно точное представленіе о дѣйствительномъ оро-гидрографическомъ характерѣ мѣстности»; за то на прилагаемой имъ картѣ въ 100-верстномъ маасштабѣ онъ помѣстилъ, по его словамъ, тѣ три пункта сообразно своему маршруту, но что это обстоятельство вовсе не повліяло, за малостью масштаба, на правильность его чертежа. Такимъ образомъ онъ считаетъ сдѣланную имъ во время проѣзда верхомъ при помощи пель-компаса съемку за болѣе точную, чѣмъ астрономическіе пункты, которые всѣми другими принимаются (если не вкрадывается какихъ либо важныхъ сомнѣній) за самый точный способъ, какой только можетъ быть достигнутъ во время путешествія.

Чтобы убѣдиться, что новаго сдѣлалъ, собственно говоря, Черскій для конфигураціи теченій рѣкъ и для направленій хребтовъ, я наложилъ его карту на карту Генеральнаго Штаба; сдѣлать это было очень легко благодаря тому, что обѣ карты набросаны въ одномъ маасштабѣ. Прежде всего нужно констатировать, что относительно сѣти рѣчныхъ системъ оба чертежа очень сходны между собою и ничѣмъ существеннымъ другъ отъ друга не отличаются. Это было бы крайне утѣшительнымъ обстоятельствомъ, если бы къ картѣ Черскаго можно было отнестись съ довѣріемъ. Оно доказывало бы, что старикъ Сарычевъ велъ дѣйствительно точный дневникъ, такъ какъ на его данныхъ главнымъ образомъ основана карта Генеральнаго Штаба въ той ея части, которая касается самыхъ верховьевъ

Индигирки. Совпаденіе двухъ картъ доказало бы также, что Генеральный Штабъ правильно реконструировалъ карту данной мѣстности по дневникамъ Сарычева и членовъ экспедиціи Биллингса, дневникамъ, которые были единственными источниками въ виду того, что Сарычевъ не оставилъ никакого маршрута. Относительно двухъ притоковъ Индигирки, Момы и Нери, въ распоряженіи Генеральнаго Штаба были лишь разспросныя свѣдѣнія, собранныя у жителей Ожогина и у тунгузовъ, живущихъ въ области рѣки Селегняха. Эти разспросныя данныя должны считаться въ высшей степени удовлетворительными, такъ какъ самая верхняя часть теченія этихъ рѣкъ, на которыхъ былъ только одинъ Черскій, замѣчательно хорошо сходится съ картой Генеральнаго Штаба. Только въ одномъ отношеніи Черскій придерживается совершенно другихъ взглядовъ, но именно въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ полное, по моему мнѣнію, право, или не имѣть никакихъ свѣдѣній, или же, если бы ему удалось собрать лучшія, былъ бы обязанъ упомянуть о томъ въ текстѣ. Сарычевъ шелъ съ Индигирки къ Момѣ по другой дорогѣ, чѣмъ Черскій. Послѣдній путешественникъ направился изъ Управы сначала вверхъ по Индигиркѣ и, сдѣлавъ этимъ путемъ около 80 верстъ, затѣмъ уже повернулъ къ системѣ Нери. Сарычевъ же покинулъ Индигирку у самой Управы и вышелъ на Нелканъ, который онъ описываетъ какъ могучую рѣку; кромѣ того онъ перечисляетъ всѣ малыя рѣчки, встрѣченныя имъ при прохожденіи плоскогорія. Несмотря однако на то, что путь Черскаго пролегалъ, какъ уже сказано, много восточнѣе, путешественникъ этотъ рѣшился совершенно измѣнить карту: Нелканъ онъ превращаетъ въ незначительную рѣку; Улаханъ-тарынъ-ыряхъ, изображенный (по Сарычеву) на картѣ Генеральнаго Штаба притокомъ Нелкана, онъ перемѣщаетъ на сто верстъ западнѣе и заставляетъ эту рѣку течь прямо въ Индигирку; притокъ Индигирки, Сабалахъ, вверхъ по которому шелъ Сарычевъ, Черскій вовсе выпускаетъ. Однимъ словомъ Черскій изображаетъ мѣстность совершенно въ другомъ видѣ и притомъ

вовсе не считаетъ нужнымъ упомянуть о побудительныхъ причинахъ предпринятаго измѣненія. Г-нъ Черскій тамъ, вѣдь, вовсе не былъ и могъ собрать лишь разспросныя свѣдѣнія, но изъ его отчета не видно, какимъ образомъ послѣднія побудили его пренебречь работой Сарычева, который долженъ же былъ знать, какихъ рѣкъ касался на своемъ пути. Кромѣ того, если карта Черскаго правильна, Сарычеву, чтобы попасть на Улаханъ-тарынъ-ыряхъ, пришлось бы идти съ Индигирки около ста верстъ въ сѣверо-западномъ направленіи; но объ этомъ ничего не говорится въ дневникахъ Сарычева, да оно и было бы совершенно непонятнымъ. Такимъ образомъ, карта Черскаго не могла побудить меня сдѣлать другихъ измѣненій въ моей картѣ, кромѣ одного: исправленія ошибки относительно Кысылъ-балыктаха, который у меня проведенъ въ Зырянку, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ течетъ въ Мому.

Не могу сказать, чтобы путешествіе г-на Черскаго дало что либо новое и въ орографическомъ отношеніи, доставило бы намъ хотя нѣкоторыя свѣдѣнія о возвышеніи земной поверхности и о направленіи горныхъ хребтовъ. Сохранена даже ошибочная номенклатура, которую можно было бы наконецъ бросить. Если С.-Петербургскій Генеральный Штабъ неправильно и какъ попало употребляетъ названія Яблоный и Становой хребетъ, то удивляться этому, конечно, нечего, такъ какъ на разстояніи столькихъ тысячъ верстъ легко могутъ произойти подобныя ошибки; но если ошибки эти перепечатываются и тѣмъ самымъ санкціонируются человѣкомъ, такъ долго жившимъ въ Сибири, какъ г-нъ Черскій, то это уже непозволительно: когда, скажите на милость, слыхалъ онъ въ Якутскѣ названіе «Яблоный хребетъ»? Я никакъ не могу согласиться также съ тѣмъ, что г-нъ Черскій проводитъ границу между Верхоянскимъ и Становымъ хребтами подъ 62° сѣв. шир. и подъ 148° в. дол. отъ Ферро (на стр. 3 отчета приведена послѣдняя цифра, но должно, по всей вѣроятности, быть —158°); это по моему мнѣнію вовсе не доказано. Г-нъ Черскій полагаетъ, что онъ наблюдалъ это отдѣ-

леніе съ достаточной ясностью со своего пути, пролегавшаго на одинъ градусъ сѣвернѣе. Я въ свою очередь стану оспаривать возможность подобнаго наблюденія: разстояніе было слишкомъ велико, а изъ отчета его не видно, чтобы онъ бралъ пеленги для лучшей оріентировки. Этимъ все же вовсе не затрагивается въ высшей степени интересный вопросъ: куда отклоняется главное поднятіе простиравшагося до сихъ поръ въ одномъ и томъ же направленіи Становаго хребта, т. е. идетъ ли оно къ западу, къ Ленѣ, или къ востоку — къ Колымѣ. Этотъ важный вопросъ нужно было рѣшить прежде всего, потому что всѣ остальныя возвышенности, которыя переходилъ и измѣрялъ г-нъ Черскій впослѣдствіи, суть ничто иное, какъ отроги, скоро исчезающіе, а потому не представляющіе дальнѣйшаго интереса.

Весьма страннымъ кажется во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ г-на Черскаго, что онъ приходитъ къ такимъ необычайнымъ измѣреніямъ высотъ, которыя никакъ нельзя согласовать съ имѣющимися у насъ до сихъ поръ данными. Напрасно станемъ мы, однако, искать въ его отчетѣ объясненій столь странныхъ фактовъ. Не подлежало, конечно, никакому сомнѣнію, что нагроможденныя на Оймеконскую плоскую возвышенность горныя цѣпи должны были превосходить высотою извѣстные уже перевалы, какъ черезъ Верхоянскій, такъ и черезъ Становой хребты; но въ высшей степени странно то, что сообщаетъ намъ г-нъ Черскій о Якутскѣ и о низменности, протянувшейся между этимъ городомъ и нагорьемъ. Шварцъ, Исленьевъ и другіе изслѣдователи опредѣлили абсолютную высоту города Якутска въ 296 футовъ. Мы имѣемъ, далѣе, цѣлый рядъ съемокъ, сдѣланныхъ Эрманомъ въ долинѣ Лены отъ Качуги до названнаго города; изъ нихъ явствуетъ, что станція Жербинская (нѣсколько ниже которой Лена вступаетъ на разстояніи тысячи верстъ отъ Якутска въ Якутскую область) находится на 486 футахъ надъ уровнемъ моря. И вдругъ, на стр. 2 своего отчета сообщаетъ намъ г-нъ Черскій, что абсолютная высота Якутска равняется свыше 500 футовъ. Откуда онъ это знаетъ? На основаніи какихъ дан-

ныхъ объявляетъ онъ невѣрными работы столькихъ его предшественниковъ?

Мы имѣемъ, наконецъ, рядъ измѣреній, сдѣланныхъ Эрманомъ между Якутскомъ и Охотскомъ и сообщаемыхъ мною въ прилагаемомъ каталогѣ. Судя по нимъ, наибольшая абсолютная высота расположеннаго передъ Алданомъ плоскогорія, у станціи Нохинской, равна 748 футамъ, а терраса къ западу отъ Амги оказывается много ниже. Г-нъ же Черскій утверждаетъ, что названное плоскогоріе расположено на 939 футахъ выше Якутска, т. е., что оно достигаетъ болѣе, чѣмъ 1439 футовъ абсолютной высоты, лежитъ выше Верхоленска, опредѣленнаго Эрманомъ въ 1426 футовъ, и выше водораздѣла между Леной и Тунгузкой, абсолютную высоту котораго Миллеръ установилъ въ 1330 футовъ. Кромѣ того, Черскій продолжаетъ эту равнину до 64° сѣв. шир., т. е. далеко за Верхоянскій и даже за Сардогинскій хребты, а къ востоку до 155° долготы, который проходитъ уже по замѣтно выраженнымъ предгоріямъ Оймеконскаго нагорья. И все это, прямо-таки противорѣчащее всему до сихъ поръ извѣстному, сообщается безъ всякихъ оговорокъ, какъ непреложный декретъ, который долженъ приниматься на вѣру лишь потому, что г-нъ Черскій признаетъ это за благо. Но послѣ того, какъ я по картѣ Аѳонасьева убѣдился, какъ привыкъ работать г-нъ Черскій въ географическомъ отношеніи, я вовсе не расположенъ принимать подобные декреты за заслуживающіе довѣріе и вижу себя вынужденнымъ отложить въ сторону собранный имъ матеріалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ подтвержденъ послѣдующими изслѣдованіями.

Бланкенбургъ, на Гарцѣ,
20 сентября 1893.

Приложеніе первое.

Списокъ астрономическихъ пунктовъ (опредѣленныхъ частью по двумъ координатамъ, частью же лишь по широтѣ), на основаніи которыхъ составлены два листа главной «Карты Якутской области».

Для лучшей оріентировки къ труду прилагается малая «Карта астрономическихъ пунктовъ», на которой указана большая часть этихъ пунктовъ, но только такихъ, которые опредѣлены по обѣимъ координатамъ. На ней пункты помѣчены тѣми же нумерами, что и въ предлагаемомъ спискѣ. Кромѣ того на эту же карточку нанесены маршруты различныхъ путешествѣнниковъ постольку, поскольку авторъ могъ собрать о нихъ свѣдѣнія. Послѣднее имѣетъ цѣлью наглядно показать, какія части Якутской области посѣщались людьми компетентными и какія остались по сихъ поръ вовсе не изслѣдованными.

Текущій №	Мѣсто.	φ			λ вост. отъ Ферро.			Наблюдатель.
1	Золотой пріискъ на р. Бухтѣ . .	54	14		137	56		Шварцъ.
2	р. Конамъ	55	59	50	144	13		»
3	р. Алданъ, Лѣвый	56	18	23	141	6	6	»
4	гора Іона	»	25	30	160	55	30	Крузенштернъ.
5	Аянскій портъ	»	28		155	57		Шварцъ.
6	р. Фурманъ (Правый Алданъ). .	»	36		140	50		»
7	р. Нерпа, устье	57	28	34	132	57		»
8	р. Эмалитъ	»	30	22	134	11		»
9	р. Витимъ	»	32	45	132	54		»
10	Нелканъ, урочище.	»	39		153	54		»
11	р. Малая Мама, устье	»	49	5	131	41		»
12	р. Бисяхъ или Висяхъ, устье . .	»	50	14	131	48	28	»
13	р. Большая Мама, устье	58	18	35	130	34	57	»
14	р. Большой Аимъ, устье	»	46	21	151	42		»
15	р. Курукина, устье.	»	57	21	130	31		»
16	Охотскъ, старая гавань	59	20	10	160	53	30	Красильниковъ.
17	» новая гавань.	»	20	48		54	42	»
18	Витимскъ, деревня	»	26	13	130	14	50	Шварцъ.

Текущій №	Мѣсто.	φ			λ вост. отъ Ферро.			Наблюдатель.
18[a]	Тауйская губа	59	31	50	166	53		Онацевичъ.
18[b]	Ямская губа	»	34	10				»
19	Крестова, станція	»	44	24	130	49	44	Дуэ.
19[a]	Мача, станція	»	55	32	135	22	42	Ганстенъ.
20	Крестъ на Юдомѣ	60	5	0	157	33	30	С.-Пет. Календ. 1824.
21	Улаханъ-Балыктахъ, урочище на р. Мили	»	12	4	149	56	39	Козминъ.
22	Олёкминскъ	»	22	20	138	6		Шварцъ.
23	р. Олёкма, устье	»	22	10	138	35	59	»
24	Устьмайская переправа	»	24	40	152	9	8	»
25	Амгинская слобода, деревня	»	53	41	149	38	45	»
26	Кетанда, урочище на одноименной рѣкѣ	»	40	12	158	57		Эрманъ.
27	р. Анча	61	0	59	156	19	22	»
28	Горностахъ, урочище на Бѣлой.	»	29	36	154	39	48	»
29	Чернолѣсъ, урочище на Бѣлой	»	31	13	154	2	32	»
30	Алданскій перевозъ	»	53	22	153	13	43	»
30[a]	Гижигинскъ	»	55	5	178	5	40	Старицкій.
31	Нохинскъ, станція	»	56	45	152	36	29	Эрманъ.
32	Поротовскъ, станція	62	1	10	149	29	23	»
33	Якутскъ	»	1	28	147	22	28	Шварц., Исленьевъ.
34	Лебягинская станція	»	11	18	151	21	41	Эрманъ.
35	мысъ Наваринъ	»	16	0	196	44	13	Литке.
35[a]	Гаврила, губа, южный конецъ	»	23	30	196	43		Онацевичъ.
36	мысъ Фадѣевъ	»	42		197	18		Литке.
36[a]	Джели, урочище на Алданѣ	63	13	35				Нейманъ.
37	Оймеконъ, урочище, Родовое управленіе	»	15	15	160	27		Матюшкинъ.
38	Алданъ, правый берегъ противъ устья Тукулана	»	17	59	150	31		Анжу.
39	Вилюйскъ	»	45	22	139	14	30	Эрманъ.
39[a]	Курунгъ-хапчагай, урочище на Тукуланѣ	64	0	0				Нейманъ.
40	Булбухто-ту, станція на Тукуланѣ	»	6	13	150	11		Анжу.
41	мысъ Чукотскій (Южный)	»	16		204	40		С.-Пет. Календ. 1824.
41[a]	губа Провидѣнія	»	20	55	204	25		Онацевичъ.
42	мысъ Чаплинъ	»	24	30	205	26		Литке.
43	рѣка Кэнгъ-ыряхъ, устье	»	26	27	150	12		Анжу.
44	мысъ Мертенсъ	»	33	15	205	20		Литке.
44[a]	Омолонъ	»	39	30				
44[b]	Марково, церковь на Анадырѣ							Аѳонасьевъ.
45	мысъ Шпангбергъ	»	41	52	188	8	45	Нейманъ.
45[a]	Тиряхъ-ырыя притокъ Яны	»	42	30	203	8		
45[b]	Константиновское, станъ на Анадырскомъ остр.	»	42	15				Литке. Нейманъ.
46	Сіуряхъ (Оюгосъ-тумулъ) станъ на Янѣ	»	42	52	189	6	30	»
		»	43	29	149	57		Анжу.
46[a]	Моллома, притокъ Омолона	»	43	30				Аѳонасьевъ.
47	мысъ Нээкчапъ	»	55	30	205	22	30	Литке.
47[a]	Бухта Св. Креста, коса Мучкинъ	65	27	54	198	54		Онацевичъ.
48	мысъ Мечекенъ	»	28	40	199	3		Литке.
49	гора Линглингабъ	»	36	38	199	33		»
49[a]	р. Оленинская, прит. Б. Олоя (Омолонъ)	»	34	50				Аѳонасьевъ.

Текущій №.	Мѣсто.	φ			λ вост. отъ Ферро.			Наблюдатель.
50	губа Св. Лаврентія, вост. проходъ	65	37	50	206	56	30	Литке.
50[a]	Верхнеколымское, поселеніе . .	»	36	6				Аѳанасьевъ.
51	Верхнеколымскъ, церковь . . .	»	42	4	168	56	28	Карта Сарычева.
51[a]	р. Зырянка, притокъ Колымы .	»	44					Аѳонасьевъ.
51[b]	р. Чакучаниха, мѣсто впад. въ Омолонъ	»	46					»
52	Барылахъ, станъ на Янѣ . . .	»	51	0	149	57		Анжу.
52[a]	Харанъ-окатъ, прит. Б. Олоя (Омолонъ)	»	57					Аѳонасьевъ.
53	мысъ Чукотскій (Сѣверный) . .	66	5	30	207	56	0	С.-Пет.Календ.1824
53[a]	р. Б. Пеженка, притокъ Б. Анюя	»	14					Аѳонасьевъ.
53[b]	р. Шукутина (Б. Пеженка) . . .	»	17	30				»
54	мысъ Пээкъ	»	6	0	208	13	30	Литке.
51[a]	р. Моньеро, мѣсто остановки Чекановскаго	»	26	12	122	1	0	Миллеръ.
54[b]	М. Пеженка, истокъ (Б. Пеженка)	»	26	25				Аѳонасьевъ.
54[c]	р. Б. Олой, устье (Омолонъ). . .	»	28					»
55	Жиганскъ, церковь	»	45	47	140	38	33	Анжу.
55[a]	р. Б. Анюй	»	46	0				Аѳонасьевъ.
56	Питлекай, мѣсто зимовки «Вегп»	67	4	49	204	9	29	Экспед. «Вегп».
57	р. Оленекъ, въ двухъ верстахъ ниже мѣста впаденія Майгды.	»	6	2				Миллеръ.
57[a]	мысъ Сердце-Камень	»	3		206	7	0	Онацевичъ.
58	Оленекъ, мѣст. впад. р. Алакитъ	»	7	31				Миллеръ.
59	Оленекъ, въ 25 в. ниже впад. р. Алакитъ	»	8	49				»
60	Оленекъ, въ 12 в. ниже впад. р. Нижней Томбы	»	15	16				»
61	островъ на Ленѣ, южный конецъ	»	17	40	140	21		Анжу
62	Оленекъ, въ 8 в. выше впад. р. Верхней Томбы	»	17	41				Миллеръ.
62[a]	р. Курга, устье (Омолонъ) . . .	»	18					Аѳанасьевъ.
62[b]	Тынгыргестяхъ, поварня . . .	»	18		155	56		Нейманъ.
63	р. Нижняя Чахутина, усгье (М. Анюй)	»	23	59	185	48	50	Врангель.
63[a]	Тостахъ, станъ на одноименной рѣкѣ	»	26					Нейманъ.
64	Среднеколымскъ	»	26	20	172	31	26	Карта Сарычева.
65	островъ Колючинъ, южн. конецъ	»	26	46	202	7	33	Врангель.
66	островъ на Ленѣ, сѣв. конецъ .	»	30	35	140	17		Анжу.
67	Эякитъ, скала	»	31	54				Миллеръ.
67[a]	р. Лярха, истокъ (М. Анюй) . .	»	30	36				Аѳонасьевъ
68	Тигилка, станъ	»	33	16	180	0	50	Матюшкинъ.
69	Верхоянскъ	»	33	31	151	30		Анжу.
70	Брусянка, станъ	»	36	58	179	48	50	Матюшкинъ.
70[a]	р. Лярха, истокъ (М. Анюй) . .	»	42	0				Аѳонасьевъ.
71	Красное, станъ на Ленѣ	»	42	37	140	19	18	Анжу.
72	р. Оленекъ, побочн. рукавъ Мякъаянъ	»	42	59	134	14		Миллеръ.
73	мысъ Онманъ, западн. конецъ .	»	43	3	201	17	37	Козминъ.
74	р. Оленекъ, въ 2 верст. ниже скалы Уголорбитъ	»	45	28				Миллеръ.
75	р. Оленекъ, побоч. рукавъ Дырынгъ-аянъ	»	47	41				»

Текущій №	Мѣсто.	φ			λ вост. отъ Ферро.			Наблюдатель.
75[a]	р. Конгина, устье (Омолонъ) . .	67	47	50				Аоонасьевъ.
76	р. Оленекъ, скала Оролонко-хая.	»	47	56				Миллеръ.
76[a]	р. Лярха, истокъ (М. Анюй) . .	»	48	31				Аѳонасьевъ.
77	р. Эломбалъ, устье (М. Анюй). .	»	50	9	183	28	15	Врангель.
78	мысъ Ванкаремъ	»	50	16	200	55		Козминъ.
79	р. Б. Бараниха, близъ восточ. истока	»	53	26	186	18	50	Матюшкинъ.
79[a]	Хара-Балаганнахъ, станъ на Селенгяхѣ (Индигирка).	»	53	43				Майдель.
80	р. Оленекѣ, въ 1 верст. выше скалы Мдану-мая	»	58	20				Миллеръ.
81	Куиго, станъ на одноименномъ озерѣ.	»	59	11	151	53		Анжу.
82	Плотбище, станъ на М. Анюѣ .	68	0	3	180	4	15	Матюшкинъ.
83	Обромное, станъ на М. Анюѣ .	»	1	0	181	30	15	»
84	Лабазное, станъ.	»	3	35	178	3	50	»
84[a]	Островное, мѣсто ярмарки на М. Анюѣ	»	4		181	29		Майдель.
85	р. Оленекъ, устье р. Угоянъ . .	»	5	20				Миллеръ.
86	Коновалова, станъ на М. Анюѣ	»	5	32	181	16	15	Матюшкинъ.
87	Аргуново, станъ на М. Анюѣ. .	»	7	6	180	28	50	»
87[a]	Кресты, станція на Колымѣ . .	»	7	25				Аоонасьевъ.
88	Молочково, станъ на М. Анюѣ .	»	7	40	179	20	15	Матюшкинъ.
89	р. Ангуемъ, устье.	»	9	51	199	38	15	Козминъ.
90	гора Нунголъ на М. Анюѣ . . .	»	10	2	180	37	15	Матюшкинъ.
91	Куиго, станъ на одноименномъ озерѣ	»	14	40	152	6	30	Анжу.
92	р. Оленекъ, ниже устья Гаины .	»	24	30				Миллеръ.
93	островъ на Ленѣ выше стана Джессахъ.	»	25	66	141	32		Анжу.
94	р. Оленекъ выше устья р. Ксунору-ыряхъ.	»	25	32				Миллеръ.
94[a]	Абый, станъ на одноименномъ озерѣ	»	27	54				Майдель.
95	р. Оленекъ, въ 2 вер. выше устья р. Хоппо	»	30	15				Миллеръ.
96	Нижнеколымскъ	»	31	52	178	38	56	Врангель.
97	Бѣлые Горы	»	33	30	179	31	15	»
98	Пантилеевская, станъ	»	35	51	179	8	15	»
99	р. Оленекъ выше устья р. Суканы	»	36	50				Миллеръ.
100	р. Крутая виска, устье (Колыма)	»	37	57	178	47	15	Врангель.
101	гора Пантилеевская сопка . .	»	38	30	179	17	15	»
102	р. Амволиха, устье	»	40	52	178	58	15	»
103	гора Суровая, западный конецъ	»	41	0	179	0	15	»
104	р. Филиппова, истокъ	»	41	50	179	14	50	Козминъ.
105	гора Суровая, восточный конецъ	»	42	0	179	2	15	Врангель.
106	р. Погинденъ, истокъ	»	46	47	183	53	18	»
107	Каретово, деревня.	»	47	27	178	49	15	»
108	Черноусово, деревня.	»	50	20	178	45	15	»
108	р. Погинденъ, средній истокъ (М.							
109[a]	Анюй)	»	52	0	181	31		Майдель.
110	р. Травяная.	»	55	52	179	49	0	Врангель.
	р. Лагрикъ, устье, и станъ Каталыктахъ	»	53	48	151	54	56	Анжу.

Текущій №	Мѣсто.	φ			λ вост. отъ Ферро.			Наблюдатель.
111	мысъ Рир-Кайпія	68	55	16	197	39	56	Козминъ.
112	р. Б. Бараниха, истокъ.	»	57	8	184	12	0	Врангель.
113	р. Оленекъ, ниже впад. р. Тыряхтаха	»	58	32				Миллеръ.
114	р. Оленекъ, устье р. Анки . . .	69	4	2				»
115	Походскъ, станъ	»	4	21	178	31	15	Врангель.
116	гора вблизи Ларіонова камня . .	»	5	22	179	49	15	»
117	Ларіоновъ камень	»	6	0	179	16	15	»
118	гора Вайвапина	»	6		186	25		Матюшкинъ.
119	р. Б. Бараниха, мѣсто соедин. двухъ истоковъ	»	9	5	184	15	0	Врангель.
120	гора Сухарновская, ея вершина.	»	13	0	179	46	15	»
121	Кабачково, станъ	»	17	0	178	49	15	»
121[a]	р. Алазея	»	17	53				Майдель.
122	р. Сухарная, средній истокъ . .	»	17	55	174	43	15	Врангель.
122[a]	Похвальное, станъ на р. Индигиркѣ	»	23	19				Майдель.
123	губа Чаунъ	»	25	16	185	52	15	Матюшкинъ.
124	Малая Чукочья, станъ	»	26	10	178	2	50	Врангель.
125	побер. Ледовитаго океана къ в. отъ Якана	»	28	32	195	29	53	Экспед. «Вега».
126	р. Б. Бараниха, магазинъ у устья	»	30	41	184	20	54	Врангель.
127	Сухарное, станъ на одноименномъ островѣ на Колымѣ . .	»	31	21	179	23	50	»
128	р. Березова или Рульчишка, устье	»	32	28	183	34	0	Козминъ.
129	р. Козьминъ или Мышкина, устье.	»	32	10	184	58	15	Врангель.
130	Большое озеро, стекшее озеро .	»	33	11	185	13	15	»
131	Побережье Ледовитаго океана .	»	34	22	183	14	15	»
132	мысъ Матюшкинъ, южн. конецъ	»	35		188	20		»
133	побережье Ледовитаго океана	»	35	20	194	40	15	»
134	гора на мысѣ Матюшкинъ . . .	»	36		188	21		»
135	р. Крестовка, устье	»	36	6	181	53	15	»
136	Джусалъ, станъ	»	37	46				Миллеръ.
137	побережье Ледовитаго океана. .	»	37	58	181	?49	15	Врангель.
138	устье небольшой рѣчки	»	37	37	185	?10	15	»
139	мысъ Болтуновскій, берегъ Лены	»	38	19	143	35		Анжу.
139[a]	р. Медвѣжиха, устье.	»	39		179	42		Майдель.
140	пунктъ между Б. и М. Барановыми камнями	»	40	34	181	16	15	Врангель.
141	мысъ Медвѣжій	»	41	34	179	53		»
142	М. Барановъ камень, сѣверн. конецъ	»	41	48	180	36	15	»
143	Яканъ, малая скала	»	41	32	194	11	15	Козминъ.
144	мысъ на запади. стор. пролива Сабадей.	»	42	44	185	18	15	»
145	Жанкы или Агача, станъ на Янѣ	»	43	26	153	0	0	Анжу.
146	Коса въ проливѣ Сабадей . . .	»	43	28	185	49		Матюшкинъ.
147	Б. Барановъ камень, сѣв.-вост. конецъ	»	43	55	181	31	15	Врангель.
148	мысъ Матюшкинъ сѣв.-зап. конецъ	»	44	31	188	23	0	Козминъ.
149	остр. Анаутанъ, сѣв. конецъ . .	»	47	0	188	16	15	Врангель.
150	мысъ на о-вѣ Айока или Сабадей	»	48	22	185	30	15	Козминъ.

Текущій №	Мѣсто.	φ			λ вост. отъ Ферро.			Наблюдатель.
151	побережье Ледовитаго океана .	69	48	12	193	50	0	Козминъ.
151[a]	побережье Ледовитаго океана .	»	49	41	192	13		Матюшкинъ.
152	Айока или Сабадей, тундра . . .	»	50	33	186	7	15	Козминъ.
153	мысъ Кекурный	»	50	53	192	22	15	»
154	мысъ Песчаный	»	52	56	185	36	0	»
155	р. Верконъ, пунктъ межд. вост. и западн. устьемъ	»	52	47	191	31	0	»
156	Айока или Сабадей, тундра на сѣвер. концѣ	»	57	17	186	21	0	»
157	мысъ Киберъ	»	57	38	190	43	15	»
158	Сихтяхъ, станъ на Ленѣ . .	70	0	3	142	42	50	Юргенсъ.
159	мысъ Козминъ	»		55	189	36	15	Козминъ.
160	Кочка или каса между мысами Эрри и Козминъ	»	2	38	189	19	15	»
161	берегъ р. Яны	»	3	44	153	10	0	Анжу.
162	коса передъ западн. стор. мыса Эрри	»	3	23	188	43	30	Врангель.
163	Черная скала	»	3	17	189	15	0	Козминъ.
163[a]	Чукотское поселеніе къ ю. отъ м. Эрри	»	5		188	45		Майдель.
164	р. Б. Чукочья, крутой берегъ въ устьѣ	»	6	45	177	28	15	Врангель.
165	мысъ Эрри	»	6	0	188	43		»
165[a]	р. Шандронъ, мѣсто находки мамонта	»	12	26				Майдель.
166	мысъ Говоровъ на Ленѣ . . .	»	13	58	144	0		Анжу.
167	р. Оленекъ, устье р. Накукитъ	»	15	11				Миллеръ.
168	р. Оленекъ, скала ниже уст. р. Н. Кай-ыряхъ	»	19	34				»
169	Кьюнгю, станъ у устья той-же рѣки	»	26	39	152	55	30	Анжу.
170	р. Прокопья, устье.	»	27	41	177	25	15	Козминъ.
171	р. Аллаиха, станъ и устье . . .	»	28	52	166	28	0	Анжу.
172	р. Оленекъ, ниже устья р. Голокытъ	»	28	18				Миллеръ.
173	р. Оленекъ, въ 2 вер. выше устья р. Люча-ырыя	»	32	57				»
174	р. Яна, прибрежная скала . . .	»	37	43	153	18	0	Анжу.
175	VI Медвѣжій островъ, юго-вост. конецъ	»	37	6	180	16	15	Врангель.
176	Захребетное, станъ у Захребетной протоки Индигирки . . .	»	38	48	167	2	0	Анжу.
177	Шевелёвское	»	38	54	167	3		»
177[a]	о-въ Земля Врангеля, южн. берегъ	»	40		199	10		Дальманъ.
178	Сатыганъ-талу, станъ	»	42	23	149	15	38	Анжу.
179	р. Крестовая, устье	»	43	33	176	58	15	Козминъ.
180	Булунъ станъ на Ленѣ	»	44	46	145	26	32	Бережныхъ.
181	Казачье, у впаденія одноименной рѣки въ Яну	»	44	42	153	58	0	Анжу.
182	IV Медвѣжій островъ, сѣверн. конецъ	»	46	35	179	20	15	Врангель.
183	р. Голая, близъ устья	»	48	16	149	20		Анжу.

Текущій №	Мѣсто.	φ			λ вост. отъ Ферро.			Наблюдатель.
184	р. М. Алазея, устье одного изъ боков. рукавовъ	70	48	48	170	39	58	Врангель.
185	р. Б. Алазея, устье одного изъ боковыхъ рукавовъ	»	50	14	171	23	25	Козминъ.
186	I Медвѣжій островъ, сѣв.-зап. конецъ	»	52	14	178	4	15	Врангель.
187	побережье Ледовитаго океана .	»	53	48	171	57	15	»
188	р. Курдигина, устье	»	53	37	176	35	53	Козминъ.
189	Устьянскъ	»	54	58	154	10	0	Анжу.
190	мысъ Каменный столбъ близъ Устьянска	»	55	16	149	4		»
191	Едомка, станъ на Индигиркѣ .	»	55	46	168	58	9	»
192	Куропаточный яръ, крутой берегъ на морскомъ побер. . .	»	56	48	173	10	15	Козминъ.
193	побережье Ледовитаго океана .	»	58	11	172	28	15	Врангель.
194	р. Береляхъ, устье, станъ Елонъ	»	59	21	167	4	38	Бережныхъ.
195	Русское Устье	71	0	30	167	6	11	Анжу.
196	Сѣверный Парнассъ, гора . . .	»	0	56	175	51	15	Козминъ.
197	Куропаточный яръ, крутой берегъ на морскомъ побер. . .	»	4	20	174	7	15	»
197[a]	островъ Земля Врангеля, вост. берегъ	»	5		199	50		Дальманъ.
198	Орто, станъ на рѣчкѣ Коллотъ .	»	5	12				Миллеръ.
199	Крестово устье рѣки Чендона .	»	6	0	156	28		Анжу.
200	р. Омолой близъ устья	»	12	14	150	3		»
201	Крестяхъ, станъ въ дельтѣ Яны	»	14	22	153	45	41	»
202	Кундыбейдахъ, устье р. Чандона	»	14	41	156	35		»
203	р. Гусиная, восточное устье . .	»	15	45	168	45		»
204	станъ на Янѣ	»	18	56	154	2		»
205	станъ на рѣчкѣ Тукуламѣ . . .	»	22	42				Миллеръ.
206	Ильинъ Шаръ, устье Яны . .	»	22	57	152	40		Анжу.
207	Губа Селляхъ, западный конецъ	»	24	3	156	56		»
208	р. Гусиная	»	25	8	167	1	53	Бережныхъ.
209	Бурдахъ, станъ	»	26	32	154	2		Анжу.
210	р. Селляхъ, устье	»	26	3	157	56		»
211	остр. Ярокъ, сѣв. берегъ . . .	»	27	8	155	24		»
212	Мургашъ, станъ	»	31	51	154	19	57	»
213	Маныко, станъ	»	31	38	156	2		»
214	островъ Ярокъ, сѣверн. берегъ	»	33	12	155	26		»
215	р. Хрома	»	34	44	162	25	38	Бережныхъ.
216	Большое устье Индигирки . . .	»	34	51	167	43	30	»
217	р. Хрома, устье	»	38	31	162	30		Анжу.
218	р. Лапча, устье	»	38	1	163	15	27	»
219	мысъ Гусиный, зимовье	»	38	44	167	16	40	Бережныхъ.
220	р. Карбасъ, устье	»	40	44	157	31	58	Анжу.
221	мысъ Балыкъ-таха	»	41	51	150	34		»
222	мысъ Послѣдній	»	44	47	151	9		»
223	островъ Макаръ, юго-запад. конецъ	»	49	32	156	14		»
224	Быковская губа, западн. стор. .	»	52	41	146	51	58	Бережныхъ.
225	мысъ Боръ-хая	»	54	30	151	0	0	Анжу.
226	Ванькинъ станъ	»	59	20	157	38	40	»
227	мысъ Быковъ	»	58		146	55	50	Юргенсъ.

Текущій №	Мѣсто.	φ			λ вост. отъ Ферро.			Наблюдатель.
228	р. Титъ, устье	71	59	3	144	29	50	Юргенсъ.
229	р. Моготаева, устье	72	6	32	167	58		Анжу.
230	Ары-Быковъ, станъ	»	8		146	59		Юргенсъ.
231	Харъ, станъ	»	10	12	137	53	30	Анжу.
232	р. Богдашкина, устье	»	12	57	167	20		»
233	коса Хромовская стрѣлка . . .	»	13	35	164	11		»
234	р. Сангаріахъ, устье	»	15	23	161	42		»
235	озеро Билиляхъ, южный конецъ	»	17	7	158	29	26	»
236	коса Маркушкина стрѣлка, восточн. кон.	»	18	23	164	40		»
237	мысъ Чуркинъ	»	26	46	157	4	52	»
238	Кумару-Суркъ, станъ	»	29	0	145	50		»
239	р. Урюнхастахъ, устье.	»	30	43	158	40		»
240	озеро Бустахъ	»	30	30	159	58		»
241	р. Крестовая, устье	»	36	22	161	55		»
242	Гороховый, станъ близъ м. Святой Носъ	»	45	20	158	32	28	»
243	Челбогай, станъ, Когыхстахскій рукавъ.	?	50	26	147?	7	56	Ильинъ, сомн. набл.
244	Болкалахъ, станъ у устья Оленека		56		137	30	50	Юргенсъ.
245	Турахъ, станъ	?	57	52	142?	30		Анжу, сомн. набл.
246	Баркинъ станъ	73	4	12	147	43		Анжу.
247	скала Титка, южн. кон. о-ва Ближній	»	11	32	161	5		»
248	остр. Ближній, западн. конецъ .	»	20	3	157	44		»
249	Сагастыръ, станъ, станція Метеорологической Экспедиціи .	»	23		144	15	50	Юргенсъ.
250	остр. Ближній, вост. конецъ . .	»	33	54	161	23		Анжу.
251	Орто-станъ, станъ.	»	34	30	143	1	50	Юргенсъ.
252	Каврышка, станъ на Б. Ляховомъ о-вѣ	»	53	52	160	10		Анжу.
253	Столбовой о-въ, юго-восточн. конецъ	»	55	7	153	56		»
254	Мысъ на сѣв.-вост. стор. о-ва Дуная	»	55	36	142	13	50	Юргенсъ.
255	остр. Васильевскій, южн. конецъ	74	2	29	151	35		Анжу.
256	р. Сыроватская, устье, на о-вѣ Столбовой	»	2	7	153	56	17	»
257	о-въ Малый Ляховскій, западн. бер.	»	5	27	158	16		»
258	о-въ Семяновскій, сѣверн. конецъ	»	14	29	151	56	20	»
259	о-въ Новая Сибирь, южный берегъ	»	43	55	166	47		»
260	мысъ Медвѣжій, о-въ Котельный	»	50	13	156	16	45	»
261	Большое зимовье на о-вѣ Новая Сибирь.	»	56	43	165	16		»
262	Дыроватое, станъ на о-вѣ Фадѣевскій	75	3	51	161	38		»
263	р. Мутная, устье, на о-вѣ Новая Сибирь.	»	3	22	168	13	44	»
264	мысъ Рябый, о-въ Новая Сибирь	»	12	12	167	30		»
265	р. Чукочья, о-въ Котельный, западн. бер.	»	13	50	155	21		»

Текущій №	Мѣсто.	φ			λ вост. отъ Ферро.			Наблюдатель.
266	мысъ Перцовый, о-въ Фадѣевскій	75	15	52	162	46		Анжу.
267	о-въ Фадѣевскій, западн. бер. .	»	20	20	160	41		»
268	о-въ Бѣлковскій, южный бер. .	»	21	48	154	21		»
269	мысъ Плоскій, о-въ Новая Сибирь	»	23	4	166	3	36	»
270	пунктъ къ югу отъ м. Высовскій на о-вѣ Новая Сибирь	»	28	27	163	47		»
271	Дурная станція, станъ на о-вѣ Котельномъ	»	37	50	155	38		»
272	о-въ Котельный, восточн. бер. .	»	46	46	158	34		»
273	Сѣверная зимняя юрта, о-въ Фадѣевскій	»	46	34	161	13	23	»
274	о-въ Бѣлковскій, сѣверный берегъ	»	51	45	154	30		»
275	р. Санникова, устье, о-въ Котельный	76	2	3	156	33		»
276	о-въ Фигуринъ, сѣверн. конецъ.	»	13	21	158	45		»

Приложеніе второе.

Списокъ нѣкоторыхъ высотъ,

заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ каталога князя Кропоткина, приложеннаго къ его «Отчету объ Олекминско-Витимской экспедиціи 1866 года». — Приведенныя долготы и широты основаны не на астрономическихъ опредѣленіяхъ, а взяты съ карты, такъ какъ ихъ назначеніе облегчить нахожденіе менѣе извѣстныхъ пунктовъ.

Мѣсто.	Абсолютная высота въ англ. футахъ.	По картѣ. φ			По картѣ. λ			Наблюдатель и вычислитель.
Возвышеніе земной поверхности отъ Якутска до Охотска.								
Якутскъ	296							Шварцъ, Исленьевъ. Эрманъ.
Чакуйская	345							
Поротовская	480	62	1	10	149	29	28	»
Чуропчинская	377							»
Арылахская	371							»
Лебягинская	617	62	11	18	151	21	41	»
Мелджегейская	640							»
Нохинская	748	61	56	46	152	36	29	»
Алданскій перевозъ	424	»	53	22	153	13	43	»
Бѣльскій перевозъ	748							»
1 гора тамъ-же	966							»
2 гора тамъ-же	1497							»
Чернолѣсская	985	61	31	13	154	2	32	»
Горностахская	1525	»	29	36	154	39	48	»
Гора Улогчанъ тамъ-же	2712							»

Мѣсто.	Абсолютная высота въ англ. футахъ.	По картѣ. φ			По картѣ. λ			Наблюдатель и вычислитель.
Аллахъ-юна	1912							Эрманъ.
Анча	2392	61	0	59	156	19	22	»
Озеро Тунгоръ	2443							»
Перевалъ не доходя 8 верстъ до Хоинги	3680							»
Юрта Хоинга	3300							»
Перевалъ Капитана	4029							»
Другая, болѣе высокая вершина, свыше	4264							»
Юрта Юдомская	2482	60	54	18	158	15		»
Юрта Кетанда	2760							»
Амгиканъ	1164							»
Арки	908							»
Мета	166							»
Охотскъ	13							»
Граница лѣса на горѣ Улагчанъ	2494							»
Граница лѣса на горѣ Капитанъ свыше	4000							»
Возвышеніе земной поверхности отъ Якутска до Удскаго-Острога.								
Якутскъ	296							Эрманъ.
Алданскій перевозъ	409	59	10		149	42		Миддендорфъ.
хребетъ Олега-Итабытъ	1473	58	26		150	10		»
рѣка Малый Аимъ	1291							»
рѣка Бохоръ Хапчагни, притокъ Большаго Аима	1872							»
рѣка Учуръ	1550							»
рѣка Балыктахъ-Муналы, притокъ Уяна	2154							»
рѣка Уянъ	2627							»
Водораздѣлъ перевала Джукъ-Джуръ въ Становомъ хребтѣ	4000							»
Наивысшія вершины тамъ-же, приблизительно	6000							»
рѣка Солырнай, система р. Уда	2620							»
Граница лѣса выше перевала Уяна, вѣроятно выше	5000							»
Долина Лены отъ станціи Качуги до Якутска.								
Качуга	1530							Кропоткинъ.
Верхоленскъ	1426							Эрманъ.
Тюманцовская	1138							»
Ботовская	1039							»
Устькутъ	874							»

Мѣсто.	Абсолютная высота въ англ. футахъ.	По картѣ. φ		λ		Наблюдатель и вычислитель.
Киренскъ	768					Эрманъ.
Водораздѣлъ между Леной и Нижней Тунгузкой	1330					Миллеръ.
Ивановская или Иванушковская	668					Эрманъ.
Паршинская или Паршева	619					»
Витимская	607					»
Жербинская	486					»
Неленская	431					»
Олёкминскъ	409					»
Иситская	337					»
Якутскъ	296					Шварцъ.
Возвышеніе земной поверхности между Шилкой, истокомъ Амура, и Леной у станціи Жербинской.						
Горбица на Шилкѣ	1230	53	6	136	50	Усольцевъ, Кропотк.
рѣка Амазарканъ (притокъ Амазара, впадающаго въ Амуръ)	2020	»	52	137	27	»
рѣка Амазарканъ, истоки	2890	54	0	»	33	»
рѣка Бугарихта, истоки (прит. Бухты, впадающ. въ Тунгиръ системы Олекмы	3090	54	9	137	39	»
р. Бухта, золотой пріискъ (прит. Тунгира)	2710	54	14	137	56	»
р. Бухта, устье (прит. Тунгира)	1810	»	26	»	45	»
р. Джиктанда (прит. Тунгира)	2400	»	27	»	30	»
р. Олекма у озера Углу	1840	55	1	»	18	»
р. Мокла (прит. Олекмы) устье Безымянной	2160	»	17	136	50	»
южная рѣка водораздѣла между Моклой и Калаканомъ	2370	»	21	»	55	»
Перевалъ водораздѣла	4430	»	30	»	48	»
сѣверная рѣка водораздѣла между Моклой и Калаканомъ	3810	55	34	»	48	»
р. Калаканъ, устье р. Одонгро	3750	»	38	»	45	»
р. Катугинетъ, мѣсто впад. въ Каларъ	3180	56	0	»	57	»
р. Катугинетъ, средняя часть теченія	3470	»	7	»	57	»
р. Катугинетъ, истоки	4910	»	13	»	57	»
р. Водораздѣлъ между рр. Каларомъ и Чарой	5580	»	19	»	55	»
озеро Омутъ-дачи или Амундачи	4490	»	36	»	54	»
озеро Андулакъ, долина Чары	2340	57	3	»	21	»
гора между рр. Бодойбо (прит. Витима) и Вачей (прит. Жуи, впадающей въ Чару системы Олекмы)	3860	58	17	132	19	»

Мѣсто.	Абсолютная высота въ англ. футахъ.	По картѣ. φ			По картѣ. λ			Наблюдатель и вычислитель.
Горы между рѣками Жуей и Хомолхо (притокъ Жуи).								
1 горная вершина	2930	59	2		133	55		Яскинъ, Кропотк.
2 горная вершина	3760	»	3		»	53		»
3 горная вершина	3970	»	5		»	51		»
гора у истоковъ р. Балаганнаха (прит. Жуи)	4220	58	48		134	18		»
гора Тепторго	5700	59	20		132	19		»
рѣка Балаганнахъ (прит. Жуи) золотой пріискъ	1610	58	43		134	13		»
Хижина на рѣкѣ Богажиктѣ (прит. Хомолхо)	1300	59	21		134	3		»
Хижина на Жуѣ	910	»	4		»	9		»
Хижана въ 25 верст. отъ Лены .	820	»	55		»	38		»
Станція Жербинская	486							Эрманъ.

Уже послѣ того, какъ былъ присланъ манускриптъ барона Г. Майделя, появилась здѣсь, въ С.-Петербургѣ (въ томѣ 17, № 3 (1894) Repertorium'a für Meteorologie, издаваемаго Императорской Академіей Наукъ), статья Фердинанда Миллера «Barometer-Nivellement zwischen Irkutsk und dem Eismeer». Къ труду этому приложена карта и онъ даетъ цѣлый рядъ новыхъ высотъ для Якутской области. Опредѣленія высотъ были произведены экспедиціей Чекановскаго и Миллера на Оленекъ, совершенной по порученію Русскаго Географическаго Общества въ 1874 году.

Ф. Ш.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Сообщенія Миддендорфа о тарынахъ можно найти какъ въ его обширномъ трудѣ «Путешествіе на сѣверъ и сѣверо-востокъ Сибири», такъ и въ его дополненіи къ статьѣ C. von Dittmar'a, помѣщенной въ «Mélanges physiques et chimiques» Императорской Академіи Наукъ отъ 3—15 декабря 1852.

2. Дитмаръ, насколько мнѣ извѣстно, былъ первымъ изслѣдователемъ своеобразныхъ явленій тарыновъ; онъ же перый старался дать имъ объясненіе. Сначала онъ высказалъ свое мнѣніе о нихъ въ «Mélanges physiques et chimiques» Императорской Академіи Наукъ отъ 3—15 декабря 1852, а затѣмъ повторилъ почти то же самое на стр. 51—65 его «Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka». Erster Theil. St.-Petersburg. 1890.

Первыя «Eismulden», какъ Дитмаръ называетъ тарыны, онъ встрѣтилъ на пути въ Аянъ въ долинѣ рѣки Турехтаха, притока Маи, въ августѣ мѣсяцѣ 1851 года. Два тарына Дитмаръ измѣрилъ самъ и нашелъ, что одинъ изъ нихъ въ это время имѣлъ еще 60 саженей длины и 25 саженей ширины, а другой —80 саженей въ длину и 35 саженей въ ширину. Третій тарынъ ему удалось видѣть лишь издалека, такъ какъ путь его принялъ другое направленіе. Всѣ эти три тарына образовались на одномъ и томъ же ручьѣ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ

другъ отъ друга. Впослѣдствіи онъ видѣлъ еще одинъ тарынъ, на ручьѣ Лекки, тоже впадающемъ въ Маю. Всѣ тарыны были, повидимому, довольно значительны, такъ какъ не успѣли растаять до августа и при томъ имѣли въ своей средней части восемь футовъ толщины. Дитмаръ подробно изслѣдовалъ русла рѣкъ, на которыхъ встрѣтилъ тарыны, и нашелъ при этомъ все то, что показалось достойнымъ особеннаго вниманія какъ Миддендорфу, такъ и мнѣ. Онъ нашелъ роскошный, покрытый пышной растительностію лугъ, по которому протекалъ, сильно извиваясь, ручей, образовавшій много рукавовъ; къ серединѣ луга, т. е. по направленію къ главному руслу рѣки, «богатство растительности уменьшалось и наконецъ лугъ окаймлялъ собою оголенную галькóвую отмель, которая въ свою очередь окружала въ видѣ кольца громадную массу льда». «Вода текла частью подо льдомъ, частью же по этому послѣднему, въ глубоко врытыхъ желобахъ. Русло почти безъ исключенія было выложено галькою, которая состояла изъ грубаго, содержащаго известь песчаника, выступавшаго какъ по берегу ручья, такъ и въ верхней части долины. Очень часто приходится видѣть скопленія гальки въ видѣ обширныхъ валовъ, такъ что кажется, что имѣешь передъ собою морены; благодаря сильной измѣнчивости русла, валы эти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опять прорываются, вслѣдствіе чего образуются болѣе или менѣе обширныя кучи сброшенныхъ вмѣстѣ камней. Часто наблюдаешь ледъ, густо усѣянный галечными включеніями, такъ что образуется конгломератъ, въ которомъ ледъ является цементомъ». Въ концѣ описанія втораго тарына Дитмаръ говоритъ еще слѣдующее: «При этомъ тарынѣ мнѣ приходится обратить особенное вниманіе на одно обстоятельство, которое при первомъ выступало не такъ рѣзко. Дѣло въ томъ, что въ концѣ его накопилось столь значительное количество гальки и песку, что образовавшійся черезъ то валъ значительно, повидимому, способствовалъ запруживанію ручья и тѣмъ самымъ обусловливалъ болѣе быстрый ростъ тарына зимою». Дитмаръ нашелъ также въ долинѣ деревья значительной толщины, но по направленію

къ серединѣ тарына они зачахли, очевидно потому, что стояли тутъ слишкомъ глубоко во льду. Впрочемъ, Дитмаръ того мнѣнія, что прежде здѣсь либо вовсе не было тарыновъ, либо они не достигали такихъ обширныхъ размѣровъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ врядъ ли могли бы рости здѣсь деревья, а тѣмъ болѣе такія толстыя.

Изъ всѣхъ сдѣланныхъ на мѣстѣ наблюденій, которыя, какъ уже сказано, во всемъ совпадаютъ съ моими собственными, Дитмаръ выводитъ, однако, совершенно другія заключенія, чѣмъ я. Ледъ тарыновъ онъ считаетъ, какъ и я, производнымъ воды, находящейся поверхъ льда, но утверждаетъ, что вода эта доставляется ручьемъ или ключемъ поверхностно и что она образуетъ наслоеніе льда благодаря тому, что притекаетъ правильными слоями, которые замерзаютъ, потомъ снова притекаютъ, опять замерзаютъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дитмаръ считаетъ за необходимое условіе образованія тарына, чтобы долина, въ которой онъ возникаетъ, представляла собою котловину или по крайней мѣрѣ была бы горизонтальна, причемъ въ послѣднемъ случаѣ полагаетъ, что котловины образуются въ ней путемъ перемѣщенія впередъ гальковыхъ отмелей. Въ котловинѣ собирается, по его мнѣнію, вода, которая замерзаетъ и тѣмъ образуетъ основной слой тарына, могущій достигнуть бо̀льшаго или меньшаго развитія въ зависимости отъ количества притекающей воды и отъ большей или меньшей теплоты зимы. Сказанное прямо слѣдуетъ изъ тѣхъ положеній, которыя Дитмаръ выставляетъ съ одной стороны за непремѣнныя условія возникновенія тарына, а съ другой — приводитъ въ видѣ отличительныхъ признаковъ послѣдняго отъ глетчера. Главнѣйшія изъ этихъ положеній слѣдующія.

«Тарыны образуются лишь въ такихъ частяхъ долинъ, которыя либо являются въ видѣ рѣзко-выраженныхъ котловинъ, или расположены по крайней мѣрѣ совершенно горизонтально».

«Выше котловино-образнаго или горизонтальнаго дна долины

долженъ открываться обильный водою источникъ, температура котораго настолько высока, что онъ не замерзаетъ зимою.

«Наростаніе тарына происходитъ путемъ притока воды, которая на мѣстѣ же и замерзаетъ. Вода эта истекаетъ изъ покрытыхъ лѣсомъ склоновъ долины».

«Находящаяся на тарынахъ галька отрывается водою отъ выше лежащихъ частей долины механически и безъ всякаго порядка отлагается на гладкомъ льдѣ. Тутъ галька становится игрушкой воды до тѣхъ поръ, пока не углубится, будучи сильнѣе нагрѣта солнцемъ, въ ледъ или не снесется водою съ гладкой поверхности и не попадетъ на болѣе неровный грунтъ края котловины, гдѣ, получивъ болѣе опоры, образуетъ валы».

«Валъ, находящійся на тарынѣ, если только онъ достаточно высокъ, долженъ значительно способствовать наростанію льда».

Приведенныя положенія очень рельефно передаютъ взгляды Дитмара, но ихъ можно было поставить лишь осенью, т. е. въ такое время, когда даже эти тарыны почти совершенно растаяли. Если бы Дитмару удалось посѣтить мѣсто зимою, то онъ нашелъ бы, конечно, мокрое ледяное поле, но ни въ какомъ случаѣ не гладкое, а на оборотъ — прорѣзанное многими возвышеніями. Тогда онъ замѣтилъ бы, что вода, поддерживающая почти постоянно поверхность ледянаго поля мокрою, выходитъ именно изъ тѣхъ возвышеній. Согласно съ его взглядами, Дитмару пришлось бы отыскивать мѣсто, изъ котораго вода поверхностно разливается по ледяному полю, а мѣсто это по необходимости должно было бы помѣщаться выше остальнаго тарына, такъ какъ вокругъ него замерзало бы больше всего воды. Это совершенно такъ же, какъ въ широтахъ, гдѣ нѣтъ вѣчно-мерзлой почвы, появляется вода на льду источника, устье котораго расположено всегда выше, чѣмъ окружающая его наледь. Но Дитмаръ напрасно сталъ бы искать такое мѣсто, онъ видѣлъ бы передъ собою, какъ сказано, лишь горизонтальную ледяную поверхность, прорѣзанную неправильно разбросанными и покрытыми снѣгомъ возвышеніями, изъ боковъ которыхъ повсюду сочится, стекая на гладкій ледъ, вода.

Если бы онъ еще немножко повременилъ, или имѣлъ бы возможность снова посѣтить тарынъ ранней весною, то онъ нашелъ бы, что множество возвышеній, которыя зимою были покрыты снѣгомъ и сочили воду, превартились теперь въ гальковыя отмели, выдающіяся изъ плотно лежащаго еще льда.

Точно также не совсѣмъ ясно, какимъ образомъ вода приноситъ и откладываетъ на ледъ обломки каменьевъ, которые дѣйствительно встрѣчаются на серединѣ большей части тарыновъ, но которые бываютъ далеко не на всѣхъ изъ нихъ, а потому и не составляютъ conditio sine qua non образованія тарыновъ. Если бы такой тарынъ питался, какъ принимаетъ Дитмаръ, находящимся на верхнемъ его концѣ источникомъ, то галька вовсе не могла бы приноситься, такъ какъ источникъ не выбрасываетъ гальки. Если же, съ другой стороны, Дитмаръ предполагаетъ, что обломки камней попадаютъ на тарынъ при помощи ручьевъ, образуемыхъ тающими снѣгами, то, хотя это иногда и возможно, ему все же пришлось бы возразить, что уровень вешнихъ водъ врядъ ли можетъ быть настолько высокъ, чтобы они могли затопить тарынъ, особенно же его середину, т. е. мѣсто, гдѣ онъ достигаетъ наибольшаго своего развитія. Тарыны образуются преимущественно въ долинахъ, имѣющихъ очень слабый наклонъ, они поднимаются значительно выше береговъ рѣчекъ, на которыхъ возникаютъ, а потому они значительно возвышаются надъ окружающимъ ихъ дномъ долины; это видно уже изъ того, что даже 5 августа Дитмаръ нашелъ толщину льда въ серединѣ тарына равною восьми футамъ. Такимъ образомъ очевидно, что вешнія воды не могли бы затопить такой мощный слой льда, и если бы онѣ образовались, то только обогнули бы тарынъ дугою и отложили бы несомые ими обломки камней на его обледенѣлыхъ краяхъ, — а тутъ самъ же Дитмаръ нашелъ лишь зеленѣющій лугъ, но не гальку. Помимо того, такія рѣки далеко не всегда образуютъ бѣшенные потоки, влекущіе весною камни и гальку; тарынъ встрѣчаешь часто на самомъ началѣ рѣки, въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ она еще не можетъ быть

слишкомъ многоводна даже весною, во время таянія снѣга. Тарынъ часто окруженъ, правда, гальковымъ пространствомъ, но послѣднее возникаетъ и продолжаетъ существовать только потому, что на немъ не успѣваетъ развиться растительность, такъ какъ большую часть теплаго времени года оно остается покрытымъ льдомъ. Это касается главнымъ образомъ середины тарына, края же его, первоначально галечнаго, дна часто скрываются подъ пышной травянистой и кустарниковой растительностью. Не мѣшаетъ далѣе замѣтить, что тарынъ, все равно большой онъ или маленькій, обыкновенно остается весною очень долго сухимъ и какъ бы нетронутымъ солнцемъ, дождемъ и вѣтромъ. Мало того, весною тарынъ можетъ даже рости отъ дождей: если въ теченіе дня они и образуютъ на немъ лужи, то ночью, благодаря интензивности развиваемаго тарыномъ холода, вода замерзаетъ и образуетъ новыя наслоенія льда. Проходитъ много времени прежде, чѣмъ позднее время года успѣетъ согрѣть ледяное поле и довести массу до таянія, но затѣмъ начинается уже очень быстрое таяніе по всему протяженію поверхности тарына; тогда, дѣйствительно, образуются невѣроятныя массы воды, устремляющейся внизъ по долинѣ въ видѣ безконечнаго числа бѣшенно несущихся потоковъ, но одновременно съ тѣмъ видишь, что та же самая рѣчка выше тарына едва струится за отсутствіемъ въ ней воды. И такъ, всю эту громадную массу увлекаемой внизъ воды тарынъ порождаетъ самъ, но сверху она ни въ какомъ случаѣ ему не доставляется.

3. Въ цитированномъ выше (прим. 1) «Zusatz» Миддендорфъ говоритъ слѣдующее:

«Если въ предыдущихъ строкахъ я разбиралъ этотъ предметъ болѣе подробно, то только для того, чтобы доказать, что наледи обледенѣлыхъ долинъ Сибири представляютъ собою совершенно тѣ же явленія (если не считать ихъ несравненно большее развитіе), которыя у насъ въ Лифляндіи зимою встрѣчаются повседневно».

4. Тутъ нельзя не замѣтить, что вспучиваніе Ангары зимою часто приписываютъ многимъ другимъ причинамъ и что явленіе это ни въ какомъ случаѣ не получило еще окончательнаго объясненія. Ангара вытекаетъ изъ Байкала съ большою силою, такъ что, несмотря на очень низкую температуру своей воды (которая и лѣтомъ рѣдко нагрѣвается выше +6° R), вплоть до Иркутска покрывается льдомъ не путемъ замерзанія съ поверхности, а путемъ запруживанія глыбами грунтоваго и пловучаго льда, спускающагося внизъ по озеру. Въ теченіе долгаго промежутка времени глыбы эти безостановочно плывутъ мимо названнаго города и начинаютъ скопляться уже много ниже Иркутска, гдѣ рѣка течетъ медленнѣе и поэтому покрывается льдомъ осенью, при наступленіи сильныхъ холодовъ. Обыкновенно въ серединѣ декабря торосы эти покрыли рѣку внизу такимъ крѣпкимъ покровомъ, что начинаютъ сталкиваться вблизи города со страшнымъ, напоминающимъ собою пушечные выстрѣлы трескомъ и тотчасъ же превращаются здѣсь въ плотный покровъ: незамерзшая еще выше рѣка часто уже на слѣдующій день покрывается льдомъ, могущимъ выдержать какую угодно тяжесть. Отъ города процессъ этотъ подвигается вверхъ по рѣкѣ, но никогда, однако, не доходитъ до самого озера: даже въ самые холодные годы ледяной покровъ рѣки отдѣляется болѣе или менѣе значительнымъ открытымъ пространствомъ отъ ледянаго покрова озера; фактъ этотъ прекрасно знакомъ всѣмъ любителямъ охоты, потому что на незамерзшемъ участкѣ рѣки ежегодно зимуетъ значительное количество водяной птицы. Въ то время, какъ Ангара становится, воды въ ней не много, да и уровень ея въ рѣкѣ остается однимъ и тѣмъ же изъ году въ годъ; иначе, впрочемъ, городъ не могъ бы располагаться всего въ шестидесяти верстахъ отъ озера. Но вскорѣ послѣ того, какъ Ангара замерзла, ледяной покровъ ея начинаетъ подыматься и обыкновенно достигаетъ края берега въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣдній нѣсколько понижается. Этимъ въ большинствѣ случаевъ дѣло и кончается, такъ какъ при такомъ высокомъ стояніи льда

вода озера имѣетъ все-же достаточный стокъ и затопляетъ только расположенный ниже города петербургскій трактъ, имѣющій меньшую абсолютную высоту, чѣмъ берегъ рѣки въ предѣлахъ города. Но бываютъ годы, когда мѣста водѣ не хватаетъ, когда ледъ поднимается выше нагорнаго берега рѣки въ предѣлахъ города, и она затопляетъ часть послѣдняго. Наводненіе это тѣмъ серіознѣе, что бываетъ оно во время наибольшаго холода, обыкновенно въ концѣ декабря и въ началѣ января, почему выступившая изъ береговъ вода тотчасъ же превращается въ плотный ледъ.

Въ Иркутскѣ придерживаются часто того взгляда, что разлитіе рѣки обусловливается не minimum'омъ испаренія Байкала зимою, а зависитъ отъ засоренія Ангары пловучимъ льдомъ ниже города. Соглашаясь съ тѣмъ, что при большомъ количествѣ притоковъ озеро имѣетъ всего лишь одинъ стокъ и что, поэтому, постоянство уровня его водъ должно быть несомнѣнно объясняемо при помощи его испаренія, защитники вышеприведеннаго взгляда указываютъ, однако, на то, что уменьшенію и, въ концѣ концовъ, прекращенію испаренія зимою, во время покрытія озера льдомъ, соотвѣтствуетъ и меньшій приливъ воды, несомой въ него притоками зимою. Совершенно справедливо, что малые притоки Байкала, особенно масса открывающихся въ него источниковъ, зимою становится очень бѣдна водою, но все же въ него впадаетъ много и значительныхъ притоковъ, которые остаются многоводными въ теченіе всего года. Поэтому, регулярное поднятіе уровня водъ въ Ангарѣ вслѣдъ за ея замерзаніемъ нельзя объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ повышеніемъ уровня самого озера: явленіе это наступаетъ ежегодно съ такою замѣчательною правильностію, что ставить его въ зависимость исключительно отъ запруживанія рѣшительно невозможно. Но, съ другой стороны, въ высшей степени вѣроятно, что время отъ времени случающіяся наводненія и оледенѣнія части Иркутска вслѣдствіе моментальнаго вспучиванія рѣки у самаго города имѣютъ своею причиною именно засореніе рѣки ниже послѣдняго

(въ томъ мѣстѣ, гдѣ она дѣлится на нѣсколько рукавовъ) спускающимися внизъ по ней массами грунтоваго льда. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ и необычайная быстрота наступленія наводненій, при чемъ люди едва успѣваютъ спастись на крышу домовъ или перебраться изъ нижняго этажа въ верхній.

5. Прилагаю тутъ для большей ясности «Карту тарыновъ по рѣкамъ Кыра и Ньехаранъ» и верховьевъ рѣки Догдо, въ маасштабѣ десяти верстъ въ англійскомъ дюймѣ. Она представляетъ собою точную копію пути, снимавшагося мною на мѣстѣ пель-компасомъ и ежедневно наносившагося на бумагу. Какъ видно изъ моего маршрута, я отправился съ Селегняха и шелъ къ Ньехарану по совершенно ровной, покрытой рѣдкимъ лѣсомъ мѣстности. Въ то время, т. е. въ октябрѣ 1870 г., на рѣкѣ этой уже началось образованіе тарына, но онъ былъ еще совершенно обособленъ. На правомъ берегу послѣдній еще вовсе не выходилъ изъ береговъ, да и на лѣвомъ черезъ еще слабый тарынъ совершенно явственно можно было различить береговую линію. Какъ справа, такъ и слѣва, я имѣлъ передъ собою два высокихъ хребта, которые дозволяли, равномѣрно разступаясь въ видѣ широкихъ воротъ, разсмотрѣть на горизонтѣ мощную цѣпь Тасъ-Хаяхтаха. Пройдя по имѣвшему около пяти верстъ въ ширину, совершенно ровному и вовсе лишенному даже деревьевъ участку, вышелъ я на Кыру, на которой тоже весьма энергично началъ развиваться тарынъ, но, насколько я могъ замѣтить, не успѣлъ еще подняться до краевъ берега рѣки. Наоборотъ, благодаря тому обстоятельству, что вода цѣлаго лабиринта образуемыхъ тутъ рѣкою протоковъ покрылась зеркально гладкимъ льдомъ, а безчисленные острова ея и берега были засыпаны снѣжнымъ покровомъ, первые крайне рѣзко отдѣлялись отъ послѣднихъ. Въ то время тарынъ вовсе не имѣлъ того протяженія, какое изображено на моей картѣ; передо мною отчетливо разстилалось тогда только русло рѣки съ

его развѣтвленіями и притоками, почему путешествовать въ эту пору было вполнѣ удобно.

Картина совершенно измѣнилась, когда я, ѣдучи изъ Якутска, проходилъ эту мѣстность въ декабрѣ 1868 года: ледяное поле имѣло уже почти совершенно тѣ же очертанія, какія видны на картѣ, представляющей тарынъ въ границахъ, указанныхъ мнѣ проводниками. Какъ далеко простирается онъ по направленію къ сѣверу и къ югу по притокамъ Кыры, сказать мнѣ не могли, такъ какъ никто изъ присутствовавшихъ не изслѣдовалъ тарынъ въ этихъ направленіяхъ. Весьма, впрочемъ, вѣроятно, что ледяное поле между Кырой и Ньехараномъ доходитъ до Селегняха. Проводники, ведшіе насъ изъ Якутска и бывавшіе здѣсь только зимою, самымъ положительнымъ образомъ утверждали, что въ Селягняхъ впадаетъ только Кыра и что Ньехаранъ вовсе не течетъ въ него, а впадаетъ подъ тарыномъ въ Кыру, которая такимъ образомъ одна доходитъ до Селегняха. Зимою, впрочемъ, такъ оно и кажется, потому что въ декабрѣ 1865 года равнина между Кырой и Ньехараномъ представляла, какъ уже сказано и какъ показываетъ карта, одно непрерывно тянувшееся ледяное поле. Ошибка становится еще понятнѣе, если вспомнить, что тамъ какъ разъ вовсе нѣтъ деревьевъ. Вообще трудно себѣ представить, до какой степени измѣняется тарыномъ видъ всей мѣстности. Посѣщая ее въ различное время года, кажется, что находишься въ совершенно различныхъ мѣстахъ. Особенно трудно допустить лѣтомъ, когда ледъ сильно уже отступилъ, и осенью, въ самомъ началѣ его образованія на рѣкѣ, что обширная, достигающая пяти верстъ въ ширину равнина между Ньехараномъ и Кырою можетъ покрыться тарыномъ Кыры. Я отлично помню, что, проѣзжая тамъ лѣтомъ 1866 года и остановившись вслѣдъ за тѣмъ у поварни Тиряхъ-ырея, я ни какъ не могъ повѣрить, несмотря на заявленіе моихъ спутниковъ, чтобы ледъ могъ покрыть зимою и всю названную равнину. Передо мною и въ то время разстилался еще обширный тарынъ, по которому и около котораго съ бѣшенною быстротою неслись воды безчисленнаго

числа потоковъ, но чтобы онъ могъ дойти до указываемыхъ размѣровъ, я вовсе не хотѣлъ допустить. Я счелъ разсказъ за одинъ изъ тѣхъ вымысловъ, которыми путешествующіе любятъ занимать слушателя, чтобы живѣе представить ему преодолѣвавшіяся ими трудности и лишенія. Прекрасно сохранилась у меня также въ памяти и роскошная флора этой равнины и при томъ не столько изъ-за новыхъ, не найденныхъ въ окрýгѣ видовъ, сколько въ виду того, что знакомыя уже формы встрѣчались здѣсь въ замѣчательно роскошныхъ и прекрасно развитыхъ экземплярахъ, особенно отличавшихся живостью своихъ красокъ. Удивило меня также, что лиственницы покрылись уже прекрасной зеленью, несмотря на то, что нѣкоторыя ихъ нихъ оттаяли лишь недавно, а многія были окружены еще, правда не очень толстымъ, льдомъ. Впослѣдствіи я убѣдился раскопками, что для своего развитія лиственница вовсе не нуждается въ совершенно оттаявшей почвѣ. Въ Якутской области, у озера Андрей-кёль, близъ границы лѣса, я нашелъ въ августѣ мѣсяцѣ совершенно мерзлую почву на глубинѣ, которой касались еще корни лиственницы. Дерево могло, такимъ образомъ, прекрасно существовать, несмотря на то, что корни его своею нижнею поверхностью изъ году въ годъ оставались примерзшими къ почвѣ.

Какъ Дитмаръ, такъ и Миддендорфъ нашли, однако, что хотя живыя деревья и могутъ стоять въ тарынномъ льдѣ, но что въ серединѣ тарына они погибаютъ, и что, слѣдовательно, глубокій ледъ имъ все-же вредитъ. Лично я могъ убѣдиться въ томъ же самомъ, а потому считаю нужнымъ обратить особенное вниманіе на то, что видѣнныя мною зеленѣющими деревья хотя и находились во льду, но что этотъ послѣдній былъ въ іюнѣ мѣсяцѣ уже тонокъ и, по всей вѣроятности, исчезъ бы черезъ нѣсколько дней. Но при видѣ погибшихъ толстыхъ и высокихъ деревьевъ, потребовавшихъ на сѣверѣ для своего развитія по крайней мѣрѣ цѣлое столѣтіе, приходишь къ несомнѣнному убѣжденію, что въ прежнее время на такихъ мѣстахъ не могло быть тарына. И дѣйствительно, это выводъ, основанный на положительныхъ

фактахъ: мнѣ сообщали о нѣкоторыхъ тарынахъ, не объ очень большихъ, конечно, что прежде ихъ не было по крайней мѣрѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ встрѣчаешь теперь. И такъ, они образовались въ недавнее время: вода, тѣснимая осенними холодами, вырыла себѣ новые подземные каналы и была принуждена выступить зимою на поверхность въ иныхъ мѣстахъ, чѣмъ прежде. Но изъ того же слѣдуетъ, что если съ одной стороны дана возможность водѣ пролагать себѣ новые пути, то, съ другой стороны, холодъ въ состояніи заложить и старые. Впрочемъ, вода имѣетъ необыкновенныя способности на всегда удерживать за собою разъ проложенный ею путь. Въ Якутскѣ, расположенномъ все-же на значительно мерзлой почвѣ, пришлось сдѣлать въ этомъ отношеніи въ высшей степени непріятныя открытія. Понятно, что всѣ безъ исключенія погреба заложены тамъ въ промерзшемъ грунтѣ; для жителей обстоятельство это крайне важно, такъ какъ благодаря ему не только очень долго сохраняются всѣ припасы, но и дается единственная возможность круглый годъ имѣть большіе запасы льду. Послѣдній служитъ въ Якутскѣ для добыванія воды для питья, такъ какъ колодцевъ тамъ нѣтъ, а вода рукава Лены, на которомъ расположенъ городъ, не годна для питья. Я измѣрялъ тамъ въ августѣ мѣсяцѣ температуру въ погребахъ и нашелъ ее равною 5° ниже нуля. Несмотря на это, время отъ времени случается, что при большихъ весеннихъ наводненіяхъ вода попадаетъ въ нѣкоторые изъ погребовъ и наполняетъ ихъ; такіе погреба приходится обыкновенно считать потерянными. Въ иные годы вода замерзаетъ, само собою разумѣется, и въ этихъ погребахъ, но оставаясь всегда у точки замерзанія, является причиною сырости въ помѣщеніи. Пробовали спасать погребъ тѣмъ, что вырубали ледъ, но это никогда не вело къ цѣли: вода всегда основа находитъ прорытый ею путь, и погребъ, хотя и медленно, но опять ею наполняется. Единственное спасеніе въ такомъ случаѣ заключается въ томъ, что погребъ до верху засыпаютъ землею, выкачавъ изъ него предварительно воду: въ сухомъ грунтѣ

вода перестаетъ сочиться. Но несмотря и на такую разительную способность воды сохранять за собою разъ проложенную дорогу, существующіе уже подземные каналы все-же могутъ затыкаться и тѣмъ обусловливать исчезновеніе или перенесеніе на другія мѣста уже существующихъ тарыновъ. Легче всего это можетъ случиться въ сухое лѣто и при раннемъ наступленіи осеннихъ холодовъ, но лично я не могу привести ни одного такого примѣра.

При наибольшемъ своемъ развитіи тарынъ достигаетъ до поварни Тиряхъ-ырея, откуда начинается уже замѣтный подъемъ мѣстности, по которой рѣка течетъ, не образуя ни острововъ, ни рукавовъ. Подойдя къ главной цѣпи хребта Тасъ-Хаяхтаха, рѣка поворачиваетъ на югъ и, все еще покрытая плотнымъ ледянымъ покровомъ (20 октября), течетъ по сильно уже поднимающейся долинѣ до мѣста, помѣченнаго на картѣ литерой *l*, но оставляетъ съ каждой стороны по узкой береговой полоскѣ. Начиная же съ *l*, береговыя скалы подходятъ такъ близко къ рѣкѣ, что едва оставляютъ мѣсто для прохода; вѣрнѣе сказать, у *l* можно пробраться съ трудомъ только по лѣвому берегу, а на противоположномъ, правомъ, скала такъ плотно подступаетъ къ рѣкѣ, что кажется, будто послѣдняя течетъ на нѣкоторомъ пространствѣ подъ скалою. То же самое наблюдается, но въ усиленномъ маасштабѣ, и на лѣвомъ берегу, у мѣста, помѣченнаго буквою *k*. Тутъ скала совершенно повисаетъ надъ рѣкой и рѣка какъ-бы вытекаетъ изъ подъ нея. На самомъ дѣлѣ этого, однако, нѣтъ: Кыра течетъ и выше скалы и даже образуетъ (нѣсколько выше *k*) три, повидимому совершенно равные по силѣ, рукава, по среднему изъ которыхъ пролегалъ нашъ путь. Эти три рукава были замерши, и мнѣ показалось даже, что они промерзли до самаго дна; впрочемъ, навѣрное я не могу это утверждать, такъ какъ не былъ въ состояніи производить продолжительныя изысканія.

До нависшихъ скалъ на лѣвомъ берегу, у мѣста, помѣченнаго литерой *k*, рѣка была покрыта льдомъ, но тутъ ледъ вдругъ

обрывался и оставлялъ значительное пространство открытой воды приблизительно до пункта, помѣченнаго *l*; далѣе плотный ледяной покровъ снова сковывалъ рѣку. Объяснить это можно только тѣмъ, что Кыра получаетъ изъ горъ сильный притокъ воды, почему и остается такъ долго открытою на протяженіи почти трехъ верстъ. У мѣста же *k* рѣка, по всей вѣроятности, свободна ото льда въ теченіе всей зимы, а если замерзаетъ на короткое время въ концѣ февраля, то въ очень холодные и сухіе годы; впрочемъ, открытое мѣсто въ скоромъ времени начинаетъ съуживаться, такъ что въ концѣ концовъ врядъ ли превосходитъ сто саженей или самое большее достигаетъ полу версты. Мы могли перебраться съ нашими нартами на правый берегъ по одному довольно сухому мѣсту рѣки, послѣдняя была тутъ мелка, а къ камнямъ и другимъ неровностямъ присталъ и примерзъ грунтовой ледъ, который массами стремился внизъ по рѣкѣ. Отъ *k* до *h*, т. е. до болота или небольшаго болотистаго озера, изъ котораго въ одну сторону течетъ Кыра, а въ другую — Догдо, оставалось еще приблизительно до восьми верстъ, да и оба другіе, побочные рукава Кыры не могли быть много длиннѣе. Несмотря на это, рѣка была уже настолько многоводна и вода ея была такъ тепла, что ледяной покровъ не могъ образоваться даже при сильной зимней стужѣ, доходившей тогда, въ октябрѣ, до —19° R днемъ, а ночью достигавшей minimum'a въ 22° R ниже нуля. На крайнемъ сѣверѣ внутреннія части горъ хранятъ, такимъ образомъ, и при той низкой температурѣ воздуха, какую мы привыкли наблюдать въ С.-в. Азіи, значительное количество земной теплоты и могутъ заключать въ себѣ такой богатый запасъ воды, который въ состояніи питать въ теченіе всей зимы даже такіе обширные тарыны, какъ тарынъ на рѣкѣ Кырѣ.

Черезъ хребетъ Тасъ-Хаяхтахъ я продолжалъ свой путь внизъ по Догдо. Карта продолжена еще нѣсколько далѣе, потому что здѣсь, на Догдо, находится мѣсто, получившее извѣстность благодаря разсказу Врангеля объ одномъ, приключившемся ему

на пути, несчастіи, разсказу, который толковался часто совершенно неправильно. Врангель говоритъ, что на Догдо у него вдругъ провалилась черезъ ледъ и исчезла одна изъ выючныхъ лошадей. Когда стали спасать животное, замѣтили, что оно стояло внизу, посреди лишенной льда рѣки, и что верхній слой льда, черезъ который лошадь провалилась, висѣлъ на воздухѣ, такъ такъ вода подъ нимъ опустилась. Такимъ образомъ казалось, что рѣки могутъ образовать нѣсколько, расположенныхъ одинъ подъ другимъ, ледяныхъ покрововъ, благодаря тому, что при каждомъ опусканіи уровня воды послѣдняя замерзала съ поверхности и постоянно образовала новый слой льда. Дѣло однако въ томъ, что нормально этого не бываетъ, но тѣмъ не менѣе разсказъ совершенно вѣренъ и доказываетъ только полнѣйшую неопытность проводника Врангеля: въ противномъ случаѣ онъ не повелъ бы путешественника по мѣсту, которое обойти очень легко. На картѣ оно помѣчено буквой *p* и расположено нѣсколько ниже поварни Убіенной (*v*), у которой впадаетъ въ Догдо его южный притокъ, текущій отъ Зашиверска и представляющій, собственно говоря, главную рѣку. Въ длину мѣсто это имѣетъ не много, но отличается тѣмъ, что рѣка, очень съуженная здѣсь двумя прибрежными скалами, часто испытываетъ крайне быстрыя повышенія уровня водъ въ томъ случаѣ, если ниже временно запружается пловучимъ лѣсомъ или другимъ тому подобнымъ соромъ. Если въ такомъ случаѣ наступаетъ морозъ, то образуется неестественный ледяной покровъ, который въ большинствѣ случаевъ однако рушится, какъ только запруда вымоется рѣкою; послѣ этого послѣдняя снова достигаетъ обыкновеннаго уровня и опять покрывается нормальнымъ ледянымъ покровомъ. Зимою по этому мѣсту, называемому по-русски Щёками, а по-якутски Лабарга, не ѣздятъ вслѣдствіе того, что ледъ на немъ большею частію очень неровенъ, а обойти его не составляетъ, какъ уже сказано, никакого труда. Причинившій непріятности Врангелю ледяной покровъ встрѣчается рѣдко и никогда не остается надолго въ висячемъ положеніи; онъ могъ

ввести въ заблужденіе только совершенно негоднаго проводника.

6. Такъ сильно, т. е. до двадцати футовъ, поднимавшагося надъ тарыннымъ льдомъ возвышенія я лично никогда не видалъ. Я могу объяснить себѣ его возникновеніе только тѣмъ, что тамъ находилось исключительно высокое земляное возвышеніе, слѣдовательно, земляной конусъ, покрывшійся снѣгомъ и потому внутри не успѣвшій еще замерзнуть въ то время, когда поверхность окружавшей его воды уже замерзла. Впослѣдствіи конусу мѣшалъ уже промерзать постоянно восходившій токъ грунтовой воды и такимъ образомъ началось образованіе тарына. Въ высшей степени замѣчательнымъ является все-же то обстоятельство, что вода подымалась до такой высоты. По всей вѣроятности, благодаря сильному холоду, всѣ болѣе низкія проводящія воду возвышенія уже замерзли, такъ что для необходимаго стока постоянно напиравшей воды оставался только одинъ этотъ пригорокъ.

Дальнѣйшая неясность въ относящихся къ этому цитату словахъ Миддендорфа заключается въ томъ, что, ставя тарынъ въ зависимость отъ вѣчно-мерзлой почвы, онъ объясняетъ эту зависимость исключительно тѣмъ, что для образованія тарына необходима температура, находящаяся большую часть года ниже точки замерзанія: въ противномъ случаѣ, будто-бы, слой льда не можетъ такъ плотно приставать къ почвѣ, какъ того, очевидно, требуетъ тарынъ.

Почву, температура которой остается въ теченіе большей части года ниже точки замерзанія, встрѣчаемъ мы почти во всей Якутской области. Въ окрестностяхъ Якутска, расположеннаго почти въ центрѣ области, почва оттаиваетъ съ поверхности на одинъ или два дюйма не ранѣе, чѣмъ въ первые дни мая мѣсяца; затѣмъ оттаиваніе идетъ впередъ и въ песчаномъ грунтѣ доходитъ приблизительно до 28 дюймовъ, но другіе грунты никогда такъ глубоко не оттаиваютъ. Процессъ этотъ совершенно пре-

кращается, однако, уже въ концѣ августа, когда верхній слой почвы обыкновенно снова замерзаетъ. Такимъ образомъ, можно считать, что на этой широтѣ почва оттаиваетъ въ самыхъ верхнихъ своихъ слояхъ мѣсяца на три или, самое большее, на три съ половиною. Еще неблагопріятнѣе складываются въ этомъ отношеніи обстоятельства въ болѣе сѣверныхъ широтахъ, а также въ поясахъ, имѣющихъ большую абсолютную высоту. Несмотря однако на все сказанное, мы видимъ, что въ предѣлахъ Якутской области тарыны безусловно имѣютъ свое географическое распространеніе, — что въ нѣкоторыхъ изъ ея частей они встрѣчаются очень часто, а въ другихъ, наоборотъ, вовсе отсутствуютъ. И такъ, въ приводимомъ Миддендорфомъ условіи не можетъ заключаться причина образованія тарына.

Непонятно, далѣе, также и то, какимъ образомъ плотно прилегающій къ промерзшей почвѣ слой льда можетъ быть прорванъ притекающей водой, которая должна выступить черезъ этотъ мерзлый слой почвы, чтобы снова течь. Не полагаетъ ли Миддендорфъ, что это дѣлаютъ возможнымъ трещины, образующіяся въ землѣ подъ вліяніемъ мороза? Совершенно справедливо, что трещины такія встрѣчаются довольно часто, но онѣ образуются только во время самыхъ сильныхъ морозовъ; какъ учитъ опытъ, онѣ никогда не бываютъ очень глубоки и ни въ какомъ случаѣ не доходятъ до талаго грунта, потому что холодъ здѣсь не достаточно силенъ, чтобы вызывать растрескиваніе почвы. Вслѣдствіе сказаннаго во льду тарыновъ никогда не бываетъ трещинъ: я видалъ массу тарыновъ, но ни разу не находилъ трещинъ и то-же подтверждается туземцами, которые прекрасно знаютъ, откуда берется въ высшей степени непріятная для нихъ вода, покрывающая ледъ тарыновъ. Она всегда течетъ съ возвышеній, т. е. съ такихъ мѣстъ, которыя по разнымъ, подробно мною уже разсмотрѣннымъ, причинамъ могутъ оставаться незамерзшими въ то время, какъ вся почва вокругъ нихъ превратилась въ непроницаемый слой плотнаго льда.

7. Хотя выраженія: тундра, тайга, степь и урочище разсматривались и частью пояснялись въ другихъ мѣстахъ настоящаго труда, я все же считаю не лишнимъ еще разъ поговорить о всѣхъ нихъ вмѣстѣ въ томъ отдѣлѣ моей работы, гдѣ они упоминаются особенно часто и гдѣ, поэтому, представляетъ особенный интересъ знать, какой смыслъ придаетъ этимъ словамъ житель Якутской области.

Тайгою называется просто дикое мѣсто, глушь, въ какомъ бы видѣ она ни являлась; мѣстность можетъ быть гориста или представлять собою болотистую равнину, — и все это безразлично носитъ имя тайги: слово это выражаетъ только отсутствіе человѣческаго воздѣйствія на дикую природу. Такъ на прим. обычное право инородцевъ или такъ называемые законы тайги примѣняются всюду, гдѣ нѣтъ русскихъ поселеній, потому что только русскіе живутъ преимущественно въ селеніяхъ и въ точно опредѣленныхъ границахъ; якуты же, а тѣмъ болѣе охотничьи племена, никогда не селятся обществами, но живутъ одиноко въ тайгѣ. Кромѣ того русскіе отличаютъ тайгу отъ *чистой тайги*, понимая подъ первымъ изъ этихъ обозначеній мѣста, обитаемыя якутами, а подъ вторымъ охотничьи области тунгузовъ, ламутовъ и другихъ бродячихъ племенъ. Обѣ мѣстности одинаково пустынны, но если присмотрѣться къ нимъ внимательно, то, конечно, очень легко замѣтить большую между ними разницу. Тайга, въ которой живутъ якуты, прежде всего имѣетъ пути сообщенія; послѣдніе являются, конечно, не въ видѣ благоустроенныхъ дорогъ, но тѣмъ не менѣе лѣсъ почти повсюду прорѣзанъ тропами, по которымъ можно проѣхать верхомъ въ любомъ направленіи. Онѣ дозволяютъ перебираться черезъ рѣки и другія непроходимыя мѣста благодаря тому, что подходятъ къ бродамъ или къ менѣе топкимъ участкамъ болотъ, а у болѣе глубокихъ водоемовъ находишь на такихъ тропахъ спрятанныя гдѣ нибудь въ чащѣ лодки изъ коры, такъ называемые шитики, которыми пользуешься и которые снова прячешь. Этими тропами въ тайгѣ пользовались съ незапамятныхъ

временъ, во всякомъ случаѣ много раньше начала русскаго господства, но по всей вѣроятности именно благодаря пользованію ими, онѣ до сихъ поръ и сохранились въ годномъ состояніи: никто кромѣ путешественника о нихъ не заботится, онѣ никому не нужны кромѣ него, поэтому онъ ихъ чинитъ и благодаря ему онѣ существуютъ. Когда подойдешь, какъ мнѣ часто случалось, къ непроходимому мѣсту, то, конечно, останавливаешься, а проводники, убѣдившись въ невозможности идти далѣе, берутся за топоръ и, смотря по обстоятельствамъ, либо строятъ фашинникъ, либо вырубаютъ подсѣдъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тропа настолько уже успѣла зарости, что не даетъ возможности пройти вьючной лошади. Однимъ словомъ, именно благодаря такому вмѣшательству со стороны путника и дѣлаются проходимыми эти безчисленныя тропы. Настоящая, «чистая тайга» (какъ не рѣдко восклицаютъ проводники въ отчаяніи) вовсе не имѣетъ такихъ тропъ, а потому, путешествуя по ней, приходится часто дѣлать самые ужасные обходы и крюки, лишь бы только подвигаться впередъ: черезъ дѣвственный лиственничный лѣсъ къ югу отъ Верхоянскаго хребта нѣтъ возможности пробраться иначе, какъ при помощи топора, а это — ужасное дѣло! Много разъ случалось мнѣ сбивать мосты, чтобы перейти черезъ пѣнящіеся ручьи, не разъ приходилось заставлять вырубать на большемъ протяженіи кустарникъ съ цѣлью дать возможность пробраться лошадямъ отъ одной прогалины къ другой. Несмотря на то, что въ моемъ распоряженіи находилось отъ четырехъ до пяти работниковъ, я не могъ, при такихъ обстоятельствахъ, подвигаться въ теченіе лѣтняго дня впередъ далѣе, какъ на двѣ, на три или четыре версты. Въ тайгѣ, обитаемой якутами, вовсе не приходится встрѣчаться съ подобными затрудненіями; путешествовать по ней, такимъ образомъ, много легче и путешествіе сопряжено со значительно меньшей затратой времени. Помимо того здѣсь время отъ времени имѣешь удовольствіе встрѣчать якутскія юрты, такъ что носишь въ себѣ чувство, что ты не одинъ, что идешь по населенной мѣстности; въ чистой же тайгѣ наткнуться

на тунгуза или другаго какого охотника представляется простой случайностью.

Урочище и *степь* являются понятіями до нѣкоторой степени противоположными понятію «лѣсъ», который къ югу отъ Верхоянскаго хребта составляетъ преобладающій, господствующій надъ всѣми остальными, родъ мѣстности. Поэтому, первоначальное значеніе слова урочище можно было бы передать словомъ прогалина или поляна, но помимо того на мѣстномъ языкѣ оно имѣетъ и болѣе обширный смыслъ: существуютъ урочища очень значительныхъ размѣровъ. Проѣзжаешь, на прим., по мѣстности, гдѣ преобладаютъ кустарникъ и пастбища, затѣмъ пересѣкаешь порядочный участокъ лѣса, послѣ чего снова выбираешься въ кусты и на луга и, пройдя такимъ образомъ десять, двадцать, а то и болѣе верстъ, въ концѣ концовъ узнаешь, что все пройденное пространство составляетъ какъ-бы одно цѣлое, урочище, носящее опредѣленное названіе. Въ этомъ случаѣ слово урочище означаетъ заселенное мѣсто въ видѣ противоположенія безконечному, глухому лиственничному лѣсу, который для якута является всегда симонимомъ «неудобной земли». Поэтому въ такомъ смыслѣ слово урочище употребляется исключительно тамъ, гдѣ живутъ якуты, въ чистой же тайгѣ его почти всегда понимаютъ въ смыслѣ прогалины, но очень часто соединяютъ съ нимъ понятія о мѣстѣ, станѣ, остановкѣ для кормежки и т. д. Тутъ слово это имѣетъ большое значеніе для путешественника, потому что съ одной стороны оно указываетъ ему направленіе, по которому онъ долженъ идти, а съ другой стороны поясняетъ, гдѣ остановиться, гдѣ кормить лошадей или оленей, куда назначить проводниковъ, гдѣ должна произойти встрѣча и т. д. На такихъ, на прим., урочищахъ всегда располагаются въ глуши мѣста ярмарокъ, такъ называемые сугланы.

Степь, въ настоящемъ значеніи этого слова, въ Якутской области, собственно говоря, вовсе не встрѣчается, такъ какъ подъ степью понимаютъ сухую равнину, совершенно лишенную древесной растительности. Но лѣсъ въ Якутской области на-

столько преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ, что для настоящей степи уже не остается болѣе мѣста. Тѣмъ не менѣе и тутъ говорятъ о степныхъ мѣстахъ въ тѣхъ случаяхъ, если въ какой либо мѣстности, обитаемой съ очень древнихъ временъ, лѣсъ сильно истребленъ, или если дававшіе хорошую траву покосы пришли въ негодность благодаря осушенію почвы, осушенію, чаще всего вызываемому спусканіемъ озеръ. Впрочемъ, называть такія мѣста степными можетъ только тотъ, кто никогда не видалъ настоящей степи, какую можно наблюдать, напримѣръ, въ южной части Забайкалья; къ тому же, лишенныя лѣса и травы участки Якутской области слишкомъ незначительны по протяженію и черезъ-чуръ рѣдки, чтобы заслуживать это названіе.

Тундра, наконецъ, есть образованіе сѣвера и къ югу отъ Верхоянскаго хребта вовсе не встрѣчается. Самымъ характернымъ отличительнымъ признакомъ тундры является присутствіе того самаго бѣлаго мха, которымъ питается зимою олень, лѣтомъ предпочитающій зелень, — главнымъ образомъ ивовые листья и еще зеленые ивовые побѣги; въ теплое же время года ему такъ-же трудно обрывать и пережевывать мохъ, какъ завядшую траву зимою. Настоящая тундра, такимъ образомъ, является болотомъ, поросшимъ жесткими *Carices* и бѣлымъ мхомъ. Она одна занимаетъ собою все побережье Ледовитаго океана, а также береговыя пространства у Гижигинской и Пенжинской губы; по берегу Великаго океана тундряныхъ пространствъ меньше, здѣсь преобладаетъ трава и настоящій калтусъ, кочковатое болото. Начинаясь у побережья Ледовитаго океана, тундра идетъ, однако, далеко на югъ и даже заходитъ за сѣверную границу лиственничнаго лѣса, но тутъ, конечно, уже не является единственнымъ родомъ мѣстности. Всюду, гдѣ почва лиственничнаго лѣса (къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта не образующаго болѣе настоящей чащи и, чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ болѣе рѣдѣющаго) занята между болотистой травой характерными участками, покрытыми бѣлымъ мхомъ, тамъ говорятъ о *тундристомъ мѣстѣ*. Слова эти употребляются въ томъ же смыслѣ и на

всемъ остальномъ пространствѣ Якутской области, но только при этомъ къ югу отъ Верхоянскаго хребта рѣчь никогда не идетъ о равнинѣ: тутъ мохъ въ низменность уже не спускается, а потому можно говорить развѣ о тундристомъ горномъ склонѣ или о чемъ нибудь тому подобномъ.

Къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта слово урочище употребляется довольно рѣдко и самъ я въ тѣхъ мѣстахъ его никогда не слыхалъ. Обстоятельство это находится, повидимому, въ связи съ тѣмъ, что дѣвственный лѣсъ, къ югу отъ названнаго хребта имѣющій претензію, если ему не помѣшаютъ топоръ и огонь, покрывать собою рѣшительно все, здѣсь, на сѣверѣ, растетъ уже далеко не такъ быстро и пышно: тутъ лѣсныя и безлѣсныя мѣста постоянно чередуются, постепенно переходятъ другъ въ друга, повсюду лѣсъ проходимъ и безъ топора, кромѣ развѣ самой южной части. Лично я прошелъ все-же большую часть тамошнихъ лѣсовъ, но къ сѣверу отъ хребта нигдѣ уже не натыкался на настоящую, ужасную чащу.

8. Ожогинское озеро изображено на моей картѣ не совсѣмъ правильно въ томъ отношеніи, что отстоитъ отъ Индигирки слишкомъ далеко, а само нарисовано нѣсколько малымъ. Отъ берега Индигирки оно лежитъ въ прямомъ направленіи на разстояніи самое большее тридцати верстъ, длина же его слишкомъ тридцать: по всему южному, ровному и сухому берегу я прошелъ самъ, а потому разстоянія сняты мною здѣсь, по всей вѣроятности, правильно. Сѣверный берегъ этого озера гористъ, такъ какъ къ нему подступаетъ вплотную Полоусный хребетъ, образуя двумя своими отрогами три глубокихъ залива.

Озера, расположенныя между Ожогинскимъ озеромъ и озеромъ Эджегей, благодаря черезъ-чуръ мелкому маасштабу карты, получили слишкомъ шаблонный видъ, а потому слѣдующія за ними, еще болѣе мелкія, я уже не рисовалъ: изобразить ихъ сносно было бы еще труднѣе.

9. Хотя различіе между рѣкою и вискою было указано уже

и раньше, тѣмъ не менѣе мнѣ кажется не лишнимъ выяснить его подробнѣе еще здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о мѣстности, въ которой виска имѣетъ сильное распространеніе и совершенно вытѣсняетъ настоящую рѣку.

Якутъ называетъ рѣку *ыряхъ*, *ырыя* или, если она уже велика, *эрысъ*. Кромѣ того, и особенно къ югу отъ Верхоянскаго хребта, онъ имѣетъ еще названіе *сень*, которымъ обозначаетъ стокъ озера въ рѣку. Къ сѣверу же отъ Верхоянскаго хребта онъ употребляетъ преимущественно слова *ыряхъ* и *виска*. Вопросъ о томъ, какого происхожденія слово виска, русскаго или якутскаго, я оставляю открытымъ *), но оно несомнѣнно въ ходу какъ у русскихъ, такъ и у якутовъ. Ыряхомъ зовется всегда рѣка, берущая свое начало изъ источника или имѣющая въ видѣ своего истока ручеекъ и текущая въ явственно выраженныхъ берегахъ. Виской, на оборотъ, зовется каналъ, соединяющій другъ съ другомъ два озера и способствующій въ концѣ концовъ стоку озера въ рѣку. Впрочемъ, выраженіе это довольно-таки измѣнчиво и неопредѣленно, и имѣются водоемы, которые одними называются ыряхомъ, а другими виской. Такъ на прим., рѣка Табалахъ, часто встрѣчающаяся на картахъ Иркутскаго Штаба и часто принимавшая на нихъ внушительные размѣры, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, вовсе не рѣка, а цѣпь небольшихъ озеръ, соединенныхъ между собою и, въ концѣ концовъ, съ Тостахомъ. Подтвердить это могу я лично, такъ какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я черезъ него переѣзжалъ верхомъ, онъ былъ едва замѣтенъ. На моей картѣ рѣка вышла слишкомъ большой, было бы много вѣрнѣе выпустить ее совершенно при такомъ маломъ маасштабѣ чертежа. Я счелъ, однако, необходимымъ помѣстить ее потому, что на предыдущихъ картахъ она послужила источникомъ большой ошибки. Упоминаемая въ текстѣ моего труда Спасская или Дурунгуна, по заявленію мѣстныхъ жителей, тоже виска, на моей же картѣ она носитъ характеръ рѣки. Произошло это по-

*) Виска, — слово русское. Ф. Ш.

тому, что мнѣ могли дать вѣрныя свѣдѣнія только объ озерѣ Чабы, изъ котораго она вытекаетъ; впрочемъ, мнѣ говорили также, что она течетъ изъ одного озера въ другое и что особымъ названіемъ своимъ она обязана лишь тому обстоятельству, что нѣсколько шире, чѣмъ другіе соединяющіе озера каналы. Точно также мнѣ часто приходилось слышать, что Алазея въ верхнемъ своемъ теченіи, и Гаврила или Протока, суть ничто иное, какъ виски: въ низменности, по которой текутъ эти рѣки, по словамъ мѣстныхъ жителей, число озеръ до неимовѣрности велико, всѣ эти озера соединены другъ съ другомъ каналами или висками, а потому будто-бы никакъ нельзя сказать, которая изъ этихъ високъ представляетъ собою Алазею и которая — Гаврилу или Протоку. Впрочемъ, подобнымъ заявленіямъ мѣстныхъ жителей не слѣдуетъ придавать слишкомъ большое значеніе, иначе вовсе не удалось бы указать направленіе теченія названныхъ рѣкъ. По всей вѣроятности дѣло обстоитъ такъ, что среди безчисленнаго числа прорѣзывающихъ мѣстность протоковъ и каналовъ, съ которыми мнѣ не мало приходилось бороться лѣтомъ 1870 года, всегда найдутся болѣе богатые водою и болѣе широкіе, а можетъ быть и съ нѣсколько болѣе быстрымъ теченіемъ, каналы, которые въ этомъ случаѣ и получаютъ названіе рѣки даже тогда, если часто прерываются озерами. Въ дѣйствительности же теченіе въ такихъ вискахъ необыкновенно слабое и отъ этого зависитъ то обстоятельство, что онѣ такъ легко заплываютъ иломъ и заростаютъ травою. Въ концѣ концовъ процессы эти ведутъ къ тому, что рѣка прекращаетъ свое существованіе, какъ таковая, и покрывается такой же растительностію, какъ и окружающая ее суша. Въ этомъ случаѣ виска получаетъ названіе *травяной*. Отъ луга, по которому она протекаетъ, такая травяная виска отличается только нѣсколько болѣе свѣтлымъ оттѣнкомъ зелени, если же подъѣзжаешь къ ней ближе или является необходимость перебраться черезъ нее, то тотчасъ же убѣждаешься, что имѣешь дѣло съ трясиной, которая, будучи сама кашицеобразной консистенціи, не дозволяетъ покрываю-

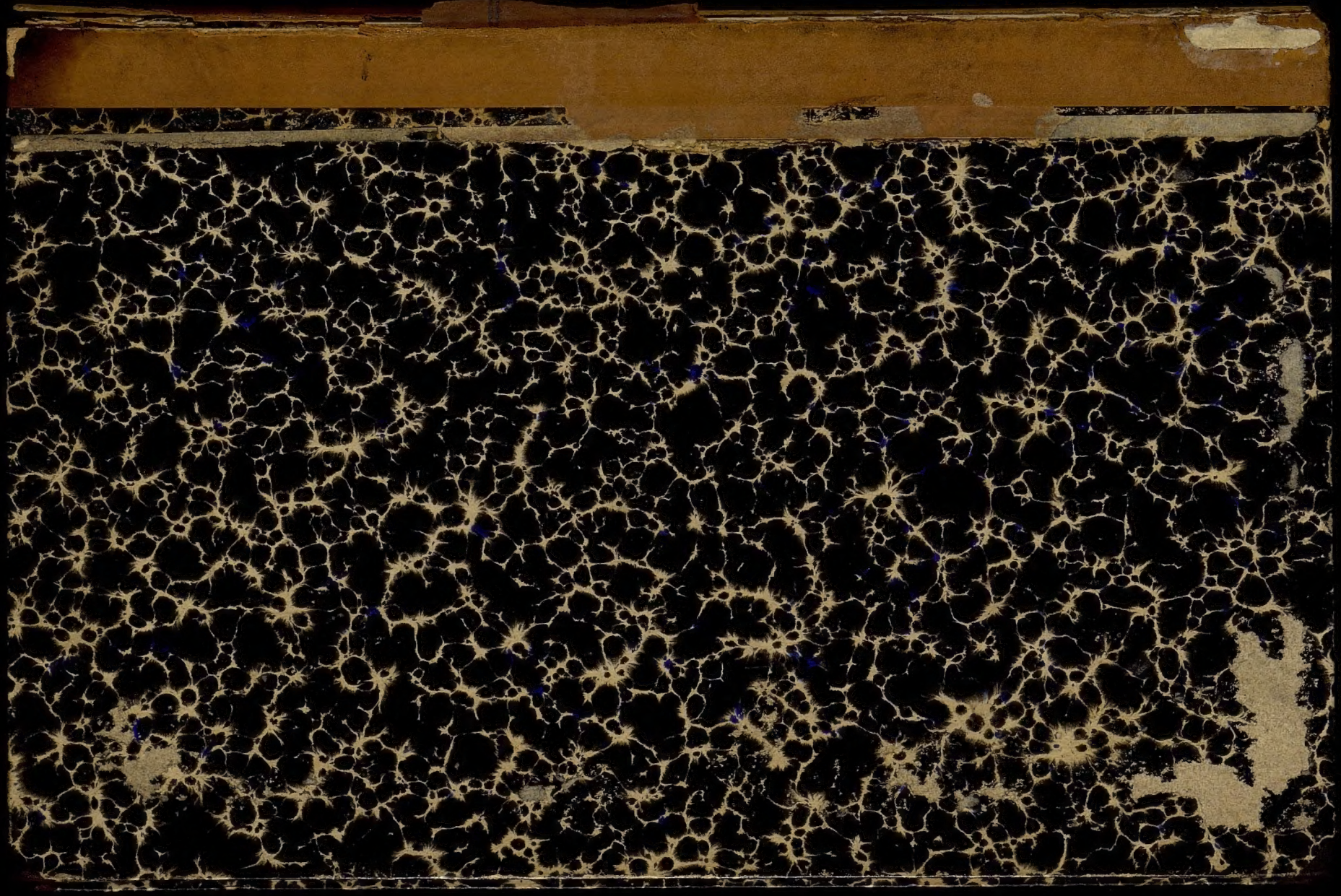
щимъ ее растеніямъ образовать такой плотный дернъ, какой встрѣчается на настоящей сушѣ. Она легко допускаетъ вырывать отдѣльныя растенія безъ поврежденія ихъ корней; хотя послѣдніе и переплетены, какъ и на сушѣ, съ корнями сосѣднихъ растеній, но среда, ихъ заключающая, все-же такъ жидка, что отдѣльные индивиды могутъ быть, какъ уже сказано, легко выдѣлены.

Частое пониженіе и повышеніе уровня водъ въ озерахъ, о чемъ не разъ говорилось въ первомъ томѣ настоящаго сочиненія, и даже полное ихъ осушеніе, находится, какъ мнѣ кажется, въ тѣсной связи съ состояніемъ вѣсокъ. Въ виду того, что испареніе въ тѣхъ мѣстностяхъ сравнительно очень незначительно, почти вся вода безчисленныхъ озеръ и озерковъ должна быть вынесена въ море не меньшимъ количествомъ вѣсокъ. Очень слабое уже само по себѣ на равнинѣ паденіе воды низводится почти до минимальнаго движенія благодаря тому, что стоки всѣхъ озеръ, какъ цѣлаго, образуютъ крайне извилистую линію. Движеніе воды, однако, все-же существуетъ и доказывается уже тѣмъ, что рыба поднимается изъ моря до послѣднихъ, соединенныхъ висками, озеръ. Рыба положительно не могла бы идти вверхъ, если бы не было тока воды, а между тѣмъ мы видимъ, что она подвигается впередъ и встрѣчается даже въ такихъ вискахъ, которыя мы, не зная этого явленія, затруднились бы даже признать за водоемы. Онѣ не только заросли, но и по наружному виду цѣликомъ состоятъ изъ очень жидкаго торфа, а между тѣмъ рыба все-же въ состояніи пробиться сквозь эту черную, тягучую массу. Если теперь одинъ или нѣсколько подобныхъ каналовъ окончательно засорятся вслѣдствіе сильнаго развитія въ нихъ растительности, то уровень воды лежащихъ за ними озеръ долженъ будетъ, понятно, подыматься до тѣхъ поръ, пока напоръ водной массы не возрастетъ до maximum'а и вода не снесетъ все, что стало ей поперекъ дороги. Тогда каналы прочищаются и уровень озеръ снова опускается, но какъ разъ вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства паденіе воды въ тѣхъ же каналахъ становится слабымъ, растительная жизнь вновь начинаетъ раз-

виваться и, въ теченіе ряда лѣтъ, прочищенные каналы опять превращаются въ травяныя виски, которыя въ свою очередь поднимаютъ уровень озеръ, и такимъ образомъ снова повторяется та же исторія. Такой порядокъ явленій бываетъ, впрочемъ, не всегда. Иногда приходится наблюдать почти то же, что и при искуственномъ спускѣ водовмѣстилищъ человѣкомъ. Дѣло въ томъ, что якуты большіе мастера спускать озера и въ прежнее время много этимъ занимались. Но въ послѣднее время прибѣгаютъ къ спуску озеръ лишь изрѣдка, такъ какъ оказалось, что осушенные такимъ способомъ водоемы, хотя въ началѣ и давали неслыханные урожаи сѣна, но въ теченіе времени начинали приносить все меньше и меньше травы, и въ концѣ концовъ, превращались въ абсолютно безплодныя, покрытыя жалкой растительностью пространства. Люди были бы очень рады, если бы пространства эти вновь покрылись водой, но этого не случалось. Поэтому мѣстные жители пробовали спускать озеро не совершенно, а только нѣсколько понижать уровень его водъ; дѣлали они это особенно съ тѣми озерами, которыя имѣли очень постепенно спадающіе и мелкіе края; при этомъ они старались устроиться такъ, чтобы всегда имѣть возможность снова поднять уровень озера засыпкою отводныхъ каналовъ. Но эти эксперименты приводили къ очень печальнымъ послѣдствіямъ, потому что озеро подрывало обыкновенно всѣ разсчеты: само углубивъ мелкія искуственныя отводныя канавы, оно вытекало цѣликомъ и болѣе уже не наполнялось. То же самое бываетъ, однако, и при естественномъ спаденіи уровня озеръ. Если послѣднее располагается недалеко отъ болѣе значительной рѣки, такъ что стоку ея способствуетъ всего одна, двѣ или три виски, оно развиваетъ столь энергичную дѣятельность, что не только прочищаетъ виски для безпрепятственнаго стока своихъ водъ, но и вырываетъ ихъ до глубины, позволяющей стечь озеру совершенно. Въ этомъ случаѣ образуется сухая низина, такъ называемый *олбутъ*.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Гор...

НАРУШАЮЩІЕ СМЫСЛЪ НЕДОСМОТРЫ И ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
6	14 снизу	взбучиваться	вспучиваться
57	13 сверху	Золотомойнаго	Золотопромышленнаго
162	10 снизу	рѣдко мечетъ не болѣе одиаго	рѣдко мечетъ болѣе однаго
272	4 снизу	109[a] Анюй)	Анюй
»	3 снизу	р. Травяпая	109[a] р. Травяная
»	2 снизу	р. Лагрикъ, устье....	110 р. Лагрикъ, устье...
278	6 сверху	назначеніе облегчитъ	назначеніе — облегчить.

[7p]